Журнал по психологическим
и когнитивным наукам

Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования

Том 15, № 6А, 2026.
С. 1-277.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»
Московская область, г. Ногинск

Journal of Psychology
and Cognitive Science

Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches

June 2026, Volume 15, Issue 6A.
Pages 1-277.

ANALITIKA RODIS publishing house
Noginsk, Moscow region

«Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» Том 15, № 6А, 2026

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год.
Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, **Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ)** – главный редактор журнала.

Савина Надежда Николаевна, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук, профессор – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и когнитивистики. Материалы открывают дискуссии по проблемам общей, возрастной, педагогической, социальной, коррекционной, клинической психологии и смежных наук. Журнал также пропагандирует идеи символицизма и коннекционизма и содействует распространению знаний о моделировании когнитивных систем. В статьях формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование психодиагностической и психокоррекционной деятельности.

Авторами статей являются ведущие специалисты в области психологии и когнитивной науки, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам психологических наук и междисциплинарных исследований мозга и языка.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	И.Н. Семенов, доктор психологических наук (5.3.1)
Зам. главного редактора	Н.Н. Савина, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43674 от 24.01.2011.
ISSN 2223-5477 Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»
Каталог периодики «Урал-Пресс»:
43049 «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования»
Цена договорная. Подписано к печати 15.06.2026. Печ. л. 53,75. Формат 60x90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7403.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" June 2026, Volume 15, Issue 6A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Semenov Igor' Nikitovich, Doctor of Psychology (5.3.1), Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; **Moscow City University** – editor-in-chief.

Savina Nadezhda Nikolaevna – Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy, Professor – deputy editor-in-chief.

The journal publishes the results of theoretical and applied research in the field of psychology and cognitive science. The materials stimulate discussions on the problems of general, developmental, educational, social, correctional, clinical psychology and related sciences. The journal also promotes the ideas of symbolism and connectionism and contributes to the dissemination of the knowledge of cognitive modeling. The articles formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving psychodiagnostic and psychocorrective activities.

The articles are written by leading experts in the field of psychology and cognitive science, as well as researchers working on dissertations devoted to the problems of psychological sciences and interdisciplinary studies of the brain and language.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" ("*Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	I.N. Semenov, Doctor of Psychology (5.3.1)
Deputy editor-in-chief	N.N. Savina, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy (5.3.1)
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43674 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5477 Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press":

43049 "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches".

Contract price. Passed for printing on 15.06.2026. 53.75 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7403.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Мазилов Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского.

Савина Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук, профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.3.2. Психофизиология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Каменская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии, психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Котова Светлана Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, директор Института Психологии, РГПУ им. А.И. Герцена.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Сыманюк Эльвира Эвальдовна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, директор Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

по направлению: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, президент АНО «Академия Национального образования и науки», Международная ассоциация девиантологов, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Миронова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, Деаартамент психологии, Высшая школа экономики.

по направлению: 5.3.6. Клиническая психология

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.3.7. Возрастная психология

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.8. Коррекционная психология и дефектология

Волкова Ирина Павловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой основ дефектологии и реабилитологии, Институт дефектологического образования и реабилитации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской Академии образования.

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

Сердечная Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет.

по направлению: 5.12.4. Когнитивное моделирование

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской академии образования.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

по направлению: 3.2.5. Медицинская психология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики., психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Editional board

5.3.1. General psychology, personality psychology, history of psychology

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Savina Nadezhda Nikolaevna – Deputy Chief Editor, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.3.2. Psychophysiology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Kamenskaya Valentina Georgievna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Psychophysiology; Bunin Yelets State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Kotova Svetlana Arkad'yevna – PhD in Psychology, Associate Professor, Director of the Institute of Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSSES) (Russia).

Sokol'skaya Marina Vyacheslavovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov Medical University) (Russia).

5.3.4. Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Borzova Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pacific National University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Symanyuk El'vira Eval'dovna – Doctor of Psychology, Professor, Director of the Ural Humanitarian Institute, Ural federal University; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology

Kozlov Vladimir Vasil'evich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University (Russia).

Klayberg Yurii Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, President of Academy of National Education and Science, International Association of Deviantologists, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in Education (Russia).

Mironova Oksana Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Higher School of Economics (Russia).

5.3.6. Clinical psychology

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.3.7. Age psychology

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

5.3.8. Correctional psychology and defectology

Volkova Irina Pavlovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Fundamentals of Defectology and Rehabilitation, Institute of Defectology Education and Rehabilitation, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.12.1. Interdisciplinary Research on Cognitive Processes

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSSES) (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.12.2. Interdisciplinary Brain Research

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.12.3. Interdisciplinary Language Studies

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

Serdechnaya Vera Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies, Kuban State University (Russia).

5.12.4. Cognitive Modeling

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

3.2.5. Medical psychology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Содержание

Общая психология, психология личности, история психологии

Бадмаева Сэсэг Дымбрыловна
Тудупова Туяна Цибановна
Звукотерапия на Байкале как метод релаксации и ресурс психологического здоровья личности 5

Губарева Наталия Владимировна
Клинико-патогенетические факторы хронизации стрессовых расстройств у военнослужащих с боевыми ранениями 13

Лаугман Андреюс Владимирович
Трансформация личных метафор и динамика симптоматики ПТСР в ходе психотерапевтического вмешательства: смешанное феноменологическое исследование 23

Распопин Евгений Владимирович
Чувство внутреннего достоинства как экзистенциально-психологическая характеристика личности 33

Чабаненко Светлана Владимировна
Я-виртуальное как модус Я-концепции подростка: теоретическое обоснование интегративной модели 40

Ширинян Саркис Кимович
Методологические подходы к психологической диагностике профессиональной эмпатии врачей-стоматологов 51

Голинкова Виктория Германовна
Категория «трудная жизненная ситуация» в отечественной психологической науке 59

Эксанова Алсу Асяатовна
«Дискурс Другого»: прочтение бессознательного в теории Жака Лакана 69

Агамалиев Рустам
Дорофеев Максим
Иллюзия объяснительной глубины на материале собственного замысла: самодиагностика в группе с помощью веб-игры 76

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Исаев Фариз Фуркатович
Каюшкина Софья Дмитриевна
Минаева Ирина Анатольевна
Оценка эффективности процедуры релаксации после стрессового воздействия вследствие симуляции чрезвычайной ситуации у персонала объектов топливно-энергетического комплекса 100

Исаев Фариз Фуркатович
Каюшкина Софья Дмитриевна
Минаева Ирина Анатольевна
Оценка психофизиологической реакции персонала на стрессогенный симуляционный сценарий чрезвычайной ситуации 110

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Абдуллина Мунира Акрамовна
Галяутдинова Светлана Ишбулдиновна
Рабабах Абдель Хаким Махд Мохд
Когнитивная флексибильность как один из личностных ресурсов адаптации человека 119

Перепелицына Екатерина Александровна
Удовлетворённость жизнью и доминирующие ценностные ориентации у лиц, состоящих и не состоящих в браке 126

Усманова Алла Владимировна
Фролова Любовь Владимировна
Грохотова Светлана Дмитриевна
Цветкова Наталья Афанасьевна
О психологической помощи семьям без вести пропавших воинов 134

Устова Мадина Александровна
Батчаева Клара Хамидовна
Феномен инклюзивного образования и его базовые особенности....148

Шаповалова Ольга Евгеньевна
Изучение отношения педагогов высшей школы к проблеме инклюзивного образования 157

Ковалев Павел Александрович
Жизнестойкость и осознанность безопасности: от противоречия к комплементарности 165

Писарчук Татьяна Михайловна
Функциональные инверсии и динамика личностных ресурсов авиационного персонала в процессе профессионализации 175

Социальная психология, политическая и экономическая психология

Домрачева Светлана Алексеевна
Деревянных Анастасия Александровна
Представления и убеждения о романтических отношениях в юности и молодости: сравнительный анализ 183

Дорофеева Елена Эдуардовна
Киселева Елена Николаевна
Профессиональная самореализация и мотивация у женщин среднего возраста в период переоценки жизненных смыслов и ценностей 191

Комаров Вадим Владимирович
Институционализация деструктивности руководителей: от теоретических моделей к практике управления (на примере зарубежного и российского опыта) 207

Крючков Дмитрий Олегович
Гендерные особенности социальной дезадаптации при утрате жилья: роль семейного конфликта в структуре причин бездомности 223

Новиков Алексей Валерьевич
Слабкая Диана Николаевна
Новикова-Слабкая Вассилиана Алексеевна
Интерпретация возрастных аспектов женской рецидивной делинквентности в системе исполнения наказаний и постпенитенциарной ресоциализации....230

Слабкая Диана Николаевна
Психологическое благополучие сотрудников пенитенциарных учреждениях: систематизация международных исследований 240

Слободчиков Илья Михайлович
Филиппова Ольга Владимировна
Медиативная функция нотариуса как социально-психологический ресурс предупреждения правовых конфликтов....250

Слободчиков Илья Михайлович
Филиппова Ольга Владимировна
Коммуникативная и эмоциональная регуляция конфликтного взаимодействия в нотариальной деятельности 259

Хрулев Егор Александрович
Динамика ценностно-мотивационной регуляции лидерского поведения студентов строительного университета: от нормативной адаптации к ценностному конфликту....268

Contents

General psychology, personality psychology, history of psychology

Seseg D. Badmaeva
Tuyana Ts. Tudupova
Sound Therapy on Lake Baikal as a Method of Relaxation and a Resource for Psychological Health of the Individual 5

Nataliya V. Gubareva
Clinical and Pathogenetic Factors of Chronic Stress Disorder Development in Servicemen with Combat Injuries 13

Andreyus V. Laugman
Transformation of Personal Metaphors and Dynamics of PTSD Symptomatology in the Course of Psychotherapeutic Intervention: A Mixed Phenomenological Study 23

Evgeniy V. Raspopin
The Sense of Inner Dignity as an Existential-Psychological Characteristic of the Personality 33

Svetlana V. Chabanenko
Virtual Self as a Modus of the Adolescent Self-Concept: Theoretical Substantiation of an Integrative Model 40

Sarkis K. Shirinyan
Methodological Approaches to the Psychological Diagnostics of Professional Empathy in Dentists 51

Viktoriya G. Golinkova
The Category of "Difficult Life Situation" in Domestic Psychological Science 59

Alsu A. Eksanova
"The Discourse of the Other": Reading the Unconscious in the Theory of Jacques Lacan 69

Rustam Agamaliev
Maksim Dorofeev
The Illusion of Explanatory Depth on the Material of One's Own Design: Self-Diagnostics in a Group Using a Web Game 76

Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Fariz F. Isaev
Sof'ya D. Kayushkina
Irina A. Minaeva
Assessment of the Effectiveness of the Relaxation Procedure after Stress Exposure Due to Emergency Situation Simulation in Personnel of Fuel and Energy Complex Facilities 100

Fariz F. Isaev
Sof'ya D. Kayushkina
Irina A. Minaeva
Assessment of the Psychophysiological Response of Personnel to a Stress-Inducing Simulation Scenario of an Emergency Situation 110

Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Munira A. Abdullina
Svetlana I. Galyautdinova
Abdel Hakim Mahd Mohd Rababah
Cognitive Flexibility as One of the Personal Resources of Human Adaptation 119

Ekaterina A. Perepelitsyna
Life Satisfaction and Dominant Value Orientations in Married and Unmarried Individuals 126

Alla V. Usmanova
Lyubov' V. Frolova
Svetlana D. Grokhotova
Natal'ya A. Tsvetkova
On Psychological Assistance to Families of Missing Soldiers 134

Madina A. Ustova
Klara Kh. Batchaeva
The Phenomenon of Inclusive Education and Its Basic Features 148

Ol'ga E. Shapovalova
Studying the Attitude of Higher Education Teachers Towards the Problem of Inclusive Education 157

Pavel A. Kovalev
Hardiness and Safety Awareness: From Contradiction to Complementarity 165

Tat'yana M. Pisarchuk
Functional Inversions and Dynamics of Personal Resources of Aviation Personnel in the Process of Professionalization 175

Social psychology, political and economic psychology

Svetlana A. Domracheva
Anastasiya A. Derevyannykh
Perceptions and Beliefs about Romantic Relationships in Adolescence and Young Adulthood: A Comparative Analysis 183

Elena E. Dorofeeva
Elena N. Kiseleva
Professional Self-Realization and Motivation in Middle-Aged Women During the Period of Reassessment of Life Meanings and Values 191

Vadim V. Komarov
Institutionalization of Destructiveness in Managers: From Theoretical Models to Management Practice (on the Example of Foreign and Russian Experience) 207

Dmitriy O. Kryuchkov
Gender Features of Social Disadaptation in the Loss of Housing: The Role of Family Conflict in the Structure of Homelessness Causes 223

Aleksey V. Novikov
Diana N. Slabkaya
Vassiliana A. Novikova-Slabkaya
Interpretation of Age-Related Aspects of Female Recidivist Delinquency in the Penitentiary System and Post-Penitentiary Resocialization 230

Diana N. Slabkaya
Psychological Well-Being of Employees in Penitentiary Institutions: Systematization of International Research 240

Il'ya M. Slobodchikov
Ol'ga V. Filippova
The Mediative Function of the Notary as a Socio-Psychological Resource for the Prevention of Legal Conflicts 250

Il'ya M. Slobodchikov
Ol'ga V. Filippova
Communicative and Emotional Regulation of Conflict Interaction in Notarial Activity 259

Egor A. Khrulev
Dynamics of Value-Motivational Regulation of Leadership Behavior in Construction University Students: From Normative Adaptation to Value Conflict 268

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.99 **DOI: 10.34670/AR.2026.98.78.001**

Звукотерапия на Байкале как метод релаксации и ресурс психологического здоровья личности

Бадмаева Сэсэг Дымбрыловна

Магистрант,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
670000, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а;
e-mail: seseg.badmaevauu@mail.ru

Тудупова Туяна Цибановна

Кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей и клинической психологии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
670000, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а;
e-mail: tuyanatu@mail.ru

Аннотация

В статье представлен авторский подход к проблеме звукотерапии как к методу релаксации и эффективному ресурсу психологического здоровья личности. В работе описаны механизмы воздействия голосовых, инструментальных и дыхательных практик на функционирование организма человека – от клеточного до психоэмоционального уровня. Обосновывается особая роль озера Байкал в качестве природного резонатора и фактора сотерапии. Представлены результаты эмпирического исследования влияния звукотерапии на функциональные показатели психофизиологического состояния человека. Звуковое воздействие осуществлялось с помощью тибетских поющих чаш, глюкофона, варгана и колоколов. Для оценки эффективности программы были сформированы три группы: здоровые студенты, студенты с ограниченными возможностями здоровья и взрослые участники выездного модуля на побережье озера Байкал. В качестве измеряемых параметров, отражающих уровень активации вегетативной нервной системы, использовались давление и частота сердечных сокращений; замеры проводились медицинским работником до и после сеансов звукотерапии. Результаты позволяют оценить потенциал звукотерапии с использованием указанных инструментов как немедикаментозного ресурса для коррекции актуального функционального состояния, что имеет значение для программ психологического сопровождения лиц с разными стартовыми возможностями здоровья.

Для цитирования в научных исследованиях

Бадмаева С.Д., Тудупова Т.Ц. Звукотерапия на Байкале как метод релаксации и ресурс психологического здоровья личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 5-12. DOI: 10.34670/AR.2026.98.78.001

Ключевые слова

Звукотерапия, звукотерапия на Байкале, озеро Байкал, метод релаксации, психологическое здоровье, ресурс психологического здоровья, лица с ограниченными возможностями здоровья, поющие чаши, глюкофон, артериальное давление, частота сердечных сокращений.

Введение

Мы живём в эпоху, когда стресс перестал быть эволюционным механизмом выживания и превратился в медленный разрушитель организма. Всемирная организация здравоохранения называет стресс «эпидемией XXI века», поскольку именно он лежит в основе большинства сердечно-сосудистых, аутоиммунных и психических заболеваний. Перед человечеством остро стоит задача поиска методов восстановления – не симптоматического подавления тревоги, а глубинного возвращения организма к его изначальной, природной частоте.

В данном исследовании звукотерапия рассматривается не как узкая дисциплина науки и практики, а как универсальный, доступный каждому метод релаксации и ресурсное средство укрепления психологического здоровья. В качестве идеального места силы для этой трансформации рассматривается озеро Байкал – колыбель сакральной тишины, обладающая целительной силой природы. Обоснование выбора озера Байкал, как со-терапевта, соучастника терапевтического процесса, базируется на практическом выводе о том, что эффективность звукотерапии многократно возрастает, когда она выходит за пределы клинического кабинета и помещается в аутентичную акустическую среду. Байкал в этом контексте – не просто живописная локация, а полноправный со-терапевт, обладающий тремя уникальными целительными факторами. Во-первых, это вода. Вода Байкала обладает уникальной структурой и чистотой. Находясь на берегу озера или даже просто представляя его образ, человек сонастраивается с этой первозданной частотой. Во время групповых звуковых медитаций на берегу происходит буквальное слияние с этой вибрирующей средой. Во – вторых, это тишина. Столь необходимая современному человеку, так как на сегодня практически каждый страдает от сенсорного шума. Байкальская тишина – это не пустота, это активная, живая среда, в которой слух перестает защищаться и начинает восстанавливаться. В – третьих, это сакральная традиция. Земля вокруг Байкала веками была местом силы для шаманов, которые использовали так же звуковые инструменты – бубны, варган и обертонное пение для введения соплеменников в измененное состояние сознания ради исцеления. В данном случае новое не изобретается – древнее знание возрождается на научной основе.

Научная проблема: отсутствие достаточных эмпирических данных, подтверждающих, что сеансы звукотерапии способны вызывать измеримые позитивные сдвиги в деятельности сердечно-сосудистой системы у смешанной выборки, включающей условно здоровых лиц и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Цель исследования: оценить эффективность программы «Музыкальная терапия: телесно-звуковые практики» как ресурс психологического здоровья на основе объективных (АД, ЧСС) и субъективных показателей у респондентов.

Задачи: 1) реализовать курс коррекционно-развивающих занятий звукотерапией; 2) провести замеры артериального давления и частоты сердечных сокращений до и после курса; 3) проанализировать качественную обратную связь от участников и их родителей; 4) сопоставить полученные данные с выводами, представленными в доступной научной литературе.

Новизна исследования заключается в совмещении объективных физиологических замеров с

качественной оценкой на базе реальной инклюзивной образовательной организации, с акцентом на практическую доступность метода.

Литературный обзор

Согласно позиции специалистов в области звукотерапии, ключ к восстановлению лежит в фундаментальных законах мироздания. Всё в нашем мире, от электрона до галактики, пребывает в состоянии вибрации; каждое тело обладает собственной частотой колебаний. Человеческое тело не исключение: по данным Mitchell и его соавторов, оно в среднем на 60% состоит из воды, а вода является идеальной средой для приёма и транспортировки вибраций. Следовательно, звуковая волна способна оказывать прямое влияние на работу органов и систем, «настраивая» их на здоровый лад [Mitchell, Hamilton, Steggerda, Bean, 1945, с.625].

Идея использовать звук для исцеления не нова. Её истоки теряются в глубине веков, когда человеческий голос, ритуальные песнопения, звучание варгана и колоколов служили инструментами восстановления душевного равновесия. Вполне возможно, что звукотерапия зародилась в то самое мгновение, когда человеческий голос впервые издал звук. В древние времена наши предки использовали звук в священных ритуалах, призванных обеспечить душевное равновесие, облегчить телесные муки и изгнать недуг из тела больного. С помощью звука люди в древности вызывали силы природы и духов предков, чтобы те помогли им восстановить утраченную целостность. Человеческие познания в области звука всё ширились, и в конце концов учителям древних мистических школ, а теперь и современным нейробиологам, удалось постичь истинную силу, скрытую в звуке, - исцеляющую и чудотворную. Законы мира звуков неизменны и универсальны независимо от того, какая традиция изучает их и какое общество использует их для лечения и самосовершенствования. С помощью звуков мы получаем возможность больше узнать о самих себе и мире вокруг нас.

Сегодня на стыке древних знаний и современной науки, звукотерапия переживает второе рождение. В отечественной литературе данной проблеме посвящены многие работы, среди которых следует выделить исследования Крысовой О.А., рассматривающей звукотерапию как фактор улучшения качества жизни, и Джагаевой Т.Е., раскрывающей магическую силу воздействия музыкального звука на человека. Интересным является подход Данилова А.Б. и соавторов (2020), которые анализируют влияние звука на здоровье и реабилитацию. К нарушающим здоровье триггерам они относят сбои в организме (неправильное дыхание, различные телесные зажимы и страхи), после их ликвидации состояние человека существенно улучшается. Приверженцы техник лечения звуками голоса (пение) и музыки считают, что частотные вибрации настраивают органы и способны вылечить любой недуг, начиная от зимней респираторной вирусной инфекции и заканчивая новообразованиями. Однако при всём интересе к теме эмпирических исследований с объективными физиологическими замерами, особенно в инклюзивной среде, по-прежнему крайне мало.

Материалы и методы

Для оценки эффективности программы были сформированы три группы: здоровые студенты, студенты с ограниченными возможностями здоровья и взрослые участники выездного модуля на побережье озера Байкал. Исследование проведено в два этапа. Первый этап – апробация программы на базе ГБПОУ «Байкальский многопрофильный колледж», г. Улан-Удэ. Выборку составили 50 студентов, обучающихся в условиях инклюзивной образовательной среды. Из них 25 человек – лица с ограниченными возможностями здоровья

(лица с ментальными нарушениями: легким интеллектуальным снижением, n=23; расстройством аутистического спектра,n=2),25 – условно здоровые студенты. Средний возраст испытуемых составил 16 лет. Участие в исследовании являлось добровольным; от всех респондентов, а также их законных представителей (родителей) получены информированные согласия. Второй этап – выездной модуль программы был проведён в формате квазиэксперимента с замерами «до – после» на восточном побережье Байкала (село Горячинск) в августе 2025 г. Группу взрослых участников составили 16 женщин и 14 мужчин в возрасте от 35 до 65 лет. В анамнезе участников, допущенных нами к программе, присутствовали компенсированные формы артериальной гипертензии, хронической сердечной недостаточности и железодефицитной анемии лёгкой степени.

Физиологические замеры: артериальное давление (систолическое и диастолическое) и частота сердечных сокращений измерялись медицинским работником с использованием сертифицированного тонометра. Проводился психологический мониторинг: велись дневники наблюдения психологом. Качественная оценка исследования включала опросные листы и письменные отзывы обучающихся и их родителей (законных представителей).

Программа коррекционно-развивающих занятий «Музыкальная терапия: телесно-звуковые практики» реализовывалась в течение 5 недель по 2 занятия в неделю. Каждое занятие включало: 1) вводную релаксационную фазу; 2) звуковое воздействие с последовательным включением поющих чаш, глюкофона, варгана и колоколов; 3) завершающую интегративную фазу. Инструментарий исследования составили звуковые инструменты: поющие чаши, глюкофон, варган и колокола. Программа сочетала три взаимодополняющих компонента: нейроакустическую настройку тибетскими поющими чашами, голосовую терапию (обертонное пение, варган) и телесно-ориентированную практику в природной акустической среде Байкала.

1. Звуковой блок (Пассивное восприятие сакральных инструментов).

На этом этапе в работу вступает звукотерапевт как проводник звука. Используются тибетские поющие чаши, варган, глюкофон и колокола. Эти инструменты создают обертональные волны, которые акустически «укутывают» человека в кокон безопасности. Живой звук поющих чаш, в отличие от аудиозаписи, создает непредсказуемые, живые биения, которые заставляют мозг выключать режим гиперконтроля (бета-ритмы) и переходить в ресурсные альфа – и тета – состояния. Именно в этом состоянии запускается глубокая регенерация на клеточном уровне.

2. Голосовой блок (Самоисцеление через вибрацию).

Это ключевой элемент восстановления. Участники пропевают специально выстроенные гласные звуки (из фольклора). Когда человек звучит, он становится источником целительной вибрации для самого себя.

3. Телесный блок (Снятие мышечного зажима).

Стресс всегда застревает в теле в виде зажимов и спазмов. Начало работы предполагает дыхательную практику и виброакустический массаж. Цель – активировать диафрагму и снять напряжение, мешающее вибрациям проникнуть глубоко в ткани.

Результаты исследования

Результаты исследования отражены в таблице 1.

После завершения программы зафиксированы статистически значимые позитивные сдвиги по всем регистрируемым показателям гемодинамики (табл.). Систолическое артериальное давление снизилось в среднем на 24,0 мм рт. ст. – со 143,0 до 119,0 мм рт. ст. ($p< 0,001$), диастолическое – на 12,0 мм рт. ст. ($p < 0,001$). Частота сердечных сокращений уменьшилась на

13,0 уд/мин. ($p < 0,001$), что указывает на выраженный ваготонический эффект и смещение вегетативного баланса в сторону парасимпатического доминирования.

Таблица 1 – Динамика показателей гемодинамики у взрослой группы участников выездного модуля (n=30)

Показатель	Этап Т0 (M±SD)	Этап Т1 (M±SD)	Δ (Т1-Т0)	p
САД, мм рт. ст.	143,0 ± 10,5	119,0 ± 8,7	-24,0	<0,001
ДАД, мм рт. ст.	85,0 ± 7,8	73,0 ± 6,5	-12,0	<0,001
ЧСС, уд/мин.	78,0 ± 9,2	65,0 ± 7,4	-13,0	<0,001

Примечание: Т0 – замер до начала интервенции;Т1 – замер после завершения;M – среднее арифметическое;SD – стандартное отклонение;D - величина сдвига; p – уровень значимости (T – критерий Уилкоксона).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что программа «Музыкальная терапия: телесно-звуковые практики» способна оказывать положительное влияние на вегетативные показатели и эмоциональное состояние студентов инклюзивной образовательной среды. Тот факт, что у 85% участников снизилась ЧСС, а у 70% нормализовалась АД, хорошо согласуется с представлениями о звукотерапии как о методе, активирующем парасимпатическое звено вегетативной нервной системы и запускающем релаксационный отклик. Эти результаты перекликаются с выводами Крысовой О.А., которая рассматривает звукотерапию как инструмент улучшения качества жизни, и с идеями Джагаевой Т.Е., подчёркивающей глубинное воздействие звука на психоэмоциональную сферу. С физиологической точки зрения, наблюдаемый эффект, вероятно, объясняется биофизическими свойствами человеческого тела: высокое содержание воды делает ткани организма идеальным проводником и резонатором звуковых вибраций. Низкочастотные, богатые обертонами звуки поющих чаш и варгана, а также успокаивающий тембр глюкофона, создают акустическую среду, способствующую снижению симпатической активации. Особого внимания заслуживает потенциал выхода звукотерапии за пределы клинического кабинета – в аутентичную природную среду.

Опыт проведения занятий с опорой на пространство озера Байкал показывает, что включение природного акустического ландшафта (тишина, звук воды) может многократно усиливать терапевтический эффект. Байкальская тишина в этом контексте – не пустота, а активная восстанавливающая среда, в которой слух перестаёт защищаться от городского шума и начинает восстанавливаться.

С практической точки зрения, полученные результаты означают, что компактный курс звукотерапии может быть встроен в работу психологической службы как доступный и безопасный метод коррекции актуального функционального состояния людей. Программа не требует специальной музыкальной подготовки от участников и может проводиться штатным психологом или специально обученным педагогом. Звукотерапия подходит абсолютно всем: от ребенка с особенностями развития до пожилого человека, страдающего от возрастной тревожности; от участника боевых действий, находящегося в постстрессовом состоянии до молодой мамы, ищущей гармонии. Для каждого возраста и состояния подбирается своя частота, свой инструмент и свой уровень интенсивности.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает эффективность звукотерапии как немедикаментозного ресурса психологического здоровья, обладающего выраженным релаксационным потенциалом. Анализ результатов эмпирического исследования позволяют

сделать вывод о комплексном характере влияния голосовых, дыхательных и инструментальных практик на функционирование организма – от нормализации клеточных процессов до гармонизации психоэмоционального состояния. Показан практический аспект средового влияния: исследование уникальной роли озера Байкал как природного резонатора и фактора сотерапии позволяет говорить о синергетическом эффекте, возникающем при интеграции звуковых вибраций и естественных природных частот. Полученные данные не только расширяют теоретические представления о неинвазивных методах восстановления психофизиологического баланса, но и открывают практические перспективы для внедрения модулей звукотерапии в программы психологического сопровождения различных категорий населения, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Библиография

1. Алпеева А.В., Козлова Г.В., Чернята К.И. Применение музыкально-гармонизирующей коррекции в реабилитации больных гипертонической болезнью I степени // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Биология, химия». 2008. Т. 21 (60). № 3. С. 3–7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-muzykalno-garmoniziruyuschey-korrektsii-v-reabilitatsii-bolnyh-gipertonicheskoy-boleznyu-i-stepeni/viewer.
2. Гринберг Я.З. О механизме преобразования вибраций в организме // Инженерный вестник Дона. Ч. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-mehanizme-preobrazovaniya-vibratsiy-v-organizme/viewer.
3. Данилов А.Б., Сименко Е.В., Ихлеф А. Влияние звука на здоровье и реабилитацию // Физическая реабилитационная медицина, медицинская реабилитация. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zvuka-na-zdorovie-i-reabilitatsiyu.
4. Джагаева Т.Е., Жуйкова Н.А. Магическая сила воздействия музыкального звука на человека // Проблемы современной науки и образования. 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskaya-sila-vozdeystviya-muzykalnogo-zvuka-na-cheloveka.
5. Крысова О.А. Звукотерапия как фактор улучшения «качества жизни» // Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. URL: https://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section113.html.
6. Садовая терапия: предпосылки, методология, подходы, опыт реализации / С.В. Сизых, В.П. Песков, А.Д. Карнышев и др. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2013. 255 с.
7. Самсонова Г.О. Звукотерапия: музыкальные оздоровительные технологии. Тула, 2009. 245 с.
8. Mitchell H.H., Hamilton T.S., Steggerda F.R., Bean H.W. The chemical composition of the adult human body and its bearing on the biochemistry of growth // Journal of Biological Chemistry. 1945. Vol. 158. Issue 3. P. 625–637.
9. Ratcliffe E. Sound and Soundscape in Restorative Natural Environments: A Narrative Literature Review // Frontiers in Psychology. Sec. Environmental Psychology. 2021. Vol. 12. URL: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.570563.

Sound Therapy on Lake Baikal as a Method of Relaxation and a Resource for Psychological Health of the Individual

Seseg D. Badmaeva

Master's Degree Student,
Dorzhi Banzarov Buryat State University,
670000, 24a, Smolina str., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: seseg.badmaevauu@mail.ru

Tuyana Ts. Tudupova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Head of the Department of General and Clinical Psychology,
Dorzhi Banzarov Buryat State University,
670000, 24a, Smolina str., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: tuyanatu@mail.ru

Abstract

The article presents the author's approach to the problem of sound therapy as a method of relaxation and an effective resource for psychological health of the individual. The paper describes the mechanisms of the impact of vocal, instrumental, and breathing practices on the functioning of the human body – from the cellular to the psycho-emotional level. The special role of Lake Baikal as a natural resonator and a co-therapy factor is substantiated. The results of an empirical study of the influence of sound therapy on the functional indicators of a person's psychophysiological state are presented. Sound exposure was carried out using Tibetan singing bowls, a glucophone, a jaw harp, and bells. To assess the effectiveness of the program, three groups were formed: healthy students, students with disabilities, and adult participants of an off-site module on the coast of Lake Baikal. Blood pressure and heart rate were used as measured parameters reflecting the level of activation of the autonomic nervous system; measurements were taken by a medical professional before and after sound therapy sessions. The results allow assessing the potential of sound therapy using the specified instruments as a non-pharmacological resource for correcting the current functional state, which is important for psychological support programs for individuals with different initial health capabilities.

For citation

Badmaeva S.D., Tudupova T.Ts. (2026) Zvukoterapiya na Baykale kak metod relaksatsii i resurs psikhologicheskogo zdorov'ya lichnosti [Sound Therapy on Lake Baikal as a Method of Relaxation and a Resource for Psychological Health of the Individual]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 5-12. DOI: 10.34670/AR.2026.98.78.001

Keywords

Sound therapy, sound therapy on Lake Baikal, Lake Baikal, relaxation method, psychological health, psychological health resource, persons with disabilities, singing bowls, glucophone, blood pressure, heart rate.

References

1. Alpeeva, A. V., Kozlova, G. V., & Chernyata, K. I. (2008). Primeneniye muzykal'no-garmoniziruyushchey korrektsii v reabilitatsii bol'nykh gipertonicheskoy bolezn'yu I stepeni [Application of musical-harmonizing correction in the rehabilitation of patients with stage I hypertension]. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Biologiya, khimiya"* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Taurida National University. Series "Biology, Chemistry"], *21*(60), 3–7. https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-muzykalno-garmoniziruyuschey-korrektsii-v-reabilitatsii-bolnyh-gipertonicheskoy-boleznyu-i-stepeni/viewer
2. Danilov, A. B., Simenko, E. V., & Ihlef, A. (2020). Vliyaniye zvuka na zdorov'ye i reabilitatsiyu [The influence of sound on health and rehabilitation]. *Fizicheskaya reabilitatsionnaya meditsina, meditsinskaya reabilitatsiya* [Physical Rehabilitation Medicine, Medical Rehabilitation]. https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zvuka-na-zdorovie-i-

reabilitatsiyu
3. Dzhagaeva, T. E., & Zhuykova, N. A. (2012). Magicheskaya sila vozdeystviya muzykal'nogo zvuka na cheloveka [The magical power of the influence of musical sound on humans]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education]. https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskaya-sila-vozdeystviya-muzykalnogo-zvuka-na-cheloveka
4. Grünberg, Ya. Z. (n.d.). O mekhanizme preobrazovaniya vibratsiy v organizme [On the mechanism of converting vibrations in the body]. *Inzhenernyy vestnik Dona* [Engineering Bulletin of the Don], Part 2. https://cyberleninka.ru/article/n/o-mehanizme-preobrazovaniya-vibratsiy-v-organizme/viewer
5. Krysova, O. A. (2013). Zvukoterapiya kak faktor uluchsheniya "kachestva zhizni" [Sound therapy as a factor in improving "quality of life"]. In *Molodezh' i nauka* [Youth and Science] (Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists). Siberian Federal University. https://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section113.html
6. Mitchell, H. H., Hamilton, T. S., Steggerda, F. R., & Bean, H. W. (1945). The chemical composition of the adult human body and its bearing on the biochemistry of growth. *Journal of Biological Chemistry, 158*(3), 625–637.
7. Ratcliffe, E. (2021). Sound and soundscape in restorative natural environments: A narrative literature review. *Frontiers in Psychology, 12*. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.570563
8. Samsonova, G. O. (2009). *Zvukoterapiya: muzykal'nyye ozdorovitel'nyye tekhnologii* [Sound therapy: Musical health technologies]. Tula.
9. Sizykh, S. V., Peskov, V. P., Karnyshev, A. D., et al. (2013). *Sadovaya terapiya: predposylki, metodologiya, podkhody, opyt realizatsii* [Garden therapy: Prerequisites, methodology, approaches, implementation experience]. VSGAO Publishing House.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 616.89-008.441 **DOI: 10.34670/AR.2026.44.46.002**

Клинико-патогенетические факторы хронизации стрессовых расстройств у военнослужащих с боевыми ранениями

Губарева Наталия Владимировна

Магистрант,
Институт психологии,
Московский психолого-социальный университет,
115191, Российская Федерация, Москва, 4-й Рощинский проезд, 9А;
e-mail: gubarewanata@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются клинико-патогенетические механизмы перехода острого стрессового расстройства в посттравматическое стрессовое расстройство у военнослужащих с боевыми ранениями. Проведен анализ влияния характера, тяжести и локализации физической травмы на динамику психопатологических симптомов. Особое внимание уделено синергетическому взаимодействию психогенных и органических факторов при сочетании боевой психической травмы с черепно-мозговыми повреждениями. Показано, что хронизация стрессовых расстройств определяется не только объективной тяжестью ранения, но и множеством клинических, психологических и социальных переменных. Представлены современные представления о нейробиологических механизмах фиксации травматического опыта при комбинированном воздействии психогенной и органической патологии центральной нервной системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Губарева Н.В. Клинико-патогенетические факторы хронизации стрессовых расстройств у военнослужащих с боевыми ранениями // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 13-22. DOI: 10.34670/AR.2026.44.46.002

Ключевые слова

Посттравматическое стрессовое расстройство, острое стрессовое расстройство, боевая психическая травма, черепно-мозговая травма, комбатанты, хронизация, клиническая динамика, боевые ранения, психотравма, реабилитация.

Введение

Проблема психологических последствий участия в боевых действиях приобрела особую актуальность в связи с увеличением числа вооруженных конфликтов в современном мире [Шамрей и др., 2023]. По данным различных исследований, от 10 до 30% военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях, сталкиваются с клинически значимыми проявлениями посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [Резник, Сюняков, 2023; Кекелидзе, Шпорт, 2024]. При этом получение физического ранения значительно повышает риск развития психических расстройств, что связано с одновременным воздействием нескольких травмирующих факторов.

Острое стрессовое расстройство (ОСР), развивающееся в первые дни и недели после травматического события, рассматривается многими исследователями как предиктор последующего формирования ПТСР [Сукиасян, Тадевосян, 2013]. Однако механизмы этого перехода остаются недостаточно изученными, особенно в контексте сочетанной психической и физической травмы. Понимание факторов, способствующих хронизации острых стрессовых реакций, имеет принципиальное значение для разработки эффективных программ ранней профилактики и реабилитации.

Особый интерес представляет изучение влияния характера и тяжести физического повреждения на динамику психопатологических проявлений. Исследования показывают, что локализация ранения, наличие сочетанной травмы и особенно черепно-мозговых повреждений существенно модифицируют клиническую картину стрессовых расстройств [Литвинцев, Успенский, 2009; Цыган, Трашин, 2022]. При этом остается дискуссионным вопрос о том, в какой степени органическое поражение мозга само по себе способствует фиксации психотравмирующего опыта, а в какой степени психологическая реакция на увечье определяет клиническую картину.

Цель данной работы состоит в систематизации современных представлений о клинико-патогенетических механизмах перехода острого стрессового расстройства в посттравматическое у комбатантов с тяжелыми ранениями, с акцентом на роль характера физической травмы в этом процессе.

Клиническая динамика стрессовых расстройств у раненых военнослужащих

Согласно современным диагностическим критериям, острое стрессовое расстройство диагностируется в период от 3 дней до 1 месяца после травматического события, тогда как диагноз ПТСР правомерен только после истечения месячного срока с момента воздействия стрессора [Лыткин, Днов, 2022]. Однако такое разделение во многом условно, поскольку клиническая картина обоих расстройств имеет значительное сходство, а симптомы острой реакции часто трансформируются в устойчивые посттравматические нарушения без четкой границы между этими состояниями.

Исследования военнослужащих, получивших ранения в ходе выполнения боевых задач, демонстрируют высокую частоту перехода ОСР в ПТСР. Показано, что среди раненых комбатантов с диагностированным острым стрессовым расстройством хронизация симптоматики наблюдалась в 68% случаев при тяжелых ранениях и в 42% случаев при ранениях средней степени тяжести [Марченко, Рунов, 2022]. При этом отмечается, что не столько сам факт ранения, сколько его последствия, включая инвалидизацию и длительное лечение,

определяют риск развития хронического расстройства.

В фундаментальных исследованиях, посвященных боевой психической травме, описываются несколько вариантов клинической динамики посттравматических состояний у военнослужащих [Снедков, 2008]. Выделяют прогредиентный тип течения, при котором симптоматика неуклонно нарастает в течение первых месяцев после ранения, стационарный тип с относительной стабильностью проявлений и регредиентный тип с постепенным ослаблением симптомов. Прогредиентный вариант чаще наблюдается у лиц с тяжелыми и множественными ранениями, особенно при наличии повреждений головы и органов чувств.

Исследования психосоматических соотношений при боевой травме показали, что восприятие тяжести своего состояния раненым может не совпадать с объективными медицинскими показателями [Марченко, Рунов, 2022]. Описывается феномен так называемой "психологической ампутации", когда даже при сохранении конечности военнослужащий переживает её как утраченную вследствие нарушения чувствительности или подвижности. Подобные случаи характеризуются особенно тяжелым течением посттравматического расстройства с выраженными диссоциативными симптомами.

Современные исследования подчеркивают важность разграничения собственно психогенных реакций на боевой стресс и органических последствий черепно-мозговых травм, которые часто сопутствуют тяжелым ранениям [Сиволап, 2023]. Отмечается, что у значительной части военнослужащих, получивших контузии или закрытые черепно-мозговые травмы, формируется смешанная клиническая картина, включающая как признаки ПТСР, так и симптомы органического поражения центральной нервной системы. При этом разделить вклад каждого из этих компонентов в общую клиническую картину часто оказывается затруднительным.

Роль тяжести ранения в развитии посттравматического стрессового расстройства

Вопрос о связи между тяжестью физического повреждения и выраженностью психопатологических симптомов является предметом длительной дискуссии. С одной стороны, очевидно, что более тяжелые ранения, сопровождающиеся длительным болевым синдромом, инвалидизацией и необходимостью множественных хирургических вмешательств, создают более сильную психологическую нагрузку. С другой стороны, известны случаи развития выраженного ПТСР у лиц с относительно легкими ранениями, что указывает на важность индивидуальных психологических факторов.

Исследования показывают, что корреляция между объективной тяжестью ранения и выраженностью посттравматической симптоматики носит нелинейный характер [Резник, Сюняков, 2023]. Наиболее сильная связь наблюдается в группе военнослужащих со средней степенью тяжести ранений, тогда как при крайне тяжелых повреждениях, угрожавших жизни, острая психопатологическая симптоматика могла быть менее выраженной в первые недели, что объяснялось массивным использованием психофармакологических средств и измененным состоянием сознания в критический период.

Предложена концепция "временного окна уязвимости", согласно которой период максимального риска фиксации травматического опыта приходится не на момент самого ранения, а на последующий период осознания его последствий [Кекелидзе, Шпорт, 2024]. Описано, что военнослужащие, получившие тяжелые ранения с необходимостью ампутации конечностей, часто демонстрировали относительную стабильность психического состояния в

первые дни после операции, но спустя 2-3 недели, по мере осознания необратимости увечья, у них развивалась тяжелая депрессивная и тревожная симптоматика с высоким риском хронизации.

Особое место в структуре боевых ранений занимают повреждения, связанные с утратой или значительным нарушением функций органов чувств. Отмечается, что потеря зрения или слуха вследствие боевой травмы создает особые условия для развития ПТСР, поскольку лишает пострадавшего возможности адекватно оценивать окружающую обстановку и формирует стойкое чувство беспомощности [Колов, 2018]. При этом подчеркивается, что нарушения зрения оказываются более травматичными в психологическом плане, чем потеря конечности, что связано с фундаментальной ролью зрительной информации в формировании чувства безопасности.

В исследованиях, посвященных факторам риска развития боевой психической травмы, выделяется категория так называемых "клинически значимых ранений", к которым относят повреждения, приводящие к стойкой утрате профессиональной дееспособности [Шамрей и др., 2015]. Показано, что для военнослужащих, чья идентичность тесно связана с профессиональной ролью, осознание невозможности продолжения службы оказывается не менее, а иногда и более травматичным, чем сама физическая боль и страдание, связанные с ранением.

Черепно-мозговая травма как фактор хронизации стрессовых расстройств

Сочетание психогенной травмы и органического поражения головного мозга создает особую клиническую ситуацию, требующую междисциплинарного подхода к диагностике и лечению. Подробные исследования патофизиологии боевого стресса при наличии черепно-мозговых травм показали, что механическое повреждение мозговой ткани нарушает работу структур, ответственных за регуляцию эмоций и обработку травматических воспоминаний [Цыган, Трашин, 2022]. В частности, повреждение гиппокампа и префронтальной коры, часто встречающееся при контузиях, затрудняет контекстуализацию травматического опыта и его интеграцию в общую структуру автобиографической памяти.

При сочетании психической травмы и черепно-мозговой травмы наблюдается синергетический эффект, при котором нарушения, вызванные каждым из этих факторов, взаимно усиливают друг друга [Сиволап, 2023]. Органическое поражение снижает способность мозга к адаптивной обработке стрессовой информации, что увеличивает вероятность формирования патологических следов памяти. В свою очередь, хронический стресс усугубляет последствия органического повреждения, препятствуя процессам нейропластичности и восстановления.

Исследования психологических особенностей пациентов с последствиями черепно-мозговой травмы выявили, что даже легкие формы черепно-мозговой травмы, не сопровождающиеся грубыми неврологическими нарушениями, могут существенно изменять эмоциональное реагирование и повышать уязвимость к стрессу [Макарова, Киселева, 2019]. Описывается феномен "когнитивной дезорганизации", при котором пострадавший испытывает трудности с концентрацией внимания, подбором слов и организацией последовательности действий, что создает дополнительный источник фрустрации и снижает эффективность психологических защитных механизмов.

В работах о прогностических факторах развития ПТСР особо выделяется проблема так называемого "синдрома второго удара", когда повторные, даже незначительные, сотрясения

мозга у лиц с предшествующей черепно-мозговой травмой приводят к диспропорционально тяжелым последствиям [Ахапкин, Введенский, 2022]. В контексте боевых действий это означает, что военнослужащий, перенесший контузию, но продолживший участие в боевых действиях, находится в зоне особо высокого риска развития тяжелых и резистентных к терапии форм ПТСР.

Последствия боевого стресса рассматриваются с позиций экологической психиатрии, при этом подчеркивается, что черепно-мозговая травма создает почву для формирования психосоматических расстройств, при которых психологический дистресс находит выражение в разнообразных телесных симптомах [Краснов, 2016]. Описано, что у комбатантов с черепно-мозговой травмой в анамнезе значительно чаще наблюдаются жалобы на головные боли, головокружения, вегетативные дисфункции, причем эти симптомы часто не коррелируют с объективными данными неврологического обследования и отражают скорее психологическую, чем органическую патологию.

Множественные и сочетанные ранения

Особую категорию составляют военнослужащие с множественными и сочетанными ранениями, когда повреждены несколько анатомических областей или систем организма. Отмечается, что при сочетанной травме клиническая картина стрессового расстройства часто маскируется соматическими жалобами и проявлениями болевого синдрома, что затрудняет своевременную диагностику психопатологических симптомов [Литвинцев, Успенский, 2009]. Подчеркивается важность активного выявления признаков ПТСР у всех пациентов травматологических отделений, получивших ранения в боевых условиях.

Множественность повреждений создает ситуацию когнитивной перегрузки, когда пострадавший не может адекватно распределить внимание между различными источниками боли и дискомфорта [Колов, 2018]. Это приводит к дезорганизации психологических защит и повышает риск развития диссоциативных симптомов. Описываются случаи, когда военнослужащие с сочетанными ранениями демонстрировали феномен избирательного внимания, фокусируясь на относительно незначительном повреждении и игнорируя более серьезные, что рассматривается как защитный механизм отрицания.

Исследования показывают, что длительность госпитализации и количество перенесенных хирургических вмешательств являются независимыми предикторами развития ПТСР [Резник, Сюняков, 2023]. Каждая операция, особенно проводимая в состоянии бодрствования или при неполной анестезии, может восприниматься как повторная травматизация и способствовать кумуляции стрессового воздействия. При этом отмечается парадоксальный эффект, когда длительное пребывание в стационаре, с одной стороны, обеспечивает медицинскую безопасность, но с другой стороны, создает условия для фиксации на патологических переживаниях и формирования "госпитализма".

Анализ динамики психопатологических симптомов у военнослужащих с ранениями различной степени тяжести показал, что паттерн изменения симптоматики различается в зависимости от характера повреждений [Марченко, Рунов, 2022]. При изолированных ранениях конечностей наблюдалась тенденция к постепенному уменьшению выраженности симптомов к концу первого месяца, тогда как при сочетанных повреждениях симптоматика часто нарастала на второй и третьей неделе после травмы, что связывается с накоплением усталости и истощением компенсаторных возможностей организма.

Психобиологические механизмы фиксации травматического опыта при физическом повреждении

Понимание нейробиологических процессов, лежащих в основе формирования ПТСР, значительно продвинулось в последние годы благодаря использованию современных методов нейровизуализации. При наличии физической травмы к психогенным механизмам добавляются нейровоспалительные процессы, нарушения гематоэнцефалического барьера и другие патофизиологические изменения [Сиволап, 2023].

Описывается концепция "двойного кодирования" травматического опыта, согласно которой информация о травматическом событии фиксируется одновременно в вербальной и невербальной форме [Цыган, Трашин, 2022]. При наличии органического поражения мозга нарушается процесс интеграции этих двух форм репрезентации, что приводит к формированию фрагментированных, плохо интегрированных воспоминаний, характерных для ПТСР. Боль и другие соматические ощущения, сопровождавшие ранение, становятся частью этого невербального кода и могут впоследствии выступать в качестве триггеров, запускающих непроизвольное воспроизведение травматических воспоминаний.

Обращается внимание на роль периферических механизмов в поддержании посттравматической симптоматики. Показано, что изменения в работе вегетативной нервной системы, эндокринной системы и иммунной системы, возникающие как реакция на тяжелое ранение, могут создавать устойчивое состояние гипервозбуждения, характерное для ПТСР [Марченко, Рунов, 2022]. При этом физиологические изменения и психологические переживания образуют порочный круг, в котором телесные симптомы усиливают тревогу, а тревога, в свою очередь, усугубляет соматические проявления.

Предлагается психологическая модель боевой травмы, в которой физическое повреждение рассматривается не только как источник боли и страдания, но и как символ уязвимости и смертности [Караяни, 2022]. Подчеркивается, что для многих военнослужащих ранение становится вещественным доказательством реальности угрозы смерти, с которой они столкнулись, и эта конфронтация с собственной смертностью может иметь глубокие экзистенциальные последствия, выходящие за рамки собственно медицинских проблем. Видимые следы ранения, особенно на открытых частях тела, постоянно напоминают о пережитой травме и препятствуют психологической дистанцированности от травматического события.

Описывается феномен "телесной памяти", при котором информация о травматическом событии сохраняется не только в виде когнитивных репрезентаций, но и в виде специфических паттернов мышечного напряжения, дыхания, сердечного ритма [Кекелидзе, Шпорт, 2024]. При наличии физического повреждения эти паттерны становятся особенно стойкими, поскольку они связаны с реальными изменениями в структуре и функции поврежденных тканей. Отмечается, что работа с такими случаями ПТСР требует интеграции психотерапевтических и телесно-ориентированных подходов.

Особенности клинической картины ПТСР при различных локализациях ранения

Локализация физического повреждения может существенно влиять на феноменологию посттравматического расстройства. Проведен детальный анализ психологических особенностей военнослужащих с различными типами ранений [Утюганов, Явнова, 2023]. При ранениях

нижних конечностей с последующей ампутацией преобладают депрессивные симптомы и чувство неполноценности, тогда как при ранениях лица и шеи чаще наблюдается социальная тревога и избегающее поведение, связанное со страхом негативной оценки со стороны окружающих.

Отмечается, что ранения в область туловища, особенно проникающие ранения грудной клетки и живота, часто сопровождаются интенсивным страхом смерти в момент травмы, что создает предпосылки для формирования панических атак в структуре ПТСР [Сукиасян, Тадевосян, 20134]. Описано, что у таких пострадавших нередко развиваются ипохондрические опасения, связанные с функционированием внутренних органов, и патологическая фиксация на телесных ощущениях.

Подчеркивается особая психологическая значимость ранений половых органов, которые, несмотря на относительно небольшую долю в общей структуре боевых повреждений, оказывают непропорционально сильное влияние на психическое состояние пострадавших [Колов, 2018]. Такие ранения затрагивают фундаментальные аспекты мужской идентичности и могут приводить к глубоким личностным изменениям, выходящим за рамки классических проявлений ПТСР. Отмечается высокая частота суицидальных мыслей и попыток в этой группе пострадавших.

Описано, что множественные осколочные ранения, характерные для современных боевых действий, создают особую клиническую картину, при которой пострадавший испытывает трудности с локализацией источника боли и дискомфорта [Шамрей и др., 2015]. Это приводит к формированию диффузного телесного дистресса, который плохо поддается симптоматической терапии и способствует хронизации болевого синдрома. При этом психологический компонент боли часто оказывается более значимым, чем её соматическая составляющая.

Заключение

Проведенный анализ современных исследований позволяет сделать вывод о том, что тяжесть и характер физического ранения представляют собой важные, но не единственные факторы, определяющие риск перехода острого стрессового расстройства в посттравматическое у комбатантов. Связь между объективными параметрами повреждения и выраженностью психопатологической симптоматики опосредуется множеством клинических, психологических и социальных переменных.

Особое значение имеет наличие черепно-мозговой травмы, которая создает условия для синергетического взаимодействия психогенных и органических механизмов формирования ПТСР. Органическое поражение центральной нервной системы нарушает процессы адаптивной обработки травматического опыта и снижает эффективность естественных механизмов психологической защиты.

Множественные и сочетанные ранения создают ситуацию когнитивной и эмоциональной перегрузки, затрудняют своевременную диагностику психопатологических симптомов и повышают риск хронизации расстройства. Длительность лечения и количество перенесенных операций являются независимыми предикторами неблагоприятного исхода.

Локализация ранения влияет на феноменологию посттравматического расстройства, определяя специфические паттерны симптоматики и требуя дифференцированного подхода к терапии. Особого внимания требуют ранения, затрагивающие видимые части тела, органы чувств и структуры, связанные с идентичностью.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку интегративных моделей,

учитывающих взаимодействие физических, психологических и социальных факторов в процессе формирования посттравматических расстройств у раненых комбатантов. Необходима разработка специализированных программ ранней диагностики и профилактики ПТСР, учитывающих специфику различных типов боевых ранений.

Библиография

1. Ахапкин Р.В., Введенский Г.Е. Прогностические факторы развития ПТСР: роль преморбидных особенностей личности // Социальная и клиническая психиатрия. 2022. Т. 32. № 2. С. 45–52.
2. Караяни А.Г. Психологическая модель боевой травмы: современное состояние // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 28–37.
3. Кекелидзе З.И., Шпорт С.В. Особенности оказания психолого-психиатрической помощи пострадавшим в зонах вооруженных конфликтов // Российский психиатрический журнал. 2024. № 1. С. 12–19.
4. Колов С.А. Терапия и реабилитация комбатантов с посттравматическим стрессовым расстройством и коморбидными расстройствами // Современная терапия психических расстройств. 2018. № 3. С. 18–26.
5. Краснов В.Н. Экологическая психиатрия и психосоматика (последствия боевого стресса). М.: Медицина, 2016. 284 с.
6. Литвинцев С.В., Успенский А.Ф. Особенности психопатологических проявлений у военнослужащих с боевой хирургической травмой // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности. 2009. № 4. С. 67–73.
7. Лыткин В.М., Днов К.В. Динамика психопатологических симптомов у военнослужащих с ранениями различной степени тяжести // Военно-медицинский журнал. 2022. Т. 343. № 8. С. 34–41.
8. Макарова Н.В., Киселева М.Г. Психологические особенности пациентов с последствиями черепно-мозговой травмы // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 2. С. 11–28.
9. Марченко А.А., Рунов В.И. Психосоматические соотношения при боевой травме // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2022. № 3. С. 156–163.
10. Резник А.М., Сюняков Т.С. Стрессовые расстройства у комбатантов: факторы хронизации // Психиатрия. 2023. Т. 21. № 2. С. 23–31.
11. Сиволап Ю.П. Посттравматическое стрессовое расстройство: от нейробиологии к клинике // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2023. Т. 15. № 1. С. 78–85.
12. Снедков Е.В. Боевая психическая травма (клинико-патогенетическая динамика, диагностика, лечебно-реабилитационная помощь): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 2008. 48 с.
13. Сукиасян С.Г., Тадевосян М.Я. О соотношении посттравматического стрессового расстройства и стресса (методологические вопросы) // Российский психиатрический журнал. 2013. № 4. С. 35–40.
14. Утюганов А.А., Явнова И.И. Психологические особенности военнослужащих, получивших ранения в ходе выполнения боевых задач // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. № 1. С. 67–74.
15. Цыган В.Н., Трашин А.В. Патофизиология боевого стресса и последствия черепно-мозговых травм // Вестник образования и развития науки. 2022. № 2. С. 112–119.
16. Шамрей В.К., Курасов Е.С., Иванов М.В. Современные подходы к диагностике и терапии боевой психической травмы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2023. Т. 123. № 5. С. 45–53.
17. Шамрей В.К., Лыткин В.М., Снедков Е.В. Факторы риска развития боевой психической травмы // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2015. № 2. С. 78–85.

Clinical and Pathogenetic Factors of Chronic Stress Disorder Development in Servicemen with Combat Injuries

Nataliya V. Gubareva

Master's Degree Student,
Institute of Psychology,
Moscow Psychological and Social University,
115191, 9A, 4-y Roshchinskiy proezd, Moscow, Russian Federation;
e-mail: gubarewanata@yandex.ru

Abstract

The article examines the clinical and pathogenetic mechanisms of the transition of acute stress disorder to post-traumatic stress disorder in servicemen with combat injuries. The analysis of the influence of the nature, severity, and localization of physical trauma on the dynamics of psychopathological symptoms has been carried out. Particular attention is paid to the synergistic interaction of psychogenic and organic factors in the combination of combat psychological trauma with traumatic brain injuries. It is shown that the chronicization of stress disorders is determined not only by the objective severity of the injury, but also by a multitude of clinical, psychological, and social variables. Modern concepts of the neurobiological mechanisms of fixation of traumatic experience under the combined influence of psychogenic and organic pathology of the central nervous system are presented.

For citation

Gubareva N.V. (2026) Kliniko-patogeneticheskie faktory khronizatsii stressovykh rasstroystv u voennosluzhashchikh s boevymi raneniyami [Clinical and Pathogenetic Factors of Chronic Stress Disorder Development in Servicemen with Combat Injuries]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 13-22. DOI: 10.34670/AR.2026.44.46.002

Keywords

Post-traumatic stress disorder, acute stress disorder, combat psychological trauma, traumatic brain injury, combatants, chronicization, clinical dynamics, combat injuries, psychotrauma, rehabilitation.

References

1. Akhapkin, R. V., & Vvedenskii, G. E. (2022). Prognosticheskiye faktory razvitiya PTSR: rol' premorbidnykh osobennostey lichnosti [Prognostic factors for development of PTSD: Role of premorbid personality traits]. Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya [Social and Clinical Psychiatry], *32*(2), 45–52.
2. Karayani, A. G. (2022). Psikhologicheskaya model' boyevoy travmy: sovremennoye sostoyaniye [Psychological model of combat trauma: Current state]. Psikhologicheskiy zhurnal [Psychological Journal], *43*(4), 28–37.
3. Kekelidze, Z. I., & Shport, S. V. (2024). Osobennosti okazaniya psikhologo-psikhiatricheskoy pomoshchi postradavshim v zonakh vooruzhennykh konfliktov [Features of providing psychological and psychiatric assistance to victims in armed conflict zones]. Rossiyskiy psikhiatricheskiy zhurnal [Russian Psychiatric Journal], *1*, 12–19.
4. Kolov, S. A. (2018). Terapiya i reabilitatsiya kombatantov s posttravmaticheskim stressovym rasstroystvom i komorbidnymi rasstroystvami [Therapy and rehabilitation of combatants with post-traumatic stress disorder and comorbid disorders]. Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstroystv [Modern Therapy of Mental Disorders], *3*, 18–26.
5. Krasnov, V. N. (2016). Ekologicheskaya psikhiatriya i psikhosomatika (posledstviya boyevogo stressa) [Ecological psychiatry and psychosomatics (consequences of combat stress)]. Meditsina.
6. Litvintsev, S. V., & Uspenskii, A. F. (2009). Osobennosti psikhopatologicheskikh proyavleniy u voyennosluzhashchikh s boyevoy khirurgicheskoy travmoy [Features of psychopathological manifestations in military personnel with combat surgical trauma]. Mediko-biologicheskiye i sotsial'no-psikhologicheskiye problemy bezopasnosti [Medical-Biological and Socio-Psychological Problems of Security], *4*, 67–73.
7. Lytkin, V. M., & Dnov, K. V. (2022). Dinamika psikhopatologicheskikh simptomov u voyennosluzhashchikh s raneniyami razlichnoy stepeni tyazhesti [Dynamics of psychopathological symptoms in military personnel with injuries of varying severity]. Voenno-meditsinskiy zhurnal [Military Medical Journal], *343*(8), 34–41.
8. Makarova, N. V., & Kiseleva, M. G. (2019). Psikhologicheskiye osobennosti patsiyentov s posledstviyami cherepno-mozgovoy travmy [Psychological features of patients with consequences of traumatic brain injury]. Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical and Special Psychology], *8*(2), 11–28.
9. Marchenko, A. A., & Runov, V. I. (2022). Psikhosomaticheskiye sootnosheniya pri boyevoy travme [Psychosomatic relationships in combat trauma]. Vestnik Rossiyskoy voenno-meditsinskoy akademii [Bulletin of the Russian Military

Medical Academy], *3*, 156–163.
10. Reznik, A. M., & Sunyakov, T. S. (2023). Stressovyye rasstroystva u kombatantov: faktory khronizatsii [Stress disorders in combatants: Factors of chronification]. Psikhiatriya [Psychiatry], *21*(2), 23–31.
11. Shamrey, V. K., Kurasov, E. S., & Ivanov, M. V. (2023). Sovremennyye podkhody k diagnostike i terapii boyevoy psikhicheskoy travmy [Modern approaches to diagnosis and therapy of combat psychological trauma]. Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov], *123*(5), 45–53.
12. Shamrey, V. K., Lytkin, V. M., & Snedkov, E. V. (2015). Faktory riska razvitiya boyevoy psikhicheskoy travmy [Risk factors for development of combat psychological trauma]. Vestnik Rossiyskoy voenno-meditsinskoy akademii [Bulletin of the Russian Military Medical Academy], *2*, 78–85.
13. Sivolap, Yu. P. (2023). Posttravmaticheskoye stressovoye rasstroystvo: ot neyrobiologii k klinike [Post-traumatic stress disorder: From neurobiology to clinical practice]. Nevrologiya, neyropsikhiatriya, psikhosomatika [Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics], *15*(1), 78–85.
14. Snedkov, E. V. (2008). Boyevaya psikhicheskaya travma (kliniko-patogeneticheskaya dinamika, diagnostika, lechebno-reabilitatsionnaya pomoshch) [Combat psychological trauma (clinical and pathogenetic dynamics, diagnosis, therapeutic and rehabilitation assistance)] (Doctoral dissertation abstract). St. Petersburg.
15. Sukiasyan, S. G., & Tadevosyan, M. Ya. (2013). O sootnoshenii posttravmaticheskogo stressovogo rasstroystva i stressa (metodologicheskiye voprosy) [On the relationship between post-traumatic stress disorder and stress (methodological issues)]. Rossiyskiy psikhiatricheskiy zhurnal [Russian Psychiatric Journal], *4*, 35–40.
16. Tsygan, V. N., & Trashin, A. V. (2022). Patofiziologiya boyevogo stressa i posledstviya cherepno-mozgovykh travm [Pathophysiology of combat stress and consequences of traumatic brain injuries]. Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki [Bulletin of Education and Science Development], *2*, 112–119.
17. Utyuganov, A. A., & Yavnova, I. I. (2023). Psikhologicheskiye osobennosti voyennosluzhashchikh, poluchivshikh raneniya v khode vypolneniya boyevykh zadach [Psychological features of military personnel who received injuries during combat operations]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in Law Enforcement], *1*, 67–74.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 615.851 **DOI: 10.34670/AR.2026.16.82.003**

Трансформация личных метафор и динамика симптоматики ПТСР в ходе психотерапевтического вмешательства: смешанное феноменологическое исследование

Лаугман Андреюс Владимирович

Независимый исследователь,
соискатель ученой степени кандидата психологических наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: laugman@gmail.com

Аннотация

Цель исследования – изучение характера трансформации личных метафор у лиц с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) в ходе применения метода «Ментальная Инженерия» (МИ) и оценка корреляции данной трансформации с динамикой психометрических показателей. Выборка: N = 15 взрослых с верифицированным ПТСР по DSM-IV (IES-R ≥ 33, CAPS-IV ≥ 40). Применялся одногрупповой смешанный дизайн с тремя точками измерения: T0 (базовый), T1 (2 суток после вмешательства), T2 (14 суток после вмешательства). По обеим шкалам зафиксированы статистически значимые снижения (d = 5,01 по IES-R; d = 7,13 по CAPS-IV; p < 0,001); к T2 93,3% участников перешли в субклинический диапазон. Тематический анализ феноменологических интервью выявил устойчивый паттерн смещения метафорического репертуара от образов с негативной валентностью к ресурсным образам с параллельным изменением субъектной позиции от пассивной к агентной. Установлены значимые отрицательные корреляции между метафорическими изменениями и симптоматикой по всем трем кластерам ПТСР (ρ = –0,58 до –0,71, p < 0,01). Одногрупповой дизайн исключает каузальные интерпретации; результаты обосновывают разработку контролируемых исследований МИ.

Для цитирования в научных исследованиях

Лаугман А.В. Трансформация личных метафор и динамика симптоматики ПТСР в ходе психотерапевтического вмешательства: смешанное феноменологическое исследование // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 23-32. DOI: 10.34670/AR.2026.16.82.003

Ключевые слова

Посттравматическое стрессовое расстройство, ПТСР, личные метафоры, метафорическая трансформация, Ментальная Инженерия, Clean Language, символическое моделирование, IES-R, CAPS-IV, феноменологический анализ.

Введение

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — расстройство, развивающееся после воздействия события, связанного с реальной или угрожаемой смертью, тяжелыми повреждениями или сексуальным насилием [American Psychiatric Association, 1994], и характеризующееся симптомами вторжения, избегания и гипервозбуждения. Распространенность ПТСР в общей популяции составляет 3,9% [Koenen et al., 2017], существенно возрастая в группах высокого риска: до 23% среди ветеранов боевых действий [Fulton et al., 2015] и до 30,5% среди переживших сексуальное насилие [Kessler et al., 1995]. В постконфликтных популяциях показатели достигают 25—35% [Steel et al., 2009; Hoppen, Morina, 2019]. ПТСР сопровождается выраженными нарушениями социального и профессионального функционирования и значительной коморбидностью.

Для лечения ПТСР разработаны методы с доказанной эффективностью: пролонгированная экспозиция, когнитивно-процессинговая терапия и ДПДГ. Вместе с тем метаанализ Bradley et al. (2005), охвативший 26 рандомизированных исследований (N = 1 638), показал, что 46% участников сохраняли диагностически значимую симптоматику по завершении терапии. По данным [Klaeth et al., 2024], после интенсивной 8-дневной программы, сочетавшей пролонгированную экспозицию и ДПДГ, полного выздоровления через 12 месяцев достигли лишь 55—62% пациентов. Эти данные указывают на потребность в изучении дополнительных и альтернативных терапевтических подходов.

Одним из перспективных, но методологически малоразработанных направлений является использование клиент-генерированных метафор в терапии травмы. Травматический опыт нередко сопровождается затрудненной прямой вербализацией: люди с ПТСР чаще описывают переживания через метафоры, поскольку буквальное обращение к травматическому материалу может быть чрезмерно дистрессирующим [Rechsteiner et al., 2020; Qiu, Tay, Watson, 2024]. Согласно теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980] метафоры структурируют способ, которым человек осмысляет ситуацию, — они не являются только риторическим приемом, но отражают когнитивные репрезентации опыта. Корпусные исследования подтверждают, что клиенты в психотерапии чаще метафоризируют собственные проблемы, тогда как терапевты — процессы терапии [McMullen, Tay, 2023]. Лонгитюдное исследование [Qiu, Tay, Watson, 2024] показало, что валентность метафорических образов предсказывает динамику симптомов ПТСР на последующих измерениях; [Rechsteiner et al., 2020]зафиксировали кросс-культурную воспроизводимость метафор травмы в четырех странах. Структурированное выражение переживаний в нарративной форме ассоциируется со снижением физиологических маркеров стресса [Pennebaker, 2018], а восстановление нарративной связности рассматривается как ключевой процесс интеграции травматического опыта [Herman, 2015].

Вместе с тем систематические протоколы работы с клиент-генерированными метафорами, сочетающие операционализированную процедуру трансформации с верификацией изменений посредством стандартизированных инструментов, в литературе представлены ограниченно. Большинство исследований ориентировано на описание метафорического языка или его диагностическую ценность, тогда как вопрос о корреляции направленной метафорической трансформации с клинической динамикой ПТСР остается недостаточно изученным [Casas, Benuto, 2021].

Настоящее исследование направлено на изучение характера трансформации личных

метафор у лиц с ПТСР в ходе применения метода «Ментальная Инженерия» (МИ) и на оценку корреляции этой трансформации с динамикой симптоматики по шкалам IES-R и CAPS-IV. МИ интегрирует технику Clean Language [Grove, Panzer, 1989], символическое моделирование [Lawley, Tompkins, 2000] и методы клинической гипнотерапии в структурированный протокол работы с образным языком клиента. Рабочая гипотеза: смещение метафорического репертуара от образов с негативной валентностью к ресурсным образам ассоциируется со значимым снижением симптоматики ПТСР по кластерам вторжения, избегания и гипервозбуждения.

Материалы и методы

Дизайн исследования. Применялся смешанный одногрупповой дизайн с тремя точками измерения: до вмешательства (T0), через 2 суток (T1) и через 14 суток (T2) после вмешательства. Количественный компонент обеспечивал фиксацию динамики симптоматики ПТСР; качественный — феноменологический анализ трансформации метафорического репертуара. Интеграция данных осуществлялась по принципу триангуляции [Denzin, Lincoln, 2011]. Диагностической рамкой служил DSM-IV, что обеспечивало психометрическую согласованность с применяемыми инструментами (CAPS-IV, IES-R).

Участники. В исследование включены 15 взрослых (возраст 20—50 лет), свободно владеющих русским языком, с клинически подтвержденным диагнозом ПТСР по DSM-IV. Критерии включения: IES-R ≥ 33 [Creamer, Bell, Failla, 2003] и CAPS-IV ≥ 40 по правилу F1/I2 [Weathers, Keane, Davidson, 2001]; диагноз письменно верифицировал независимый психиатр. Критерии исключения: актуальные психотические эпизоды, выраженная суицидальная идеация, грубые когнитивные дефициты, активная зависимость от ПАВ, прием психотропных препаратов в течение восьми недель до T0. Размер выборки обоснован принципом феноменологической насыщенности: насыщенность зафиксирована после 12-го участника и подтверждена тремя последующими интервью [Guest, Bunce, Johnson, 2006; Creswell, 1998]. По типу травматического опыта: 12 участников (80%) — многократное насилие в детско-подростковом возрасте, 3 (20%) — единичное тяжелое событие во взрослой жизни; средний интервал от последнего события до включения — 4 года 1 месяц (диапазон: 4 мес. — 11 лет). Исследование проводилось в соответствии с требованиями Хельсинкской декларации; каждый участник подписал форму информированного согласия.

Терапевтическое вмешательство. Метод «Ментальная Инженерия» (МИ) — структурированный протокол, интегрирующий три компонента: технику Clean Language [Grove, Panzer, 1989] — систему недирективных вопросов, работающих исключительно с образным языком клиента; символическое моделирование [Lawley, Tompkins, 2000] — процедуру картирования и трансформации метафорического пространства; методы клинической гипнотерапии. Каждый участник получил 1—3 сессии МИ. Принципиальная особенность протокола — недирективность: терапевт работает только с образами, генерируемыми клиентом, не привнося собственных интерпретаций.

Инструменты. Применялись два стандартизированных инструмента. IES-R [Weiss, Marmar, 1997] — 22-пунктовый самоотчетный опросник (субшкалы: вторжение, избегание, гипервозбуждение); порог вероятного ПТСР — суммарный балл ≥ 33 [Creamer, Bell, Failla, 2003]. CAPS-IV [Blake et al., 1995] — структурированное клиническое интервью; суммарный балл — сумма частоты и интенсивности симптомов по кластерам B—D; клинически значимая динамика — снижение ≥ 15 баллов [Weathers, Keane, Davidson, 2001]. Дополнительно

применялись: авторский метафорический опросник, фиксирующий валентность, агентность и тематическое содержание образов, и полуструктурированное феноменологическое интервью на каждом срезе.

Статистический анализ. Для сравнения срезов применялся критерий Вилкоксона для связных выборок. Размеры эффекта рассчитывались по d Коэна [Cohen, 1988]; надежность индивидуальных изменений оценивалась посредством индекса RCI [Jacobson, Truax, 1991]; порог RCI > 1,96, $p < 0,05$). Взаимосвязь метафорических и клинических изменений оценивалась коэффициентом Спирмена (ρ) с поправкой Бонферрони. Качественные данные обрабатывались методом тематического анализа [Braun, Clarke, 2006] с процедурой peer debriefing.

Результаты

Количественная динамика симптоматики ПТСР. На исходном срезе (T0) все 15 участников демонстрировали показатели клинически значимого уровня ПТСР: IES-R = 61,80 ± 11,45, CAPS-IV = 55,53 ± 4,83. Динамика суммарных и субшкальных показателей представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Динамика показателей симптоматики ПТСР по шкалам IES-R и CAPS-IV на срезах T0, T1, T2 (N = 15)

Показатель / Measure	T0 (M ± SD)	T1 (M ± SD)	T2 (M ± SD)	d Коэна / Cohen's d (T0-T1)	p (T0-T1)	p (T0-T2)
IES-R: общий балл / total score	61,80 ± 11,45	14,40 ± 8,16	8,13 ± 5,67	5,01	< 0,001	< 0,001
IES-R: вторжение / intrusion	24,73 ± 4,31	5,33 ± 3,19	2,87 ± 2,29	5,07	< 0,001	< 0,001
IES-R: избегание / avoidance	24,87 ± 4,20	5,73 ± 3,01	3,53 ± 2,64	4,55	< 0,001	< 0,001
IES-R: возбудимость / hyperarousal	12,20 ± 3,18	3,33 ± 2,29	1,73 ± 1,62	3,68	< 0,001	< 0,001
CAPS-IV: общий балл / total score	55,53 ± 4,83	15,80 ± 5,03	9,33 ± 2,97	7,13	< 0,001	< 0,001

Примечание / Note. Общий балл CAPS-IV — сумма субшкал частоты и интенсивности. Высокие значения d обусловлены одногрупповым pre-post дизайном; сравнение с данными РКИ некорректно [Cohen, 1988]. / CAPS-IV total = sum of frequency and intensity subscales. Large d values reflect single-group pre-post design; comparison with RCT data is not appropriate [Cohen, 1988].

По всем показателям и на обоих срезах зафиксированы статистически значимые различия относительно T0 ($p < 0,001$). К срезу T2 93,3% участников (14 из 15) перешли в субклинический диапазон по IES-R (< 24 баллов) и 93,3% — по CAPS-IV (≤ 10 баллов). Среднее снижение IES-R от T0 к T1 составило 47,4 балла, CAPS-IV — 39,7 балла, что многократно превышает пороги минимально клинически значимого изменения [Norrholm et al., 2017; Forbes et al., 2010]. У всех 15 участников индивидуальные изменения превысили порог RCI > 1,96 по обеим шкалам.

Феноменологические результаты. Тематический анализ материалов интервью и метафорических опросников (T0—T2) выявил устойчивый паттерн сдвига метафорического репертуара у большинства участников. На T0 доминировали образы с негативной валентностью — замкнутые, угрожающие, статичные пространства, образы потери контроля: «лабиринт, в котором легко заблудиться» (участник 1), «стенки будто сходятся — дышать уже некуда» (участник 11), «пронзительный вой сирены, заливающий мозг» (участник 11). Позиция субъекта

— преимущественно пассивная.

К T1 и устойчиво к T2 фиксировалось смещение к образам с позитивной или ресурсной валентностью, открытым пространством и субъектным контролем. Характерные трансформации: «лабиринт» (T0) — «аккуратные дорожки в ботаническом саду: видно, куда идти» (T1, участник 1); «пронзительный вой сирены» (T0) — «приглушенный звон фарфорового колокольчика, напоминающий о паузе» (T1, участник 11); «я — трещина в асфальте» (T0) — «одуванчик, распускающийся сквозь трещину в камне» (T1, участник 6). Тематический анализ выявил четыре устойчивых направления трансформации: усиление когнитивной гибкости (от статичных образов к образам движения и выбора); укрепление субъектной позиции (от образов «жертвы» к образам «агента»); снижение аффективной интенсивности (от острых угрожающих образов к управляемым и приглушенным); восстановление образа социального пространства (от образов изоляции к образам гибких поддерживающих границ).

Корреляционный анализ. Качественные изменения метафорического репертуара были операционализированы в ранговые индексы (доля ресурсных метафор; смещение валентности) и сопоставлены с динамикой психометрических показателей посредством коэффициента Спирмена (табл. 2).

Таблица 2 – Корреляции между метафорическими изменениями и динамикой симптоматики ПТСР (N = 15)

Метафорический индикатор / Metaphoric indicator	Показатель / Measure	ρ	p
Рост доли ресурсных метафор / Increase in resource metaphors	CAPS-IV (общий / total)	–0,64	< 0,01
Рост доли ресурсных метафор / Increase in resource metaphors	IES-R (общий / total)	–0,58	< 0,01
Смещение валентности / Valence shift	IES-R: вторжение / intrusion	–0,71	< 0,01
Смещение валентности / Valence shift	IES-R: избегание / avoidance	–0,59	< 0,01
Смещение валентности / Valence shift	IES-R: возбудимость / hyperarousal	–0,62	< 0,01

Примечание / Note. $p < 0,01$ с поправкой Бонферрони. Корреляционный дизайн не позволяет установить направление причинно-следственной связи. / $p < 0.01$ with Bonferroni correction. Correlational design precludes establishing causal direction.

Наиболее сильная связь зафиксирована между смещением валентности метафор и снижением интрузивных симптомов ($\rho = –0,71$), что согласуется с теоретическими представлениями о роли образного языка в переработке элементов травматической памяти [Angus, Greenberg, 2011].

Обсуждение результатов

Полученные данные рассматриваются в трех аналитических плоскостях: соответствие результатов данным литературы, интерпретация корреляций и ограничения исследования.

Соответствие данным литературы. Направление наблюдаемой динамики согласуется с рядом предшествующих работ. Связь между негативной валентностью метафорических образов и высокими показателями по IES-R, выявленная в данном исследовании ($\rho = –0,58$, $p < 0,01$), воспроизводит результаты Qiu, Tay, Watson (2024): в лонгитюдной выборке лиц, переживших травматические события, негативно окрашенные образы («замкнутые пространства», «хищные силы») коррелировали с выраженностью интрузивных симптомов, а переход к ресурсным

образам предшествовал снижению симптоматики. Кросс-культурная устойчивость метафорических тем при ПТСР, зафиксированная [Rechsteiner et al., 2020], поддерживает внешнюю согласованность выявленных паттернов.

Наиболее сильная корреляция — между смещением валентности метафор и снижением интрузивных симптомов (ρ = –0,71) — теоретически согласуется с представлениями об образных репрезентациях как компоненте травматической памяти (van der Kolk, 2014) и с клиническими данными о терапевтическом значении косвенного символического обращения к травматическому материалу (Witztum, Dasberg, Bleich, 1986). Феноменологический паттерн смещения субъектной позиции — от пассивных образов к агентным — согласуется с концепцией восстановления нарративной агентности после травмы (Herman, 2015) и с данными о роли когнитивной реструктуризации в редукции симптоматики ПТСР [Ehlers, Clark, 2000].

Интерпретация количественных показателей. Значения d Коэна (5,01 по IES-R, 7,13 по CAPS-IV) существенно превышают диапазоны, типичные для опубликованных клинических исследований: в метаанализе Bradley et al. (2005) средний d для КПТ-ориентированных вмешательств составлял около 1,0—1,5. Расхождение объясняется особенностями дизайна: одногрупповой pre-post дизайн систематически завышает оценки d за счет регрессии к среднему, эффекта тестирования и отсутствия контрольного условия; дополнительный фактор — высокий исходный уровень симптоматики. Следовательно, полученные размеры эффекта не допускают прямого сопоставления с данными рандомизированных исследований. Клинически значимым остается факт, что к Т2 93,3% участников перешли в субклинический диапазон по обеим шкалам, — эти данные обосновывают разработку контролируемых исследований.

Ограничения. Одногрупповой дизайн без рандомизации и контрольного условия не позволяет разграничить вклад вмешательства и нетерапевтических факторов (эффект терапевтического внимания, ожидания участников, естественное течение расстройства). Малый размер выборки (N = 15) ограничивает статистическую мощность корреляционных оценок и не обеспечивает внешней генерализуемости. Вмешательство проводил автор исследования, что создает риск систематической ошибки, связанной с совмещением ролей терапевта и исследователя. Операционализация метафорических изменений через авторские ранговые оценки несет риск интерпретативного смещения. Период наблюдения ограничен 14 сутками, что не позволяет судить об устойчивости изменений в долгосрочной перспективе. Перечисленные ограничения определяют статус результатов: они обосновывают разработку гипотез для проверки в контролируемых исследованиях, но не допускают каузальных интерпретаций.

Выводы

В ходе применения МИ у всех участников (N = 15) зафиксировано статистически значимое снижение показателей ПТСР по IES-R и CAPS-IV на срезах Т1 и Т2 относительно Т0 ($p < 0,001$ по всем сравнениям); к 14-му дню 93,3% участников перешли в субклинический диапазон по обеим шкалам. Феноменологический анализ выявил устойчивый паттерн смещения метафорического репертуара от образов с негативной валентностью к ресурсным образам с параллельным изменением субъектной позиции от пассивной к агентной. Установлены значимые отрицательные корреляции между характеристиками метафорических изменений и выраженностью симптоматики по всем трем кластерам ПТСР (ρ от –0,58 до –0,71, $p < 0,01$). Направление и характер корреляций согласуются с данными Qiu, Tay, Watson (2024) и

теоретическими представлениями о роли образного языка в переработке травматического опыта [Lakoff, Johnson, 1980; van der Kolk, 2014]. Полученные результаты обосновывают разработку рандомизированных контролируемых исследований МИ с активной контрольной группой, длительным периодом наблюдения и стандартизированными независимыми процедурами оценки метафорической динамики.

Библиография

1. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. М.: Институт психологии РАН, 2009.
2. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 4th ed. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1994.
3. Angus L.E., Greenberg L.S. Working with narrative in emotion-focused therapy: Changing stories, healing lives. Washington, DC: American Psychological Association, 2011. DOI: 10.1037/12325-000.
4. Blake D.D., Weathers F.W., Nagy L.M., Kaloupek D.G., Gusman F.D., Charney D.S., Keane T.M. The development of a Clinician-Administered PTSD Scale // Journal of Traumatic Stress. 1995. Vol. 8. No. 1. P. 75–90. DOI: 10.1007/BF02105408.
5. Bradley R., Greene J., Russ E., Dutra L., Westen D. A multidimensional meta-analysis of psychotherapy for PTSD // American Journal of Psychiatry. 2005. Vol. 162. No. 2. P. 214–227. DOI: 10.1176/appi.ajp.162.2.214.
6. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa.
7. Casas J.B., Benuto L.T. Breaking the silence: A qualitative analysis of traumatic narratives posted online by first responders // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2021. Vol. 13. No. 5. P. 546–554. DOI: 10.1037/tra0000944.
8. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd ed. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.
9. Creamer M., Bell R., Failla S. Psychometric properties of the Impact of Event Scale – Revised // Behaviour Research and Therapy. 2003. Vol. 41. No. 12. P. 1489–1496. DOI: 10.1016/j.brat.2003.07.010.
10. Creswell J.W. Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1998.
11. Denzin N.K., Lincoln Y.S. (Eds.). The SAGE handbook of qualitative research. 4th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2011.
12. Ehlers A., Clark D.M. A cognitive model of posttraumatic stress disorder // Behaviour Research and Therapy. 2000. Vol. 38. No. 4. P. 319–345. DOI: 10.1016/S0005-7967(99)00123-0.
13. Forbes D., Creamer M., Bisson J.I. A guide to guidelines for the treatment of PTSD and related conditions // Journal of Traumatic Stress. 2010. Vol. 23. No. 5. P. 537–552. DOI: 10.1002/jts.20565.
14. Fulton J.J., Calhoun P.S., Wagner H.R., Schry A.R., Hair L.P., Feeling N., Elbogen E., Beckham J.C. The prevalence of PTSD in OEF/OIF veterans: A meta-analysis // Journal of Anxiety Disorders. 2015. Vol. 31. P. 98–107. DOI: 10.1016/j.janxdis.2015.02.003.
15. Grove D.J., Panzer B.I. Resolving traumatic memories: Metaphors and symbols in psychotherapy. New York: Irvington Publishers, 1989.
16. Guest G., Bunce A., Johnson L. How many interviews are enough? An experiment with data saturation and variability // Field Methods. 2006. Vol. 18. No. 1. P. 59–82. DOI: 10.1177/1525822X05279903.
17. Herman J.L. Trauma and recovery: The aftermath of violence – from domestic abuse to political terror. Rev. ed. New York: Basic Books, 2015.
18. Hoppen T.H., Morina N. The prevalence of PTSD and major depression in the global population of adult war survivors // European Journal of Psychotraumatology. 2019. Vol. 10. No. 1. Article 1578637. DOI: 10.1080/20008198.2019.1578637.
19. Jacobson N.S., Truax P. Clinical significance: A statistical approach to defining meaningful change in psychotherapy research // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1991. Vol. 59. No. 1. P. 12–19. DOI: 10.1037/0022-006X.59.1.12.
20. Kessler R.C., Sonnega A., Bromet E.J., Hughes M., Nelson C.B. Posttraumatic stress disorder in the National Comorbidity Survey // Archives of General Psychiatry. 1995. Vol. 52. No. 12. P. 1048–1060. DOI: 10.1001/archpsyc.1995.03950240066012.
21. Klaeth J.R., Jensen A.G., Brynhildsvoll Auren T.J., Solem S. 12-month follow-up of an intensive outpatient PTSD treatment // BMC Psychiatry. 2024. Vol. 24. Article 225. DOI: 10.1186/s12888-024-05656-9.
22. Koenen K.C., Ratanatharathorn A., Ng L., McLaughlin K.A., Bromet E.J., Stein D.J., Karam E.G., Ruscio A.M., Benjet C., Scott K., Kessler R.C. Posttraumatic stress disorder in the World Mental Health Surveys // Psychological Medicine.

2017. Vol. 47. No. 13. P. 2260–2274. DOI: 10.1017/S0033291717000708.
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
24. Lawley J., Tompkins P. Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling. London: The Developing Company Press, 2000.
25. McMullen L.M., Tay D. Research review of psychotherapists' use of metaphors // Psychotherapy. 2023. Vol. 60. No. 3. P. 255–265. DOI: 10.1037/pst0000473.
26. Norrholm S.D., Tølbøll N.S., Munk E.K., Madsen T. The IES-R in a Danish clinical sample // Scandinavian Journal of Psychology. 2017. Vol. 58. No. 1. P. 74–81. DOI: 10.1111/sjop.12339.
27. Pennebaker J.W. Expressive writing in psychological science // Perspectives on Psychological Science. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 226–229. DOI: 10.1177/1745691617707315.
28. Qiu A.H., Tay D., Watson B. Metaphorical language and psychopathological symptoms: A case study of trauma victims' metaphor use // BMC Psychology. 2024. Vol. 12. No. 1. Article 57. DOI: 10.1186/s40359-023-01492-w.
29. Rechsteiner K., Maercker A., Heim E., Meili I. Metaphors for trauma: A cross-cultural qualitative comparison // Journal of Traumatic Stress. 2020. Vol. 33. No. 5. P. 643–653. DOI: 10.1002/jts.22533.
30. Steel Z., Chey T., Silove D., Marnane C., Bryant R.A., van Ommeren M. Association of torture and other potentially traumatic events with mental health outcomes // JAMA. 2009. Vol. 302. No. 5. P. 537–549. DOI: 10.1001/jama.2009.1132.
31. van der Kolk B.A. The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma. New York: Viking, 2014.
32. Weathers F.W., Keane T.M., Davidson J.R.T. Clinician-Administered PTSD Scale: A review of the first ten years of research // Depression and Anxiety. 2001. Vol. 13. No. 3. P. 132–156. DOI: 10.1002/da.1029.
33. Weiss D.S., Marmar C.R. The Impact of Event Scale – Revised // J.P. Wilson, T.M. Keane (Eds.). Assessing psychological trauma and PTSD. New York: Guilford Press, 1997. P. 399–411.
34. Witztum E., Dasberg H., Bleich A. Use of a metaphor in the treatment of combat-induced PTSD // American Journal of Psychotherapy. 1986. Vol. 40. No. 3. P. 457–465. DOI: 10.1176/appi.psychotherapy.1986.40.3.457.

Transformation of Personal Metaphors and Dynamics of PTSD Symptomatology in the Course of Psychotherapeutic Intervention: A Mixed Phenomenological Study

Andreyus V. Laugman

Independent Researcher,
Degree-Seeking Applicant for the Degree of PhD in Psychology,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: laugman@gmail.com

Abstract

The objective of the study is to examine the nature of the transformation of personal metaphors in individuals with post-traumatic stress disorder (PTSD) during the application of the "Mental Engineering" (ME) method and to assess the correlation of this transformation with the dynamics of psychometric indicators. Sample: N = 15 adults with verified PTSD according to DSM-IV (IES-R $\geq$ 33, CAPS-IV $\geq$ 40). A single-group mixed design with three measurement points was applied: T0 (baseline), T1 (2 days after the intervention), T2 (14 days after the intervention). Statistically significant reductions were recorded on both scales ($d = 5.01$ for IES-R; $d = 7.13$ for CAPS-IV; $p < 0.001$); by T2, 93.3% of participants had transitioned to the subclinical range. Thematic analysis of phenomenological interviews revealed a stable pattern of a shift in the metaphorical repertoire from negatively valenced images to resource images, with a parallel change in the subject position from passive to agentic. Significant negative correlations were established between metaphorical changes and symptomatology across all three PTSD clusters ($\rho = -0.58$ to -0.71, $p < 0.01$). The single-group

design excludes causal interpretations; the results substantiate the development of controlled studies of ME.

For citation

Laugman A.V. (2026) Transformatsiya lichnykh metafor i dinamika simptomatiki PTSR v khode psikhoterapevticheskogo vmeshatel'stva: smeshannoe fenomenologicheskoe issledovanie [Transformation of Personal Metaphors and Dynamics of PTSD Symptomatology in the Course of Psychotherapeutic Intervention: A Mixed Phenomenological Study]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 23-32. DOI: 10.34670/AR.2026.16.82.003

Keywords

Post-traumatic stress disorder, PTSD, personal metaphors, metaphorical transformation, Mental Engineering, Clean Language, symbolic modeling, IES-R, CAPS-IV, phenomenological analysis.

References

1. American Psychiatric Association. (1994). Diagnostic and statistical manual of mental disorders (4th ed.). American Psychiatric Association.
2. Angus, L. E., & Greenberg, L. S. (2011). Working with narrative in emotion-focused therapy: Changing stories, healing lives. American Psychological Association. https://doi.org/10.1037/12325-000
3. Blake, D. D., Weathers, F. W., Nagy, L. M., Kaloupek, D. G., Gusman, F. D., Charney, D. S., & Keane, T. M. (1995). The development of a Clinician-Administered PTSD Scale. Journal of Traumatic Stress, 8(1), 75–90. https://doi.org/10.1007/BF02105408
4. Bradley, R., Greene, J., Russ, E., Dutra, L., & Westen, D. (2005). A multidimensional meta-analysis of psychotherapy for PTSD. American Journal of Psychiatry, 162(2), 214–227. https://doi.org/10.1176/appi.ajp.162.2.214
5. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology, 3(2), 77–101. https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa
6. Casas, J. B., & Benuto, L. T. (2021). Breaking the silence: A qualitative analysis of traumatic narratives posted online by first responders. Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy, 13(5), 546–554. https://doi.org/10.1037/tra0000944
7. Cohen, J. (1988). Statistical power analysis for the behavioral sciences (2nd ed.). Lawrence Erlbaum Associates.
8. Creamer, M., Bell, R., & Failla, S. (2003). Psychometric properties of the Impact of Event Scale – Revised. Behaviour Research and Therapy, 41(12), 1489–1496. https://doi.org/10.1016/j.brat.2003.07.010
9. Creswell, J. W. (1998). Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions. SAGE Publications.
10. Denzin, N. K., & Lincoln, Y. S. (Eds.). (2011). The SAGE handbook of qualitative research (4th ed.). SAGE Publications.
11. Ehlers, A., & Clark, D. M. (2000). A cognitive model of posttraumatic stress disorder. Behaviour Research and Therapy, 38(4), 319–345. https://doi.org/10.1016/S0005-7967(99)00123-0
12. Forbes, D., Creamer, M., & Bisson, J. I. (2010). A guide to guidelines for the treatment of PTSD and related conditions. Journal of Traumatic Stress, 23(5), 537–552. https://doi.org/10.1002/jts.20565
13. Fulton, J. J., Calhoun, P. S., Wagner, H. R., Schry, A. R., Hair, L. P., Feeling, N., Elbogen, E., & Beckham, J. C. (2015). The prevalence of PTSD in OEF/OIF veterans: A meta-analysis. Journal of Anxiety Disorders, 31, 98–107. https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2015.02.003
14. Grove, D. J., & Panzer, B. I. (1989). Resolving traumatic memories: Metaphors and symbols in psychotherapy. Irvington Publishers.
15. Guest, G., Bunce, A., & Johnson, L. (2006). How many interviews are enough? An experiment with data saturation and variability. Field Methods, 18(1), 59–82. https://doi.org/10.1177/1525822X05279903
16. Herman, J. L. (2015). Trauma and recovery: The aftermath of violence – from domestic abuse to political terror (Rev. ed.). Basic Books.
17. Hoppen, T. H., & Morina, N. (2019). The prevalence of PTSD and major depression in the global population of adult war survivors. European Journal of Psychotraumatology, 10(1), Article 1578637. https://doi.org/10.1080/20008198.2019.1578637
18. Jacobson, N. S., & Truax, P. (1991). Clinical significance: A statistical approach to defining meaningful change in psychotherapy research. Journal of Consulting and Clinical Psychology, 59(1), 12–19. https://doi.org/10.1037/0022-

006X.59.1.12
19. Kessler, R. C., Sonnega, A., Bromet, E. J., Hughes, M., & Nelson, C. B. (1995). Posttraumatic stress disorder in the National Comorbidity Survey. Archives of General Psychiatry, 52(12), 1048–1060. https://doi.org/10.1001/archpsyc.1995.03950240066012
20. Klaeth, J. R., Jensen, A. G., Brynhildsvoll Auren, T. J., & Solem, S. (2024). 12-month follow-up of an intensive outpatient PTSD treatment. BMC Psychiatry, 24, Article 225. https://doi.org/10.1186/s12888-024-05656-9
21. Koenen, K. C., Ratanatharathorn, A., Ng, L., McLaughlin, K. A., Bromet, E. J., Stein, D. J., Karam, E. G., Ruscio, A. M., Benjet, C., Scott, K., & Kessler, R. C. (2017). Posttraumatic stress disorder in the World Mental Health Surveys. Psychological Medicine, 47(13), 2260–2274. https://doi.org/10.1017/S0033291717000708
22. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. University of Chicago Press.
23. Lawley, J., & Tompkins, P. (2000). Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling. The Developing Company Press.
24. McMullen, L. M., & Tay, D. (2023). Research review of psychotherapists' use of metaphors. Psychotherapy, 60(3), 255–265. https://doi.org/10.1037/pst0000473
25. Norrholm, S. D., Tølbøll, N. S., Munk, E. K., & Madsen, T. (2017). The IES-R in a Danish clinical sample. Scandinavian Journal of Psychology, 58(1), 74–81. https://doi.org/10.1111/sjop.12339
26. Pennebaker, J. W. (2018). Expressive writing in psychological science. Perspectives on Psychological Science, 13(2), 226–229. https://doi.org/10.1177/1745691617707315
27. Qiu, A. H., Tay, D., & Watson, B. (2024). Metaphorical language and psychopathological symptoms: A case study of trauma victims' metaphor use. BMC Psychology, 12(1), Article 57. https://doi.org/10.1186/s40359-023-01492-w
28. Rechsteiner, K., Maercker, A., Heim, E., & Meili, I. (2020). Metaphors for trauma: A cross-cultural qualitative comparison. Journal of Traumatic Stress, 33(5), 643–653. https://doi.org/10.1002/jts.22533
29. Steel, Z., Chey, T., Silove, D., Marnane, C., Bryant, R. A., & van Ommeren, M. (2009). Association of torture and other potentially traumatic events with mental health outcomes. JAMA, 302(5), 537–549. https://doi.org/10.1001/jama.2009.1132
30. Tarabrina, N. V. (2009). Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa: teoriya i praktika [Psychology of post-traumatic stress: Theory and practice]. Institut psikhologii RAN.
31. van der Kolk, B. A. (2014). The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma. Viking.
32. Weathers, F. W., Keane, T. M., & Davidson, J. R. T. (2001). Clinician-Administered PTSD Scale: A review of the first ten years of research. Depression and Anxiety, 13(3), 132–156. https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11387733/
33. Weiss, D. S., & Marmar, C. R. (1997). The Impact of Event Scale – Revised. In J. P. Wilson & T. M. Keane (Eds.), Assessing psychological trauma and PTSD (pp. 399–411). Guilford Press.
34. Witztum, E., Dasberg, H., & Bleich, A. (1986). Use of a metaphor in the treatment of combat-induced PTSD. American Journal of Psychotherapy, 40(3), 457–465. https://doi.org/10.1176/appi.psychotherapy.1986.40.3.457

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.18.46.004**

Чувство внутреннего достоинства как экзистенциально-психологическая характеристика личности

Распопин Евгений Владимирович

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра философии, психологии и гуманитарных дисциплин,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: ev73@mail.ru

Аннотация

В статье проводится психологический анализ чувства внутреннего достоинства как экзистенциально-психологической характеристики личности. Рассматривается определение понятия достоинства в смежных областях науки – этике, философии, юриспруденции. Выводятся его собственно психологические характеристики, такие, как чувство самоуважения, ощущения собственной ценности, веры в себя и внутренней силы человека. Также рассматриваются антиподы чувства внутреннего достоинства, вопросы его происхождения и развития, формы проявления чувства внутреннего достоинства в поступках и переживаниях человека. Особое внимание обращается на то, что чувство внутреннего достоинства неотделимо от уважения к другим людям, признания их достоинства как неотъемлемой части личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Распопин Е.В. Чувство внутреннего достоинства как экзистенциально-психологическая характеристика личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 33-39. DOI: 10.34670/AR.2026.18.46.004

Ключевые слова

Чувство внутреннего достоинства, личность, самоуважение, психическое здоровье, экзистенциально-гуманистическая психология, самоценность, внутренняя сила, вера в себя.

Введение

Трудно переоценить ту роль и значение, которое играет в жизни человека чувство внутреннего достоинства. Как отмечал Р. Мэй, чувство достоинства, или чувство внутренней ценности, жизненно необходимо каждому психически здоровому человеку [Мэй, 2012]. В. Франкл определял чувство достоинства как особое качество, которое отличает собственно человеческое бытие [Frankl, 1988]. Вместе с тем, понятие достоинства нечасто становилось темой самостоятельного изучения в психологии; исключение здесь составляют, пожалуй, работы психологов экзистенциально-гуманистического направления. В связи с этим, целью данной работы выступило провести психологический анализ чувства внутреннего достоинства, рассмотреть его содержательные характеристики с позиции экзистенциально-гуманистического подхода.

Психологический анализ чувства внутреннего достоинства

Как было отмечено выше, достоинство редко становилось предметом психологического исследования. Чаще оно рассматривалось в качестве морально-этической, философской, юридической категории. Поэтому для того, чтобы выявить собственно психологическую составляющую этого понятия, представляется полезным вначале рассмотреть его определения в других областях науки.

Итак, с морально-этической точки зрения, достоинство – это понятие морального сознания, выражающее представление о ценности человека как нравственной личности. Также достоинство – это категория этики, которая означает особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, признающего его ценность [Словарь по этике, 1981]. Достоинство как моральная категория характеризует индивида как личность. С этой точки зрения достоинство человека определяется не его происхождением, богатством, образованием или социальным происхождением, а присущей ему как личности и гражданину свободой [Новая философская энциклопедия, 2010].

В юридическом плане достоинство рассматривается в качестве одного из нематериальных благ, принадлежащих человеку от рождения, а также как критерий отношения государства к личности и ее правовому статусу как высшей социальной ценности [Большой юридический словарь, 2001].

В современной философии подчеркивается понимание достоинства как характеристики человека с точки зрения его внутренней ценности. Отмечается, что субъективно достоинство представляет собой чувство самоуважения и выражается в ощущении человеком собственной значимости [Новая философская энциклопедия, 2010].

Как видно из этого определения, здесь появляется «привязка» достоинства человека к его внутренним чувствам и ощущениям, а именно, к чувству самоуважения. Акцентирование внимания на чувстве самоуважения можно встретить и в других определениях достоинства. Так, С. И. Ожегов определяет достоинство как совокупность высоких моральных качеств в человеке, а также уважение этих качеств в самом себе [Ожегов, 1989]. Согласно определению Т. Ф. Ефремовой, достоинство – это уважение к себе, сознание своих прав, своей значимости, а также независимость взглядов и суждений [Ефремова, 2000]. Д. Майерс определяет самоуважение как всеобъемлющую самооценку, или чувство собственного достоинства [Майерс, 2001]. Таким образом, чувство самоуважения позволяет выделить собственно психологическую

составляющую понятия человеческого достоинства и выступает в качестве одной из его ведущих, базовых характеристик.

Взгляд на достоинство с точки зрения чувств и внутренних состояний человека позволяет выделить еще ряд его психологических характеристик.

Прежде всего, это внутренняя сила человека, его сила быть. Эта сила принадлежит каждому человеку по праву его рождения. Она является источником его самоуважения и основой убеждения в том, что он значим для других людей.

От силы быть неотделима вера человека в себя, в свои силы и возможности. Эта вера вытекает из ощущения собственной ценности, которое передается человеку через любовь родителей, и проявляется позже в жизни человека как чувство собственного достоинства [Мэй, 2012].

Наконец, чувство достоинства – это то, что нередко приходится защищать и отстаивать. Такая необходимость возникает в ответ на ситуации унижения чувства внутреннего достоинства человека. В подобных ситуациях чувство достоинства способно обостряться до предела, и тогда человек готов отстаивать свои права, свободу, убеждения, свое «Я» до конца, не взирая на возможные последствия и потери. Именно в подобном упорстве и решимости защитить свое достоинство наиболее полно проявляются воля, мужество и та внутренняя сила человека, которую В. Франкл назвал упрямством духа [Frankl, 1988].

Таким образом, чувство достоинства представляет собой сплав самоуважения, ощущения собственной ценности, веры в себя и внутренней силы человека.

Теперь представляется необходимым рассмотреть, чем достоинство не является. Здесь можно выделить несколько основных моментов.

Во-первых, не является проявлениями чувства внутреннего достоинства и самоуважения завышенная самооценка, переходящая в избыточное самомнение. Напротив, избыточное самомнение – это, скорее, свидетельство внутренней пустоты и сомнений человека в своей ценности, которое он пытается компенсировать завышенным мнением о своих качествах и достоинствах. Во-вторых, не является проявлением достоинства мнимое смирение и самобичевание. Обличать самого себя – это самый простой способ получить определенное замещение ощущению своей ценности. Человек, который утратил ощущение собственной значимости, часто испытывает сильную потребность обличать себя, так как это помогает ему скрыть сильную боль, связанную с ощущением собственной ничтожности. Он как бы пытается привлечь к себе внимание, показать, насколько он значим, раз ему приходится выносить такие страдания. На самом же деле, самобичевание, равно как и самомнение, говорят, скорее, о лицемерии и тщеславии, которые призваны замаскировать сомнения в своей компетентности. Подобные проявления Р. Мэй определяет как суррогаты самоуважения [Мэй, 2012]. В-третьих, достоинство – это не «индульгенция», дающая человеку право на защиту собственного самоуважения в ущерб самоуважению других людей. Обладать чувством собственного достоинства – значит, вести себя достойно и по отношению к себе, и по отношению к окружающим. Хотя, к сожалению, бывает так, что человек позволяет себе пренебрегать интересами и правами окружающих, но изменить свое поведение, например, принести извинения или исправить допущенные ошибки, считает «ниже своего достоинства». В действительности же такое поведение является проявлением эгоизма и не имеет с достоинством ничего общего. Поэтому можно утверждать, что человек, имеющий чувство собственного достоинства, в равной степени признает это чувство и в других людях. Наконец, достоинство – это не чувство обиды, возникающее в ответ на унижение. Конечно, унижение способно вызвать

в человеке обиду, но обида – это «тупиковое» чувство, оно порождает лишь жалость к себе, что не способствует сохранению самоуважения. Достоинство же означает решение человека сохранить свое самоуважение, но не благодаря обиде и унижению, а вопреки им.

Количественно достоинство можно определить как уровень моральных требований, которые человек предъявляет к себе, и ниже которого он опуститься не может. Причем этот порог должен быть достаточно высоким; опуститься ниже этого порога означает утратить чувство собственного достоинства. Поэтому иметь достоинство, обладать достоинством – это труд, требующий определенных усилий. Причем этот труд тем более сложный, что он требует каждодневного участия. Вспомнить и заявить о своем достоинстве от случая к случаю, когда в моменте это может быть выгодно человеку – это, скорее, относится к «суррогатам» достоинства, о которых речь шла выше.

Следующий важный вопрос – о происхождении и развитии чувства внутреннего достоинства. Безусловно, основы самоуважения и достоинства человека закладываются в детстве, через любовь и принятие родителей. Нет ничего более весомого для того, чтобы ощутить свою ценность, чем принятие со стороны самых близких людей. Равно как нет ничего более весомого для того, чтобы убедиться в своей малоценности и бесполезности, чем отвержение и пренебрежение с их стороны.

Вместе с тем, самоуважение зависит не только от того, как оценивают человека окружающие, но и от того, насколько он сам способен добиваться своих целей. Человек тогда начинает по-настоящему уважать себя, когда берется за решение сложных, но посильных задач, и добивается успеха. В результате, люди с чувством собственного достоинства более счастливы, менее невротичны, меньше страдают от болезней, менее склонны к алкоголизму и наркомании, более стойко переносят неудачи [Майерс, 2001].

Чувство внутреннего достоинства может выражаться в двух формах: позитивной (самопринятие) и негативной (протест).

Позитивная форма заключается в здоровом и адекватном переживании человеком чувства гордости, уверенности в себе и самоуважения в связи со своими личными качествами, успехами, достижениями, и, главное, просто в связи с тем, что он – человек. Пожалуй, для этого вовсе не обязательно быть исключительной личностью, обладающей необычайными качествами и характеристиками, которыми можно безмерно гордиться. Скорее, здесь речь идет о той степени самоуважения, при которой человек чувствует себя полноценной личностью, когда он уверен в своей личностной и социальной состоятельности. Во внутриличностном плане позитивная форма проявления достоинства переживается как ощущение соответствия тем требованиям, которые человек предъявляет к самому. В межличностном плане это выражается в уважении к достоинству другого человека.

Негативная форма представляет собой реакцию на такие события, когда чувство достоинства оказывается под угрозой. В этом случае проявление достоинства – это протест против несправедливости, унижения, нарушения прав человека и т.д. К сожалению, парадокс достоинства заключается в том, что человек нередко забывает о нем в своей повседневной жизни и вспоминает лишь в критических ситуациях. Но нередко именно в таких ситуациях чувство внутреннего достоинства (точнее, уязвленное чувство внутреннего достоинства) проявляется с наибольшей силой.

В пределе этот протест способен принимать форму максимы, согласно которой человеку, который не способен продолжать гордую, достойную жизнь, следует выбрать гордую и достойную смерть [Ницше, 2013]. Но чаще этот протест принимает менее экстремальную форму

– форму ненависти и негодования. Как отмечает Р. Мэй, зачастую эти чувства – единственная возможность, позволяющая человеку удержаться от духовного, психологического и, в пределе, физического саморазрушения. Здоровая функция ненависти и негодования – сохранение чувства собственного достоинства, самоуважения и своей идентичности, когда человек, даже признавая свое поражение, сохраняет за собой право ненавидеть своих обидчиков [Мэй, 2012]. Эти чувства можно наблюдать не только в критической ситуации отдельно взятого человека, но и в судьбе целых народов, когда ложь, обман, уничижение прав и свобод граждан со стороны властей приводили к социальным взрывам, вспышкам ярости и насилия. Поэтому чувство достоинства можно сравнить с пороховым зарядом: если относиться к нему с уважением, то и оно отвечает взаимностью. Но если систематически топтать и унижать его, то даже самое покорное и муштрованное существо в конечном итоге способно «взорваться» и обрушить накопившийся гнев и обиду на своих обидчиков.

В связи с этим, здесь возникает еще один важный вопрос, а именно: можно ли «лишить» человека чувства достоинства, и бывают ли люди, не имеющие или утратившие его?

Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что в ответ на систематическое унижение у человека могут развиться столь выраженные апатия, отупение и безразличие, когда кажется, что в нем не осталось вообще ничего человеческого. Такое безразличие делает человека менее чувствительным к моральной и физической боли, помогает ему легче переносить унижение. Но, как отмечает В. Франкл, даже при всей апатии и приглушенности чувств человек все-таки остается способен на вспышку гнева и возмущения [Frankl, 2010]. В такие моменты душевная боль, возмущение против несправедливости, тяжесть презрения, которым сопровождается унижение – все это сливается воедино и заставляет человека пожертвовать всем, что у него есть, ради того, чтобы хоть на миг заявить о себе, о своих правах, о своих чувствах. Возможно, вслед за этой вспышкой последует незамедлительная расплата. Но также может быть, что именно в этот миг человек будет по-настоящему свободен и проживет этот миг так полно, как никогда не жил до этого и не будет жить после.

Вообще, достоинство – не вещь, не предмет, и никто не в силах забрать его насильно. Как отмечает В. Франкл, даже в самых тяжелых жизненных обстоятельствах у человека есть возможность сделать выбор в пользу того, чтобы остаться человеком, сохранить свою внутреннюю свободу и достоинство [Frankl, 2010]. Но это же означает, что у него есть возможность сделать выбор и в пользу обратного: человек может сам отказаться от своего достоинства, так же, как и от других своих человеческих качеств – гордости, честности, порядочности и т.д. Это связано с тем, что не каждый испытывает внутреннюю потребность вести себя достойно по отношению к самому себе и другим людям. Не каждый стремится обладать тем, что больше требует от него, чем дает взамен. Наконец, не каждый намерен защищать и отстаивать чувство собственного достоинства: у кого-то недостаточно для этого сил, а кто-то просто не видит в этом смысла.

И, в завершении, остается отметить, что достоинство не имеет классовой или социальной принадлежности, оно является сугубо личным достоянием, лежащим вне рамок национальных, политических, идеологических и прочих внешних систем координат. Ученый, которого незаслуженно обвинили в присвоении себе чужих идей, представитель этнической группы, которому поставили в укор его национальную принадлежность, или бездомный, которого ударили по лицу за то, что он просил милостыню – все эти люди способны испытать возмущение против несправедливости. Возможно, по разным причинам они не покажут этого – кто-то из гордости, а кто-то из ощущения бесполезности, но это еще не значит, что у них нет чувства

самоуважения и достоинства. Скорее, это позволяет расширить представления о формах проявления достоинства и выделить еще две его формы – открытую и скрытую.

Открытая форма проявления достоинства уже была описана выше. Она представляет собой непосредственное выражение чувств, будь то бунт и протест против несправедливости, или же открыто выражаемая потребность в самоуважении и уважении со стороны окружающих. Что же касается скрытой формы, то она имеет место тогда, когда человек испытывает те или иные чувства, связанные с потребностью в самоуважении, но не имеет возможности или желания проявить их вовне. Он переживает, но делает это молча, в то время как за его молчанием скрываются чувство собственной значимости, либо гнева и возмущения.

Заключение

Таким образом, чувство внутреннего достоинства – это важный аспект психического здоровья человека, представляющий собой сплав самоуважения, ощущения собственной ценности, веры в себя и внутренней силы человека. Это то, что помогает человеку оставаться самим собой в трудных жизненных испытаниях. Но также достоинство – это то, что требует каждодневного труда, воли, а нередко и мужества. Подводя итог, можно сказать, что чувство внутреннего достоинства – это требование быть человеком, которое человек сам ставит перед самим собой.

Библиография

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 2001. 704 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный). М.: Дрофа: Русский язык, 2000. 1233 с.
3. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
4. Мэй Р. Сила и невинность. М.: Винтаж, 2012. 224 с.
5. Мэй Р. Человек в поисках себя. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. 224 с.
6. Ницше Ф. Падение кумиров. СПб.: Лениздат, 2013. 224 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
9. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. М.: Политиздат, 1981. 430 с.
10. Frankl V.E. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn: Eine Auswahl aus dem Gesamtwerk. München; Zürich: Piper, 1988. 291 p.
11. Frankl V.E. ...trotzdem Ja zum Leben sagen: Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager. Neuausgabe mit einem Vorwort von Ariadne von Schirach. München: Kösel-Verlag, 2010. 192 p.

The Sense of Inner Dignity as an Existential-Psychological Characteristic of the Personality

Evgeniy V. Raspopin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Philosophy, Psychology and Humanitarian Disciplines,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: ev73@mail.ru

Abstract

The article provides a psychological analysis of the sense of inner dignity as an existential-psychological characteristic of the personality. The definition of the concept of dignity in related fields of science – ethics, philosophy, and jurisprudence – is examined. Its proper psychological characteristics are derived, such as the sense of self-respect, the feeling of one's own value, self-belief, and the inner strength of a person. The antipodes of the sense of inner dignity, the issues of its origin and development, and the forms of manifestation of the sense of inner dignity in a person's actions and experiences are also considered. Particular attention is drawn to the fact that the sense of inner dignity is inseparable from respect for other people and the recognition of their dignity as an integral part of the personality.

For citation

Raspopin E.V. (2026) Chuvstvo vnutrennego dostoinstva kak ekzistentsial'no-psikhologicheskaya kharakteristika lichnosti [The Sense of Inner Dignity as an Existential-Psychological Characteristic of the Personality]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 33-39. DOI: 10.34670/AR.2026.18.46.004

Keywords

Sense of inner dignity, personality, self-respect, mental health, existential-humanistic psychology, self-worth, inner strength, self-belief.

References

1. Efremova, T. F. (2000). Novyy slovar' russkogo yazyka (tolkovo-slovoobrazovatel'nyy) [New dictionary of the Russian language (explanatory and word-forming)]. Drofa: Russkiy yazyk.
2. Frankl, V. E. (1988). Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn: Eine Auswahl aus dem Gesamtwerk [Man before the question of meaning: A selection from the complete works]. Piper.
3. Frankl, V. E. (2010). ...trotzdem Ja zum Leben sagen: Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager [...nevertheless say yes to life: A psychologist experiences the concentration camp]. Kösel-Verlag.
4. Kon, I. S. (Ed.). (1981). Slovar' po etike [Dictionary of ethics]. Politizdat.
5. May, R. (2012a). Sila i nevinnost' [Strength and innocence]. Vintage.
6. May, R. (2012b). Chelovek v poiskakh sebya [A man in search of himself]. Institute of General Humanitarian Research.
7. Myers, D. (2001). Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Piter.
8. Nietzsche, F. (2013). Padeniye kumirov [The fall of idols]. Lenizdat.
9. Ozhegov, S. I. (1989). Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Russkiy yazyk.
10. Sukharev, A. Ya., & Krutskikh, V. E. (Eds.). (2001). Bol'shoy yuridicheskiy slovar' [A large legal dictionary]. Infra-M.
11. The New Philosophical Encyclopedia. (2010). (Vol. 1). Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Mysl.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.923.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.50.83.005**

Я-виртуальное как модус Я-концепции подростка: теоретическое обоснование интегративной модели

Чабаненко Светлана Владимировна

Старший преподаватель,
кафедра «Психология»,
Севастопольский государственный университет,
299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33;
аспирант,
Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, 48
e-mail: ChabanenkoPsyhologist@yandex.ru

Аннотация

Цель: теоретическое обоснование интегративной модели Я-концепции современного подростка, учитывающей новый модус самости – «Я-виртуальное», формирующийся в условиях цифровой социализации и смешанной реальности. Методы: теоретический анализ и синтез классических подходов к пониманию Я-концепции (компонентная модель Р. Бернса, уровневая концепция В.В. Столина) и современных исследований цифровой социализации (Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский, Л.А. Регуш). Применен принцип системного анализа и метод теоретического моделирования. Результаты: предложена интегративная модель, в которой «Я-виртуальное» рассматривается как сквозной модус, пронизывающий когнитивный, оценочный и поведенческий компоненты Я-концепции на физическом, социально-ролевом и психологическом уровнях самосознания. Выделены ключевые факторы цифровой среды (перманентность и редактируемость самопрезентации, количественная обратная связь, анонимность и экспериментирование с идентичностью, смешанная реальность), трансформирующие процессы самопознания и самоотношения. Обозначены перспективы эмпирической проверки модели и сформулированы проверяемые гипотезы. Выводы: модель задает «систему координат» для эмпирических исследований возрастной динамики самосознания в цифровую эпоху, позволяя дифференцированно анализировать изменения на разных уровнях и в разных компонентах Я-концепции. Основной вклад состоит в различении «Я-виртуального» и виртуальной идентичности, а также в акценте на интеграции, а не на противопоставлении онлайн- и офлайн-образов «Я». Модель не является окончательной и требует эмпирической верификации.

Для цитирования в научных исследованиях

Чабаненко С.В. Я-виртуальное как модус Я-концепции подростка: теоретическое обоснование интегративной модели // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 40-50. DOI: 10.34670/AR.2026.50.83.005

Ключевые слова

Я-виртуальное, Я-концепция, подростки, цифровая социализация, интегративная модель, самосознание, самооценка, интернет-погруженность, виртуальная идентичность, смешанная реальность.

Введение

Подростковый возраст традиционно рассматривается как период интенсивного становления самосознания. Именно здесь, по словам Л.С. Выготского [Выготский, 1984, с. 123], возникает та самая «рефлексивная искривленность», когда мышление впервые обращается на самого себя. И.С. Кон [[Кон, 1978, с. 45] называл этот этап «открытием Я» — обретением внутреннего мира, который становится главным объектом переживания и осмысления. Классические модели Я-концепции, разработанные Р. Бернсом [Бернс, 1986] и В.В. Столиным [Столин, 1983], до сих пор остаются концептуальным каркасом для эмпирических исследований. Однако они сложились в иную эпоху — когда социальное взаимодействие было по определению телесным, непосредственным, а обратная связь — качественной и прямой, а не опосредованной экраном и алгоритмами.

Сегодняшний подросток формирует представление о себе не только в школе, дома, в компании друзей. Он одновременно присутствует в чатах мессенджеров, на серверах многопользовательских игр, в лентах социальных сетей. Это не просто «добавление» еще одной сферы жизни. Это качественно новая ситуация: гибридная, смешанная реальность [Солдатова, Войскунский, 2021, с. 435], в которой онлайн и офлайн переплетены настолько, что их разделение становится все более условным. Возникает закономерный вопрос: как классические модели Я-концепции работают в этих новых условиях? Требуют ли они пересмотра, дополнения, или даже замены?

В литературе последних лет появляется понятие «Я-виртуальное» [Солдатова и др., 2022; Довгая, 2022]. Оно фиксирует тот факт, что в цифровой среде формируется и действует особый модус самости — не просто «образ», не просто «роль», а полноценная, аффективно заряженная и поведенчески реализуемая часть Я-концепции. При этом «Я-виртуальное» не противостоит «Я-реальному» как нечто чуждое или вытесненное. Согласно данным Солдатовой и соавторов [Солдатова и др., 2022, с. 32], они скорее дополняют друг друга, взаимодействуют, иногда конфликтуют, но в целом интегрируются в единую, хотя и более сложную, структуру.

Однако теоретическая проработка этого конструкта пока отстает от эмпирических находок. Остается неясным, как именно «Я-виртуальное» встраивается в существующие модели. На каком уровне самосознания (по Столину) оно преимущественно локализовано? Какие компоненты Я-концепции (по Бернсу) оно затрагивает в первую очередь? Как цифровая среда трансформирует сам процесс самооценивания и саморегуляции?

Цель настоящей статьи — теоретическое обоснование интегративной модели, в которой «Я-виртуальное» рассматривается как полноценный модус Я-концепции подростка, действующий в условиях смешанной реальности.

Задачи исследования:

– Охарактеризовать классические модели Р. Бернса и В.В. Столина как базовую теоретическую рамку.

– Определить место «Я-виртуального» в структуре Я-концепции.

– Проанализировать ключевые трансформации, которые цифровая среда вносит в процессы самопознания и самоотношения.
– Предложить схему интегративной модели и обсудить перспективы ее эмпирической проверки.

Материалы и методы

Настоящая работа представляет собой теоретическое исследование, выполненное в жанре обзорно-аналитической статьи. Методологическую основу исследования составляют:

– Принцип системного анализа – рассмотрение Я-концепции как целостной, иерархически организованной системы, включающей различные компоненты и уровни.
– Метод теоретического синтеза – объединение классических подходов (компонентная модель Р. Бернса и уровневая модель В.В. Столина) с современными концепциями цифровой социализации (социально-когнитивная концепция Г.У. Солдатовой и А.Е. Войскунского).
– Принцип историзма – анализ эволюции представлений о самосознании и Я-концепции в контексте изменяющейся социальной ситуации развития.

В качестве теоретической базы использовались:

– классические работы по психологии самосознания и Я-концепции (Р. Бернс, В.В. Столин, Л.С. Выготский, И.С. Кон);
– современные исследования цифровой социализации и виртуальной идентичности (Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский, Л.А. Регуш и др.);
– работы по возрастной психологии и психологии подросткового возраста (Л.И. Божович, Э. Эриксон).

Литературный обзор

Прежде чем говорить о том, как цифровая среда трансформирует самосознание, необходимо зафиксировать исходную теоретическую рамку. В мировой и отечественной психологии сложились две влиятельные модели, которые до сих пор задают систему координат для эмпирических исследований. Одна из них делает акцент на компонентном строении Я-концепции. Другая — на ее уровневой организации. Взятые вместе, они образуют тот самый каркас, который мы попытаемся дополнить понятием «Я-виртуального».

Р. Бернс [Бернс, 1986, с. 30] предложил рассматривать Я-концепцию не как единый образ, а как систему установок, направленных на самого себя. «Я-концепция, — пишет Бернс, — это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой». В этой системе он выделяет три взаимосвязанных компонента.

Когнитивный компонент (образ «Я») — это описательная составляющая, ответ на вопрос «кто я?». Сюда входят и относительно объективные сведения (пол, возраст, профессия), и субъективные убеждения (черты характера, способности). Этот компонент формируется в социальном взаимодействии — через сравнение себя с другими и через обратную связь от значимых людей [Бернс, 1986, с. 45-47].

Оценочный компонент (самоотношение) — это уже не описание, а отношение к этому описанию. Нравится мне то, что я о себе знаю, или нет? Бернс вслед за К. Роджерсом подчеркивает: самооценка не сводится к сумме частных оценок. Это целостное переживание

собственной ценности, самоуважения, принятия или непринятия себя [Бернс, 1986, с. 45-47].

Поведенческий компонент — это готовность к определенным действиям, вытекающая из первых двух. Если человек считает себя общительным и ценит это качество, у него формируется установка на инициирование контактов. В цифровой среде этот компонент проявляется особенно отчетливо: установка на самопрезентацию, порожденная «Я-виртуальным», реализуется в выборе аватара, в стиле комментирования, в стратегиях ведения страницы.

Модель Бернса удобна для операционализации. Она дает исследователю «анатомический атлас»: когнитивный, оценочный и поведенческий срезы можно измерять по отдельности. Однако она статична. Она плохо объясняет, почему сходные когнитивные представления порождают разное самоотношение, и практически не учитывает внутренние конфликты.

В.В. Столин [Столин, 1983] смещает акцент с «горизонтальной» структуры на «вертикальную» иерархию. Его интересует не столько то, из чего состоит Я-концепция, сколько то, на каких уровнях она разворачивается и какие конфликты между этими уровнями движут развитием самосознания. Столин выделяет три уровня.

Физическое Я — самый ранний, генетически исходный. Это восприятие своего тела, его границ, физических состояний, внешности. По В. В. Столину, «в недрах этой активности формируется «схема тела» или «Я-образ» организма — итог всех процессов, отражающих состояние внутренних органов, мышц и активации организма в целом» [Столин, 1983, с. 46-47].

Социально-ролевое Я — принадлежность к общностям и исполнение ролей. Здесь действуют механизмы, описанные Дж. Мидом: принятие роли другого, ориентация на «Обобщенного Другого». В.В. Столин подчеркивает: «Поведение человека, занимающего определенную позицию, расценивается как ролевое и подлежит оценке с точки зрения соответствия ожиданиям» [Столин, 1983, с. 62].

Психологическое Я (или рефлексивное Я) — высший уровень. Здесь личность осознает себя как уникальную, обладающую внутренним миром, мотивами, ценностями, смыслами. Это уровень экзистенциальных вопросов о предназначении и аутентичности. По словам В.В. Столина, «на этом уровне прошлые впечатления, события и собственные действия субъекта перестают быть покоящимися пластами опыта; они становятся предметом его отношения и действий, меняя свой вклад в личность» [Столин, 1983, с. 217].

Главное в модели Столина — не сами уровни, а противоречия между ними. Именно они «запускают» работу самосознания. Например, конфликт между социально-ролевым уровнем (надо быть хорошим учеником) и психологическим (я чувствую, что мое призвание — в творчестве) — это не сбой, а движущая сила развития. Такой подход незаменим, когда мы пытаемся понять, на какой именно «глубине» цифровой опыт порождает рассогласования.

Модели Р. Бернса и В.В. Столина не противоречат, а дополняют друг друга. Уровни Столина пронизывают компоненты Бернса. Когнитивный компонент «Я-виртуального» можно анализировать на физическом уровне (аватар, цифровое тело), на социально-ролевом (статусы, членство в сообществах) и на психологическом (степень аутентичности онлайн-самопрезентации). А оценочный компонент — самоотношение — будет проявляться в специфических переживаниях, связанных с конфликтами именно между этими уровнями.

Эта интегративная рамка и будет нашей отправной точкой. Однако и Р. Бернс, и В.В. Столин разрабатывали свои концепции в эпоху, когда интернет еще не стал повседневностью. Следующий шаг — понять, что такое «Я-виртуальное» и как оно вписывается в эту систему.

Я-виртуальное как теоретический конструкт.

В психологической литературе последних лет закрепляется понятие «Я-виртуальное». Оно

фиксирует тот факт, что в цифровой среде формируется и действует особый модус самости — не просто «образ», не просто «роль», а полноценная, аффективно заряженная и поведенчески реализуемая часть Я-концепции. Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова и С.Н. Илюхина [Солдатова и др] используют этот термин для обозначения идентификационных матриц, которые складываются у подростков и взрослых в онлайн-пространстве. Согласно их данным, «Я-виртуальное» и «Я-реальное» не противостоят друг другу, а активно взаимодействуют по принципу взаимного дополнения. При этом у подростков эти два модуса содержательно различаются и конструируются разными способами, но в целом ведут к формированию более целостного образа «Я» в смешанной реальности [Солдатова и др, с. 32-34].

Однако в цитируемой работе термины «Я-виртуальное» и «виртуальная идентичность» используются как синонимы. В рамках нашего исследования мы считаем необходимым их развести. Идентичность (по Э. Эриксону [Эриксон, 1996]) — это переживание самотождественности и непрерывности «Я» во времени и в разных социальных контекстах. «Я-виртуальное» — это не идентичность, а один из модусов Я-концепции, наряду с «Я-реальным». Оно включает в себя представления о себе в цифровой среде, самооценку этих представлений и поведенческие паттерны, реализуемые в интернет-коммуникации и деятельности. Иными словами, «Я-виртуальное» — это как человек видит, оценивает и проявляет себя онлайн, а не ответ на вопрос «кто я есть на самом деле» в экзистенциальном смысле.

Каково же место «Я-виртуального» в двух описанных выше моделях? Если следовать логике В.В. Столина [Столин, 1983], «Я-виртуальное» не привязано жестко к одному уровню. Оно может проявляться на физическом уровне — через аватар, отредактированную фотографию, заботу о цифровом теле. На социально-ролевом уровне — через статусы в сообществах, роли в игровых гильдиях, членство в профессиональных группах в соцсетях. На психологическом уровне — через рефлексию аутентичности своего онлайн-образа, через переживание разрыва или совпадения с реальным «Я».

По Р. Бернсу [Бернс, 1986], «Я-виртуальное» имеет собственный когнитивный компонент (образ себя в сети), оценочный компонент (самоотношение в онлайне) и поведенческий компонент (паттерны самопрезентации).

Таким образом, «Я-виртуальное» — это не изолированная сущность, а сквозной модус, пронизывающий все компоненты и уровни Я-концепции. Оно не отменяет и не замещает «Я-реальное», но в условиях высокой погруженности в интернет-среду может становиться доминирующим, вступать с ним в конфликт или, напротив, способствовать интеграции.

Цифровая среда — это не просто еще один канал коммуникации. Это качественно иное пространство, где меняются сами правила самовосприятия и самооценивания. Четыре ключевых фактора здесь работают одновременно.

– Перманентность и редактируемость самопрезентации. В офлайн-общении самопредъявление сиюминутно. Сказанное не вернешь. Внешний вид нельзя «откатить» назад. В цифровой среде все иначе. Подросток может часами подбирать фото для аватара, переписывать подпись, удалять неудачные комментарии. Возникает иллюзия полного контроля над образом себя [8, с. 33]. С одной стороны, это дает возможность для рефлексии: человек учится смотреть на себя со стороны, отбирать, что предъявить, а что оставить в тени. С другой — порождает риск разрыва между отполированным «Я-виртуальным» и спонтанным, несовершенным «Я-реальным». Чем больше усилий вложено в конструирование онлайн-образа, тем болезненнее может переживаться его несовпадение с реальностью [Чабаненко, 2026].

– Количественная обратная связь. В обычной жизни обратная связь многомерна: интонация, мимика, пауза, содержание ответа. В интернете она часто редуцируется до цифры — лайки, репосты, просмотры, подписчики. Эта цифра становится измеримым, наглядным и очень соблазнительным маркером социального одобрения. Механизм «зеркального Я» Ч. Кули [Cooley, 1902] здесь работает, но в искаженной форме. Зеркало показывает не целостный образ, а одну-единственную метрику. Подросток начинает оценивать себя через призму «сколько лайков собрал пост». Самооценка становится заложницей алгоритмов. Появляется тревога: «а вдруг не оценят?», «почему у нее больше?». Формируется зависимость от внешнего подтверждения.
– Анонимность и экспериментирование с идентичностью. В реальной жизни социальные роли относительно стабильны и привязаны к контексту (дома я — сын/дочь, в школе — ученик, в компании — друг). Цифровая среда позволяет создавать несколько аккаунтов, менять имена, пробовать разные идентичности без серьезных социальных рисков. Подросток может быть строгим критиком в одном сообществе и безобидным фанатом в другом. Анонимность дает свободу экспериментировать с теми сторонами личности, которые в офлайне подавляются. Это мощный ресурс для самопознания: примеряя разные роли, человек лучше понимает, что ему подходит, а что — нет [Солдатова и др., с. 34]. Но есть и обратная сторона. Опыт, полученный в разных ролях, может не интегрироваться, а фрагментироваться. Подросток оказывается в ситуации «перманентной пробы», не переходящей к выбору и ответственности. Э. Эриксон [Эриксон, 1996] назвал бы это ролевой диффузией — только теперь она разворачивается не только в реальности, но и в цифровом пространстве.
– Смешанная (конвергентная) реальность. Г.У. Солдатова и А.Е. Войскунский [Солдатова, Войскунский, 2021, с. 438] ввели понятие смешанной (конвергентной) реальности. Это ситуация, в которой онлайн и офлайн уже не противопоставлены, а переплетены в единый поток переживаний. Подросток может одновременно находиться в школьном коридоре и в чате класса, слушать учителя и просматривать ленту соцсетей. Границы между «Я-реальным» и «Я-виртуальным» становятся проницаемыми. То, что сделано в сети, влияет на репутацию в школе. То, что сказано в школе, может стать достоянием интернет-аудитории. Это требует от подростка постоянной саморегуляции, умения управлять разными версиями себя одновременно. Не все с этим справляются.

Результаты

Объединим теперь то, что было сказано выше в интегративную модель Я-концепции подростка в цифровой среде. Исходная теоретическая рамка – это компонентная модель Р. Бернса (когнитивный, оценочный, поведенческий компоненты) и уровневая модель В.В. Столина (физический, социально-ролевой, психологический уровни). Цифровая среда добавляет к этой рамке новый модус — «Я-виртуальное». Оно не заменяет «Я-реальное», а сосуществует с ним, взаимодействует, иногда конфликтует, но в целом интегрируется в единую, более сложную структуру.

На физическом уровне «Я-виртуальное» проявляется через аватар, отредактированные фотографии, заботу о «цифровом теле». Подросток выбирает, как его увидят другие: в каком ракурсе лицо, какой фильтр, какой фон. Это уже не просто внешность, а ее сконструированная, идеализированная версия. Когнитивный компонент здесь — знание о том, «как я выгляжу в

сети». Оценочный — нравится мне этот образ или нет. Поведенческий — частота обновления аватара, использование ретуши, выбор платформы для публикации фото.

Таблица 1 - Проявления «Я-виртуального» на разных уровнях и в разных компонентах Я-концепции

Уровень (по Столину)	Когнитивный компонент (образ Я)	Оценочный компонент (самоотношение)	Поведенческий компонент
Физический	Знание о том, «как я выгляжу в сети» (аватар, фото)	Удовлетворенность /неудовлетворенность своим цифровым телом	Частота обновления аватара, использование ретуши, выбор платформы для фото
Социально-ролевой	Представление о своих онлайн-ролях (модератор, стример, администратор)	Удовлетворенность ролями, признание в сообществе	Стратегии взаимодействия в группах, стиль коммуникации
Психологический	Осознание сходств и различий между разными модусами «Я»	Принятие / непринятие этих различий, переживание аутентичности	Попытки синхронизировать или разделить онлайн – и офлайн-поведение

На социально-ролевом уровне «Я-виртуальное» раскрывается через членство в онлайн-сообществах, статусы в игровых гильдиях, роли в дискорд-серверах. Подросток может быть лидером в одной группе и новичком в другой. Здесь важны не только реальные роли (ученик, сын/дочь), но и виртуальные (модератор, стример, администратор паблика). Когнитивный компонент — представление о своих онлайн-ролях. Оценочный — удовлетворенность этими ролями, признание со стороны участников сообщества. Поведенческий — стратегии взаимодействия в разных группах, стиль коммуникации

На психологическом уровне «Я-виртуальное» выходит на первый план, когда подросток задается вопросами: «насколько этот образ в сети — это действительно я?», «не слишком ли я отличаюсь онлайн и офлайн?», «что будет, если мои виртуальные и реальные друзья встретятся?». Это уровень аутентичности, самоидентичности, рефлексии. Когнитивный компонент — осознание сходств и различий между разными модусами «Я». Оценочный — принятие или непринятие этих различий, переживание подлинности. Поведенческий — попытки синхронизировать онлайн- и офлайн-поведение или, напротив, их сознательное разделение.

Эмпирические гипотезы, вытекающие из модели

Предложенная модель задает конкретные измеримые параметры. Для каждого уровня и каждого компонента можно подобрать или разработать диагностические инструменты. Например:

1. Когнитивный компонент «Я-виртуального» — модифицированная методика «Кто Я?» (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2022) с инструкциями «Кто я в реальной жизни?» и «Кто я в интернете?».

2. Оценочный компонент — Опросник самоотношения (ОСО) В.В. Столина и С.Р. Пантилеева, позволяющий оценить самоуважение, аутосимпатию, ожидаемое отношение других и самоинтерес в контексте онлайн-активности.

3. Рассогласование между «Я-реальным» и «Я-виртуальным» — адаптированная версия методики С.А. Будасси, где респондент оценивает одни и те же личностные качества применительно к себе в реальной жизни и в интернете.

4. Степень погруженности в интернет-среду как модератор — «Индекс погруженности» Л.А. Регуш и соавторов (2021).

Модель также позволяет формулировать проверяемые гипотезы.

Гипотеза 1. Чем выше уровень погруженности, тем больше выражено рассогласование между «Я-реальным» и «Я-виртуальным» на физическом и социально-ролевом уровнях.

Гипотеза 2. У подростков с доминирующей социально-статусной онлайн-активностью оценочный компонент «Я-виртуального» в большей степени зависит от количественной обратной связи (лайки, подписчики), чем у подростков с познавательной или игровой активностью.

Гипотеза 3. Высокая рефлексивность (самоинтерес по ОСО) связана с большей согласованностью образов «Я-реального» и «Я-виртуального» на психологическом уровне.

Разумеется, эти гипотезы требуют эмпирической проверки. Предложенная модель — не истина в последней инстанции, а рабочий инструмент. Она может уточняться и дополняться по мере накопления данных.

Обсуждение и перспективы

Предложенная интегративная модель имеет ряд ограничений, которые важно обозначить. Во-первых, она построена на синтезе классических теорий (Бернс, Столин) и современных данных о цифровой социализации (Солдатова, Войскунский, Регуш). Сам этот синтез — теоретическая конструкция, требующая эмпирической верификации. Мы не знаем наверняка, насколько выделенные уровни и компоненты действительно «пронизываются» Я-виртуальным именно так, как это описано. Это гипотеза, а не установленный факт.

Во-вторых, модель не учитывает индивидуальных различий. Очевидно, что не все подростки в одинаковой степени рефлексируют свое Я-виртуальное, не все сталкиваются с рассогласованием, не все испытывают тревогу по поводу лайков. Возрастные, гендерные, личностные особенности — все это модераторы, которые модель пока не захватывает. Их учет — задача дальнейших эмпирических исследований.

В-третьих, модель статична. Она описывает структуру, но не объясняет динамику. Как именно происходит интеграция Я-виртуального и Я-реального в ходе взросления подростка? Какие этапы проходит это сближение? На эти вопросы модель не отвечает. Здесь нужны лонгитюдные исследования.

Тем не менее, модель уже сейчас дает несколько важных ориентиров для возрастной психологии.

Первый ориентир — различение самосознания (процесса) и Я-концепции (структуры) должно быть сохранено и в цифровом контексте. Многие современные исследования смешивают эти понятия, говоря о «трансформации самосознания под влиянием интернета», но измеряя при этом только статичные представления о себе. Модель напоминает: процесс и результат — не одно и то же.

Второй ориентир — Я-виртуальное не является чем-то изолированным. Оно не «отменяет» и не «замещает» Я-реальное. В подростковом возрасте эти два модуса сосуществуют, взаимодействуют, иногда конфликтуют, но в целом интегрируются. Это означает, что исследователям не нужно противопоставлять онлайн и офлайн как две разные реальности. Скорее, нужно изучать их взаимовлияние и взаимопроникновение.

Третий ориентир — компонентная и уровневая структуры должны анализироваться

совместно. Недостаточно сказать, что интернет влияет на самооценку. Важно уточнить: на какой компонент самооценки? На каком уровне самосознания возникает рассогласование? Модель предлагает «систему координат» для таких уточнений.

Возрастной аспект заслуживает отдельного внимания. Предложенная модель, вероятно, будет работать по-разному на разных этапах подросткового возраста:

– Младшие подростки (11-13 лет) – только начинают осваивать цифровую среду, их Я-виртуальное чаще всего является прямым продолжением Я-реального, рассогласование минимально. Основная задача этого возраста – освоение базовых навыков самопрезентации [Кон, 1978, с. 78].
– Средние подростки (14-15 лет) – период активного экспериментирования с идентичностью. Здесь рассогласование между Я-реальным и Я-виртуальным достигает пика. Подросток пробует разные роли, проверяет границы, ищет признание. Этот возраст наиболее сензитивен к влиянию количественной обратной связи [Солдатова и др., 2022, с. 34].
– Старшие подростки (16-17 лет) – период интеграции. Начинается работа по согласованию разных модусов «Я», поиск аутентичности. Рассогласование может уменьшаться, но уже на новом, рефлексивном уровне [Эриксон, 1996, с. 210].

Эти возрастные различия требуют отдельного эмпирического изучения.

Заключение

Цифровая среда изменила социальную ситуацию развития современного подростка. Классические модели Я-концепции, разработанные в XX веке, не учитывают этого нового контекста. В статье предложена интегративная модель, в которой Я-виртуальное рассматривается как сквозной модус, пронизывающий все компоненты (когнитивный, оценочный, поведенческий) и уровни (физический, социально-ролевой, психологический) Я-концепции.

Основные теоретические результаты:

– Обосновано различение самосознания (процесса) и Я-концепции (структуры) применительно к цифровой среде.
– Дано определение Я-виртуального как модуса Я-концепции, формируемого и проявляемого в онлайн-пространстве.
– Показано, что ключевые факторы цифровой среды (перманентность самопрезентации, количественная обратная связь, анонимность, смешанная реальность) трансформируют каждый из компонентов Я-концепции.
– Предложена схема интегративной модели и обозначены перспективы ее эмпирической проверки.

Вклад в возрастную психологию состоит в том, что модель задает «систему координат» для эмпирических исследований: на каком уровне и в каком компоненте искать изменения. Вклад в психологию цифровой социализации — в различении Я-виртуального и виртуальной идентичности, а также в акценте на интеграции, а не на противопоставлении онлайн- и офлайн-образов «Я».

Модель не является окончательной. Ее главное назначение — быть проверяемой. Последующие эмпирические исследования покажут, насколько она адекватна, и в каком направлении ее следует дорабатывать.

Библиография

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
4. Довгая Н.А. Я-виртуальное современного подростка: между желаемым и желательным // Сборник научных трудов «Общение в эпоху конвергенции технологий». 2022. Т. 1. С. 313–315. DOI: 10.24412/cl-36917-2022-313-315.
5. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
6. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Феномен погруженности в интернет-среду: определение и диагностика // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 107–125.
7. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.
8. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37.
9. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Издательство Московского университета, 1983. 288 с.
10. Чабаненко С.В. Познание, общение, игра: три вектора конструирования Я-концепции подростка в цифровой среде // Современные психологические исследования: методологическая база и практическое применение: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Севастополь, 2026. С. 252–261.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
12. Burns R.B. Self-Concept Development and Education. London: Holt, Rinehart and Winston, 1982. 441 p.
13. Cooley C.H. Human Nature and the Social Order. New York: Scribner's, 1902. 413 p.

Virtual Self as a Modus of the Adolescent Self-Concept: Theoretical Substantiation of an Integrative Model

Svetlana V. Chabanenko

Senior Lecturer,
Department of Psychology,
Sevastopol State University,
299053, 33, Universitetskaya str., Sevastopol, Russian Federation;
Postgraduate Student,
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
e-mail: ChabanenkoPsyhologist@yandex.ru

Abstract

Objective: theoretical substantiation of an integrative model of the modern adolescent's self-concept, taking into account a new modus of the self – the "Virtual Self", formed in the conditions of digital socialization and mixed reality. Methods: theoretical analysis and synthesis of classical approaches to understanding the self-concept (R. Burns's component model, V.V. Stolin's level concept) and modern research on digital socialization (G.U. Soldatova, A.E. Voyskunskiy, L.A. Regush). The principle of systemic analysis and the method of theoretical modeling were applied. Results: an integrative model is proposed in which the "Virtual Self" is considered as a cross-cutting modus permeating the cognitive, evaluative, and behavioral components of the self-concept at the physical, social-role, and psychological levels of self-awareness. Key factors of the digital environment are identified (permanence and editability of self-presentation, quantitative feedback,

anonymity and experimentation with identity, mixed reality) that transform the processes of self-cognition and self-attitude. Prospects for empirical verification of the model are outlined, and testable hypotheses are formulated. Conclusions: the model sets a "coordinate system" for empirical research on the age dynamics of self-awareness in the digital era, allowing for a differentiated analysis of changes at different levels and in different components of the self-concept. The main contribution consists in distinguishing between the "Virtual Self" and virtual identity, as well as in emphasizing integration rather than the opposition of online and offline self-images. The model is not final and requires empirical verification.

For citation

Chabanenko S.V. (2026) Ya-virtual'noe kak modus Ya-kontseptsii podrostka: teoreticheskoe obosnovanie integrativnoy modeli [Virtual Self as a Modus of the Adolescent Self-Concept: Theoretical Substantiation of an Integrative Model]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 40-50. DOI: 10.34670/AR.2026.50.83.005

Keywords

Virtual Self, self-concept, adolescents, digital socialization, integrative model, self-awareness, self-esteem, internet immersion, virtual identity, mixed reality.

References

1. Berns, R. (1986). *Razvitiye Ya-kontseptsii i vospitaniye* [Self-concept development and education]. Progress.
2. Bozhovich, L. I. (1968). *Lichnost' i yeye formirovaniye v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. Prosveshcheniye.
3. Burns, R. B. (1982). *Self-concept development and education*. Holt, Rinehart and Winston.
4. Chabanenko, S. V. (2026). Poznaniye, obshcheniye, igra: tri vektora konstruirovaniya Ya-kontseptsii podrostka v tsifrovoy srede [Cognition, communication, game: Three vectors of constructing an adolescent's self-concept in the digital environment]. In *Sovremennyye psikhologicheskiye issledovaniya: metodologicheskaya baza i prakticheskoye primeneniye* [Modern psychological research: Methodological framework and practical application] (pp. 252–261). Sevastopol State University.
5. Cooley, C. H. (1902). *Human nature and the social order*. Scribner's.
6. Dovgaya, N. A. (2022). Ya-virtual'noye sovremennogo podrostka: mezhdu zhelayemym i zhelatel'nym [The virtual self of a modern adolescent: Between the desired and the desirable]. In *Obshcheniye v epokhu konvergentsii tekhnologiy* [Communication in the era of technology convergence] (Vol. 1, pp. 313–315). https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-313-315
7. Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis]. Progress.
8. Kon, I. S. (1978). *Otkrytiye "Ya"* [The discovery of the "self"]. Politizdat.
9. Regush, L. A., Alekseeva, E. V., Veretina, O. R., Orlova, A. V., & Pezhemskaya, Yu. S. (2021). Fenomen pogruzhennosti v internet-sredu: opredeleniye i diagnostika [The phenomenon of immersion in the internet environment: Definition and diagnostics]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal], *81*, 107–125.
10. Soldatova, G. U., & Voiskunsky, A. E. (2021). Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoy sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [The socio-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and social evolution of the psyche]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], *18*(3), 431–450.
11. Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., & Ilyukhina, S. N. (2022). Ya-real'noye i Ya-virtual'noye: identifikatsionnyye matritsy podrostkov i vzroslykh [The real self and the virtual self: Identification matrices of adolescents and adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], *18*(4), 27–37.
12. Stolin, V. V. (1983). *Samosoznaniye lichnosti* [Self-awareness of personality]. Moscow University Press.
13. Vygotsky, L. S. (1984). *Sobraniye sochineniy* [Collected works] (Vol. 4, Child psychology). Pedagogika.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.942:616.314 **DOI: 10.34670/AR.2026.97.42.006**

Методологические подходы к психологической диагностике профессиональной эмпатии врачей-стоматологов

Ширинян Саркис Кимович

Аспирант,
Российский новый университет,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 22;
e-mail: sarkis1779@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические основания, критериально-показательный комплекс и практический инструментарий психологической диагностики эмпатии как одного из ведущих профессионально важных качеств врача-стоматолога. Автором системно эксплицирована многомерная структура эмпатии, включающая когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, а также детально раскрыто их специфическое функциональное наполнение в условиях инвазивного стоматологического приема, сопряженного с преодолением дентофобических паттернов у пациентов. На основе глубокого анализа существующих психодиагностических подходов в отечественной и зарубежной клинической психологии предложен валидный комплекс методик, позволяющий дифференцированно оценивать отдельные каналы эмпатии у специалистов данного профиля.

Для цитирования в научных исследованиях

Ширинян С.К. Методологические подходы к психологической диагностике профессиональной эмпатии врачей-стоматологов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 51-58. DOI: 10.34670/AR.2026.97.42.006

Ключевые слова

Психодиагностика эмпатии, методологический подход, врач-стоматолог, критерии эмпатии, диагностические показатели, методика Бойко, экспресс-диагностика, коммуникативная компетентность, деструктивный профиль, дентофобия, терапевтический альянс, профессионально важные качества.

Введение

Оценка, прогнозирование и мониторинг успешности профессиональной деятельности в системе современного здравоохранения требуют непрерывного совершенствования психодиагностического инструментария, способного чутко фиксировать динамику профессионально важных качеств специалиста на разных этапах его непрерывного профессионального развития. В стоматологической практике, где терапевтический, хирургический или ортопедический процесс традиционно сопряжен с необходимостью преодоления выраженного болевого синдрома, страха перед инвазивными манипуляциями и высокого уровня психоэмоционального напряжения пациентов, эмпатия врача выступает ключевым регулятором субъект-субъектного взаимодействия. Данное качество обеспечивает формирование устойчивого комплаенса, минимизирует риски возникновения ятрогенных конфликтов и способствует общему снижению уровня дентофобии у населения. Однако эффективное управление данным личностным ресурсом, его целенаправленная актуализация и развитие в рамках профессиональной подготовки невозможны без создания дифференцированной методологической базы, позволяющей верифицировать эмпатический потенциал клинициста с высокой степенью надежности.

Сложность решения психодиагностических задач в данном контексте детерминирована многомерностью и амбивалентностью самого конструкта эмпатии, который в научно-практических исследованиях нередко ошибочно сводится к одномерной шкале или рассматривается как абстрактная абстрактно-гуманистическая установка. Напротив, в условиях реального клинического приема профессиональная эмпатия представляет собой динамическую систему, компоненты которой могут находиться в состоянии выраженного дисбаланса, непосредственно влияя на качество оказываемой медицинской помощи.

Анализ последних исследований и публикаций

В психологической науке эмпатия традиционно изучается в контексте коммуникативной компетентности и профессионально важных качеств медицинских работников. Общие деонтологические аспекты и психология медицинского труда, определяющие значимость сопереживания в системе «клиницист – больной», подробно отражены в научных работах И. Харди [Харди, 1988], М.В. Билецкой [Билецкая, 2024], О.Ю. Богачевой [Богачева, 2014], В.В. Бойко [Бойко, 1996], Л.В. Кешьян [Кешьян, 2023], Д.В. Кирпичева [Кирпичев, 2024]. Исследованием вопросов влияния эмпатии на профессиональное выгорание занимались такие ученые, как О.А. Кумирова [Кумирова, 2019], Л.И. Ларенцова [Ларенцова, 2002], М.А. Лисняк [Лисняк, 2025], Л.А. Савельева [Савельева, 2022].

Теоретико-методологические принципы построения психологического диагностического процесса, обеспечивающие валидность, надежность и стандартизацию измеряемых параметров в рамках профессиографических исследований, детально разработаны в трудах Л.Ф. Бурлачука [Бурлачук, 2006, 114].

Истоки создания критериального аппарата для оценки профессиональной эмпатии в клинике восходят к исследованиям Н.В. Козиной, зафиксировавшим диагностические маркеры деструктивного влияния редукции сопереживания на личность врача под воздействием специфических стрессоров [Козина, 1998, 12]. В узкоспециализированном контексте стоматологической деятельности Л.И. Ларенцова выделила конкретные диагностические критерии и обосновали применение многомерных шкал для оценки психоэмоционального

статуса врача-стоматолога в условиях амбулаторного приема [Ларенцова, 2002]. Наконец, критериальные уровни и градации эмпатийности как базового свойства личности представлены в докторской диссертации И.М. Юсупова [Юсупов, 1995, 94].

Целью статьи является теоретико-методологическое обоснование комплексных диагностических подходов к оценке профессиональной эмпатии врачей-стоматологов, а также систематизация критериев, показателей и валидного психологического инструментария для многомерного анализа эмпатической структуры личности в условиях клинической практики.

Изложение основного материала

Разработка методологических подходов к диагностике профессиональной эмпатии врача-стоматолога требует чёткого разграничения между общей эмпатийностью как личностным свойством (базовым потенциалом) и профессиональной эмпатией как операциональным компонентом деятельности, подверженным деформациям под влиянием стажа и специализации. Согласно концептуальным положениям В.В. Бойко, диагностика должна быть направлена на выявление структуры эмпатических способностей, реализующихся через систему специфических каналов [Бойко, 1996, 164]. В условиях стоматологического приема диагностическая процедура сталкивается с рядом жестких ограничений, главным из которых является дефицит времени, что требует использования методик, сочетающих высокую валидность с компактностью процедуры предъявления и обработки данных (таблица 1).

Таблица 1 – Критериально-показательная структура и диагностический инструментарий эмпатии врача-стоматолога

Компонент эмпатии	Диагностические показатели	Критерии сформированности	Рекомендуемый психодиагностический инструментарий
Когнитивный	Точность распознавания эмоций, уровень рефлексии, глубина децентрации	Способность дифференцировать истинные причины дентофобии и симулятивное поведение	Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко (рациональный канал); Тест эмпатии А. Меграбяна
Эмоциональный	Эмоциональная отзывчивость, уровень сопереживания, интуитивное проникновение	Оптимальный уровень эмоционального резонанса без признаков личной тревоги и слияния	Опросник И. М. Юсупова; Методика В. В. Бойко (эмоциональный и интуитивный каналы)
Поведенческий	Развитие навыков активного слушания, эмпатическая экспрессия, бесконфликтность	Наличие комплаенса с пациентом, способность вербализировать поддержку в условиях лимита времени	Комплексная шкала коммуникативной компетентности А. В. Пономарева; Экспресс-диагностика Н. П. Фетискина

Особое внимание в диагностическом комплексе должно уделяться проникающей способности эмпатии и установкам, способствующим или препятствующим ее экспликации. Психодиагностика должна фиксировать не только актуальный уровень развития качества, но и барьеры к его проявлению. Ограничение эмпатического восприятия часто выступает в качестве защитного механизма, блокирующего развитие синдрома выгорания, что подтверждается исследованиями Л.И. Ларенцовой [Ларенцова, 2002]. Методология анализа результатов тестирования требует сопоставления профилей эмпатии со стажем работы и конкретной специализацией врача (таблица 2).

Таблица 2 – Матрица интерпретации диагностических профилей эмпатии в зависимости от специализации врача-стоматолога

Тип диагностического профиля	Характеристика соотношения показателей	Профессиональные риски и деформации	Оптимальная сфера реализации в стоматологии
Гиперэмоциональный	Высокие баллы по эмоциональному каналу, низкие по рациональному	Быстрое профессиональное выгорание, психосоматизация, утрата клинической объективности	Детская стоматология, первичный консультативный прием
Рационализированный	Высокие показатели когнитивного компонента, редукция эмоционального	Цинизм, снижение доверия пациентов, ятрогенные конфликты, формализация лечения	Хирургическая стоматология, челюстно-лицевая хирургия, имплантология
Сбалансированный	Умеренно-высокие показатели по всем каналам эмпатии	Риск профессиональной стагнации при отсутствии супервизии	Терапевтическая и ортопедическая стоматология общего профиля

Для получения максимально объективной картины методологический подход к психодиагностике должен носить комплексный характер, сочетая стандартизированные личностные опросники, методы экспертной оценки со стороны коллег и анализ отзывов пациентов, что обеспечивает триангуляцию данных и повышает общую достоверность исследовательских выводов.

Особое диагностическое значение имеет операционализация интуитивного канала эмпатии, определяемого по методике В.В. Бойко [Бойко, 1996, 169].

В условиях жесткого лимита времени врач-стоматолог лишен возможности проводить длительное психологическое интервьюирование. Интуитивный канал позволяет клиницисту мгновенно считывать микромимику, тонус жевательной мускулатуры (тризм как маркер скрытого страха), особенности дыхания и позу пациента, бессознательно реконструируя уровень его дентофобии. Следовательно, высокие показатели по интуитивному каналу при умеренных баллах по эмоциональному каналу обеспечивают идеальную сохранность психических ресурсов врача хирургического и ортопедического профиля (таблица 3).

Таблица 3 – Верификация поведенческих маркеров компонентов эмпатии методами объективного наблюдения

Компонент эмпатии	Фиксируемый поведенческий маркер (паттерн)	Методика объективизации данных на приеме	Коррелирующий психодиагностический показатель
Когнитивный	Адекватное информирование о ходе лечения, использование понятных аналогий, паузы для вопросов	Анализ аудиозаписи приема, хронометраж консультативного этапа	Рациональный канал (В. В. Бойко), шкала децентрации (А. Мехрабян)
Эмоциональный	Поддерживающие интонации, модуляция голоса, избегание обвинительных суждений	Экспертная оценка взаимодействия в диаде «врач – пациент»	Общий уровень эмпатийности (И. М. Юсупова)
Поведенческий	Сохранение визуального контакта, открытые позы, синхронизация темпа манипуляций с дыханием	Видеомониторинг клинического приема (с согласия сторон)	Интерактивная шкала (А. В. Пономарев), экспресс-тесты (Н. П. Фетискин)

Для построения индивидуального профиля профессионально важных качеств врача-стоматолога в рамках лонгитюдного исследования (например, в процессе обучения в ординатуре) методологически целесообразно использовать формулу расчета индекса эмпатической сбалансированности. Данный индекс высчитывается как математическое соотношение между баллами рационального и эмоционального каналов эмпатии с учетом коэффициента проникающей способности по В.В. Бойко [Бойко, 1996, 172]. Это позволяет перевести качественные характеристики сопереживания в плоскость точных математических величин, пригодных для статистической обработки методами корреляционного и факторного анализа в диссертационном исследовании.

Важным методологическим расширением диагностического процесса выступает концепция оценки метаэмпатии – способности врача-стоматолога рефлексировать и точно оценивать то, как именно его эмпатические действия воспринимаются пациентом.

Надежность диагностических срезов существенно повышается при использовании методов математического моделирования. Для верификации веса каждого компонента эмпатии в структуре общей успешности труда врача-стоматолога в диссертационных исследованиях применяется метод множественного регрессионного анализа. В качестве зависимой переменной выступает объективный индекс комплаенса пациентов, а в качестве независимых предикторов – балльные значения рационального, эмоционального, интуитивного и поведенческого каналов. Это позволяет математически доказать, какой именно компонент структуры эмпатии является ведущим для конкретного клинического профиля (терапия, хирургия, ортопедия, детская стоматология), и сделать выводы исследования максимально доказательными и репрезентативными для научного сообщества.

Выводы

Проведенный глубокий теоретико-методологический анализ позволяет констатировать, что адекватная и прогностически ценная психологическая диагностика эмпатии врача-стоматолога не может ограничиваться изолированной фиксацией общего уровня эмпатийности. Она должна базироваться на системном критериально-показательном подходе, в полной мере учитывающем сложную многокомпонентную структуру данного феномена и специфику стоматологического контекста труда. В качестве ведущих диагностических показателей целесообразно использовать дифференцированные параметры рационального, эмоционального и интуитивного каналов эмпатии, оцениваемые с помощью валидированного инструментария, получившего признание и верификацию в отечественной медицинской практике. Предложенные в исследовании матрицы диагностических профилей и трехэтапная программа мониторинга наглядно демонстрируют, что различные стоматологические специализации предъявляют неодинаковые требования к соотношению компонентов эмпатии. Данный факт должен стать методологической основой при проведении профессионального отбора, профориентации и долгосрочного психологического сопровождения деятельности врачей.

Практическое значение полученных выводов заключается в возможности модернизации кадровой политики медицинских организаций и оптимизации образовательных траекторий в рамках системы непрерывного медицинского образования. Внедрение поликомпонентного диагностического комплекса в практику менеджмента здравоохранения позволит руководству клиник своевременно выявлять скрытые деструктивные тенденции в структуре личности специалистов (такие как редукция эмоционального канала или гиперрационализация),

проводить точечную психокоррекционную работу и формировать гармоничные врачебные бригады.

Библиография

1. Актуальные проблемы диагностики в медицине и психологии. От теории к практике: монография / Фогель А.В., Карпин В.А., Шувалова О.И. и др. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2025. 148 с.
2. Билецкая М.В. Эмпатия и защитные стратегии в общении врачей-ординаторов с разным уровнем перфекционизма // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2024. Т. 12. № 2 (45). С. 155–164.
3. Богачева О.Ю. Эмпатия как профессионально важное качество врача (на примере врачей-терапевтов и врачей-хирургов): автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03. Ярославль, 2014. 26 с.
4. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 1996. 472 с.
5. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006. 351 с.
6. Кешьян Л.В., Козлов П.В., Доброхотова Ю.Э. Компоненты эмпатии врача и их роль в повышении удовлетворенности пациента и эффективности лечения // Лечебное дело. 2023. № 1. С. 129–132.
7. Кирпичев Д.В. Изучение профессиональной успешности стоматологов в контексте эмпатического общения в системе «врач-пациент» // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-2. С. 435–438.
8. Козина Н.В. Исследование эмпатии и ее влияния на формирование «синдрома эмоционального сгорания» у медицинских работников: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04. СПб., 1998. 25 с.
9. Кумирова О.А. Синдром эмоционального выгорания у врачей-стоматологов // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2019. № 76. С. 101–106.
10. Ларенцова Л.И. Профессиональный стресс врачей-стоматологов и методы его коррекции: автореф. дис. ... доктора мед. наук: 14.00.21. М., 2002. 42 с.
11. Лисняк М.А., Кутумова О.Ю., Турова И.В., Титков И.В. Индивидуально-психологические предикторы эмоционального выгорания у медицинских работников // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16. № 5. С. 435–455.
12. Психология мотивации и эмоций: учебное пособие / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо: НОУ Моск. психол.-социал. ин-т, 2002. 750 с.
13. Психология труда, инженерная психология, когнитивная экономика: учебное пособие / под ред. А.Д. Короля, О.Н. Слоботчикова. М.: Издательский дом «УМЦ», 2025. 501 с.
14. Психология труда: системный анализ профессионального развития и деятельности: учебник / В.Л. Цветков, В.С. Агапов, И.А. Калиниченко и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. 307 с.
15. Савельева Л.А. Когнитивное оценивание как предиктор эмоционального выгорания на разных уровнях медицинского образования: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Ярославль, 2022. 24 с.
16. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 488 с.
17. Харди И. Врач, сестра, больной: Психология работы с больными / пер. с венг. М. Алекса. Будапешт: Изд-во Акад. наук Венгрии, 1988. 338 с.
18. Юсупов И.М. Психология эмпатии (Теоретические и прикладные аспекты): дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. СПб., 1995. 252 с.

Methodological Approaches to the Psychological Diagnostics of Professional Empathy in Dentists

Sarkis K. Shirinyan

Postgraduate Student,
Russian New University,
105005, 22, Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sarkis1779@mail.ru

Abstract

The article examines the methodological foundations, the criteria-indicator complex, and the practical tools of psychological diagnostics of empathy as one of the leading professionally important qualities of a dentist. The author systematically explicates the multidimensional structure of empathy, including cognitive, emotional, and behavioral components, and reveals in detail their specific functional content in the conditions of invasive dental treatment associated with overcoming dentophobic patterns in patients. Based on a thorough analysis of existing psychodiagnostic approaches in domestic and foreign clinical psychology, a valid set of methods is proposed that allows for a differentiated assessment of individual empathy channels in specialists of this profile.

For citation

Shirinyan S.K. (2026) Metodologicheskie podkhody k psikhologicheskoy diagnostike professional'noy empatii vrachey-stomatologov [Methodological Approaches to the Psychological Diagnostics of Professional Empathy in Dentists]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 51-58. DOI: 10.34670/AR.2026.97.42.006

Keywords

Psychodiagnostics of empathy, methodological approach, dentist, empathy criteria, diagnostic indicators, Boyko's method, express diagnostics, communicative competence, destructive profile, dentophobia, therapeutic alliance, professionally important qualities.

References

1. Biletskaya, M. V. (2024). Ehmpatiya i zashchitnye strategii v obshchenii vrachey-ordinatov s raznym urovnem perfektsionizma [Empathy and protective strategies in the communication of resident physicians with different levels of perfectionism]. Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye [Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development], *12*(2), 155–164.
2. Bogacheva, O. Yu. (2014). Ehmpatiya kak professional'no vazhnoe kachestvo vracha (na primere vrachey-terapevtov i vrachey-khirurgov) [Empathy as a professionally important quality of a doctor (on the example of general practitioners and surgeons)] (Abstract of Candidate's dissertation). Yaroslavl.
3. Boyko, V. V. (1996). Energiya emotsiy v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh [The energy of emotions in communication: A look at oneself and others]. Filin.
4. Burlachuk, L. F. (2006). Psikhodiagnostika [Psychodiagnostics]. Piter.
5. Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., & Manuylov, G. M. (2002). Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp [Social and psychological diagnostics of personality development and small groups]. Institute of Psychotherapy.
6. Gippenreiter, Yu. B., & Falikman, M. V. (Eds.). (2002). Psikhologiya motivatsii i emotsiy [Psychology of motivation and emotions]. CheRo; Moscow Psychological and Social Institute.
7. Hardi, I. (1988). Vrach, sestra, bol'noy: Psikhologiya raboty s bol'nymi [Doctor, nurse, patient: The psychology of working with patients]. Hungarian Academy of Sciences.
8. Keshyan, L. V., Kozlov, P. V., & Dobrokhotova, Yu. E. (2023). Komponenty ehmpatii vracha i ikh rol' v povyshenii udovletvorennosti patsienta i effektivnosti lecheniya [Components of a doctor's empathy and their role in increasing patient satisfaction and treatment effectiveness]. Lechebnoye delo [Medical Practice], *1*, 129–132.
9. Kirpichev, D. V. (2024). Izucheniye professional'noy uspeshnosti stomatologov v kontekste ehmpaticheskogo obshcheniya v sisteme "vrach-patsient" [Studying the professional success of dentists in the context of empathic communication in the doctor-patient system]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of Modern Pedagogical Education], *84-2*, 435–438.
10. Kozina, N. V. (1998). Issledovaniye ehmpatii i yeye vliyaniya na formirovaniye "sindroma emotsional'nogo sgoraniya" u meditsinskikh rabotnikov [Research of empathy and its influence on the formation of emotional burnout syndrome in medical workers] (Abstract of Candidate's dissertation). St. Petersburg.
11. Kumirova, O. A. (2019). Sindrom emotsional'nogo vygoraniya u vrachey-stomatologov [Emotional burnout syndrome

in dentists]. Nauchno-meditsinskiy vestnik Tsentral'nogo Chernozem'ya [Scientific and Medical Bulletin of the Central Chernozem Region], *76*, 101–106.
12. Larentsova, L. I. (2002). Professional'nyy stress vrachey-stomatologov i metody yego korrektsii [Professional stress of dentists and methods of its correction] (Abstract of Doctoral dissertation). Moscow.
13. Lisnyak, M. A., Kutumova, O. Yu., Turova, I. V., & Titkov, I. V. (2025). Individual'no-psikhologicheskiye prediktory emotsional'nogo vygoraniya u meditsinskikh rabotnikov [Individual-psychological predictors of emotional burnout in healthcare workers]. Russian Journal of Education and Psychology, 16(5), 435–455.
14. Savelyeva, L. A. (2022). Kognitivnoye otsenivaniye kak prediktor emotsional'nogo vygoraniya na raznykh urovnyakh meditsinskogo obrazovaniya [Cognitive evaluation as a predictor of emotional burnout at different levels of medical education] (Abstract of Candidate's dissertation). Yaroslavl State University.
15. Vogel, A. V., Karpin, V. A., Shuvalova, O. I., et al. (2025). Aktual'nyye problemy diagnostiki v meditsine i psikhologii. Ot teorii k praktike [Current problems of diagnostics in medicine and psychology. From theory to practice]. GNII "Natsrazvitie".
16. Yusupov, I. M. (1995). Psikhologiya ehmpatii (Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty) [Psychology of empathy (Theoretical and applied aspects)] (Doctoral dissertation). St. Petersburg.
17. Tsvetkov, V. L., Agapov, V. S., Kalinichenko, I. A., et al. (2025). Psikhologiya truda: sistemnyy analiz professional'nogo razvitiya i deyatel'nosti [Labor psychology: A system analysis of professional development and activity]. UNITY-DANA.
18. Korol, A. D., & Slobotchikov, O. N. (Eds.). (2025). Psikhologiya truda, inzhenernaya psikhologiya, kognitivnaya ekonomika [Labor psychology, engineering psychology, and cognitive economics]. UMC Publishing House.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.84.35.007**

Категория «трудная жизненная ситуация» в отечественной психологической науке

Голинкова Виктория Германовна

Аспирант,
кафедра общей и социальной психологии,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: 9595101@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрена категория «трудная жизненная ситуация». Раскрыто различие понятий сложная и трудная ситуации. Отмечено, что в настоящее время в отечественной психологической науке не существует единого понимания сущности категории «трудная жизненная ситуация». Приведены результаты анализа взглядов выдающихся отечественных ученых на сущность категории «трудная жизненная ситуация», на основе которых выделены наиболее значимые общие позиции. Показано дальнейшее развитие понимания данной категории в научных работах современных ученых. Сделано обобщение и дано определение категории «трудная жизненная ситуация».

Для цитирования в научных исследованиях

Голинкова В.Г. Категория «трудная жизненная ситуация» в отечественной психологической науке // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 59-68. DOI: 10.34670/AR.2026.84.35.007

Ключевые слова

Трудная жизненная ситуация, субъективный образ ситуации, внутренний личностный потенциал, совладание, копинг-стратегии, адаптация, личностные ресурсы, жизнестойкость.

Введение

В психологической науке жизненные обстоятельства, нарушающие привычный ход жизни человека и затрудняющие его адаптацию, рассматриваются как особая категория, обозначаемая понятием «трудная жизненная ситуация». В таких условиях возникают противоречия между потребностями личности, ее возможностями и требованиями окружающей среды, что нередко сопровождается кризисом самоидентификации и нарушением привычных форм жизнедеятельности.

В российском законодательстве нормативное закрепление данного понятия появилось в 1995 году [Федеральный закон № 195-ФЗ, 1995]. Согласно Большой российской энциклопедии, трудная жизненная ситуация представляет собой объективное нарушение или ограничение жизнедеятельности гражданина либо его семьи, которое не может быть преодолено без посторонней помощи [Большая российская энциклопедия, 2016]. Тем самым данная категория отражает не просто внешние затруднения, а такое состояние жизненного уклада, при котором человек оказывается не в силах самостоятельно восстановить нарушенный баланс между требованиями среды и собственными ресурсами.

Основная часть

В научной литературе понятие «трудная жизненная ситуация» нередко сближается со словосочетанием «сложная жизненная ситуация». Эти термины действительно имеют общий смысловой слой: в обоих случаях речь идет об обстоятельствах, которые осложняют повседневную жизнь, вызывают напряжение, дискомфорт, требуют дополнительных усилий для преодоления и способны представлять угрозу благополучию человека. Вместе с тем между ними сохраняются и существенные различия.

Понятие «жизненная ситуация», введенное в научный оборот еще в начале прошлого века, в наиболее общем виде обозначает совокупность значимых для человека событий и обстоятельств, в которых он оказывается в процессе своей жизни. Такая трактовка фиксирует прежде всего внешнюю сторону происходящего. Понятие «сложная жизненная ситуация» описывает уже более конкретное состояние: совокупность обстоятельств, объективно нарушающих нормальные условия жизнедеятельности. При этом данная ситуация обладает многокомпонентной структурой, а анализ связей между ее элементами позволяет человеку выстраивать стратегию выхода из затруднительного положения. Иными словами, сложная жизненная ситуация требует от личности перестройки собственной жизнедеятельности и изменения способов поведения.

С психологической точки зрения жизненная ситуация относится к сфере личной жизни человека и не может рассматриваться вне его субъективного опыта. Как отмечает Е.Ю. Коржова [Коржова, 2001], жизненные ситуации представляют собой наиболее близкие и значимые для человека обстоятельства; именно они определяют субъективный смысл текущего периода жизни, актуализируют потребности и ценности, влияют на общие представления о жизни и собственном месте в ней. Поэтому при рассмотрении жизненной ситуации необходимо учитывать точку зрения самого действующего субъекта [Коржова, 2001; Левин, 20011].

В современной отечественной психологии существует несколько подходов к пониманию трудной жизненной ситуации, и каждый из них раскрывает ее с собственной стороны, добавляя новые смысловые акценты. Одним из теоретических оснований для такого понимания стали

идеи С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн, 2020]. Хотя он и не дает прямого определения ТЖС, в его работах заложены важные предпосылки для ее интерпретации. Исследователь связывал возникновение трудной жизненной ситуации с выраженным несоответствием между требованиями внешней среды и возможностями человека. При этом воздействие внешних факторов не является прямым: оно опосредуется уже сформировавшимся внутренним состоянием личности и отражается в ее сознании. Погружение в собственные переживания побуждает человека переосмысливать жизненные задачи и собственные возможности. В подобных обстоятельствах психическая нагрузка резко возрастает, что может приводить к напряжению и кризисам адаптации.

В рамках личностного подхода С.Л. Рубинштейн исходил из того, что трудная жизненная ситуация не делает человека пассивным объектом внешних обстоятельств. Напротив, личность способна осмыслить происходящее, оценить значение сложившихся условий для собственной жизни, определить возможные способы их преодоления и на этой основе изменить привычный образ жизни и стратегию поведения. Существенную роль в таком преодолении, по мнению ученого, играют активность личности, ее индивидуальные особенности и ценностные основания. Именно они во многом определяют, станет ли ситуация источником психологической травмы либо, напротив, будет переживаться как опыт, способствующий внутреннему развитию.

Сходные идеи развивал Б.Г. Ананьев, рассматривавший трудную жизненную ситуацию в контексте взаимодействия человека с обстоятельствами его жизни и их влияния на становление личности [Ананьев, 2005]. В целостной антропологической концепции ученого такая ситуация понимается как объективное нарушение жизнедеятельности, при котором возможности человека оказываются недостаточными для самостоятельного преодоления возникших требований жизни. Вместе с тем Б.Г. Ананьев подчеркивал, что подобные обстоятельства не исчерпываются только деструктивным воздействием: они могут становиться пространством для самопознания, духовного роста и переоценки жизненных ценностей.

Именно поэтому трудная жизненная ситуация, по Ананьеву, обладает двойственной природой. С одной стороны, она разрушает привычный уклад, вызывает напряжение, стресс и иногда приводит к кризисным состояниям. С другой стороны, столкновение с трудностью может запускать процессы личностного развития: человек начинает глубже понимать собственные возможности, уточняет жизненные цели и смыслы, а также повышает зрелость мышления и способность к самоопределению.

Б.Г. Ананьев соотносит трудности жизненной ситуации с внутренними ресурсами личности, определяющими, по его мнению, способность справляться с ТЖС. К важнейшим внутренним ресурсам им отнесены активность интеллекта, уровень волевого усилия, эмоциональная выносливость, устойчивость установки на достижение цели, которые объединены во введенное им понятие жизнеспособность.

Следуя Б.Г. Ананьеву, жизнеспособность – это не статичное качество, а динамичный процесс интеграции и развития внутренних ресурсов человека в процессе его жизнедеятельности. Он подчёркивает, что уровень развития жизнеспособности определяет способность личности адаптироваться, противостоять трудностям, восстанавливаться после стрессовых событий и продолжать развиваться.

На основе исследований поведения личности в трудных жизненных ситуациях Л.И. Анцыферова указывает, что в отношении ТЖС следует учитывать не только саму ситуацию, но и её значимость для человека, степень воздействия ситуации на человека [Анцыферова, 1994].

В своих научных работах по изучению различных типов поведения, направленных на преодоление человеком преград и определения адекватных форм реагирования на негативные события, Л.И. Анцыферова акцентирует внимание на значении личностных ресурсов и активности личности в преодолении трудностей, поскольку именно они определяют стратегии преодоления трудностей.

Опираясь на исследования, Л.И. Анцыферова отмечает, что даже в трудных обстоятельствах существуют возможности личностного роста. Так она указывает на то, что даже психологическая травма может приводить к усилению жизнестойкости, повышению личной ответственности и улучшению общей адаптации человека.

В исследованиях Л.Ф. Бурлачука в соавторстве с Е.Ю. Коржовой трудная жизненная ситуация рассматривается прежде всего как переживаемое человеком состояние, а не только как совокупность внешних обстоятельств. В центре внимания оказывается субъективный план: то, каким образом личность воспринимает происходящее, какие чувства и оценки с этим связывает и как выстраивает свое поведение в ответ на возникающие трудности [Бурлачук, Коржова, 1998].

Согласно Л.Ф. Бурлачуку, о трудной жизненной ситуации можно говорить тогда, когда между желаемым результатом и реальными возможностями человека в конкретных условиях возникает рассогласование. Именно это несоответствие мешает достижению намеченных целей и порождает отрицательные эмоциональные реакции, которые выступают одним из признаков переживаемой сложности ситуации. В рамках субъективистского подхода исследователь подчеркивает, что поведение личности в подобных обстоятельствах определяется ее переживаниями, смыслами и установками, а также тем, какую стратегию преодоления она выбирает.

Е.Ю. Коржова, развивая данное понимание, акцентирует внимание на субъективной значимости ситуации для самого человека. Трудная жизненная ситуация в ее трактовке — это такие личные обстоятельства, которые воспринимаются как особенно важные, нарушают привычный уклад жизни и создают серьезное внутреннее и внешнее напряжение [Коржова, 2001]. Как правило, подобные состояния возникают тогда, когда жизненные события — утрата работы, болезнь, конфликт, переезд и иные изменения — требуют от человека усилий, существенно превышающих имеющиеся у него ресурсы.

Ключевым моментом в подходе Е.Ю. Коржовой к рассмотрению ТЖС выступает то, что трудность задаётся не только и не столько внешними факторами, но тем, как сам человек их оценивает, насколько они важны лично для него [Коржова, 2020].

При этом, Е.Ю. Коржова обращает внимание на то, что сложившиеся обстоятельства человек воспринимает через призму личных смыслов, ценностей и опыта, и на этой основе определяет, стала ли ситуация для него трудной [Коржова, 2001; Коржова, 2020].

Следуя Е.Ю. Коржовой, субъективная представленность картины ситуации в индивидуальном сознании человека, его субъективная оценка ТЖС, а не сами события, обуславливают характер действий в сложившихся трудных обстоятельствах. Выбор человеком стратегии совладающего поведения зависит от его личностного потенциала преодоления трудностей, который может явиться также источником для личностного роста. Такие базисные компоненты личностного потенциала, как жизнестойкость, смысловые ориентации, способность саморегуляции и самоизменения, направленность на активные действие весьма значимы в решении задач трудной жизненной ситуации и выбора копинг-стратегии.

В концепции Е.Ю. Коржовой трудная жизненная ситуация рассматривается в связи с

конкретной жизнью человека и анализируется как единство объективных обстоятельств и их субъективного переживания [Бурлачук, Коржова, 1998; Коржова, 2001]. Для систематизации этого многообразия исследователь предлагает таксономическую классификацию, в основе которой лежат характер события и степень его влияния на жизнедеятельность человека:

– экстремальные — внезапные события, создающие угрозу жизни, здоровью или благополучию; к ним относятся катастрофы, природные бедствия, тяжелые социальные потрясения, опасные заболевания и др.;

– критические — ситуации, связанные с резкими жизненными изменениями и кризисами, требующими переосмысления себя и своего положения в мире (конфликты, развод, утрата близкого человека, увольнение);

– переходные — значимые жизненные этапы, связанные с переходом к новой стадии развития (поступление в вуз, завершение профессиональной деятельности, создание семьи) и предполагающие освоение новых ролей и обязанностей.

Подобное разграничение, по Е.Ю. Коржовой, помогает точнее понимать природу возникающих трудностей и подбирать адекватные способы совладания с ними. При этом исследователь подчеркивает, что трудная жизненная ситуация не всегда имеет только отрицательный смысл: в ряде случаев она становится источником личностного обновления, нового опыта и внутреннего роста [Коржова, 2020].А.Н. Леонтьев рассматривал трудную жизненную ситуацию в логике деятельностного подхода, обращая особое внимание на то, как человек познает, оценивает и внутренне отражает происходящее [Леонтьев, 1979; Леонтьев, 2003].

В этой связи он отмечал, что «знания и мышление не отделены от процесса формирования чувственного образа мира, а входят в него, прибавляясь к чувствительности» [Леонтьев, 1979, с. 17]. На этой основе в структуре образа трудной жизненной ситуации можно выделить три взаимосвязанных компонента:

– чувственный образ, возникающий в процессе восприятия ситуации;

– значение ситуации, связанное с ее пониманием и осмыслением;

– личностный смысл, выражающий отношение мотива к цели и осознаваемый через рефлексию.

В результате оценивания трудной жизненной ситуации, по А.Н. Леонтьеву, человек выделяет:

– значимость происходящего;

– степень соответствия ситуации его мотивам и личностному смыслу;

– успешность продвижения к цели;

– уровень понятности, подконтрольности и прогнозируемости ситуации, а также ее влияния на дальнейшую жизнь;

– меру трудности;

– соотношение собственных возможностей с требованиями ситуации.

Подводя итог рассмотренным подходам, можно отметить, что в отечественной психологии трудная жизненная ситуация понимается через разные, но взаимодополняющие аспекты. При этом в большинстве концепций сохраняются общие основания: субъективный характер переживания ТЖС, нарушение адаптации, зависимость преодоления трудностей от личностно-смысловых ресурсов, возможность развития и самопознания в самой ситуации кризиса, а также значение активности личности для выбора копинг-стратегии.

Именно эти теоретические положения стали базой для дальнейшего изучения категории.

Среди современных исследований ТЖС особый интерес, на наш взгляд, представляет подход Д.А. Леонтьева, опирающийся на деятельностную традицию А.Н. Леонтьева и концепцию «образа мира». Трудные жизненные ситуации он определяет как обстоятельства, при которых прежние способы поведения оказываются неэффективными и возникает необходимость их пересмотра [Леонтьев, 2019].

С психологической точки зрения Д.А. Леонтьев рассматривает ТЖС как совокупность условий, создающих значительное напряжение и требующих от личности активного поиска новых способов адаптации и сохранения внутреннего равновесия. В подобных обстоятельствах, по его мнению, необходимы смысловые перестройки, позволяющие сохранить психологическую ценность личности. Существенную роль при этом играют индивидуальные особенности человека: именно они определяют, насколько успешно он справляется с мобилизацией ресурсов, адаптируется к стрессу, выстраивает саморегуляцию и предотвращает неблагоприятные последствия сложившейся ситуации.

При этом Д.А. Леонтьев подчёркивает, что трансформации личностно-смысловой сферы человека – это не просто реакция на трудности, а механизм поступательного развития личности. По его мнению, ключевым личностным ресурсом, который позволяет человеку сохранять внутренний баланс и продуктивность в трудных ситуациях, выступает жизнестойкость, которая является одновременно и как ресурс устойчивости, и как ресурс саморегуляции.

В концепции Д.А. Леонтьева ключевым становится не столько объективный характер происходящих событий, сколько их индивидуальная интерпретация человеком. Оценка обстоятельств как тяжелых или угрожающих запускает процессы их осмысления и поиска способов совладания. В рамках разработанной автором модели совладание с ТЖС рассматривается в связи с саморегуляцией и включает широкий спектр психологических механизмов, посредством которых личность противостоит обстоятельствам, нарушающим или ставящим под угрозу ее устойчивость: психологические защиты, копинг-стратегии, адаптацию к стрессу, конструктивное преодоление трудностей и посттравматический рост [Леонтьев, 2019; Леонтьев, 2025].

Исследования Е.В. Битюцкой также сосредоточены на субъективной стороне ТЖС — восприятии человеком возникших обстоятельств, их оценке и последующем выборе способов преодоления. В теоретическом отношении данный подход во многом продолжает идеи А.Н. Леонтьева. Принципиальным для Е.В. Битюцкой является положение о том, что сама по себе трудность не выступает неизменной характеристикой события: она формируется в процессе его субъективной оценки [Битюцкая, 2007].

Таким образом, именно образ ситуации, складывающийся у человека, определяет дальнейшее отношение к происходящему. От особенностей этого восприятия зависят интерпретация событий, их личностное осмысление и формирование субъективного смысла, а через них — выбор конкретной стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией [Битюцкая, 2013].

Е.В. Битюцкая рассматривает ТЖС как в негативном, так и в позитивном аспектах. Она выделяет следующие ключевые характеристики ТЖС: нарушение адаптации, рассогласование целей и возможностей человека, высокие требования к ресурсам, возможность позитивных последствий.

Следуя Е.В. Битюцкой, «составными элементами структуры образа ТЖС являются:

1) система «базовых» представлений о мире и себе в мире;

2) опосредованные культурой модели преодоления ТЖС и сценарии ситуаций;

3) компоненты образа и оценки актуальной ТЖС;

4) представления о себе как субъекте актуальной ТЖС» [Битюцкая, 2020, с. 126].

Для оценки параметров ТЖС Е.В. Битюцкая выделила два класса признаков:

– общие, как присутствующие в любой ТЖС: значимость ситуации, эмоциональные переживания и повышенные затраты ресурсов;

– частные: неподконтрольность ситуации, неопределённость, трудность прогнозирования развития событий, затруднения в принятии решений, необходимость быстрого активного реагирования, оценка недостатка собственных знаний и опыта, состав и значимость которых зависят от содержания конкретной ситуации и личностных особенностей человека [Битюцкая, 2007; Битюцкая, 2020].

Важным продолжением данного направления стали исследования Е.В. Битюцкой, в которых особенности совладания рассматриваются через образ воспринимаемой человеком ситуации. Предложенная ею концептуальная модель позволяет объяснить различия в способах преодоления ТЖС и определить функции копинга в структуре взаимодействия личности с трудными обстоятельствами. При этом именно субъективный образ ситуации рассматривается как один из основных факторов, определяющих характер копинг-поведения [Битюцкая, 2020; Битюцкая, Петровский, 2010].

Иное смысловое измерение проблемы представлено в работах Н.Г. Осуховой. Трудная жизненная ситуация, по ее мнению, возникает тогда, когда привычные способы адаптации перестают соответствовать изменившимся требованиям реальности. В результате происходит дезадаптация, разрушаются ранее сложившиеся модели поведения, а сама жизненная перспектива утрачивает предсказуемость [Осухова, 2012]. Возникает необходимость не только приспосабливаться к новым условиям, но и заново определять собственное место в изменившейся ситуации. Особенно значимым становится противоречие между актуальными обстоятельствами и внутренними основаниями жизнедеятельности — мотивами, стремлениями и ценностями личности.

При этом Н.Г. Осухова подчеркивает, что сам факт возникновения определенного события еще не позволяет однозначно отнести его к категории ТЖС. Существенное значение имеет то, как человек интерпретирует произошедшее и какое личное значение ему придает. Поэтому одинаковые обстоятельства могут стать для разных людей источником совершенно различного по силе и содержанию опыта.

Общим последствием трудной жизненной ситуации исследователь считает нарушение привычной устойчивости жизненного уклада. Восстановление равновесия возможно по разным направлениям: посредством изменения внешних условий, внутренней перестройки личности либо одновременного преобразования среды и самого себя. Способ поведения в такой ситуации определяется взаимодействием объективных обстоятельств и доступных человеку личностных ресурсов. Практическая реализация данного подхода позволила Н.Г. Осуховой сделать вывод о необходимости изучения внутренних структур личности и тех ресурсов, которые способны обеспечить формирование нового равновесного состояния [Осухова, 2008].

Обобщение рассмотренных отечественных концепций показывает, что трудная жизненная ситуация выступает не однозначным внешним событием, а многомерным психологическим феноменом. Объективные обстоятельства приобретают статус трудных в той мере, в какой воспринимаются человеком как значимые, нарушающие привычный ход жизни и превышающие его актуальные возможности. В структуре ТЖС объединяются субъективная оценка происходящего, выраженные эмоциональные переживания, психическое напряжение,

нарушение адаптации, ощущение страдания и снижение способности самостоятельно поддерживать привычный уровень жизнедеятельности. В ряде случаев для восстановления нарушенного состояния требуется обращение за внешней помощью.

Заключение

На основании проведенного анализа предлагаем следующее рабочее определение: трудная жизненная ситуация — это значимое для человека стечение жизненных обстоятельств, при котором требования изменившейся среды существенно расходятся с актуальными возможностями личности, вызывая субъективно переживаемые затруднения, нарушения адаптации и самоидентификации и создавая необходимость мобилизации внутренних и, при их недостаточности, внешних ресурсов для восстановления жизненного равновесия.

Такое понимание категории позволяет рассматривать ТЖС не изолированно, а во взаимосвязи с особенностями личности, характером ее восприятия ситуации, доступными ресурсами и способами совладания. В связи с этим дальнейшее изучение проблем ТЖС целесообразно осуществлять с позиций комплексного подхода.

Библиография

1. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания : избранные психологические труды / Б. Г. Ананьев ; под ред. А. А. Бодалева ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-социал. ин-т. – М. ; Воронеж : Моск. психол.-социал. ин-т [и др.], 2005. – 431 с.
2. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 1. – С. 3–18.
3. Битюцкая, Е. В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А. Н. Леонтьева / Е. В. Битюцкая // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 2. – С. 40–56.
4. Битюцкая, Е. В. Когнитивное оценивание, психологическая защита и тревожность в структуре субъективного образа трудной жизненной ситуации / Е. В. Битюцкая, В. А. Петровский // Психология индивидуальности : материалы третьей Всерос. науч. конф. (Москва, 1–3 декабря 2010 г.) : в 2 ч. / отв. ред. А. Б. Орлов. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – Ч. 1. – С. 87–88.
5. Битюцкая, Е. В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации / Е. В. Битюцкая // Вопросы психологии. – 2020. – № 3. – С. 116–131.
6. Битюцкая, Е. В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания / Е. В. Битюцкая // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 4. – С. 87–93.
7. Большая российская энциклопедия. – М. : Большая российская энциклопедия, 2016. – Т. 30. – С. 453.
8. Бурлачук, Л. Ф. Психология жизненных ситуаций : учебное пособие / Л. Ф. Бурлачук, Е. Ю. Коржова. – М. : Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с.
9. Коржова, Е. Ю. Психологическое познание человека как субъекта жизнедеятельности : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Коржова Елена Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2001. – 485 с.
10. Коржова, Е. Ю. Психология личности / Е. Ю. Коржова. – СПб. : Питер, 2020. – 544 с.
11. Левин, К. Динамическая психология : избранные труды / К. Левин ; под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой ; [сост., пер. с нем. и англ. и науч. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой]. – М. : Смысл, 2001. – 576 с.
12. Леонтьев, А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Мир психологии. – 2003. – № 4 (36). – С. 10–18.
13. Леонтьев, А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1979. – № 2. – С. 3–13.
14. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности : монография / Д. А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Смысл, 2019. – 582 с.
15. Леонтьев, Д. А. Совладание в контексте саморегуляции. Часть 1. Концептуальные проблемы и вызовы / Д. А. Леонтьев // Психологический журнал. – 2025. – Т. 46, № 1. – С. 5–13.
16. Осухова, Н. Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н. Г. Осухова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2012. – 320 с.
17. Осухова, Н. Г. Психологическое сопровождение личности в кризисных ситуациях: опыт эмпирического исследования : монография / Н. Г. Осухова. – М. : Варсон, 2008. – 400 с.

18. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : АСТ, 2020. – 1638 с.
19. Федеральный закон от 10 декабря 1995 года № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации».

The Category of "Difficult Life Situation" in Domestic Psychological Science

Viktoriya G. Golinkova

Postgraduate Student,
Department of General and Social Psychology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika River Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 9595101@gmail.com

Abstract

The article examines the category of "difficult life situation". The distinction between the concepts of a complex and a difficult situation is revealed. It is noted that at present, in domestic psychological science, there is no unified understanding of the essence of the category of "difficult life situation". The results of the analysis of the views of outstanding domestic scholars on the essence of the category of "difficult life situation" are presented, on the basis of which the most significant common positions are identified. The further development of the understanding of this category in the scientific works of modern scholars is shown. A generalization is made, and a definition of the category of "difficult life situation" is given.

For citation

Golinkova V.G. (2026) Kategoriya «trudnaya zhiznennaya situatsiya» v otechestvennoy psikhologicheskoy nauke [The Category of "Difficult Life Situation" in Domestic Psychological Science]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 59-68. DOI: 10.34670/AR.2026.84.35.007

Keywords

Difficult life situation, subjective image of the situation, internal personal potential, coping, coping strategies, adaptation, personal resources, resilience.

References

1. Ananyev, B. G. (2005). Psikhologiya i problemy chelovekoznaniya [Psychology and problems of human knowledge] (A. A. Bodalev, Ed.). Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut.
2. Antsyferova, L. I. (1994). Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsiy i psikhologicheskaya zashchita [Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection]. Psikhologicheskiy zhurnal, *15*(1), 3–18.
3. Bityutskaya, E. V. (2007). Trudnaya zhiznennaya situatsiya: kriterii kognitivnogo otsenivaniya [Difficult life situation: criteria of cognitive assessment]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie, (4), 87–93.
4. Bityutskaya, E. V. (2013). Kognitivnoe otsenivanie trudnoy zhiznennoy situatsii s pozitsiy deyatel'nostnogo podkhoda A. N. Leont'eva [Cognitive assessment of a difficult life situation from the perspective of A.N. Leontiev's activity-based approach]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya, (2), 40–56.
5. Bityutskaya, E. V. (2020). Struktura i dinamika obraza trudnoy zhiznennoy situatsii [The structure and dynamics of the

image of a difficult life situation]. Voprosy psikhologii, (3), 116–131.
6. Bityutskaya, E. V., & Petrovskiy, V. A. (2010). Kognitivnoe otsenivanie, psikhologicheskaya zashchita i trevozhnost' v strukture sub"ektivnogo obraza trudnoy zhiznennoy situatsii [Cognitive assessment, psychological protection and anxiety in the structure of the subjective image of a difficult life situation]. In A. B. Orlov (Ed.), Psikhologiya individual'nosti: materialy tret'yey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Vol. 1, pp. 87–88). HSE Publishing House.
7. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. (2016). Vol. 30. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.
8. Burlachuk, L. F., & Korzhova, E. Yu. (1998). Psikhologiya zhiznennykh situatsiy [Psychology of life situations]. Rossiyskoye pedagogicheskoye agentstvo.
9. Federal'nyy zakon ot 10 dekabrya 1995 goda № 195-FZ "Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 195-FZ of December 10, 1995 "On the Basics of Social Services for the Population in the Russian Federation"].
10. Korzhova, E. Yu. (2001). Psikhologicheskoye poznaniye cheloveka kak sub"yekta zhiznedeyatel'nosti [Psychological cognition of a person as a subject of vital activity] [Doctoral dissertation, Herzen State Pedagogical University].
11. Korzhova, E. Yu. (2020). Psikhologiya lichnosti [Psychology of personality]. Piter.
12. Leontiev, A. N. (1979). Psikhologiya obraza [Psychology of the image]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya, (2), 3–13.
13. Leontiev, A. N. (2003). Obraz mira [The image of the world]. Mir psikhologii, (4), 10–18.
14. Leontiev, D. A. (2019). Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality] (4th ed.). Smysl.
15. Leontiev, D. A. (2025). Sovladanie v kontekste samoregulyatsii. Chast' 1. Kontseptual'nye problemy i vyzovy [Coping in the context of self-regulation. Part 1. Conceptual problems and challenges]. Psikhologicheskiy zhurnal, *46*(1), 5–13.
16. Levin, K. (2001). Dinamicheskaya psikhologiya [Dynamic psychology] (D. A. Leontiev & E. Yu. Patyaeva, Eds.). Smysl.
17. Osukhova, N. G. (2008). Psikhologicheskoye soprovozhdeniye lichnosti v krizisnykh situatsiyakh [Psychological support of personality in crisis situations]. Varson.
18. Osukhova, N. G. (2012). Psikhologicheskaya pomoshch' v trudnykh i ekstremal'nykh situatsiyakh [Psychological help in difficult and extreme situations] (5th ed.). Akademiya.
19. Rubinshtein, S. L. (2020). Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of general psychology]. AST.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.30.26.023**

«Дискурс Другого»: прочтение бессознательного в теории Жака Лакана

Эксанова Алсу Асяатовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Нижегородская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
603950, Российская Федерация,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: zuikowaalsu@yandex.ru

Аннотация

В статье раскрывается лакановская концепция бессознательного как дискурса Другого – в сопоставлении с классическим фрейдовским подходом, что позволяет выявить принципиальное отличие структуралистского прочтения бессознательного от психоаналитической традиции, ориентированной на поиск вытесненного содержания. Автор показывает, как Ж. Лакан переосмысляет идею «говорящего» бессознательного: если у З. Фрейда бессознательное предстаёт как хранилище вытесненных желаний и травм, функционирующее по алогичным и атемпоральным законам (процессы сгущения и смещения, отсутствие отрицания, вневременность), то у Лакана оно понимается как структурированная языком область, где смыслы и желания формируются в рамках символического порядка, а сам субъект оказывается «разделённым» и не совпадающим с собственным дискурсивным выражением. Особое внимание уделено четырём фундаментальным дискурсам Лакана (господина, университета, истерика и аналитика) как моделям, описывающим устойчивые конфигурации отношений между знанием, желанием и властью, определяющие не только клинические ситуации, но и социальные и институциональные практики. В рамках этих дискурсов раскрывается, каким образом субъект занимает определённую позицию в языке и как бессознательное «проговаривается» через разрывы речи – оговорки, повторы, паузы, сновидения и симптомы, которые становятся «местами» проявления Другого и выхода вытесненного в сферу означающих. В работе систематизированы клинические и лингвистические приёмы «считывания» бессознательного в речи: анализ устойчивых оборотов и «чужих слов» (речевых автоматизмов, в которых проявляются заимствованные дискурсы), трактовка сновидений как цепочки означающих (в противовес фрейдовскому символизму), интерпретация симптома как особой формы высказывания (послания, адресованного Другому и одновременно зашифровывающего желание). Подчёркивается, что для лакановского психоанализа задача состоит не в поиске скрытых воспоминаний и восстановлении травматических событий, а в выявлении структурных разрывов и навязанных языковых формул, управляющих желаниями субъекта и определяющих его способ занимать определённые позиции в социальных дискурсах. Статья демонстрирует, что лакановский подход расширяет границы психоанализа, позволяя использовать его не

только как инструмент индивидуальной работы, но и как метод социально-культурного анализа: через анализ дискурсивных позиций можно выявлять, как культурные нормы и социальные ожидания структурируют личный опыт и формируют неосознаваемые сценарии поведения, раскрывая скрытые механизмы власти, идентификации и нормализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Эксанова А.А. «Дискурс Другого»: прочтение бессознательного в теории Жака Лакана // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 69-75. DOI: 10.34670/AR.2026.30.26.023

Ключевые слова

Характеристика бессознательных механизмов, четыре дискурса Лакана, язык и бессознательное, означающее и означаемое, структура речи, анализ оговорок и повторов, сновидения как языковая структура, симптом как речь, символический порядок.

Введение

Проблема недоступности бессознательного для прямого сознательного контроля – одна из центральных в психоаналитической теории. Основоположник психоанализа З. Фрейд рассматривал бессознательное не как «пустое зияющее дно» или «отсутствие сознания», а как живую, содержательную инстанцию психики. В психоаналитической традиции бессознательное долгое время считалось как «хранилище» вытесненных желаний и травматических воспоминаний, бессознательное представлялось как бурлящий котел, в который вытесняется все запретное и табуированное, и все процессы закрываются плотной крышкой (предсознательное), и так как это охраняется цензурой к прочтению невозможно.

Лакановский психоанализ приоткрывает завесу тайны, и наша цель – раскрыть, в чём состоит эта концепция, как она меняет понимание бессознательного и каким образом скрытое и секретное, то что человек не осознает сам в себе, можно проанализировать через его дискурс.

Материалы и методы исследования

Теоретические основания: бессознательное как структурированная область. В классическом психоанализе бессознательное – это не просто «то, чего человек не осознает», а особое психическое устройство, функционирующее по собственным законам. Фрейд [Фрейд, 1998] выделял несколько характеристик бессознательных процессов:

-алогичность и атемпоральность: бессознательное не руководствуется формальной логикой, законы тождества, противоречия, «исключенного третьего» не работают. Бессознательное живет по своим законам недоступных сознательной части. Бессознательное имеет вневременной характер, настоящее и будущее живут вместе объединяются друг с другом в одном психическом акте, а не находятся в отношении линейной необратимой последовательности. Прошлое, настоящее, будущее спрессовывается и создается необъяснимый симптом.

-особый способ репрезентации: содержание бессознательного выражается через символы и телесные проявления, именно поэтому содержимое бессознательного не может переводиться

напрямую без искажений. Сложно назвать Ж.Лакана основоположником мысли, что за анализом слов скрывается тайный смысл. [Лакан, 1995] З.Фрейд так же обращал внимание на речь, рассматривая в словах «путь» к бессознательному, мысли и речь человека часто отражают его внутренние дефициты и проблемы. Р. Якобсон излагает очень интересную мысль «…язык функционирует, сам того не ведая». [Якобсон, 1996] То есть в речи превалируют автоматизмы, которые сформировались через многократное повторение, в автоматизмах отражается стиль жизни, усвоенное культурное наследие

Результаты и обсуждение

Ж. Лакан сохраняет фрейдовскую идею о том, что бессознательное «говорит», [Лакан, 2004] но переосмыслил ее и сместил акцент на то, как оно говорит: через язык. Для Ж.Лакана, само бессознательное и есть язык, Язык – не нейтральный инструмент выражения мыслей, а первичная структура, формирующая субъект. Ключевой тезис Лакана: бессознательное – это дискурс Другого. Слово дискурс ассоциируется с работами Мишеля Фуко, «дискурс» означает организованную речь и способ говорения, а равно способ мышления. [Якобсон, 1996]

«Другой» здесь – не конкретный человек, а символический порядок: язык, нормы, правила, культурные коды, которые предшествуют индивидуальному опыту и формируют его. Скрытые смыслы «проговариваются» через оговорки, символы, сновидения, а не просто подавляются. [Фрейд, 2011] Ребёнок с первых слов усваивает готовую систему значений, которая задаёт рамки его желаний и идентичности. Поэтому бессознательное оказывается не столько «личным», сколько «проговоренным» через Другого. Понятие «дискурс» у Лакана отсылает к устойчивым формам говорения, в которых субъект занимает определённую позицию. В «Семинарах» Лакан выделяет четыре фундаментальных дискурса:

-дискурс господина

- университета

-истерика

- аналитика

каждый из которых описывает специфическую конфигурацию отношений между знанием, желанием и властью. Когда Лакан говорит, что бессознательное – это дискурс Другого, он имеет в виду, что:

Смыслы задаются извне. Желания субъекта формируются в языке, который он не выбирал: это родительские послания, культурные стереотипы, социальные ожидания.

Субъект расщеплён. В языке всегда есть зазор между тем, что говорится, и тем, что имеется в виду; между означающим и означаемым. Этот разрыв и есть место бессознательного.

Бессознательное «говорит» через разрывы. Оговорки, пропуски, паузы, повторы, странные обороты речи – всё это следы работы бессознательного как дискурса, который «проговаривается» помимо воли говорящего.

Таким образом, «читать» бессознательное у Лакана – значит не искать скрытые воспоминания, а анализировать структуру речи: какие слова повторяются, где возникают разрывы, какие фразы звучат как чужие, заимствованные, «навязанные».

Стоит рассмотреть какие общие скрытые, неочевидные механизмы существуют в языке, и в работе бессознательного. Действуют правила, которые мы часто не осознаём. В языке это, например, синтаксические правила или семантические, которые сформировались без нашего прямого контроля. Эти правила глубинные, часто автоматизированные структуры, которые

задают рамки, но управлять ими напрямую не представляется возможным.

Проявления и «ошибки». Бессознательное часто «проговаривается» или проявляется через язык: в оговорках («ошибка по Фрейду»), в сновидениях, в свободных ассоциациях. [Фрейд, 2011] Язык здесь выступает как канал: мы пытаемся вербализовать то, что в сознании туманно, и в этой вербализации как раз всплывают бессознательные содержания.

Роль в формировании опыта. Язык, и работа бессознательного участвуют в том, как структурируется опыт. Язык помогает кодировать и передавать мысли, а бессознательное фильтрует информацию, отбирая важное и отбрасывая лишнее. В какой-то мере язык – это инструмент, который помогает «поймать» и выразить то, что в данный момент в фокусе сознания недоступно.

Взаимодействие в психике. Бессознательное трактуется как нечто, структурированное по принципу языка – как система означающих и означаемых. Существует своего рода «словарь» и правила сочетания знаков.

При этом не стоит отождествлять: бессознательное не есть язык, и язык не сводится только к бессознательному. Язык – это осознанная, социально закреплённая система, а бессознательное – сфера неосознаваемых процессов. [Лакан, 1995] Но в человеческой психике они действительно тесно переплетены: язык помогает вербализовать то, что в бессознательном ещё только формируется, а бессознательные структуры во многом определяют то, как мы строим фразы и понимаем смысл.

Как «считывают» бессознательное: клинические и лингвистические приёмы:

- фокус на повторах и устойчивых оборотах. Если используется одна и та же фраза, это может быть «означающим», вокруг которого строится его бессознательный сценарий.

-анализ «чужих слов». Воспроизводятся родительские или социальные формулы «так принято», «должен», которые звучат как голос Другого. В этих шаблонах кроется бессознательное послание. Если задать расколдовывающий вопрос, то ответа не последует. Это прописанные, застрявшие неосознаваемые сценарии.

-анализ оговорок и пропусков. Пропущенные слова, внезапные паузы, сбивчивость речи трактуются как точки, где бессознательное «прорывается» сквозь сознательный контроль.

-изучение сновидений как языковых структур. Лакан предлагает рассматривать сон как цепочку означающих, которые можно разбирать подобно тексту: искать повторы, рифмы, смысловые узлы, а не только символические значения образов.

-внимание к симптомам как речи. Симптом понимается как способ, которым субъект «говорит» о своём желании, когда обычная речь не справляется.

Для Ж.Лакана именно в этих разрывах и повторах языка и живёт бессознательное: оно не спрятано глубоко внутри, а «разлито» в самой ткани речи.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что лакановская трактовка бессознательного знаменует существенный сдвиг в психоаналитической теории по сравнению с классическим фрейдовским подходом. Если у З. Фрейда бессознательное предстаёт как резервуар вытесненного, функционирующий по алогичным и атемпоральным законам и защищённый цензурой, то Ж. Лакан переосмысляет его как структурно организованную область, принципиально опосредованную языком: бессознательное у него – не столько «хранилище», сколько дискурс Другого, то есть система значений, норм и правил, предшествующих

индивидуальному опыту и формирующих субъект. Ключевым инструментом для понимания этой структуры выступают четыре фундаментальных дискурса Лакана (господина, университета, истерика и аналитика): они демонстрируют, как в разных социальных позициях по-разному распределяются знание, власть и желание, и как именно через эти конфигурации проявляется работа бессознательного. В каждом из дискурсов субъект занимает специфическую позицию, которая задаёт логику его запросов, ожиданий и способов обращения к знанию – и одновременно фиксирует точки разрыва, где бессознательное «проговаривается» помимо воли говорящего.Особую ценность для исследовательской практики представляет предложенный Лаканом метод «чтения» бессознательного не через реконструкцию вытесненных воспоминаний, а через анализ речи: повторов, оговорок, пауз, устойчивых формул и «чужих слов», а также через трактовку сновидений и симптомов как языковых структур. Такой подход смещает фокус с поиска «истинной причины» на выявление структурных разрывов и навязанных языковых сценариев, которые управляют желаниями субъекта. Таким образом, лакановский взгляд не только углубляет понимание механизмов бессознательного, но и расширяет границы психоанализа, превращая его в инструмент социально-культурного анализа: через изучение дискурсов можно выявлять, как культурные нормы, социальные ожидания и властные отношения структурируют личный опыт и формируют неосознаваемые сценарии поведения [Фуко, 2004]. Это открывает перспективы для междисциплинарных исследований на стыке психоанализа, лингвистики и социальной теории, а также для более тонкой клинической работы, ориентированной не на устранение симптома, а на прояснение той речи, которой субъект уже пользуется – и которая одновременно и ограничивает его, и даёт возможность для изменения.

Библиография

1. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 1998.
2. Фрейд З. Толкование сновидений / пер. с нем. М.: Азбука, 2011.
3. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. с фр. М.: Гнозис, 1995.
4. Лакан Ж. Семинары. Книга XI. Четыре основные понятия психоанализа / пер. с фр. М.: Гнозис; Логос, 2004.
5. Якобсон Р. Язык и бессознательное / пер. с англ., фр.; сост., вступ. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. М.: Гнозис, 1996. 248 с.
6. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

"The Discourse of the Other": Reading the Unconscious in the Theory of Jacques Lacan

Alsu A. Eksanova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Social and Humanitarian Sciences,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: zuikowaalsu@yandex.ru

Abstract

The article reveals the Lacanian concept of the unconscious as the discourse of the Other – in comparison with the classical Freudian approach, which makes it possible to identify the fundamental difference between the structuralist reading of the unconscious and the psychoanalytic tradition oriented towards the search for repressed content. The author shows how J. Lacan reinterprets the idea of the "speaking" unconscious: if in S. Freud the unconscious appears as a repository of repressed desires and traumas functioning according to illogical and atemporal laws (processes of condensation and displacement, the absence of negation, timelessness), then in Lacan it is understood as a region structured by language, where meanings and desires are formed within the framework of the symbolic order, and the subject itself turns out to be "divided" and not coinciding with its own discursive expression. Particular attention is paid to Lacan's four fundamental discourses (of the master, the university, the hysteric, and the analyst) as models describing stable configurations of relations between knowledge, desire, and power, which determine not only clinical situations but also social and institutional practices. Within these discourses, it is revealed how the subject occupies a certain position in language and how the unconscious "speaks out" through breaks in speech – slips, repetitions, pauses, dreams, and symptoms, which become "places" of the manifestation of the Other and the emergence of the repressed into the sphere of signifiers. The work systematizes clinical and linguistic techniques for "reading" the unconscious in speech: the analysis of stable expressions and "foreign words" (speech automatisms in which borrowed discourses are manifested), the interpretation of dreams as chains of signifiers (as opposed to Freudian symbolism), the interpretation of the symptom as a special form of utterance (a message addressed to the Other and simultaneously encoding desire). It is emphasized that for Lacanian psychoanalysis, the task consists not in the search for hidden memories and the reconstruction of traumatic events, but in identifying structural breaks and imposed linguistic formulas that govern the subject's desires and determine its way of occupying certain positions in social discourses. The article demonstrates that the Lacanian approach expands the boundaries of psychoanalysis, allowing it to be used not only as an instrument of individual work but also as a method of socio-cultural analysis: through the analysis of discursive positions, it is possible to identify how cultural norms and social expectations structure personal experience and form unconscious behavioral scenarios, revealing the hidden mechanisms of power, identification, and normalization.

For citation

Eksanova A.A. (2026) «Diskurs Drugogo»: prochtenie bessoznatel'nogo v teorii Zhaka Lakana ["The Discourse of the Other": Reading the Unconscious in the Theory of Jacques Lacan]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 69-75. DOI: 10.34670/AR.2026.30.26.023

Keywords

Characteristics of unconscious mechanisms, Lacan's four discourses, language and the unconscious, signifier and signified, structure of speech, analysis of slips and repetitions, dreams as a linguistic structure, symptom as speech, symbolic order.

References

1. Freud S. Basic Psychological Theories in Psychoanalysis. An Outline of the History of Psychoanalysis: collection / transl.

from German. St. Petersburg: Aleteya, 1998.
2. Freud S. The Interpretation of Dreams / transl. from German. Moscow: Azbuka, 2011.
3. Lacan J. The Function and Field of Speech and Language in Psychoanalysis / transl. from French. Moscow: Gnozis, 1995.
4. Lacan J. Seminars. Book XI. The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis / transl. from French. Moscow: Gnozis; Logos, 2004.
5. Jakobson R. Language and the Unconscious / transl. from English and French; comp., introd. by K. Golubovich, K. Chukhrukidze; transl. ed. F. Uspensky. Moscow: Gnozis, 1996. 248 p.
6. Foucault M. The Archaeology of Knowledge / transl. from French. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya Kniga, 2004.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.29.68.024**

Иллюзия объяснительной глубины на материале собственного замысла: самодиагностика в группе с помощью веб-игры

Агамалиев Рустам

Магистр,
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»,
124498, Российская Федерация, Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1;
e-mail: rustam.agamaliev@gmail.com

Дорофеев Максим

Магистр,
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»,
124498, Российская Федерация, Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1;
e-mail: maxim.dorofeev@gmail.com

Аннотация

В статье проверяется воспроизводимость эффекта иллюзии объяснительной глубины (иллюзии понимания, когда человеку кажется, что он понимает предмет глубже, чем на самом деле) на материале собственного замысла участника, а не внешнего технического устройства, как в классическом исследовании Розенблита и Кейла, где испытуемые переоценивали понимание работы бытовых приборов. Экспериментальное вмешательство реализовано с помощью авторской многопользовательской веб-игры «Душнота по понятиям», в которой участник письменно фиксировал собственное утверждение по причинно-следственному шаблону (формулируя некоторое понятие или взаимосвязь), оценивал ясность своего замысла по шкале, отвечал на «глупые» вопросы других участников (простые, неожиданные вопросы, проверяющие границы понимания) и затем оценивал ясность повторно — текущую (насколько ясно сейчас) и ретроспективную (насколько ясно было в начале до обсуждения), что позволяет зафиксировать сдвиг в самооценке. Данные собраны на двух отраслевых конференциях, CodeFest и PeopleSense, с участием специалистов в области IT и дизайна: полные наборы самооценок получены от 88 и 41 участника, дополнительно собрано 226 ответов в сравнительном условии, где те же вопросы участник применял к собственному тексту без внешнего собеседника, что позволило разделить эффект социального взаимодействия и эффект саморефлексии. Обработка выполнена парным t-критерием Стьюдента с расчётом d_z Коэна для оценки величины эффекта, критерием хи-квадрат для анализа распределений ответов и критерием Джонкхира – Терпстры для выявления тенденций в порядковых данных. Показано, что после обсуждения участники оценивают своё прежнее понимание ниже, чем в момент написания текста (+0,43 и +0,68 балла, p = 0,003), тогда как текущая оценка растёт; расхождение двух суждений (текущая оценка и ретроспективная оценка прежнего понимания) оказалось наиболее выраженным эффектом исследования, указывающим на то, что диалог с другими участниками разоблачает иллюзию понимания. При этом ни

количество вопросов, ни их субъективная полезность, ни число спрашивающих не связаны с величиной пересмотра, а в условии без собеседника сдвига не происходит вовсе, что свидетельствует о ключевой роли социального взаимодействия для запуска метакогнитивного пересмотра. Сделан вывод, что значение имеет не сам вопрос (как стимул для размышления), а внешняя позиция, из которой он поступает (Другой как носитель иной перспективы, выводящий из монологического мышления), и обязанность отвечать вслух, которая заставляет артикулировать и проверять границы собственного понимания, что делает игру эффективным инструментом самодиагностики и обучения взрослых.

Для цитирования в научных исследованиях

Агамалиев Р., Дорофеев М. Иллюзия объяснительной глубины на материале собственного замысла: самодиагностика в группе с помощью веб-игры // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 76-99. DOI: 10.34670/AR.2026.29.68.024

Ключевые слова

Иллюзия понимания, иллюзия объяснительной глубины, самооценка понимания, ретроспективная оценка, метапознание, беглость суждения, внешний собеседник, веб-игра, обучение взрослых.

Введение

В начале 2026 года при подготовке к написанию настоящего исследования нами проведен небольшой неформальный эксперимент средствами интернета. Авторами настоящего исследования была написана статья [Агамалиев, 2026], в которой в достаточной для визуального представления степени была описана история изобретения первой цифровой камеры Стивеном Сассоном. Далее участникам/читателям статьи предлагалось сформулировать письменно и отправить через форму на сайте сообщение о том, что они поняли после прочтения. Было получено 108 ответов, из которых лишь в трех респонденты написали, что не знают, что произошло, и не понимают.

Остальные сто пять респондентов не проверяли сделанных авторами неформального эксперимента утверждений. Вместо проверки респонденты второй группы просто перефразировали предложенное нами объяснение, которое было ложным (о чём было написано в статье ниже). При проектировании финальной экспериментальной части статьи исследователи ложное объяснение заменили фактологическим и подчеркнули, что даже знание фактов не позволяет сформулировать исчерпывающего объяснения того, что произошло в истории изобретения цифровой камеры Стивеном Сассоном.

В нашем неформальном эксперименте участники располагали лишь информацией, предложенной нами, и не испытывали потребности проверить написанное. По мнению Розенблита и Кейла, в случае с нашей экспериментальной статьей знание того “что” произошло было принято респондентами за понимание того “как” и “почему” произошло [Rozenblit, Keil, 2002]. Это явление нами описывается как “иллюзия понимания”, и в данной работе мы будем оперировать именно этим понятием, суть которого в определенной степени совпадает с иллюзией объяснительной глубины [Rozenblit, Keil, 2002].

Розенблит и Кейл, изучая иллюзию объяснительной глубины, исследовали то, насколько хорошо респонденты понимают работу технических устройств, а в нашей работе мы рассматриваем иллюзию понимания при объяснении собственных решений в повседневной профессиональной деятельности.

Например, в случаях, когда кто-то говорит, что команда или ученик недостаточно замотивирован, чтобы выполнить ту или иную задачу. Большинству тех, кто услышит подобное утверждение, может показаться, что они понимают, что происходит, однако для того чтобы развеять иллюзию достаточно задать два вопроса:

– В чем выражается (Как выглядит) недостаточность мотивации?

– Как работает мотивация?

Два вопроса выше представляют собой категорию «глупых» вопросов (классификация авторская, полный список вопросов смотри в приложении №1 настоящего исследования). Говорящему может показаться, что он понимает суть описываемых им явлений, но при попытке ответить на «глупые» вопросы из приложения №1 он начинает явно замечать недостаточность знаний и понимания фактов, явлений и событий. Аналогичный эффект возникает, когда в отношении утверждения «Кто-то недостаточно замотивирован для выполнения какой-то задачи» просят предоставить обоснование в виде элементарной причинно-следственной нотации: Если кто-то недостаточно замотивирован, то он/она не выполняет какое-то действие, потому что …?

Объяснение того, как что-то функционирует, или попытка построения логического умозаключения, по нашему мнению, помогает преодолеть иллюзию понимания, снизить чрезмерную уверенность в знании процессов объясняемого события, явления или факта, а также помогает индивиду преодолеть проблему, с которой он сталкивается при объяснении чего-либо. Проблему, которая заключается в том, что объяснение имеет сложную иерархическую структуру, при которой один элемент объяснения объясняет предыдущий, а финальное состояние объяснения никем не формализовано.

Иными словами, у объяснения отсутствуют критерии, при которых оно становится исчерпывающим, то есть у объяснения отсутствует состояние, при котором можно остановиться. Отсюда следует проблема: раз внешний критерий исчерпаемости отсутствует, значит, тот, кто объясняет, использует внутренний, которым становится легкость, с которой феномен объясняется. Шварцем в работе о метакогнитивных переживаниях этот феномен описан как «беглость как источник суждения» [Schwarz, 2004].

В данной работе мы утверждаем, что знание, которое обычно является основой иллюзии понимания, извлекается из памяти, а человеческая память не является надежным источником истины [Bartlett, 2003]. Джордан К. считает, что семантический контекст, в котором рассматривается явление, факт или событие, поддерживает процесс воспроизведения, который в условиях недостатка времени и обилия внешних раздражающих факторов создает исключительно иллюзию понимания фактов, событий или явлений. Иллюзию такого уровня и силы, при которой просмотр видеоинструкции сложнейшего процесса приземления самолета малой авиации создает у человека незнакомого с авиацией уверенность в том, что если потребуется он сможет самостоятельно посадить самолет [Jordan et al., 2022]. К аналогичному выводу пришел русский логик и философ С.И. Поварнин, в своей работе «Как читать книги» [Поварнин, 1924] он выдвинул тезис, что представить что-то приравнивается к пониманию. То есть феномен, при котором визуальная составляющая замещает логическое обоснование того, почему что-то функционирует так, как функционирует, существовал задолго до появления

цифровых технологий.

Информация, попадающая в поле внимания индивида (слова, обрывки изображений, звуки), собирает определенный семантический контекст, который в свою очередь запускает воображение индивида, которым компенсируется недостаток опыта. Чем меньше личного опыта и знаний, тем больше доля воображения и тем выше субъективная уверенность, тем сильнее иллюзия понимания [Kruger, Dunning, 1999].

Правдоподобным выглядит предположение о том, что эффект иллюзии понимания возник в связи с развитием цифровой среды, однако нами не найдено подтверждения тому, что иллюзия понимания является артефактом цифровой эпохи. Тем не менее, несмотря на то что цифровая среда не создает описанного выше механизма, цифровые средства существенно удешевляют возникновение эффекта иллюзии понимания. Мгновенный доступ к внешнему источнику информации распределяет познавательную нагрузку, при которой часть функций передается внешнему носителю информации; Вегнером этот эффект описывается через трансактивную память [Wegner, 1987], а частным случаем перераспределения выступает «эффект Гугла» [Sparrow, Liu, Wegner, 2011]: информация, доступная по запросу, воспроизводится хуже, чем путь к ней. Следствием иного порядка принято считать, факт, при котором использование интернета как сверхлёгкого способа получения информации приводит к тому, что человек стирает границы между своими собственными возможностями и возможностями электронных устройств, приписывая себе их сверхспособности [Hamilton, Yao, 2018].

В рамках данного исследования имеет значение не сам эффект ослабления памяти, а то, что внешние источники информации и цифровая среда стали частью семантического контекста, с помощью которого индивид формирует личностное понимание.

Доступность информации подменила личный опыт иллюзией личного опыта: готовое объяснение, полученное из внешней (цифровой) среды, создает эффект легкости, чего невозможно получить, если формулировать объяснение самостоятельными умственными усилиями. Чем дешевле достается объяснение, тем ярче у индивида проявляется иллюзия понимания.

Мы осознаем, что самостоятельное объяснение феномена, явления или факта как инструмент преодоления иллюзии понимания несет в себе ряд рисков, наиболее существенный из которых заключается в том, что проверять приходится тем же инструментом, которым иллюзия создается. При отсутствии критерия исчерпаемости объяснения индивид прибегает к наиболее доступному – легкости, с которой объяснение приходит на ум. Соответственно, адекватность объяснения оценивается по беглости, которая имитирует полноту [Alter, Oppenheimer, 2009], замыкая тем самым петлю: чем свободнее человек говорит о явлении, факте или событии, тем убедительнее ему кажется, что он его понимает.

Разрыв петли самостоятельно возможен, но исключительно требователен к умению задавать вопросы к собственным убеждениям и умению оценивать логичность ответа. Умение спрашивать и оценивать состоятельность собственного ответаформируется годами и требует специальной подготовки. Значительно более доступным решением оказалось привлечение другого собеседника, партнера, задающего «глупые» вопросы. Внешний собеседник обладает рядом преимуществ перед тем, кто объясняет самому себе: он не разделяет семантический контекст, в котором сделано утверждение, возник факт или явление, и не имеет доступа к чувству легкости, сопровождающему утверждение автора. Ему доступны только сказанные или написанные слова, и оценивать понимание он вынужден исключительно по утверждению.

Кроме того, позиция защищающего утверждение и позиция оспаривающего его без

длительной тренировки не могут быть воспроизведены одним человеком одновременно. Метод последовательного опровержения, известный со времен сократического эленхоса [Farnsworth, 2021], предполагает наличие оппозиции, в этом отношении диалог располагает ресурсом, которого лишена письменная саморефлексия. Именно поэтому в настоящем исследовании интервенция построена не как самостоятельное объяснение [Fernbach et al., 2013], к которому прибегают Розенблит и Кейл [Rozenblit, Keil, 2002], а как серия ответов на “глупые” вопросы, задаваемые другими участниками (партнеромами).

Настоящее исследование проверяет три следствия изложенного выше:

Первое. Если объясняющий оценивает полноту собственного понимания по беглости, а внешний собеседник такого доступа лишен и располагает только словами, то оценки, выставленные докладчику участниками, задающими вопросы, окажутся ниже его собственной, при этом расхождение сохранится и после обсуждения.

Второе. Мы считаем, что если письменная саморефлексия в основе имеет непригодный критерий оценки понимания, а диалог вводит внешнюю (независимую) позицию, то задание на письменную рефлексию не изменит самооценку понимания, тогда как серия вопросов, заданных другим участником, изменит.

Третье. Если “глупые вопросы” разрушают неосознанную индивидом иллюзию понимания при первоначальной оценке, то участник, которому после ответов на “глупые” вопросы предложат оценить, каким его понимание было в самом начале, поставит оценку ниже первоначальной.

Измеряемой величиной во всех трех следствиях выступает самооценка глубины понимания собственного текста по шкале Ликерта от 1 до 7, собираемая до обсуждения, непосредственно после обсуждения и ретроспективно.

Ретроспективная оценка требует оговорки, так как запрашивается вопросом, прямо указывающим на возможность обнаружения пробелов, и потому подвержена как влиянию наводящей формулировки, так и ретроспективному искажению сути. Мы вернемся к этому при обсуждении ограничений настоящего исследования.

Материалы и методы исследования

Дизайн исследования предполагал групповое измерение с независимым воспроизведением на двух площадках. Участие в эксперименте было добровольным и выглядело для участника, как участие в обучающем мастер-классе. Каждый участник последовательно выступал в двух ролях: автора собственного текста (докладчик) и задающего вопросы автору другого текста (душнила). Самооценка глубины понимания собственного текста измерялась трижды: до обсуждения, сразу после обсуждения и ретроспективно, применительно к моменту написания текста.

В качестве дополнительной меры измерения на первой площадке было реализовано сравнительное условие, в котором тот же инструментарий вопросов предъявлялся участникам для самостоятельного использования в отношении собственного текста, без диалога с другим человеком.

Сбор данных осуществлялся на двух профессиональных конференциях: CodeFest (31 мая 2026 г.) и PeopleSense (5 июня 2026 г.). Обе площадки являются открытыми отраслевыми конференциями; участие в исследовательском эксперименте было добровольным и не оказывало никакого влияния на посещение других докладов и мастер-классов программы

конференции.

Экспериментальное вмешательство реализовано с помощью авторской многопользовательской веб-игры «Душнота по понятиям» (nitpicker.mnogosdelal.ru). Регистрация ограничивалась вводом имени или псевдонима, сбор иных персональных данных не осуществлялся. Все действия участников – тексты, вопросы, оценки, этапы смены ролей – автоматически фиксировались в базе данных SQL с отметками времени.

Так как площадок было две, нам кажется логичным детализировать данные участников по каждой из площадок отдельно.

CodeFest. 137 человек прошли регистрацию в игре, двадцать один из которых не оставил ни одной оценки – это прерванные или повторные подключения. Написали свой текст и дали ему начальную оценку 116 участников – то есть фактически именно они вошли в эксперимент, – и далее мы используем это число как основание выборки. Полный ответ (оценка понятности собственного текста до, после, ретроспективно) получен от 88 участников, что составляет 75,9% от числа вошедших в процедуру.

На CodeFest получено 211 оценок понятности текста докладчика, в которых участвовали 118 из 137 зарегистрированных. Из них 111 входят в число 116 вошедших в процедуру, а оставшиеся семь принадлежат участникам, подключившимся в роли душнилы минуя первую фазу (о фазах далее) и потому не имеющим начальной самооценки.

PeopleSense. 68 человек зарегистрировались в игре. Текст написали 56 участников, все три оценки понятности собственного текста (до, после, ретроспективно) получены от 41 участника, что составляет 73,2%.

В исследовании использовался материал, созданный (написанный) самими участниками непосредственно перед началом эксперимента, что принципиально отличает наш дизайн исследования от исследования Розенблита и Кейла, в котором объектом объяснения выступает внешний к участнику объект.

На CodeFest участникам было предложено написать обоснование личного участия в конференции. На PeopleSense участники формулировали свои опасения от следования практикам гигиены умственного труда, описанных Максимом Дорофеевым в научно-популярной книге “Путь джедая”, – отключение уведомлений, провести утро без смартфона, удаление приложений социальных сетей и т.д. Средняя длина текста составила 408 символов (от 265 до 725). Текст строился по шаблону, в основе которого лежала базовая причинно-следственная конструкция: если …, то…, потому что… .

Примеры текстов участников приводятся дословно, с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Имена не указываются: при регистрации участники вводили произвольное самоназвание, и оно не несёт исследовательской информации. В скобках после каждого текста даны три самооценки этого же участника в порядке сбора – начальная, после обсуждения и ретроспективная.

На CodeFest тексты строились по четырёхчленной нотации и содержательно представляли собой обоснование собственного участия в конференции.

Если я приеду на CodeFest, то познакомлюсь с людьми которые создают новые технологии в ИТ, потому что на кодфесте более 200 спикеров экспертов

А это нужно, чтобы я при решении задачи имел широкий кругозор и мог выбрать подходящий под задачу инструмент, технологию или подход,

так как при общении с экспертами я расширяю свои познания в ит и связанных областях. (5 – 6 – 3: после обсуждения участник оценил своё прежнее понимание на две позиции ниже.)

Если я побываю на CodeFest, то получу интересные инсайты как минимум в одной из интересующих меня областях, а именно управление командами, применение ИИ в разработке, техники мышления и отдыха, потому что здесь обычно хороший подбор спикеров на интересующие меня темы. А это нужно, чтобы расширять кругозор, так как кругозор помогает мыслить шире и, в итоге, иметь больший диапазон решений для встречающихся на работе и в личной жизни задач. (5 – 5 – 5: ни одна из оценок не изменилась.)

Если я буду слушать лекции про фронтенд на кодфест, то изучу новые технологии фронта, потому что буду внимательно вникать. А это нужно, чтобы внедрить новые решения в работе, так как ускорение разработки повысит мою продуктивность и ценность как профессионала. Таким образом компания сможет заработать больше денег и я смогу получить премию, что улучшит моё материальное положение. (5 – 5 – 6: ретроспективная оценка выше начальной, то есть пересмотр произошёл в обратную сторону.)

На PeopleSense нотация была трёхчленной, а предметом высказывания выступало опасение получить негативное последствие от следования практике – то есть одно из возможных оснований для отказа от применения практики в своей повседневной жизни.. Такой формат высказывания продиктован педагогическим взглядом авторов на обучение взрослых людей «мягким» навыкам: от изменение поведения (именно его авторы считают целью обучения) ученика удерживает не недостаток знания, а сопротивление, часто иррациональное.

Угловые скобки в двух из трёх примеров – остаток предъявленного участникам шаблона, который они не удалили.

ЕСЛИ я отключу уведомления о новых сообщениях

ТО я упущу что-то важное для меня, какую-то новость, упущу встречу, событие

ПОТОМУ ЧТО что-то важное пройдет мимо меня, я потеряю контроль

(5 – 7 – 5.)

ЕСЛИ <Я регулярно закрываю все вкладки в браузере>,

ТО <потом я потеряю важную информацию и не смогу её найти>,

ПОТОМУ ЧТО <вкладки постоянно мне об этой информации будут напоминать. И можно будет легче к этому вернуться.>

(7 – 4 – 4: случай, в котором обсуждение снизило не только ретроспективную, но и текущую оценку.)

ЕСЛИ буду делать только записанное в список задач,

ТО то я буду больше времени тратить на запись и ранжирования мелких и средних задач,

ПОТОМУ ЧТО много задач которые делаются быстро проще сделать, могут осмысливаться долго, или будут в последствии не нужны

(4 – 6 – 4.)

Процедура

Дизайн эксперимента выглядел следующим образом:

Участникам было предложено объединиться в малые группы по 2-4- человека,

Работа в группах проходила в три раунда, каждый раунд состоял из пяти последовательных фаз.

Между раундами докладчиком становился следующий участник группы, все остальные участники группы становились «душнилами».

. На обеих площадках дизайн был одинаков.

Фаза 1. Текст и начальная самооценка. Участник фиксировал свою мысль в текстовой форме, после чего отвечал на вопрос: «Насколько вам ЯСЕН этот план на данный момент?»

Ответ фиксировался как [initial_clarity].

Фаза 2. Распределение ролей. Участник, выбравший роль докладчика, получал случайный шестизначный код; один или два других участника группы, ставшие «душнилами», вводили этот код для подключения к сессии докладчика. Число «душнил» на одного докладчика регламентировалось рекомендацией «от одного до двух», фактически распределение составило: на CodeFest – от 1 до 6, на PeopleSense – от 1 до 3. На CodeFest в среднем на одного докладчика приходилось 2,27 душнилы, на PeopleSense – 1,64.

Фаза 3. Вопросы и оценка по тексту. По сценарию эксперимента, после того как душнилы подключались к сессии докладчика, им предъявлялся его текст, в котором необходимо было выделять отдельные слова и формулировать к ним вопросы. Формулирование поддерживалось набором шаблонов, привязанных к частям речи и типам конструкций: существительное, глагол, прилагательное, наречие, местоимение, число или дата, абстрактное понятие, метафора или образ, логическая связка, конструкция “все/всегда”, модальная конструкция “надо/должен/нельзя”.

Завершив раунд формулирования вопросов к словам и понятиям из утверждения докладчика, «душнила» должен был ответить на вопрос: «Судя по тексту докладчика, насколько он, по вашему мнению, понимает свой план?» Ответ фиксировался как [nitpicker_pre_clarity] – отдельно для каждого «душнилы».

Всего на CodeFest было задано 863 вопросов, из которых 604 получили ответ; на PeopleSense задали 332 вопроса и получили 246 ответов.

Фаза 4. Обсуждение. Докладчик видел к каким словам в его тексте у «душнил» возникли вопросы, но не видел текст вопросов, пока не выберет конкретного слова. Как только докладчик выбирал слово, вопрос к которому хотел обсудить, у всех участников в приложении показывался текст вопроса. Докладчик устно отвечал на вопрос и оценивал его полезность по семибалльной шкале, а «душнилы» оценивали полноту ответа докладчика.

Фаза 5. Итоговые оценки. Завершающим этапом, после ответов на все полученные вопросы или на те из них, на которые он успел ответить до смены ролей, докладчик отвечал на два вопроса: а) «Насколько вам ясен этот план СЕЙЧАС, после обсуждения?» [current_clarity], б) «Вспомните момент, когда вы писали свой текст. Как на самом деле вам стоило бы оценить уровень ясности ТОГДА?». Второй вопрос задавался с небольшим уточнением, что «сейчас, после вопросов «душнил», вы могли обнаружить проблемы в своём понимании, которых не замечали ранее» [retrospective_clarity].

«Душнилы» отвечали на вопрос: «А теперь, после обсуждения, как ты думаешь, насколько хорошо докладчик НА САМОМ ДЕЛЕ понимает свой план?» [nitpicker_post_clarity].

Все пять измеряемых показателей собирались по шкале Ликерта, где 1 означало «совсем не ясен, много неопределённости», а 7 – «полностью ясен, всё конкретно и определённо».

Таблица 1 - Измеряемые показатели в порядке сбора

Показатель	Кто оценивает	Кого оценивает	Момент измерения
initial_clarity	докладчик	себя	после написания текста, до обсуждения
nitpicker_pre_clarity	душнила	докладчика	после прочтения текста и формулирования вопросов, до обсуждения
current_clarity	докладчик	себя	сразу после обсуждения
retrospective_clarity	докладчик	себя в момент написания текста	сразу после обсуждения
nitpicker_post_clarity	душнила	докладчика	сразу после обсуждения

Оценки, полученные докладчиком от нескольких «душнил», усреднялись, и в анализ входило одно усреднённое значение на докладчика. Полезность каждого вопроса оценивалась докладчиком также по семибалльной шкале.

На основе пяти измеряемых показателей рассчитывались четыре производные величины (таблица 2). Оценки, полученные докладчиком от нескольких «душнил», предварительно усреднялись, так что в расчёт входило одно значение внешней оценки на докладчика.

Таблица 2 - Производные показатели

Показатель	Формула	Что отражает
IOED_speaker	initial_clarity − retrospective_clarity	Величину ретроспективного пересмотра: насколько ниже участник оценивает своё прежнее понимание после обсуждения
clarity_gain	current_clarity − retrospective_clarity	Субъективный прирост понимания относительно пересмотренной оценки прошлого состояния
pre_bias	nitpicker_pre_clarity − initial_clarity	Расхождение внешней оценки по тексту с самооценкой автора до обсуждения
post_bias	nitpicker_post_clarity − current_clarity	То же расхождение после обсуждения

Знак производных показателей интерпретируется следующим образом. Положительное значение [IOED_speaker] означает, что после обсуждения участник оценил своё прежнее понимание ниже, чем оценивал его в момент написания текста, то есть обнаружил у себя иллюзию понимания. Отрицательные значения [pre_bias] и [post_bias] означают, что внешние наблюдатели оценивают понимание докладчика ниже, чем он оценивает себя сам.

Показатель [clarity_gain] требует оговорки. Обе входящие в него оценки собираются в один и тот же момент – сразу после обсуждения, – и потому он отражает не изменение понимания во времени, а различие между двумя суждениями участника: о своём состоянии сейчас и о своём состоянии тогда. Мы используем его как описательную характеристику расхождения этих двух суждений, а не как меру научения.

Следует отметить различие между площадками. На CodeFest мастер-классу предшествовал доклад, в ходе которого те же шаблоны вопросов (в сокращённом наборе) предъявлялись аудитории со сцены. Процедура на докладе была практически идентичной той, что была на мастер-классе: участники письменно фиксировали план (обоснование своего участия на конференции), а затем шел рассказ о шаблонах вопросов. После рассказа о каждом шаблоне была пауза на 2 минуты, чтобы участники отмечали в своём тексте слова, к которым возникают вопросы, в соответствии с этим шаблоном. Участники доклада не задавали вопросы к тексту другого человека, только к своему. В ходе работы участник отвечал на вопрос о глубине понимания до рассказа о шаблонах и после, оценивая её по той же семибалльной шкале.

Ответы на докладе CodeFest собирались через анонимную форму: получено 226 полных ответов.

Принципиальное отличие условий доклада от условий мастер-класса заключается в источнике вопроса. При одинаковом инструменте во время доклада участник применял его к собственному тексту самостоятельно, без внешнего собеседника. Подобный дизайн позволяет нам изолировать действие вопросов от действия позиции спрашивающего.

Существенное ограничение, к которому мы ещё вернёмся, заключается в том, что форма ответов была анонимной, без индивидуальной связки волн (доклад, мастер-класс). В связи с

этим сравнение возможно исключительно на уровне групповых распределений. Кроме того, с очень высокой вероятностью заметная часть участников мастер-класса опробовала игру в рамках доклада, то есть условия не являются независимыми, а образуют последовательность. Порядок условий не менялся.

Групповое сравнение проводилось парным t-критерием Стьюдента, в качестве меры величины эффекта рассчитывался d_z Коэна. Сравнение распределений сдвига самооценки между условиями проводилось критерием хи-квадрат с расчётом V Крамера. Связь количественных показателей оценивалась коэффициентом корреляции Пирсона. Критический уровень значимости принят равным 0,05. Расчёты выполнены в XLSTAT 2019.4.2 и независимо проверены средствами Python.

Результаты и обсуждение

Основную выборку составили участники, ответившие на все три вопроса самооценки: 88 участников мастер-класса CodeFest и 41 – PeopleSense. Отсев на промежуточных фазах не был связан с исходной самооценкой понимания написанного текста.

На CodeFest дошедшие до ретроспективной оценки участники оценили ясность своего плана в среднем в 5,16 балла (n = 88), выбывшие – в 4,86 (n = 28). Различие не достигает уровня статистической значимости, t = 0,89, p = 0,378, d = 0,23. На PeopleSense соответствующие значения составили 5,54 (n = 41) и 5,48 (n = 21), t = 0,19, p = 0,851, d = 0,05. Иные причины отсева проверить по другим показателям невозможно, поскольку в дизайне эксперимента подобный показатель отсутствовал.

Данные, полученные с обеих площадок, подтвердили нашу гипотезу о том, что самооценка ясности собственного текста после обсуждения должна возрасти, а ретроспективная оценка первоначального написанного текста снизиться в сравнении с оценкой в момент написания.

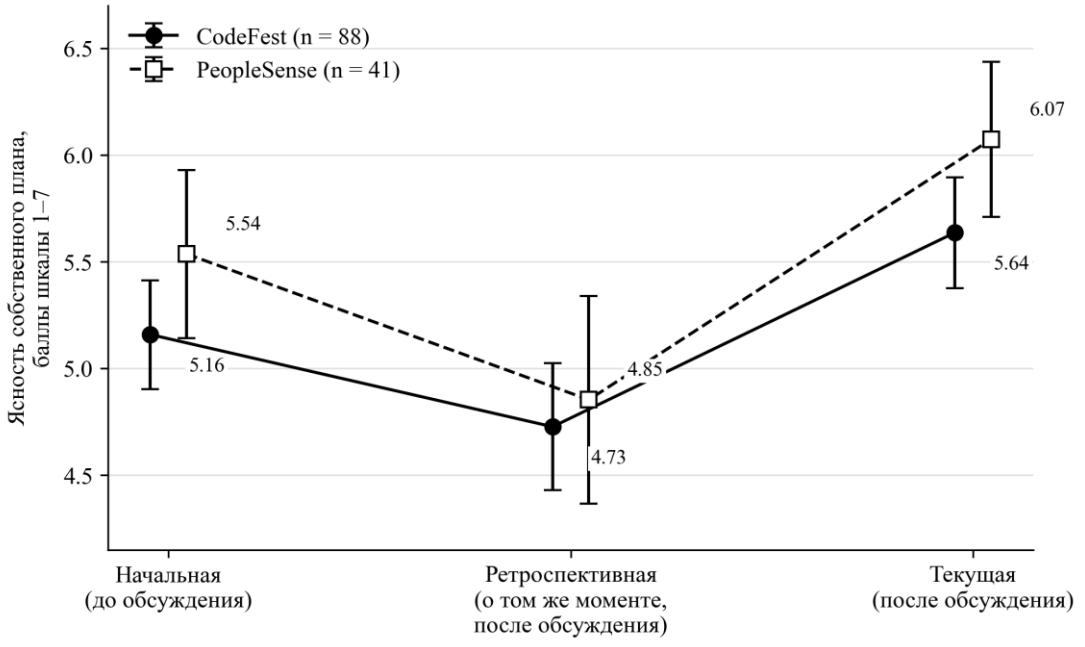

Рисунок 1 - Самооценка ясности собственного текста в трёх замерах на двух площадках, средние значения и 95% доверительные интервалы

Таблица 3 - Самооценка ясности собственного текста и её изменения

Показатели	CodeFest (n = 88)	PeopleSense (n = 41)
Средние значения, M (SD)		
Начальная, до обсуждения	5,16 (1,20)	5,54 (1,25)
Текущая, после обсуждения	5,64 (1,22)	6,07 (1,15)
Ретроспективная	4,73 (1,40)	4,85 (1,54)
Ретроспективный пересмотр, IOED_speaker		
Δ, баллы [95% ДИ]	+0,43 [0,15; 0,71]	+0,68 [0,25; 1,12]
Критерий	t(87) = 3,03; p = 0,003	t(40) = 3,20; p = 0,003
d_z Коэна	0,32	0,50
Прирост текущей оценки над начальной		
Δ, баллы [95% ДИ]	+0,48 [0,22; 0,74]	+0,54 [0,16; 0,92]
Критерий	t(87) = 3,69; p < 0,001	t(40) = 2,85; p = 0,007
d_z Коэна	0,39	0,45

Примечание. Положительное значение IOED_speaker означает, что после обсуждения участник оценил своё прежнее понимание ниже, чем оценивал его в момент написания текста.

В соответствии с полученными данными, ретроспективная оценка и оценка понимания после обсуждения сдвигаются в противоположных направлениях. Участник после обсуждения сообщает, что понимает свой текст лучше, чем понимал до обсуждения, и в то же время указывает на то, что понимал хуже, чем ему до этого казалось. Мы рассчитываем сдвиг с помощью показателя clarity_gain:

Таблица 4 - Эконометрические показатели исследования

clarity_gain	CodeFest (n = 88)	PeopleSense (n = 41)
Δ, баллы [95% ДИ]	+0,91 [0,67; 1,15]	+1,22 [0,80; 1,63]
Критерий	t(87) = 7,50; p < 0,001	t(40) = 5,94; p < 0,001
d_z Коэна	0,80	0,93

Обе оценки (после обсуждения и ретроспективная) получены в один и тот же момент, а потому этот показатель описывает расхождение суждений, а не изменение понимания.

Структура пересмотра первоначальной оценки

Природа ретроспективной оценки вынуждает нас выделить то обстоятельство, что пересмотр в сторону уменьшения не был общим свойством выборки.

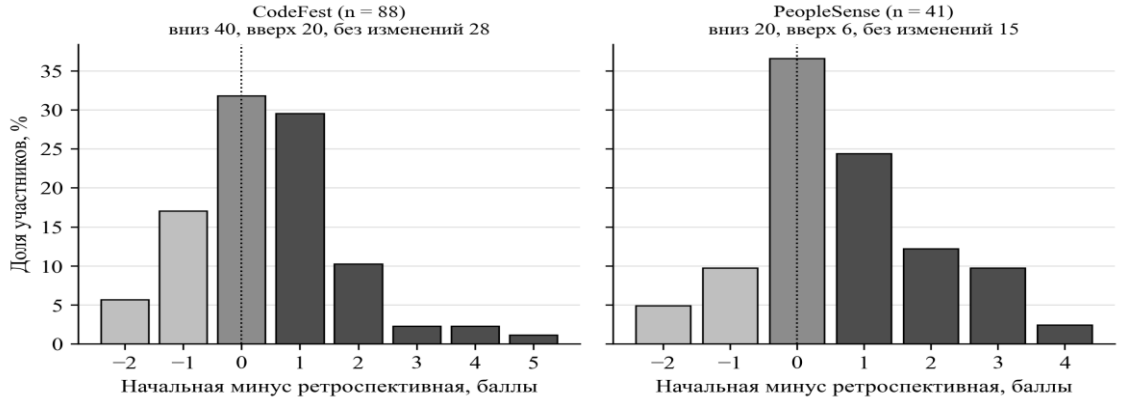

Рисунок 2 - Распределение ретроспективного пересмотра начальной оценки (начальная минус ретроспективная) на двух площадках

На CodeFest ретроспективную оценку относительно первоначальной понизили 40 участников из 88 (45%), повысили 20 (22%) и не изменили 28 (32%). На PeopleSense понизили 20 из 41 (49%), повысили 6 (15%) и не изменили 15 (37%).

Такое же распределение выявлено и для текущей оценки. Хотя в среднем она выросла, у 15 участников CodeFest (17%) и 7 участников PeopleSense (17%) она оказалась ниже начальной, то есть примерно у каждого шестого участника обсуждение понимания не добавило, а, наоборот, убавило.

Распределение самооценок по баллам уточняет характер сдвига:

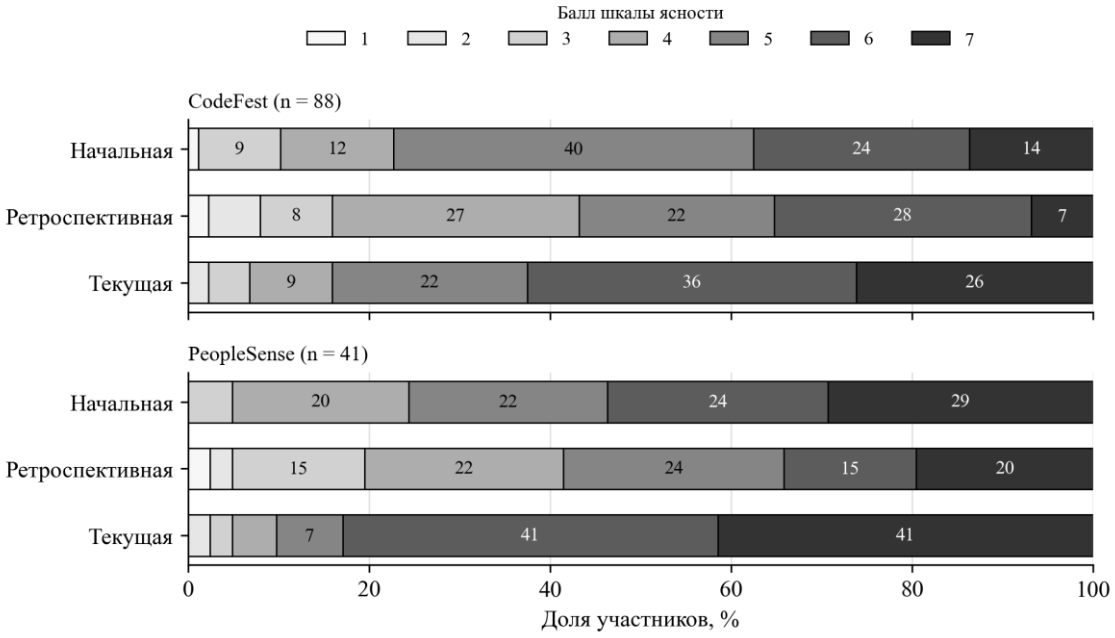

Рисунок 3 - Распределение самооценок по баллам шкалы ясности в трёх замерах на двух площадках

Ретроспективная оценка отличается от начальной не отрицательным смещением всей выборки, а перераспределением части выборки из зоны средних баллов (середины шкалы) в нижние баллы.

Внешняя оценка ясности ниже, чем самооценка, но после совместного обсуждения расхождение с первоначальной оценкой уменьшилось.

На CodeFest до обсуждения различие не достигает значимости: 5,16 против 4,89, $\Delta = 0,26$, $t(87) = 1,52$, $p = 0,131$; однако после обсуждения оно становится значимым: 5,64 против 5,27, $\Delta = 0,37$, $t(87) = 2,25$, $p = 0,027$, $d_z = 0,24$.

На PeopleSense различие значимо при обоих замерах. До обсуждения самооценка составила 5,53 балла против 4,85 у душнил, $\Delta = 0,68$, $t(40) = 3,09$, $p = 0,004$, $d_z = 0,49$, а после обсуждения 6,05 против 5,37, $\Delta = 0,68$, $t(40) = 3,17$, $p = 0,003$, $d_z = 0,51$.

Существенным фактором в защиту нашей гипотезы мы считаем, что после обсуждения оценки респондентов на обеих площадках выросли, как собственная, так и внешняя. Душнилы, выслушавшие докладчика, стали оценивать его понимание выше, а не ниже, при этом разрыв между самооценкой и оценкой со стороны сохранился.

Сравнение с условием без собеседника (CodeFest доклад)

В условиях, когда участник применял вопросы к себе без участия «душнил», средняя оценка понимания практически не изменилась: 5,11 (SD = 1,44) до предъявления карточек и 5,19 (SD = 1,63) после, Δ = +0,08, 95% ДИ [−0,10; 0,27], t = 0,88, p = 0,380, d_z = 0,06 (n = 226).

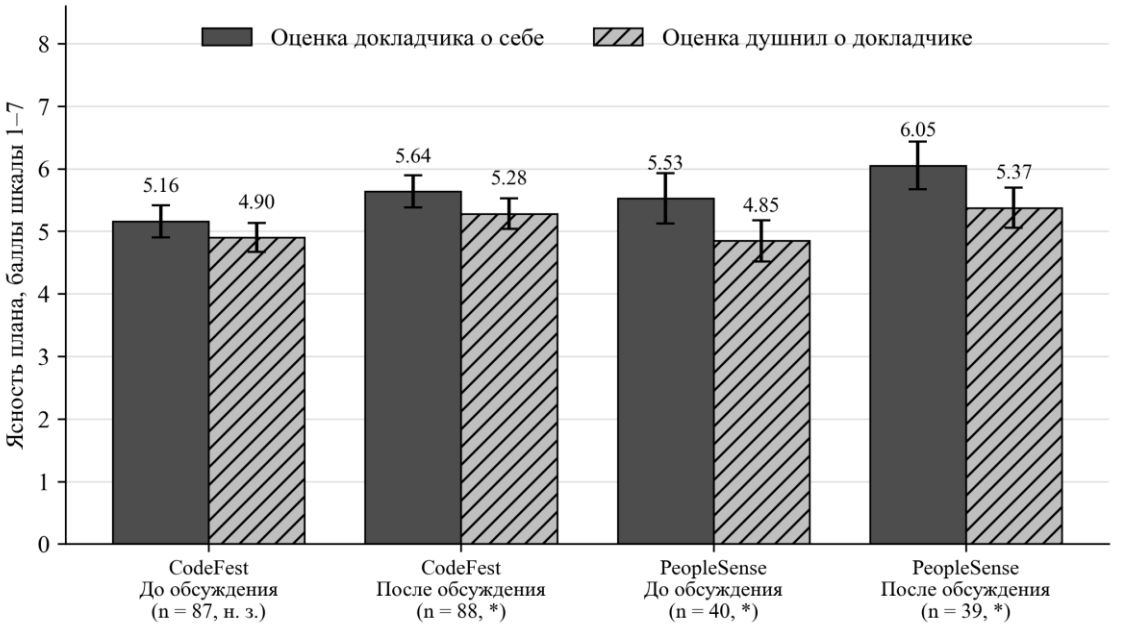

Рисунок 4 - Самооценка докладчика и оценка душнил до и после обсуждения, средние значения и 95% доверительные интервалы

Мы считаем, что отсутствие видимого результата при сравнительном условии не означает, что инструмент «не работает». Вопросы к собственному тексту возникли у 199 респондентов, то есть у 88% выборки, в среднем к 26,5% слов; лишь 12% не отметили ни одного слова в своих формулировках.

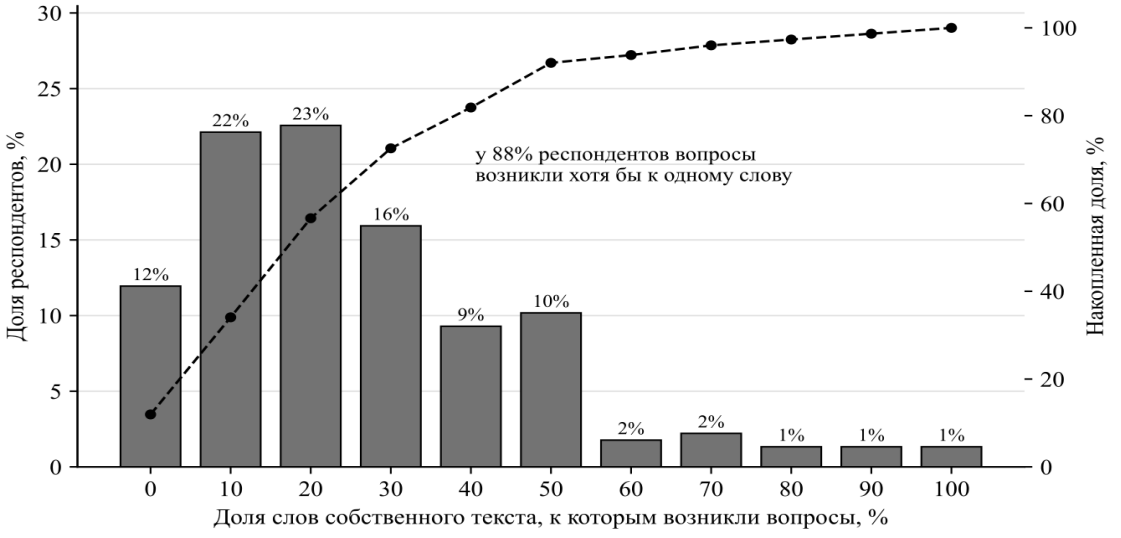

Рисунок 5 - Доля слов собственного текста, к которым у респондента возникли вопросы, и накопленная доля респондентов (условие без собеседника)

Инструмент решил задачу: участники обнаружили в своём тексте непонятные слова и формулировки, тем не менее самостоятельная работа с текстом среднюю оценку понимания не изменила. Мы предположили, что причина заключается в том, что, увидев вопросы, респонденты посчитали, что ответы на большинство из них они уже знают.

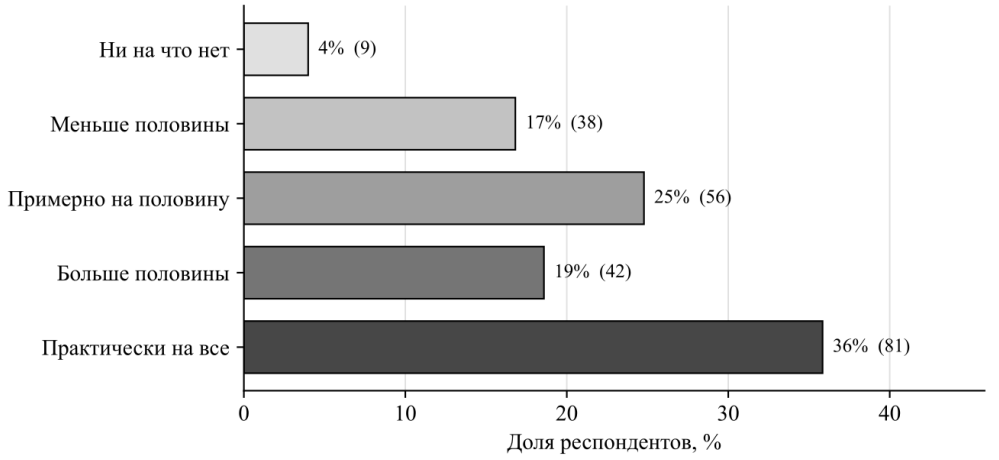

Рисунок 6 - Распределение ответов на вопрос «На какую часть вопросов у вас есть ответ» (условие без собеседника)

36% ответили, что у них есть ответы практически на все вопросы к собственному тексту, 19% – что больше чем на половину, и лишь 4% посчитали, что ответов нет ни на один вопрос. Само по себе полученное распределение не проверяет предположение, но указывает на тот факт, что участники уверены в наличии у них ответов, а также отметим, что распределение по шкале «от практически на все» до «ни на что» не показывает, связана ли эта уверенность со сдвигом оценки. Мы решили проверить наше предположение, используя массив полученных данных.

Ответ на вопрос относительно того, на какую часть вопросов у респондентов есть готовые ответы, представляет собой порядковую шкалу из пяти градаций, благодаря этому мы можем сопоставить её со сдвигом самооценки и проверить упорядоченную альтернативу, а именно: возрастает ли сдвиг по мере роста уверенности в наличии ответов. Для анализа мы использовали критерий Джонкхира – Терпстры.

Анализ подтверждает наличие тренда – данные демонстрируют монотонное возрастание: $J = 12\,423{,}5$ при $E(J) = 9\,522{,}5$, $z = 5{,}50$, $p < 0{,}001$, τ-b Кендалла = 0,30. Результат воспроизводится при перестановочной проверке: ни одна из 50 000 перестановок не дала значения, равного наблюдаемому или превышающего его ($p < 0{,}0001$). Лучшая из них достигла $J = 11\,545$ при наблюдаемом $J = 12\,423{,}5$. Эффект сохраняется и при исключении наименьшей градации, на которую пришлось всего 9 человек, $z = 4{,}90$, $p < 0{,}001$.

Средний сдвиг растёт монотонно по всем пяти градациям: −1,11 балла [−2,09; −0,14] у тех, у кого нет ответа ни на один вопрос, −0,45 и −0,32 в двух средних градациях, +0,31 и +0,63 [0,34; 0,91] у тех, у кого есть ответы на большую часть вопросов и практически на все. Вместе со средним значением изменяется и направление сдвига. В нижней градации самооценку понизили 56% респондентов и не повысил никто, а в верхней 5% понизили, а повысили 44%. Объединение градаций попарно даёт тот же результат: −0,57 балла у тех, у кого ответов меньше половины ($n = 47$), против +0,52 у тех, у кого их больше половины ($n = 123$), $\Delta = -1{,}09$ [−1,61; −0,58], $t = -4{,}20$, $p < 0{,}001$, $d = -0{,}78$.

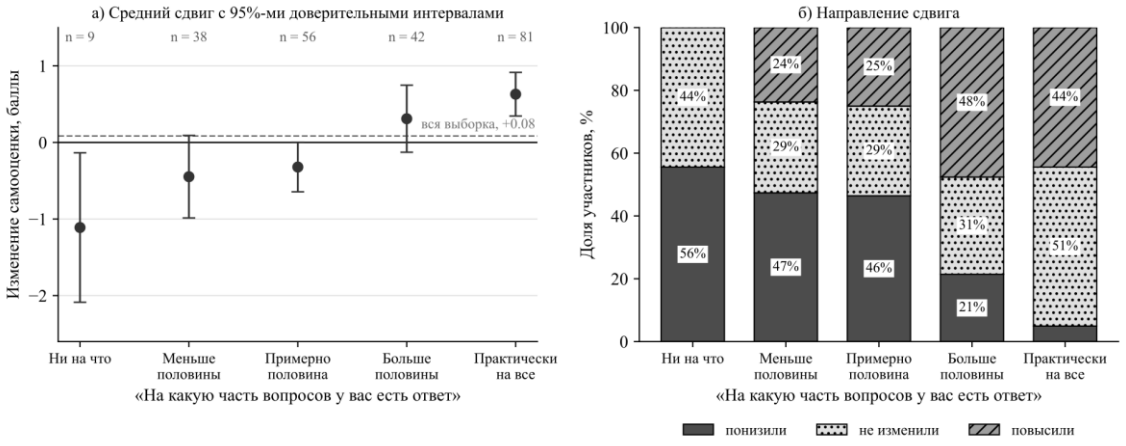

Рисунок 7 - Средний сдвиг самооценки и направление сдвига по градациям уверенности в наличии готовых ответов (условие без собеседника)

Из этого можно сделать следующий вывод: средний нуль в условиях без собеседника не означает отсутствие изменений. Он является результатом усреднения двух противоположно направленных подгрупп: признавшие отсутствие ответа понизили свою оценку на один балл, а посчитавшие, что ответы у них есть, повысили. Механизм самопроверки собственного текста включается, но у меньшинства – у двух нижних градаций выборки (21%).

Данный результат нельзя объяснить регрессией к среднему, поскольку данные идут в противоположную от регрессии сторону. Средняя первичная оценка по градациям составила 3,89, 4,18, 4,77, 5,48 и 5,73 балла при общем среднем 5,11. Регрессия при таких значениях поднимала бы нижние градации и опускала бы верхние, а наблюдается обратное. Контроль первичной оценки связь не ослабляет, а, наоборот, усиливает.

Мы считаем необходимым оговорить два обстоятельства. Первое: анализ эффекта самостоятельного оценивания имеет поисковый характер, так как не был предусмотрен при планировании и проведён после получения основных результатов. Второе: суждения “я понимаю свой текст” и ”у меня есть ответы на эти вопросы” являются близкими по сути и могут рассматриваться респондентами как одно и то же. На второе обстоятельство указывает высокая связь градации с итоговой оценкой, r = 0,69.

Если принять во внимание всё вышесказанное, то можно сказать, что вопрос, заданный самому себе, является вопросом, на который, уже имеется готовый ответ.

Отдельно, в качестве меры дополнительной проверки предположения, что ”если спрашивать самого себя, ответ уже имеется”, мы сравнили сдвиг самооценки при вопросах душнил к докладчику и при самостоятельном допросе.

Распределения сдвига самооценки в двух условиях значимо различаются: $\chi^2(4) = 19{,}71$, $p < 0{,}001$, N = 315, V Крамера = 0,25. После обсуждения самооценку повысили 60% респондентов против 35% в условиях доклада, понизили 17% против 27%, а не изменили 24% против 38%.

Обсуждение с внешним собеседником не столько предотвращает ухудшение самооценки, сколько добавляет умеренный прирост у тех респондентов, у которых она при самостоятельной оценке осталась бы без изменений.

Ограничения данного сравнения ранее оговаривались в разделе методологии. Связка между условиями групповая, а не внутрисубъектная, и порядок условий не менялся.

Всего в ходе игры «душнилами» были заданы 863 вопроса на CodeFest и 332 на PeopleSense, из которых ответ получили 604 (70%) и 246 (74%) соответственно. На каждого докладчика

пришлось в среднем 8,99 вопроса на CodeFest (от 1 до 31) и 6,92 на PeopleSense (от 2 до 13).

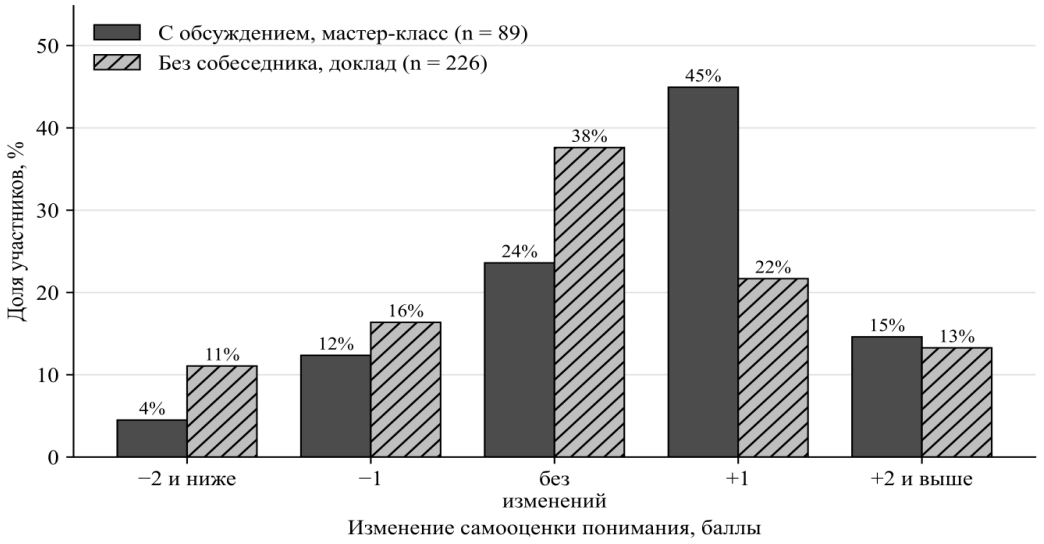

Рисунок 8 - Распределение сдвига самооценки понимания в двух условиях: с обсуждением (мастер-класс) и без собеседника (доклад).

Полезность вопросов докладчиками оценена: 5,83 из 7 на CodeFest (SD = 1,40, n = 615) и 5,81 на PeopleSense (SD = 1,30, n = 244). «Душнилы» полноту полученных ответов оценивали: 5,61 (SD = 1,47, n = 1432) и 5,59 (SD = 1,21, n = 557).

Три четверти использованных «душнилами» вопросов взяты из предъявленных им заранее заготовленных шаблонов. На CodeFest 217 из 863 (25%) и на PeopleSense 72 из 332 (22%) сформулированы самостоятельно, без шаблона. Наибольшее количество вопросов вызвали существительные (135 и 58), глаголы (119 и 51) и прилагательные (114 и 48).

Следует особо отметить, что ни один из показателей вмешательства (описанных разделом ранее) не предсказал величину ретроспективного сдвига. Корреляция IOED_speaker с числом полученных вопросов составила r = 0,13 (p = 0,226) на CodeFest и r = 0,02 (p = 0,882) на PeopleSense. Любая связь между количеством вопросов и оценкой их полезности не имеет статистической значимости, что заслуживает отдельного внимания.

Отсутствие связи между количеством и/или субъективным качеством вопросов и ретроспективным сдвигом оценки означает, что пересмотр происходит при наличии «душнилы» (внешнего спрашивающего), безотносительно к количеству и/или качеству вопросов. Получается, что сдвиг обеспечивает сам факт присутствия другого человека в позиции «душнилы» (спрашивающего), а не интенсивность и не воспринимаемое качество вопросов.

Таблица 4 - Сводка статистических сравнений

Сравнение	Условие	n	Δ [95% ДИ]	Критерий	p	Размер эффекта
Ретроспективный пересмотр: начальная − ретроспективная	CodeFest	88	+0,43 [0,15; 0,71]	t(88) = 3,03	0,003	d_z = 0,32
	PeopleSense	41	+0,68 [0,25; 1,12]	t(40) = 3,20	0,003	d_z = 0,50
Прирост самооценки: текущая − начальная	CodeFest	88	+0,48 [0,22; 0,74]	t(88) = 3,69	< 0,001	d_z = 0,39
	PeopleSense	41	+0,54 [0,16; 0,92]	t(40) = 2,85	0,007	d_z = 0,45
Расхождение двух суждений: текущая − ретроспективная	CodeFest	88	+0,91 [0,67; 1,15]	t(88) = 7,50	< 0,001	d_z = 0,80
	PeopleSense	41	+1,22 [0,81; 1,63]	t(40) = 5,94	< 0,001	d_z = 0,93

Сравнение	Условие	n	Δ [95% ДИ]	Критерий	p	Размер эффекта
Самооценка против оценки душнил, до обсуждения	CodeFest	88	+0,26 [−0,08; 0,61]	t(87) = 1,52	0,131	d_z = 0,16
	PeopleSense	40	+0,68 [0,23; 1,12]	t(39) = 3,09	0,004	d_z = 0,49
Самооценка против оценки душнил, после обсуждения	CodeFest	88	+0,37 [0,04; 0,69]	t(88) = 2,25	0,027	d_z = 0,24
	PeopleSense	39	+0,68 [0,25; 1,11]	t(38) = 3,17	0,003	d_z = 0,51
Изменение самооценки без собеседника: T1 − T0	Доклад	226	+0,08 [−0,10; 0,27]	t(225) = 0,88	0,380	d_z = 0,06
Тренд сдвига по уверенности в наличии ответов	Доклад	226	–	J = 12 423,5; z = 5,50	< 0,001	τ-b = 0,30
Сдвиг при ответах менее и более чем на половину вопросов	Доклад	47 123	−1,09 [−1,61; −0,58]	t(72,2) = −4,20	< 0,001	d = −0,78
Различие распределений сдвига между условиями	Мастер-класс против доклада	315	–	$\chi^2(4) = 19,71$	< 0,001	V = 0,25

Примечание. Для первых трёх сравнений положительное Δ означает, что первый из сопоставляемых показателей выше второго. Для сравнений с оценками душнил положительное Δ означает, что докладчик оценивает своё понимание выше, чем его оценивают со стороны. Объём выборки в сравнениях с участием «душнил» меньше основного, поскольку не каждый докладчик получил внешнюю оценку в соответствующий момент. Корреляции показателей вмешательства с величиной ретроспективного пересмотра в таблицу не включены: ни одна из них не достигла уровня значимости (см. раздел «Вопросы душнил»). Тренд сдвига по уверенности в наличии ответов проверен критерием Джонкхира – Терпстры для упорядоченной альтернативы; приведённое p подтверждено перестановочной проверкой (50 000 перестановок).

Ограничения

Наиболее существенное ограничение, что все три оценки понимания получены с помощью самооценки, следующим по значимости ограничение находится в плоскости дизайна эксперимента в котором отсутствует внутрисубъектные измерения доклад → мастер-класс. Ретроспективная оценка происходит в момент когда происходит оценка текущая, и может быть подвержена искажению. Роли во время игры чередовались, опыт спрашивания мог оказать влияние на собственную оценку независимо от полученных вопросов.

Основным результатом нашего исследования мы считаем воспроизводимость эффекта, обнаруженного Розенблитом и Кейлом, на принципиально ином материале. Участники эксперимента, объяснявшие свой замысел другому человеку, оценили свое изначальное понимание ниже, чем в момент формулирования в письменном виде перед началом взаимодействия, одновременно с этим, по мнению участников эксперимента, они стали понимать свой замысел лучше, чем понимали до разговора с внешним партнером.

На наш взгляд, именно наличие двух сдвигов – ретроспективного и сразу после взаимодействия – является содержательным результатом нашего исследования. Мы не можем утверждать, что участник стал понимать свои мысли лучше, а только то, что он изменил оценку, подняв уровень понимания после диалога с «душнилой» и понизив уровень изначальной оценки в ходе ретроспективной оценки. Расхождение данных суждений составило 0,91 на CodeFest и 1,22 на PeopleSense и является самым ярким эффектом всего исследования (d_z = 0,80 и 0,93).

Иначе говоря, разговор с внешним партнером сдвинул не столько понимание (дизайн эксперимента не предполагал измерения данного показателя), сколько то, как участник оценивает собственное понимание.

Проблематика данной работы рассматривает феномен пересмотра уровня глубины понимания субъектом исследования и фокусируется на вопросе, чем вызван пересмотр.

Изначальное, интуитивное предположение заключалось в том, что вопросами, то есть чем больше вопросов «душнила» задал докладчику и чем вопросы существеннее, тем сильнее докладчик пересмотрит свою оригинальную оценку понимания, однако полученные данные этого предположения не подтверждают.

Первое. Сравнительное условие, при котором разработанный нами инструмент применялся без внешнего партнера, не произвело сдвига вообще: 5,11 против 5,19, $\Delta = +0{,}08$, $p = 0{,}380$, $d_z = 0{,}06$ при $n = 226$. При этом мы не можем сказать, что инструмент не отработал: в отношении собственного текста у 199 (88%) участников возникли вопросы, в среднем к четверти использованных ими в формулировках понятий. То есть вопросы к словам в тексте были, но оценка не сдвинулась, таким образом получается, что процедура сработала на первом этапе (спросить), но не сработала на втором (изменить оценку).

Второе. При спрашивании самого себя 36% участников ответили, что знают ответ практически на все вопросы, 19% знают ответы больше чем на половину и лишь 4% не знают ответов. Возможно, что при спрашивании самого себя, собственное сомнение снимается иллюзией собственного объяснения (понимания).

Третье. Даже если вопрос поступает извне, полученные данные указывают на то, что количество вопросов не предсказывает величину пересмотра изначальной оценки. В силу ограничения дизайна исследования мы не можем сказать, была ли зависимость между интенсивностью самой дискуссии и параметрами заданных вопросов. Ни количество вопросов, ни число «душнил» на одного докладчика, ни величина субъективной полезности вопросов не связаны ни с ретроспективным пересмотром оценки, ни с приростом текущей оценки, все коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от -0,21 до +0,28 и ни один не достигает уровня значимости.

Вместе три фактора указывают на один вывод: не инструмент имеет значение при пересмотре оценок, а внешняя позиция, источник, из которого вопросы поступают. Имеет значение перевод проверки из внутреннего плана во внешний. Оказывается, что такого перевода достаточно для изменения субъективной оценки понимания, дальнейшее наращивание интенсивности вопросов не добавляет ничего.

Прямое сравнение условий доклада и мастер-класса подтверждает данный вывод. Более того, оно указывает на то, что разговор ничего не изменяет в понимании, но помогает докладчику сдвинуть самооценки (ретроспективную и после сессии вопросов), сдвинуть их в разные стороны.

Полученный результат согласуется с критерием беглости суждения, о котором написано во введении к настоящему исследованию. Решение «мне понятно» в условиях доклада принимается не по результату содержания (ответов на вопросы), а по субъективной легкости, с которой мысль рождается в голове [Koriat, 1997]. Собственный текст обладает беглостью в максимальной степени: он только что написан, логика «понятна», и потому момент «прекратить спрашивать» срабатывает раньше, чем при вопросах извне. Проверка в собственной голове использует те же механизмы, которые и породили текст – механизмы, которые, по нашему мнению, связаны с воображением и иллюзиями.

Внешний собеседник «ломает механизм» не тем, что он знает больше, – как раз наоборот, скорее всего меньше, он обусловлен тем, что «душнила» не имеет доступа к внутреннему контексту докладчика. Внешнему собеседнику требуется, чтобы автор проговорил вслух то, что он думает, что понимает. Перевод внутренней речи во внешнюю оказывается механизмом, при котором автор обнаруживает, что логика, изложенная им письменно, несостоятельна. Отсюда и природа невосприимчивости к количеству вопросов: докладчик обнаруживает «поломку»

логики на первом же ответе, дальше идет повторение уже сделанного открытия с новыми терминами и положениями, описанными текстом.

Этим мы объясняем отличие нашего исследования от исследования Розенблита и Кейла, в котором объектом объяснения выступало внешнее устройство: застежка-молния, замок, спидометр, швейная машинка. Знания о внешних устройствах у респондентов исследования Розенблита и Кейла были фрагментарными и заимствованными. В нашем исследовании объектом выступает собственный замысел, к которому у респондента имеется эксклюзивное понимание и, что важнее, авторская позиция.

Эта разница, казалось бы, незначительная, на самом деле имеет в своей основе совсем иную природу: стоимость признания. Понять, что не понимаешь устройство бытового прибора, значительно «дешевле» психологически, чем признать тот факт, что не понимаешь, зачем приехал на конференцию за счет работодателя. Таким образом, можно сказать, что дизайн нашего эксперимента проверяет эффект в значительно более трудных условиях и в этих же условиях воспроизводит (на второй конференции).

Следует также отметить тот факт, что «душнилы» во всех замерах оценивают понимание докладчика ниже, чем он оценивает сам себя, и после обсуждения, казалось бы, разрыв должен был или исчезнуть, или уменьшиться, но этого не происходит. На CodeFest он составил $\Delta = 0{,}37$, $p = 0{,}027$.

Наше предположение, что обсуждение сблизит собеседников, не подтвердилось. Данные показали иное. Обе оценки в ходе обсуждения возрастают – и самооценка, и внешняя, – при этом дистанция между ними сохраняется. «Душнила» оценивает докладчика выше, чем до обсуждения, но все равно ниже, чем докладчик оценивает себя.

Мы предполагаем, что обсуждение не сближает взаимные оценки, но при этом повышает взаимную удовлетворенность (активирует специфический социальный механизм): докладчик доволен, тем что ответил, а «душнила», тем что получил ответ. Полезность вопросов оценена докладчиками в 5,83 и 5,81 балла, полнота ответов «душнилами» – в 5,61 и 5,59. А также с очень высокой вероятностью часть разрыва несократима в принципе, потому что у докладчика остается доступ к несказанному, тогда как у «душнилы» его нет, и длительность обсуждения не способна компенсировать нехватку у «душнилы» “внутреннего знания” докладчика.

Следовательно, можно сделать вывод, что внешняя оценка не изменяет самооценку, не «повышает» понимание, а создает условия для появления более строгой точки отсчета самооценки понимания докладчиком.

Следует также отметить принципиальный факт: средние значения скрывают неоднородность результатов. Ретроспективную оценку понизили 40 из 89 участников CodeFest и 20 из 41 на PeopleSense, повысили 20 и 6, а не изменили 29 и 15 соответственно. Кроме того, у каждого шестого участника (17% на обеих площадках) обсуждение понизило текущую оценку понимания, что позволяет утверждать с определенной долей уверенности, что разговор с внешним спрашивающим («душнилой») повышает вероятность увидеть в своих суждениях иллюзию понимания у половины участников, и некорректно делать утверждения, что разговор с внешним спрашивающим снижает иллюзию у всей экспериментальной выборки.

Вопрос, кто и по какой на самом деле причине принимает решение пересмотреть свою точку зрения, остается открытым и представляет наиболее перспективное направление дальнейшего исследования.

Обнаруженные в текущем исследовании эффекты нельзя называть большими: при пороге надежности обнаружения $d_z = 0{,}30$ и 0,45 мы имеем $d_z = 0{,}32$ и 0,50 для выборки $n = 88$ на CodeFest и $n = 41$ на PeopleSense, результаты лежат вблизи границы чувствительности

исследования, в связи с чем напрашиваются два вывода:

Воспроизведение эффекта на второй площадке, с вдвое меньшим числом участников, усиливает доверие к результату.

Отсутствие связей с показателями вмешательства нельзя трактовать как доказанное отсутствие: при n = 88 мы уверенно обнаружили бы корреляцию от 0,29 и выше, но не слабее.

Различие величин эффекта между площадками (0,43 и 0,68) мы отдельно не проверяли, а доверительные интервалы перекрываются почти целиком, поэтому содержательно интерпретировать различие мы не считаем возможным. Мы можем лишь отметить, что задания между площадками различались. На CodeFest участники обосновывали решение приехать на конференцию, а на PeopleSense – почему не применяют предложенную практику работы с вниманием. Литература, посвященная иллюзии понимания, указывает, что именно требование объяснить механизм, а не обосновать «почему / зачем?», дает эффект [Fernbach et al., 2013], что, на наш взгляд, является правдоподобной гипотезой, которую на текущих данных проверить не представляется возможным.

Тем не менее при максимально осторожной политике формулирования выводов одно следствие, на наш взгляд, обладает достаточной устойчивостью, чтобы быть сформулированным. Самопроверка понимания неэффективна не потому, что человек не использует вопросы, – наши данные указывают на то, что использует, – а потому что проверка использует тот же критерий/механизм, который и создает иллюзию.

Полученные результаты можно интерпретировать несколько скромнее, чем при первоначальном проектировании дизайна эксперимента: внешний источник вопросов и обязанность ответить вслух делают критерии самооценивания более жесткими. Ни количество вопросов, ни их качество не имеет значения, значение имеет наличие адресата. В контексте обучения каким-либо навыкам это означает, что короткий разбор в паре с кем-то несет в себе больше ценности, чем развернутый самостоятельный аудит.

Отметим, что внешняя оценка систематически ниже самооценки и остается ниже после разговора. Практический смысл подобного положения заключается в том, что мнение слушателя не следует воспринимать как окончательный вердикт о качестве написанного докладчиком.

Результат исследования позволяет сформулировать дальнейшее направление изысканий, и заключаться оно будет в поиске объективной меры измерения понимания, которая позволила бы отделить простой пересмотр ценности суждения от истинного изменения понимания. Дополнительно нам было бы интересно сопоставить (случайным образом) три условия: живой собеседник, самостоятельная оценка и автоматический спрашивающий в виде большой языковой модели. Данные настоящего исследования не позволяют прямую проверку сопоставляемости условий. Если существенна позиция, то языковая модель эффекта не даст, если существенен вопрос, то даст. И в завершение нам интересно узнать устойчивость эффекта, а именно: сохраняется ли результат пересмотра оценки спустя какое-то время или самооценка возвращается к исходной величине, как только внешний собеседник исчезает.

Заключение

В данном исследовании мы поставили вопрос воспроизведения иллюзии глубины понимания на материале, где у человека отсутствует заимствованное знание, – на его собственном замысле (мыслях, идеях, задачах, действиях), а также нам было интересно выяснить механизм, при котором происходит пересмотр самооценки, если вообще происходит.

Для поиска ответа мы использовали специально разработанную авторскую многопользовательскую веб-игру «Душнота по понятиям» и проверили практическую применимость инструмента в условиях двух отраслевых конференций.

С помощью многопользовательской игры были собраны данные посетителей конференции, решивших принять добровольное участие: 88 полных наборов самооценок на CodeFest и 41 на PeopleSense, а также 226 ответов в условиях, при которых участник задавал вопросы самому себе.

Эффект воспроизвелся на обеих площадках (+0,43 и +0,68, p = 0,003, d_z = 0,32 и 0,50). После разговора с внешним спрашивающим участники оценили свое ретроспективное понимание ниже, чем оценивали в момент формулирования текста. Одновременно с этим текущая (постфактум) оценка выросла. Расхождение двух суждений (ретроспективного и постфактум) оказалось самым выраженным эффектом исследования (0,91 и 1,22 по 7-ми бальной шкале при d_z = 0,80 и 0,93). Однако следует отметить, что собранные данные позволяют зафиксировать именно пересмотр суждения о понимании, объективных мер измерения понимания дизайн эксперимента не предусматривает.

Тем не менее наиболее содержательным результатом оказался тот, которого мы не ожидали. Наше исходное предположение состояло в том, что величина пересмотра оценки определяется интенсивностью, то есть количеством и качеством заданных вопросов. Полученные данные это предположение не подтвердили. Ни число вопросов, ни субъективная полезность вопросов, ни число «душнил» на одного докладчика не связаны с величиной пересмотра оценок. Все коэффициенты лежат в диапазоне от –0,21 до +0,28 и не достигают уровня значимости. При этом следует отметить, что при условии отсутствия собеседника (на докладе) сдвига не произошло вовсе, хотя инструмент выполнил свою функцию: в условиях доклада у 88% участников возникли вопросы к собственному тексту. Вопросы были – пересмотра оценок нет.

Из этого следует основной вывод работы – значение имеет не вопрос, а позиция, из которой он поступает. Перевод проверки из внутреннего плана во внешний, при котором имеется адресат, которому необходимо ответить вслух, оказывается достаточным условием пересмотра; любое дальнейшее наращивание интенсивности не добавляет ничего. А самопроверка оказывается неэффективной, потому что человек задает себе вопрос и оценивает ответ по критерию беглости, породившему исходную уверенность.

Мы также обнаружили, что разрыв между самооценкой и внешней оценкой не устраняется после обсуждения. Душнила по-прежнему оценивает понимание ниже, чем докладчик. Мы полагаем, что часть этого разрыва несократима в принципе: у докладчика остается доступ к несказанному, у «душнилы» доступа нет и не будет.

Отдельно следует отметить, что эффект изменения оценки не однонаправленный и не является общим свойством выборки. Ретроспективную оценку понизили 45% и 49% участников, повысили 22% и 15%, не изменили 37% и 17%, а еще примерно у каждого шестого участника текущая оценка снизилась после обсуждения. Полученный результат описывает направление сдвига, но скрывает обстоятельства, при которых сдвиг оказался возможным. Вопрос о том, кто и по какой причине пересматривает свои суждения, остается открытым.

В практическом плане интерпретировать полученные в ходе эксперимента результаты можно следующим образом: короткий разбор в паре с внешним собеседником ценнее любого, даже самого развернутого, самостоятельного аудита собственных убеждений. При этом собеседнику не требуется ни обладать экспертностью в области обсуждаемой проблемы, ни задавать избыточное количество вопросов, требуется лишь позиция спрашивающего и

обязанность докладчика отвечать вслух. Вместе с тем внешнюю оценку не следует принимать в качестве какого-либо вердикта, она систематически ниже и остается ниже после разговора.

Дальнейшее направление работы мы видим в поиске объективной меры измерения понимания, которая позволила бы отделить изменение личностного суждения от изменения глубины понимания в прямом рандомизированном сопоставлении трех условий: при наличии собеседника, без собеседника и при ответах на вопросы большой языковой модели. А также в проверке устойчивости эффекта во времени, а именно: сохраняется ли пересмотренная оценка после исчезновения внешнего собеседника (человека или большой языковой модели).

Библиография

1. Дорофеев М. Путь джедая. Поиск собственной методики продуктивности. 5-е изд.
2. Агамалиев Р. Нам только кажется, что мы понимаем или объяснить что-то – это не борщ сварить // Цифровой Сад [Электронный ресурс]. URL: https://rustamagamaliev.ru/garden/нам-только-кажется-что-мы-понимаем-или-объяснить-что-то-это-не-борщ-сварить/ (дата обращения: 04.08.2026).
3. Поварнин С. Искусство спора. Как читать книги. 1924.
4. Alter A.L., Oppenheimer D.M. Uniting the tribes of fluency to form a metacognitive nation // Personality and Social Psychology Review. 2009. Т. 13. № 3. С. 219-235.
5. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 344 с.
6. Farnsworth W. The Socratic Method: A Practitioner's Handbook. Boston: David R. Godine, Publisher, 2021. 264 с.
7. Fernbach P.M. [и др.]. Political extremism is supported by an illusion of understanding // Psychological Science. 2013. Т. 24. № 6. С. 939-946.
8. Hamilton K., Yao M. Blurring boundaries: effects of device features on metacognitive evaluations // Computers in Human Behavior. 2018. Т. 89.
9. Jordan K. [и др.]. Trivially informative semantic context inflates people's confidence they can perform a highly complex skill // Royal Society Open Science. 2022. Т. 9.
10. Koriat A. Monitoring one's own knowledge during study: a cue-utilization approach to judgments of learning // Journal of Experimental Psychology: General. 1997. Т. 126. № 4. С. 349-370.
11. Kruger J., Dunning D. Unskilled and unaware of it: how difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Т. 77. № 6. С. 1121-1134.
12. Rozenblit L., Keil F. The misunderstood limits of folk science: an illusion of explanatory depth // Cognitive Science. 2002. Т. 26. № 5. С. 521-562.
13. Schwarz N. Metacognitive experiences in consumer judgment and decision making // Journal of Consumer Psychology. 2004. Т. 14. № 4. С. 332-348.
14. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011. Т. 333. № 6043. С. 776-778.
15. Wegner D.M. Transactive memory: a contemporary analysis of the group mind / под ред. B. Mullen, G.R. Goethals. New York: Springer, 1987. С. 185-208.

The Illusion of Explanatory Depth on the Material of One's Own Design: Self-Diagnostics in a Group Using a Web Game

Rustam Agamaliev

Master's Degree Student,
National Research University "MIET",
124498, 1, Shokina square, Zelenograd, Moscow, Russian Federation;
e-mail: rustam.agamaliev@gmail.com

Maksim Dorofeev

Master's Degree Student,
National Research University "MIET",
124498, 1, Shokina square, Zelenograd, Moscow, Russian Federation;
e-mail: maxim.dorofeev@gmail.com

Abstract

The article examines the reproducibility of the illusion of explanatory depth effect (the illusion of understanding, when a person believes that they understand a subject more deeply than they actually do) on the material of the participant's own design, rather than an external technical device, as in the classic study by Rosenblit and Keil, where subjects overestimated their understanding of how household appliances work. The experimental intervention was implemented using the authors' multiplayer web game "Dushnota po ponyatiyam" ("Stuffiness by Concepts"), in which a participant recorded in writing their own statement according to a cause-and-effect template (formulating a certain concept or relationship), assessed the clarity of their design on a scale, answered "silly" questions from other participants (simple, unexpected questions testing the boundaries of understanding), and then assessed clarity again – current (how clear it is now) and retrospective (how clear it was at the beginning before the discussion), which allows recording a shift in self-assessment. Data were collected at two industry conferences, CodeFest and PeopleSense, with the participation of IT and design specialists: complete sets of self-assessments were obtained from 88 and 41 participants, and an additional 226 responses were collected in a comparative condition, where the same questions were applied by the participant to their own text without an external interlocutor, which made it possible to separate the effect of social interaction from the effect of self-reflection. Processing was performed using the paired Student's t-test with calculation of Cohen's d_z for estimating the effect size, the chi-square test for analyzing response distributions, and the Jonckheere–Terpstra test for identifying trends in ordinal data. It is shown that after the discussion, participants rate their previous understanding lower than at the time of writing the text (+0.43 and +0.68 points, $p = 0.003$), while the current assessment increases; the divergence of the two judgments (current assessment and retrospective assessment of previous understanding) turned out to be the most pronounced effect of the study, indicating that dialogue with other participants exposes the illusion of understanding. At the same time, neither the number of questions, nor their subjective usefulness, nor the number of questioners is related to the magnitude of the revision, and in the condition without an interlocutor, no shift occurs at all, which testifies to the key role of social interaction in triggering metacognitive revision. It is concluded that what matters is not the question itself (as a stimulus for reflection), but the external position from which it comes (the Other as a bearer of a different perspective, leading out of monological thinking), and the obligation to answer aloud, which forces one to articulate and test the boundaries of one's own understanding, making the game an effective tool for self-diagnostics and adult learning.

For citation

Agamaliev R., Dorofeev M. (2026) Illyuziya ob"yasnitel'noy glubiny na materiale sobstvennogo zamysla: samodiagnostika v gruppe s pomoshch'yu veb-igry [The Illusion of Explanatory Depth on the Material of One's Own Design: Self-Diagnostics in a Group Using a Web Game]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 76-99. DOI: 10.34670/AR.2026.29.68.024

Keywords

Illusion of understanding, illusion of explanatory depth, self-assessment of understanding, retrospective assessment, metacognition, fluency of judgment, external interlocutor, web game, adult learning.

References

1. Dorofeev M. The Jedi Path. Searching for One's Own Productivity Method. 5th ed.
2. Agamaliev R. It only seems to us that we understand, or explaining something is not like cooking borscht // Digital Garden [Electronic resource]. URL: https://rustamagamaliev.ru/garden/нам-только-кажется-что-мы-понимаем-или-объяснить-что-то-это-не-борщ-сварить/ (accessed: 04.08.2026).
3. Povarnin S. The Art of Argument. How to Read Books. 1924.
4. Alter A.L., Oppenheimer D.M. Uniting the tribes of fluency to form a metacognitive nation // Personality and Social Psychology Review. 2009. Vol. 13. No. 3. Pp. 219-235.
5. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 344 p.
6. Farnsworth W. The Socratic Method: A Practitioner's Handbook. Boston: David R. Godine, Publisher, 2021. 264 p.
7. Fernbach P.M. et al. Political extremism is supported by an illusion of understanding // Psychological Science. 2013. Vol. 24. No. 6. Pp. 939-946.
8. Hamilton K., Yao M. Blurring boundaries: effects of device features on metacognitive evaluations // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 89.
9. Jordan K. et al. Trivially informative semantic context inflates people's confidence they can perform a highly complex skill // Royal Society Open Science. 2022. Vol. 9.
10. Koriat A. Monitoring one's own knowledge during study: a cue-utilization approach to judgments of learning // Journal of Experimental Psychology: General. 1997. Vol. 126. No. 4. Pp. 349-370.
11. Kruger J., Dunning D. Unskilled and unaware of it: how difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. No. 6. Pp. 1121-1134.
12. Rozenblit L., Keil F. The misunderstood limits of folk science: an illusion of explanatory depth // Cognitive Science. 2002. Vol. 26. No. 5. Pp. 521-562.
13. Schwarz N. Metacognitive experiences in consumer judgment and decision making // Journal of Consumer Psychology. 2004. Vol. 14. No. 4. Pp. 332-348.
14. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011. Vol. 333. No. 6043. Pp. 776-778.
15. Wegner D.M. Transactive memory: a contemporary analysis of the group mind / ed. by B. Mullen, G.R. Goethals. New York: Springer, 1987. Pp. 185-208.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 004.946 **DOI: 10.34670/AR.2026.35.67.008**

Оценка эффективности процедуры релаксации после стрессового воздействия вследствие симуляции чрезвычайной ситуации у персонала объектов топливно-энергетического комплекса

Исаев Фариз Фуркатович

Аспирант,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 65;
e-mail: Farizisayev97@gmail.com

Каюшкина Софья Дмитриевна

Студент,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 65;
e-mail: sonya_kayushkina@mail.ru

Минаева Ирина Анатольевна

Кандидат технических наук, доцент,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 65;
e-mail: Isaev@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты оценки эффективности процедуры релаксации, применяемой после стрессогенного симуляционного воздействия в рамках подготовки персонала объектов топливно-энергетического комплекса к действиям в условиях чрезвычайной ситуации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования у работников не только навыков поведения в условиях аварийного сценария, но и способности к управляемому восстановлению психофизиологического состояния после стрессовой нагрузки. В качестве объективного физиологического показателя использовалась частота сердечных сокращений. В исследовании приняли участие 1634 испытуемых. Среднее значение пульса во время прохождения симуляции составило 124,47 ± 15,51 уд/мин, после процедуры релаксации – 97,77 ± 7,23 уд/мин. Среднее снижение частоты сердечных сокращений составило 26,69 ± 15,60 уд/мин. Уменьшение пульса после релаксационного этапа было зафиксировано у 97,74% испытуемых. По результатам парного t-критерия Стьюдента выявлены статистически значимые различия между показателями пульса во время симуляции и после релаксации: $t(1633) = 69,15$; $p < 0,001$. Размер эффекта Cohen's d составил 1,71, что соответствует выраженному эффекту релаксационного воздействия. Полученные результаты подтверждают эффективность релаксационной процедуры как восстановительного

компонента методики формирования психофизиологической устойчивости персонала к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Для цитирования в научных исследованиях

Исаев Ф.Ф., Каюшкина С.Д., Минаева И.А. Оценка эффективности процедуры релаксации после стрессового воздействия вследствие симуляции чрезвычайной ситуации у персонала объектов топливно-энергетического комплекса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 100-109. DOI: 10.34670/AR.2026.35.67.008

Ключевые слова

Психофизиологическая устойчивость, релаксация, чрезвычайная ситуация, симуляция, топливно-энергетический комплекс, частота сердечных сокращений, стресс, восстановление, персонал, безопасность, виртуальная реальность.

Введение

Одной из ключевых задач промышленной безопасности является подготовка персонала объектов топливно-энергетического комплекса (ТЭК) к действиям в условиях чрезвычайной ситуации (ЧС). Аварийные или нештатные ситуации на объектах ТЭК могут характеризоваться высокой скоростью развития событий, угрозой жизни и здоровью людей, а также необходимостью принятия ответственных решений в условиях повышенного психоэмоционального напряжения и нехватки времени. В этих условиях эффективность действий работника определяется не только уровнем его профессиональных действий, но и состоянием психофизиологической готовности [Гуренкова и др., 2007].

Традиционные методы подготовки персонала часто акцентируют внимание на инструктажах, отработке нормативных алгоритмов и проверке знаний требований промышленной безопасности, однако реальная чрезвычайная ситуация предъявляет к человеку дополнительные требования. В них входят способность сохранять внимание, контролировать эмоциональные реакции, не допускать паники, поддерживать адекватное взаимодействие с другими участниками и быстро восстанавливать функциональное состояние после стрессового воздействия [Гуренкова и др., 2007]. Поэтому современная система подготовки персонала должна включать в себя не только этап моделирования аварийной обстановки, но и этап управляемого восстановления.

Симуляционные и VR-технологии позволяют безопасно воспроизводить нужные признаки чрезвычайной ситуации и вызывать у обучающихся контролируемую стрессовую реакцию [Исаев, 20213]. Данный подход хорошо подходит для подготовки работников, так как позволяет сформировать у сотрудников опыт столкновения с аварийной ситуацией без риска для здоровья. Для полноценного закрепления информации и снижения последствий перманентной нагрузки необходим также процесс восстановления, направленный на возвращение психофизиологического состояния к нормальным значениям.

Процедура релаксации в рамках разрабатываемой методики подготовки персонала объектов ТЭК к ЧС является заключительным этапом, который проводится после симуляции [Исаев, 2023]. Данный этап необходим не просто как отдых после тренировки, но и как метод целенаправленного снижения уровня психофизиологического возбуждения, который

вызывается предыдущим этапом в виде симуляции ЧС. Такой подход выражается в двухфазной подготовке. Сначала производится контролируемое стрессогенное воздействие, а затем формируется навык контролируемого восстановления. Именно такое сочетание этапов может рассматриваться как основа формирования психофизиологической устойчивости персонала.

Одним из доступных и объективных показателей психофизиологического состояния является частота сердечных сокращений (ЧСС). Увеличение пульса показывает активацию организма при эмоциональном напряжении, в то время как его снижение после восстановительного воздействия может рассматриваться как индикатор частичной нормализации функционального состояния сотрудника [Исаев, Минаева, 2026]. Поэтому оценка динамики пульса до и после релаксационной процедуры дает возможность количественно подтвердить ее эффективность.

Цель исследования – оценка эффективности процедуры релаксации, применяемой после стрессогенного симуляционного воздействия, на основе анализа динамики частоты сердечных сокращений у испытуемых.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) определить средние значения частоты сердечных сокращений во время прохождения симуляционного сценария и после процедуры релаксации; 2) рассчитать величину снижения пульса после релаксационного этапа; 3) определить долю испытуемых, у которых после релаксации наблюдалось снижение частоты сердечных сокращений; 4) проверить статистическую значимость различий между показателями пульса во время симуляции и после релаксации; 5) оценить силу восстановительного эффекта с использованием размера эффекта Cohen's d [Исаев и др., 2024].

Материалы и методы

Исследование проводилось в рамках апробации авторской методики подготовки персонала объектов топливно-энергетического комплекса к действиям в чрезвычайных ситуациях. Методика включает в себя стрессогенное симуляционное воздействие и последующий восстановительный этап, который основан на процедуре релаксации. В настоящей статье проводится анализ восстановительного этапа авторской методики путем сравнения показателя ЧСС во время симуляции и после процедуры релаксации [Исаев, Минаева, 2025].

В исследовании приняли участие 1634 испытуемых. В качестве регистрируемого физиологического параметра использовалась частота сердечных сокращений, измеряемая в ударах в минуту. Фиксация пульса проводилась на двух этапах: во время прохождения симуляционного сценария и после проведения процедуры релаксации. Такой подход позволил оценить, насколько релаксационный этап способствует снижению физиологической активации, которая возникла при моделировании ЧС.

Все испытуемые проходили единый стандартизированный симуляционный сценарий, что обеспечило сопоставимость физиологических показателей на последующем этапе восстановления. Целью симуляционного этапа было создание контролируемого психоэмоционального напряжения посредством погружения испытуемых в сценарий, приближенный к условиям чрезвычайной ситуации. Данный сценарий включает в себя:

– Визуализацию аварийной обстановки на объекте ТЭК в виртуальной реальности;
– Звуковые триггеры и сопровождение;
– Динамику развития ЧС;
– Элементы неопределённости.

В ходе симуляции работник сталкивается с признаками ЧС, которые требуют повышенной концентрации и эмоциональной мобильности. Данный этап направлен на стрессогенное воздействие, после которого необходимо обеспечить восстановление психофизиологического состояния.

Процедура релаксации проводится после завершения симуляции и направлена на снижение психофизиологического возбуждения. Она необходима для перехода испытуемого из режима мобилизации в состояние восстановления. В рамках методики данная процедура выполняет функцию управляемой нормализации состояния после стрессовой нагрузки.

Основным критерием оценки эффективности процедуры релаксации является частота сердечных сокращений (ЧСС) после процедуры по сравнению с показателем во время прохождения симуляции. Отдельно оценивалась доля испытуемых, у которых снижение пульса было зафиксировано индивидуально. Такой подход позволяет оценить как среднегрупповой эффект, так и устойчивость результата на уровне выборки.

Статистическая обработка данных

Для описания показателей ЧСС были рассчитаны:

– Среднее значение - M;

– Стандартное отклонение - SD;

– Медиана;

– Минимальное значение - Min;

– Максимальное значение - Max;

Для статистической обработки данных, помимо вышеупомянутых, были рассчитаны следующие показатели:

– Доля испытуемых со снижением ЧСС;

– Средняя величина снижения пульса;

– Стандартное отклонение пульса;

– Парный t-критерий Стьюдента;

– Коэффициент корреляции Пирсона;

– Размер эффекта Cohen’s d.

Индивидуальное снижение ЧСС рассчитывалось по формуле:

$$\Delta ЧСС_i = ЧСС_i \text{ (во время симуляции)} – ЧСС_i \text{ (после релаксации)},$$

где $\Delta ЧСС_i$ – это индивидуальное изменение частоты сердечных сокращений у i-го испытуемого.

Среднее снижение ЧСС определялось по формуле:

$$M\Delta = \sum \Delta ЧСС_i / n,$$

где MΔ – среднее снижение ЧСС, n – объём выборки.

Для проверки статистической значимости различий между двумя связанными измерениями применялся парный t-критерий Стьюдента. Нулевая гипотеза заключалась в отсутствии статистически значимых различий между показателями пульса во время симуляции и после релаксации. Уровень статистической значимости принимался равным $p < 0,05$. С учетом фактических результатов при описании различий использовалась запись $p < 0,001$. Парный t-критерий Стьюдента рассчитывался по формуле:

$$t = M\Delta / (SD\Delta / \sqrt{n}),$$

где MΔ – средняя разница между связанными измерениями, SDΔ – стандартное отклонение индивидуальных разниц, n – количество испытуемых.

Для оценки практической выраженности эффекта был рассчитан размер эффекта Cohen's d для связанных измерений. Он определялся как отношение средней разницы между показателями пульса во время симуляции и после релаксации к стандартному отклонению этой разницы:

$$d = M\Delta / SD\Delta,$$

Значения d около 0,2 обычно интерпретируются как слабый эффект, около 0,5 - как средний, 0,8 и выше - как выраженный эффект [Lazarus, Folkman, 1984]. В настоящем исследовании данный показатель использовался для оценки силы релаксационного воздействия.

Доля испытуемых со снижением ЧСС определялась как отношение количества участников, у которых показатель ЧСС после релаксации был ниже значения, зарегистрированного во время симуляции, к общему числу испытуемых, выраженное в процентах:

$$P = (n\downarrow / n) \times 100\%,$$

где n↓ - количество испытуемых со снижением ЧСС после релаксации, n - общий объем выборки.

Статистическая обработка проводилась с использованием методов описательной и сравнительной статистики. В качестве дополнительного параметра был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона между значениями пульса во время симуляции и после релаксации. Этот показатель оценивал, насколько исходная выраженность физиологической активации во время симуляции связана с уровнем пульса после восстановительной процедуры.

Результаты

Согласно результатам описательной статистики во время прохождения симуляционного сценария среднее значение частоты сердечных сокращений составило 124,47 ± 15,51 уд/мин. Медиана показателя равнялась 125 уд/мин, минимальное значение составило 90 уд/мин, максимальное – 150 уд/мин. Эти данные подтверждают сопровождение симуляционного этапа физиологической активацией испытуемых.

После проведения процедуры релаксации среднее значение частоты сердечных сокращений снизилось до 97,77 ± 7,23 уд/мин. Медиана после релаксационного этапа составила 98 уд/мин, минимальное значение – 85 уд/мин, максимальное – 110 уд/мин. Снижение как среднего значения, так и разброса показателей свидетельствует о стабилизирующем воздействии процедуры релаксации.

Описательные статистические показатели частоты сердечных сокращений во время прохождения стрессогенного сценария и после релаксации представлены в таблице 1.

Средняя величина снижения частоты сердечных сокращений после релаксационной процедуры составила 26,69 ± 15,60 уд/мин. Индивидуальное снижение пульса было зафиксировано у 97,74% испытуемых. Следовательно, восстановительный эффект проявился как на уровне средних значений, так и у подавляющего большинства участников исследования.

Таблица 1 - Описательные показатели частоты сердечных сокращений на этапах исследования

Этап измерения	n	M, уд/мин.	SD	Медиана	Min-Max
Во время симуляции	1634	124,47	15,51	125	90-150
После релаксации	1634	97,77	7,23	98	85-110

Показатели восстановительного эффекта релаксации отображены в таблице 2.

Таблица 2 - Показатели восстановительного эффекта процедуры релаксации

Показатели	Значение
Среднее снижение ЧСС, уд/мин	26,69
Стандартное отклонение снижения	15,60
Доля испытуемых со снижением ЧСС, %	97,74
Корреляция между ЧСС во время симуляции и после релаксации	0,219

Парный t-критерий Стьюдента подтвердил статистическую значимость различий между показателями пульса во время симуляции и после релаксации: $t(1633) = 69,15$; $p < 0,001$. Таким образом, снижение частоты сердечных сокращений после релаксации не может быть объяснено случайными колебаниями показателя, что опровергает нулевую гипотезу. Это позволяет утверждать, что прохождение процедуры релаксации сопровождалось понижением частоты сердечных сокращений.

Размер эффекта Cohen's d составил 1,71. Данное значение значительно превышает порог выраженного эффекта $d > 0,8$ и свидетельствует о высокой практической значимости релаксационной процедуры [Cohen, 1988]. Это говорит о том, что различия являются не только статически значимыми, но и содержательно существенными для оценки уровня воздействия процедуры релаксации.

Результаты проверки статистической значимости приведены в таблице 3. В таблице использованы следующие обозначения: Δ - средняя разница между ЧСС во время симуляции и ЧСС после релаксации, t - значение парного t-критерия Стьюдента; df - число степеней свободы; p - уровень статистической значимости; d - размер эффекта Cohen’s d.

Таблица 3 – результаты проверки статистической значимости различий ЧСС

Δ , уд/мин	t	df	p	d
26,69	69,15	1633	< 0,001	1,71

Обсуждение

В ходе исследования были получены данные, позволяющие рассматривать процедуру релаксации как эффективный компонент авторской методики подготовки персонала ТЭК к действиям в условиях ЧС. Среднее снижение пульса после процедуры релаксации составило 26,69 уд/мин., что подтверждает эффективность этапа. Происходит выраженное снижение психо-физиологического возбуждения, возникающего при прохождении симуляции.

Необходимо подчеркнуть факт снижения пульса у 97,74 % испытуемых. Из этого следует высокая устойчивость эффекта на уровне выборки. Если бы положительная динамика наблюдалась только у малой части участников, это бы дало основание говорить об индивидуальной чувствительности к процедуре. Однако полученный показатель подтверждает

системность процедуры релаксации и даёт возможность использовать его как массовый восстановительный элемент после стрессогенной тренировки.

Снижение стандартного отклонения после релаксации также имеет практическую значимость. Во время симуляции разброс показателей был выше.

Это указывает на индивидуальные различия в реакции на стрессогенное воздействие. После процедуры релаксации стандартное отклонение уменьшилось, а максимальное значение пульса снизилось до 110 уд/мин.

Значение Cohen's d, равное 1,71, подтверждает силу эффекта. В рамках прикладных исследований по психофизиологической подготовке такой размер эффекта является значимым аргументом в пользу внедрения процедуры. Он показывает, что различия между состоянием испытуемого во время симуляции и после релаксации выражены достаточно сильно, чтобы иметь не только статистический, но и прикладной смысл.

Слабая положительная корреляция между показателями пульса во время симуляции и после релаксации указывает на то, что более высокий пульс во время стрессогенного воздействия лишь частично связан с более высоким пульсом после восстановления. Это может означать, что релаксационная процедура в определенной степени сглаживает индивидуальные различия в стрессовой реакции испытуемых. Данный результат представляет интерес для дальнейших исследований, поскольку позволяет изучать не только среднюю эффективность процедуры, но и типы индивидуального восстановления.

С точки зрения практики, результаты подтверждают целесообразность включения релаксационного блока в структуру подготовки персонала. При работе на объектах ТЭК работник должен быть готов не только к кратковременной мобилизации в условиях аварийной ситуации, но и к последующему снижению напряжения, сохранению работоспособности и предотвращению накопления стрессовой нагрузки. Поэтому процедура релаксации может выступать в качестве элемента профилактики избыточного психофизиологического напряжения после тренировочных и реальных стрессовых событий.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенный восстановительный этап может быть включен в программы подготовки персонала опасных производственных объектов. По сравнению с традиционными подходам, ограниченными только имитацией обстановки ЧС, данная методика предполагает завершение симуляции управляемым снижением напряжения.

Процедура релаксации после симуляции может быть использована как в рамках разработанной методики, так и как отдельный подход к снижению психофизиологического напряжения сотрудников. При регулярном применении такой подход может способствовать формированию навыков саморегуляции и повышению устойчивости к стрессовым воздействиям.

Динамика пульса также может использоваться в качестве простого и доступного индикатора эффективности процедуры восстановления. Это даёт возможность проведения мониторинга состояния сотрудников без сложного диагностического оборудования.

Заключение

В результате проведенного исследования было доказано, что процедура релаксации после симуляции способствует выраженному снижению ЧСС у испытуемых. Средний пульс снизился с 124,47 ± 15,51 уд/мин во время симуляции до 97,77 ± 7,23 уд/мин после релаксации. Средняя величина снижения составила 26,69 ± 15,60 уд/мин.

Снижение пульса было зарегистрировано у 97,74 % участников исследования. Парный t-

критерий Стьюдента подтвердил статистическую значимость различий между показателями пульса во время симуляции и после релаксации: $t(1633) = 69{,}15$; $p < 0{,}001$. Размер эффекта Cohen’s d составил 1,71, что подтверждает крайне выраженную практическую значимость релаксационного воздействия.

Полученные результаты позволяют рассматривать процедуру релаксации как необходимый восстановительный компонент методики подготовки персонала объектов ТЭК к действиям в ЧС. В совокупности с симулятором формируется двухфазная модель подготовки: контролируемое психофизиологическое напряжение и последующее управляемое восстановление. Такая модель может способствовать развитию психофизиологической устойчивости, снижению риска панических реакций и повышению готовности персонала к эффективным действиям в ЧС.

Библиография

1. Гуренкова Т.Н., Елисеева И.Н., Павлова М.В., Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007. 319 с.
2. Дружинин В.Ф. Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. 168 с.
3. Исаев Ф.Ф. Разработка методики проведения диагностики и повышения эффективности формирования психологической готовности специалистов топливно-энергетического комплекса к действиям в чрезвычайных ситуациях: выпускная квалификационная работа. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2021. 102 с.
4. Исаев Ф.Ф. Применение современных информационных технологий для улучшения уровня психофизиологической подготовки работников топливно-энергетического комплекса к действиям в чрезвычайных ситуациях: выпускная квалификационная работа. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2023. 87 с.
5. Исаев Ф.Ф., Беликова Д.А., Минаева И.А. Использование технологий виртуальной реальности для улучшения усваиваемости информации в процессе обучения // Современная наука, общество и образование. 2024. С. 25–27.
6. Исаев Ф.Ф., Минаева И.А. Использование технологий виртуальной реальности для подготовки сотрудников к действиям в чрезвычайной ситуации // Нефть и газ – 2025: тезисы докладов 79-й международной молодежной научной конференции. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2025. С. 523–524.
7. Исаев Ф.Ф., Минаева И.А. Разработка и апробация методики диагностики психофизиологической готовности персонала объектов топливно-энергетического комплекса к действиям в чрезвычайных ситуациях // Молодой исследователь. 2026. С. 61–64.
8. Cohen J. Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences. 2nd ed. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.
9. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer Publishing Company, 1984.
10. Wilson C.J., Soranzo A. The use of virtual reality in psychology: a case study of visual perception // Computational and Mathematical Methods in Medicine. 2015. Article ID 151702.

Assessment of the Effectiveness of the Relaxation Procedure after Stress Exposure Due to Emergency Situation Simulation in Personnel of Fuel and Energy Complex Facilities

Fariz F. Isaev

Postgraduate Student,
National University of Oil and Gas "Gubkin University",
119991, 65, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Farizisayev97@gmail.com

Sof'ya D. Kayushkina

Student,
National University of Oil and Gas "Gubkin University",
119991, 65, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sonya_kayushkina@mail.ru

Irina A. Minaeva

PhD in Technology, Associate Professor,
National University of Oil and Gas "Gubkin University",
119991, 65, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Isaev@mail.ru

Abstract

The article presents the results of assessing the effectiveness of the relaxation procedure applied after stressogenic simulation exposure within the framework of training personnel of fuel and energy complex facilities to act in emergency situations. The relevance of the study is determined by the need to develop in employees not only the skills of behavior in an emergency scenario, but also the ability to controllably restore their psychophysiological state after stress load. Heart rate was used as an objective physiological indicator. The study involved 1634 subjects. The average pulse rate during the simulation was 124.47 ± 15.51 bpm; after the relaxation procedure, it was 97.77 ± 7.23 bpm. The average reduction in heart rate was 26.69 ± 15.60 bpm. A decrease in pulse after the relaxation stage was recorded in 97.74% of the subjects. According to the results of the paired Student's t-test, statistically significant differences were revealed between the pulse indicators during the simulation and after relaxation: $t(1633) = 69.15$; $p < 0.001$. The Cohen's d effect size was 1.71, which corresponds to a pronounced effect of the relaxation intervention. The results obtained confirm the effectiveness of the relaxation procedure as a recovery component of the methodology for developing the psychophysiological resilience of personnel to actions in emergency situations.

For citation

Isaev F.F., Kayushkina S.D., Minaeva I.A. (2026) Otsenka effektivnosti protsedury relaksatsii posle stressovogo vozdeystviya vsledstvie simulyatsii chrezvychaynoy situatsii u personala ob"ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa [Assessment of the Effectiveness of the Relaxation Procedure after Stress Exposure Due to Emergency Situation Simulation in Personnel of Fuel and Energy Complex Facilities]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 100-109. DOI: 10.34670/AR.2026.35.67.008

Keywords

Psychophysiological resilience, relaxation, emergency situation, simulation, fuel and energy complex, heart rate, stress, recovery, personnel, safety, virtual reality.

References

1. Cohen, J. (1988). Statistical power analysis for the behavioral sciences (2nd ed.). Lawrence Erlbaum Associates.

2. Druzhinin, V. F. (2001). Motivatsiya deyatel'nosti v chrezvychaynykh situatsiyakh [Motivation of activity in emergency situations]. MNEPU Publishing House.
3. Gurenkova, T. N., Eliseeva, I. N., Pavlova, M. V., & Shoigu, Iu. S. (Eds.). (2007). Psikhologiya ekstremal'nykh situatsiy dlya spasateley i pozharnykh [Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters]. Smysl.
4. Isaev, F. F. (2021). Razrabotka metodiki provedeniya diagnostiki i povysheniya effektivnosti formirovaniya psikhologicheskoy gotovnosti spetsialistov toplivno-energeticheskogo kompleksa k deystviyam v chrezvychaynykh situatsiyakh [Development of a methodology for diagnostics and improving the effectiveness of forming psychological readiness of fuel and energy complex specialists for emergency response] (Master's thesis). Gubkin University of Oil and Gas.
5. Isaev, F. F. (2023). Primeneniye sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy dlya uluchsheniya urovnya psikhofiziologicheskoy podgotovki rabotnikov toplivno-energeticheskogo kompleksa k deystviyam v chrezvychaynykh situatsiyakh [Application of modern information technologies to improve the level of psychophysiological training of fuel and energy complex workers for emergency response] (Master's thesis). Gubkin University of Oil and Gas.
6. Isaev, F. F., Belikova, D. A., & Minaeva, I. A. (2024). Ispol'zovaniye tekhnologiy virtual'noy real'nosti dlya uluchsheniya usvaiyemosti informatsii v protsesse obucheniya [The use of virtual reality technologies to improve information assimilation in the learning process]. Sovremennaya nauka, obshchestvo i obrazovaniye [Modern Science, Society and Education], 25–27.
7. Isaev, F. F., & Minaeva, I. A. (2025). Ispol'zovaniye tekhnologiy virtual'noy real'nosti dlya podgotovki sotrudnikov k deystviyam v chrezvychaynoy situatsii [The use of virtual reality technologies for training employees for emergency response]. In Neft' i gaz – 2025 [Oil and Gas – 2025] (pp. 523–524). Gubkin University of Oil and Gas.
8. Isaev, F. F., & Minaeva, I. A. (2026). Razrabotka i aprobatsiya metodiki diagnostiki psikhofiziologicheskoy gotovnosti personala ob"yektov toplivno-energeticheskogo kompleksa k deystviyam v chrezvychaynykh situatsiyakh [Development and approbation of a methodology for diagnosing psychophysiological readiness of fuel and energy complex personnel for emergency response]. Molodoy issledovatel' [Young Researcher], 61–64.
9. Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). Stress, appraisal, and coping. Springer Publishing Company.
10. Wilson, C. J., & Soranzo, A. (2015). The use of virtual reality in psychology: A case study of visual perception. Computational and Mathematical Methods in Medicine, Article ID 151702.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 004.946 **DOI: 10.34670/AR.2026.64.73.009**

Оценка психофизиологической реакции персонала на стрессогенный симуляционный сценарий чрезвычайной ситуации

Исаев Фариз Фуркатович

Аспирант,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 65;
e-mail: Farizisayev97@gmail.com

Каюшкина Софья Дмитриевна

Студент,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 65;
e-mail: sonya_kayushkina@mail.ru

Минаева Ирина Анатольевна

Кандидат технических наук, доцент,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 65;
e-mail: Isaev@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты статистической оценки психофизиологической реакции испытуемых на прохождение стрессогенной симуляции чрезвычайной ситуации в виртуальной реальности, разработанной для подготовки персонала объектов топливно-энергетического комплекса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования у работников психологической устойчивости к воздействию факторов чрезвычайной ситуации без создания реальной угрозы для их жизни и здоровья. В качестве объективного физиологического индикатора использовалась частота сердечных сокращений, измеряемая до начала симуляции и во время прохождения сценария. Выборка исследования составила n=1634 испытуемых. По результатам анализа установлено статистически значимое повышение частоты сердечных сокращений с 77,34 ± 10,66 до 124,47 ± 15,51 уд/мин. Средний прирост составил 47,12 ± 18,57 уд/мин. Увеличение пульса было зафиксировано у 98,29% участников. Парный t-критерий Стьюдента подтвердил статистическую значимость различий между исходным состоянием и состоянием во время симуляции: $t(1633) = -102,58$; $p < 0,001$. Размер Cohen's d составил 2,54, что соответствует очень выраженному эффекту. Полученные результаты позволяют рассматривать симуляционный сценарий как эффективный инструмент безопасного моделирования психофизиологического напряжения, возникающего у персонала при столкновении с условиями, близкими к чрезвычайной ситуации.

Для цитирования в научных исследованиях

Исаев Ф.Ф., Каюшкина С.Д., Минаева И.А. Оценка психофизиологической реакции персонала на стрессогенный симуляционный сценарий чрезвычайной ситуации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 110-118. DOI: 10.34670/AR.2026.64.73.009

Ключевые слова

Чрезвычайная ситуация, топливно-энергетический комплекс, симуляция, виртуальная среда, психофизиологическая реакция, частота сердечных сокращений, стресс, персонал, статистический анализ, психологическая устойчивость.

Введение

Проблема готовности персонала объектов топливно-энергетического комплекса (ТЭК) к действиям в чрезвычайных ситуациях (ЧС) сохраняет высокую научную и практическую значимость. Объекты ТЭК относятся к объектам повышенной опасности, где ошибка оператора, несвоевременное принятие решения или нарушение алгоритма действий способны привести к эскалации чрезвычайной ситуации. В условиях аварии значимым становится не только наличие профессиональных знаний, но и способность работника сохранять спокойствие в ситуациях дефицита времени, информационной неопределённости, громких звуковых сигналов, визуальных признаков аварии и необходимости быстро принимать решения [Шойгу и др., 2007].

Традиционные методы подготовки персонала, включая инструктажи, учебные занятия и проверку знаний нормативных требования, позволяют сформировать базовую информационную готовность. Вместе с тем они редко обеспечивают тренировку эмоционально-волевой устойчивости и навыков поведения в условиях субъективно воспринимаемой угрозы. В экстремальной ситуации стресс, страх и тревога могут нарушать внимание, снижать точность восприятия и повышать вероятность импульсивных либо, напротив, заторможенных действий [Дружинин, 2001]. Поэтому вопрос создания безопасных тренировочных сред, способных воспроизводить стрессогенные элементы аварийной обстановки без фактического воздействия опасных факторов, является актуальным.

Одним из эффективных подходов является использование симуляций с виртуальной реальностью (VR). Симуляция позволяет моделировать аварийный сценарий в управляемой среде, предъявлять испытуемому визуальные и звуковые стимулы, формировать эффект присутствия и оценивать реакцию организма на смоделированную ситуацию. В отличие от обычной проверки знаний, такой формат позволяет менять подход к подготовке сотрудников к условиям реального профессионального стресса, сохраняя безопасность обучаемого.

Особую ценность представляет не только субъективная оценка участника, но и регистрация физиологических показателей. В настоящем исследовании в качестве основного объективного физиологического показателя использовалась частота сердечных сокращений (ЧСС). Увеличение пульса при прохождении симуляционного сценария может рассматриваться как проявление активации организма в ответ на стрессовое воздействие и как косвенное подтверждение того, что моделируемая ситуация воспринимается участниками как эмоционально значимая и напряженная [Wilson, Soranzo, 2015].

Цель исследования – статистическая оценка выраженности психофизиологической реакции испытуемых на прохождение стрессогенного сценария симуляции ЧС на основе анализа

динамики частоты сердечных сокращений.

Материалы и методы

Исследование проводилось в формате сравнительного анализа показателей ЧСС до начала симуляции и во время прохождения стрессогенной симуляции. Логика исследования основывается на том, что если симуляционный сценарий действительно создаёт психофизиологическое напряжение, то показатель пульса во время прохождения симуляции должен быть статистически значимо выше исходного уровня.

В исследовании приняли участие 1634 испытуемых. Для каждого участника фиксировались два значения: ЧСС до начала симуляции и во время прохождения симуляции. Показатели пульса измерялись с использованием пульсоксиметра.

Все испытуемые проходили единый стандартизированный симуляционный сценарий, что обеспечивало сопоставимость физиологических показателей между участниками. Сценарий был направлен на моделирование условий ЧС из реально прошедшей аварии. В него включались визуализация аварийной обстановки, динамика развития опасного события, необходимость ориентации в изменяющейся среде, звуковое сопровождение, имитация дефицита времени и элементы неопределённости [Исаев, 2021; Исаев, 2023]. Важным принципом разработки являлось сохранение безопасности испытуемого при одновременном создании достаточного уровня вовлеченности и субъективной напряженности.

Стандартизация предполагала одинаковую последовательность предъявления психологических стимуляторов симуляции: исходное ознакомление с виртуальной средой, появление признаков аварийной ситуации, запуск звуковых стимуляторов усиливающих состояние тревожности, проявление визуальных факторов ЧС, необходимость принятия решения и завершение сценария. Такой порядок позволяет рассматривать различия в показателях ЧСС как реакцию на однотипное стрессогенное воздействие, а не как результат различий в условиях прохождения симуляции.

Показатели и статистическая обработка

Основным анализируемым показателем является частота сердечных сокращений, выраженная в ударах в минуту.

Для каждого этапа были рассчитаны:

– Среднее значение – M;
– Стандартное отклонение – SD;
– Медиана;
– Минимальное значение – Min;
– Максимальное значение – Max;
– Индивидуальный прирост ЧСС.

Для статистической обработки данных, помимо вышеупомянутых, были рассчитаны:

– Доля испытуемых с повышенной ЧСС;
– Парный t-критерий Стьюдента;
– Коэффициент корреляции Пирсона;
– Размер эффекта Cohen’s d.

Индивидуальный прирост частоты сердечных сокращений рассчитывался по формуле:

$$\Delta ЧСС_i = ЧСС_i \text{ (во время симуляции)} – ЧСС_i \text{ (до симуляции)},$$

где $\Delta ЧСС_i$ – это индивидуальное изменение частоты сердечных сокращений у i-го испытуемого.

Среднее значение прироста определялось по формуле:

$$M\Delta = \sum \Delta ЧСС_i / n,$$

где MΔ – средний прирост ЧСС, n – объём выборки.

Для проверки статистической значимости различий между двумя связанными измерениями применялся парный t-критерий Стьюдента:

$$t = M_{1\text{-}2}\Delta / (SD\Delta / \sqrt{n}),$$

где $M_{1\text{-}2}\Delta$ – средняя разница между парными измерениями, SDΔ – стандартное отклонение индивидуальных разниц, n – количество испытуемых.

Размер эффекта Cohen’s d для связанных измерений рассчитывался по формуле:

$$d = M\Delta / SD\Delta,$$

Доля испытуемых с повышенным ЧСС определялась как отношение количества участников, у которых ЧСС во время симуляции превышала исходное значение, к общему числу испытуемых выраженное в процентах:

$$P = (k / n) \times 100\%,$$

где k – количество испытуемых с повышением ЧСС, n – общий объем выборки.

Для оценки распространенности эффекта был рассчитан процент испытуемых, у которых во время симуляции наблюдалось повышение пульса по сравнению с исходным уровнем. Сравнение двух зависимых выборок проводилось с использованием парного t-критерия Стьюдента, так как измерения выполнялись у одних и тех же участников на двух этапах исследования. Уровень статистической значимости принимался равным $p < 0,05$. Для оценки выраженности эффекта был рассчитан размер эффекта Cohen’s d для парных измерений как отношение среднего прироста к стандартному отклонению прироста [Исаев, Минаева, 2023].

Статистическая обработка проводилась с использованием методов описательной и сравнительной статистики. В качестве дополнительных параметров были рассчитаны корреляция Пирсона между двумя измерениями, дисперсия по каждому этапу и стандартное отклонение прироста.

Результаты

Описательные статистические показатели частоты сердечных сокращений до начала симуляции и во время прохождения стрессогенного сценария представлены в таблице 1.

До начала воздействия симуляции средняя частота сердечных сокращений составила 77,34 ± 10,66 уд/мин. Медианное значение составило 77 уд/мин, минимальный показатель составил 60 уд/мин, максимальный – 100 уд/мин. Полученные значения соответствуют исходному состоянию участников до предъявления стрессогенного сценария.

Во время прохождения симуляционного сценария средняя частота сердечных сокращений увеличилась до 124,47 ± 15,51 уд/мин. Медианное значение составило 125 уд/мин. Минимальное значение пульса во время симуляции равно 90 уд/мин, максимальное значение

было зафиксировано у одного испытуемого в приступе паники и составило 150 уд/мин. Таким образом уже на уровне описательной статистики наблюдается ярко выраженное смещение показателя ЧСС в сторону увеличения, что указывает на устойчивую физиологическую реакцию на стрессогенный сценарий.

Таблица 1 - Описательная статистика частоты сердечных сокращений

Этап измерения	n	M, уд/мин.	SD	Медиана	Min-Max
До симуляции	1634	77,34	10,66	77	60-100
Во время симуляции	1634	124,47	45,51	125	90-150

Средний прирост ЧСС составил 47,12 ± 18,57 уд/мин. Увеличение пульса во время симуляции было зафиксировано у 98,29% испытуемых. Данный показатель демонстрирует массовый и устойчивый характер психофизиологического ответа испытуемых на предъявляемый сценарий.

Результаты проверки статистической значимости приведены в таблице 2. В таблице использованы следующие обозначения: Δ – средняя разница между ЧСС во время симуляции и ЧСС до симуляции; t – значение парного t-критерия Стьюдента; df – число степеней свободы; p – уровень статистической значимости; d – размер эффекта Cohen’s d.

Таблица 2 - Результаты парного t-критерия Стьюдента и оценка размера эффекта (до симуляции – во время симуляции)

Δ, уд/мин	t	df	p	d
47,12	-102,58	1633	< 0,001	2,54

Парный t-критерий Стьюдента выявил статистически значимое различие между частотой сердечных сокращений до начала симуляции и во время прохождения стрессогенного сценария: $t(1633) = -102,58$; $p < 0,001$. Таким образом нулевая гипотеза об отсутствии различий между этапами измерения опровергается. Это позволяет утверждать, что прохождение симуляционного сценария сопровождалось повышением частоты сердечных сокращений.

Размер эффекта Cohen's d составил 2,54. Значение d выше 0,8 в психофизиологических исследованиях принято рассматривать как сильный эффект [Ng et al., 2024]. Следовательно, полученный показатель подтверждает ярко выраженное воздействие симуляционного сценария на физиологическое состояние испытуемых. Практическая значимость результата заключается в том, что эффект имеет не только статистическую достоверность, обусловленную большой выборкой участников, но и большую величину, отражающую реальное изменение состояния испытуемых.

Корреляция Пирсона между двумя измерениями составила $r = 0,03$. Низкое значение корреляции указывает на то, что величина пульса во время симуляции слабо связана с исходным уровнем пульса. Иными словами, реакция на симуляционное воздействие не сводилась только к индивидуальным различиям исходного состояния участников, а в значительной степени определялась самим воздействием стрессогенного сценария.

Обсуждение

В результате проведения испытаний были получены результаты, подтверждающие способность стрессогенного сценария вызывать выраженную психофизиологическую реакцию у большинства участников. Среднее значение пульса увеличилось на 47,12 уд/мин, что является

значительным изменением, которое нельзя рассматривать как случайное колебание. Показатели статистической значимости различий и эффекта показывают, что симуляция успешно справляется со своей задачей в стимуляции организма человека.

Такой результат имеет важное прикладное значение в вопросах подготовки персонала ТЭК к действиям в ЧС. Необходимо учитывать то, что важность при ЧС имеют не только теоретическое знание порядка действий, но также и возможность выполнять их в условиях сильного психофизиологического напряжения. Если процесс обучения не включает в себя вышеупомянутый фактор, то это напрямую влияет на перенос и применение навыков в реальных условиях ЧС сопровождающихся повышенным уровнем стресса [Lazarus, Folkman, 1984].

В этом вопросе увеличение ЧСС во время симуляции является показателем восприятия человеком сценария ЧС в виртуальной реальности как эмоционально значимую, а не абстрактную задачу.

Рост пульса у 98,29 % испытуемых указывает на высокую воспроизводимость эффекта и говорит о стабильности воздействия симуляции. У большинства участников в ходе прохождения сценария повысилась физиологическая активность, что позволяет заявить о пригодности инструмента для дальнейшего использования в подготовке и оценке готовности персонала к действиям в ЧС.

Также необходимо отметить, что повышение ЧСС не является негативным результатом. В разработанной методике данный показатель рассматривается как важный диагностический и тренировочный компонент. Симулятор создан для того, чтобы вызывать напряжение, тревогу и стресс, но в управляемой среде. Именно в таких условиях можно оценить способности работника к фокусировке на задаче, правильности выполнения действий и принятия решений [Lazarus, Folkman, 1984].

Предметом анализа настоящей статьи является только стрессогенное воздействие симулятора. Последующие исследования позволят дополнить анализ оценкой этапа восстановления психофизиологического состояния работника после напряжения в симуляторе [Исаев, 2025].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанного симулятора в качестве инструмента для подготовки персонала объектов ТЭК к действиям в ЧС. Полученные данные подтверждают возможность сценария вызывать выраженное психофизиологическое напряжение, что делает его пригодным для проведения тренировок в условиях, близких к реальным.

Результаты используются в программах обучения, направленных на психофизиологическую подготовку персонала ТЭК. Также их можно использовать для создания индивидуальных траекторий подготовки к каждому из сотрудников учитывая его сильные и слабые стороны.

Заключение

Исследование установило, что прохождение симуляции ЧС сопровождается выраженным и статистически значимым повышением ЧСС у работников. Средний пульс увеличился с 77,34 ± 10,66 до 124,47 ± 15,51 уд/мин. Средний прирост составил 47,12 ± 18,57 уд/мин. Повышение пульса было зафиксировано у 98,29 % участников.

Парный t-критерий Стьюдента подтвердил статистическую значимость различий между исходным состоянием и состоянием во время симуляции: $t(1633) = -102{,}58$; $p < 0{,}001$. Размер эффекта Cohen's $d = 2{,}54$ позволяет сделать вывод о крайне выраженном воздействии симуляционного сценария на психофизиологическое состояние испытуемых.

В результате исследования были получены данные, подтверждающие эффективность

использования симулятора как инструмента безопасного моделирования психофизиологического напряжения, возникающего при столкновении с условиями, приближенными к чрезвычайной ситуации. Это подтверждает целесообразность его использования в системе подготовки персонала объектов топливно-энергетического комплекса к действиям в ЧС.

Дальнейшее развитие исследования должно быть направлено на анализ восстановительного этапа после прохождения симуляции, оценку эффективности релаксационного блока, а также изучение индивидуальных различий в реакции на стрессогенное воздействие.

Библиография

1. Дружинин В.Ф. Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. 168 с.
2. Исаев Ф.Ф. Использование технологий виртуальной реальности для подготовки сотрудников к действиям в чрезвычайной ситуации // Нефть и газ – 2025: 79-я Международная молодежная научная конференция. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2025. С. 523–524.
3. Исаев Ф.Ф. Применение современных информационных технологий для улучшения уровня психофизиологической подготовки работников топливно-энергетического комплекса к действиям в чрезвычайных ситуациях: выпускная квалификационная работа. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2023. 87 с.
4. Исаев Ф.Ф. Разработка методики диагностики и повышения эффективности формирования психологической готовности специалистов топливно-энергетического комплекса к действиям в чрезвычайных ситуациях: выпускная квалификационная работа. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2021. 102 с.
5. Исаев Ф.Ф., Минаева И.А. Применение информационных технологий для подготовки специалистов нефтегазового комплекса к действиям в чрезвычайных ситуациях // Губкинский университет в решении вопросов нефтегазовой отрасли России: VII региональная научно-техническая конференция. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2023. С. 267.
6. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007. 319 с.
7. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer Publishing Company, 1984.
8. Ng W.X., Cheng Z.Y., Peh L.C. Application of Virtual Reality (VR) in Facility Management Competency-based Training (CBT) in the Era of Industrie 5.0 // IgMin Research. 2024. Vol. 2. No. 4. P. 189–198.
9. Wilson C.J., Soranzo A. The use of virtual reality in psychology: a case study of visual perception // Computational and Mathematical Methods in Medicine. 2015. Article ID 151702.

Assessment of the Psychophysiological Response of Personnel to a Stress-Inducing Simulation Scenario of an Emergency Situation

Fariz F. Isaev

Postgraduate Student,
National University of Oil and Gas "Gubkin University",
119991, 65, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Farizisayev97@gmail.com

Sof'ya D. Kayushkina

Student,
National University of Oil and Gas "Gubkin University",
119991, 65, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sonya_kayushkina@mail.ru

Irina A. Minaeva

PhD in Technology, Associate Professor,
National University of Oil and Gas "Gubkin University",
119991, 65, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Isaev@mail.ru

Abstract

The article presents the results of a statistical assessment of the psychophysiological response of subjects to undergoing a stress-inducing simulation of an emergency situation in virtual reality, developed for training personnel of fuel and energy complex facilities. The relevance of the study is determined by the need to form psychological resilience in workers to the impact of emergency factors without creating a real threat to their life and health. Heart rate, measured before the start of the simulation and during the scenario, was used as an objective physiological indicator. The study sample comprised n=1634 subjects. Based on the results of the analysis, a statistically significant increase in heart rate from 77.34 ± 10.66 to 124.47 ± 15.51 bpm was established. The average increase was 47.12 ± 18.57 bpm. An increase in pulse was recorded in 98.29% of participants. The paired Student's t-test confirmed the statistical significance of the differences between the initial state and the state during the simulation: $t(1633) = -102.58$; $p < 0.001$. Cohen's d was 2.54, which corresponds to a very pronounced effect. The obtained results allow the simulation scenario to be considered as an effective tool for safely modeling the psychophysiological tension that arises in personnel when faced with conditions close to an emergency situation.

For citation

Isaev F.F., Kayushkina S.D., Minaeva I.A. (2026) Otsenka psikhofiziologicheskoy reaktsii personala na stressogennyy simulyatsionnyy stsenariy chrezvychaynoy situatsii [Assessment of the Psychophysiological Response of Personnel to a Stress-Inducing Simulation Scenario of an Emergency Situation]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 110-118. DOI: 10.34670/AR.2026.64.73.009

Keywords

Emergency situation, fuel and energy complex, simulation, virtual environment, psychophysiological response, heart rate, stress, personnel, statistical analysis, psychological resilience.

References

1. Druzhinin, V. F. (2001). Motivatsiya deyatel'nosti v chrezvychaynykh situatsiyakh [Motivation of activity in emergency situations]. MNEPU Publishing House.
2. Isaev, F. F. (2021). Razrabotka metodiki diagnostiki i povysheniya effektivnosti formirovaniya psikhologicheskoy gotovnosti spetsialistov toplivno-energeticheskogo kompleksa k deystviyam v chrezvychaynykh situatsiyakh [Development of a methodology for diagnosing and improving the effectiveness of forming psychological readiness of fuel and energy complex specialists for emergency response] (Master's thesis). Gubkin University of Oil and Gas.
3. Isaev, F. F. (2023). Primeneniye sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy dlya uluchsheniya urovnya psikhofiziologicheskoy podgotovki rabotnikov toplivno-energeticheskogo kompleksa k deystviyam v chrezvychaynykh situatsiyakh [Application of modern information technologies to improve the level of psychophysiological training of

fuel and energy complex workers for emergency response] (Master's thesis). Gubkin University of Oil and Gas.
4. Isaev, F. F. (2025). Ispol'zovaniye tekhnologiy virtual'noy real'nosti dlya podgotovki sotrudnikov k deystviyam v chrezvychaynoy situatsii [The use of virtual reality technologies for training employees for emergency response]. In Neft' i gaz – 2025: 79-ya Mezhdunarodnaya molodezhnaya nauchnaya konferentsiya (pp. 523–524). Gubkin University of Oil and Gas.
5. Isaev, F. F., & Minaeva, I. A. (2023). Primeneniye informatsionnykh tekhnologiy dlya podgotovki spetsialistov neftegazovogo kompleksa k deystviyam v chrezvychaynykh situatsiyakh [Application of information technologies for training specialists of the oil and gas complex for emergency response]. In Gubkinskiy universitet v reshenii voprosov neftegazovoy otrasli Rossii: VII regional'naya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya (p. 267). Gubkin University of Oil and Gas.
6. Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). Stress, appraisal, and coping. Springer Publishing Company.
7. Ng, W. X., Cheng, Z. Y., & Peh, L. C. (2024). Application of Virtual Reality (VR) in Facility Management Competency-based Training (CBT) in the Era of Industrie 5.0. IgMin Research, 2(4), 189–198.
8. Shoigu, Iu. S. (Ed.). (2007). Psikhologiya ekstremal'nykh situatsiy dlya spasateley i pozharnykh [Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters]. Smysl.
9. Wilson, C. J., & Soranzo, A. (2015). The use of virtual reality in psychology: a case study of visual perception. Computational and Mathematical Methods in Medicine, Article ID 151702.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.66.15.010**

Когнитивная флексибильность как один из личностных ресурсов адаптации человека

Абдуллина Мунира Акрамовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра управления современным образованием,
Институт развития образования Республики Башкортостан,
450005, Российская Федерация, Уфа, ул. Мингажева, 120;
e-mail: ruaimi@mail.ru

Галяутдинова Светлана Ишбулдиновна

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психологии,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: lanagal@bk.ru

Рабабах Абдель Хаким Махд Мохд

Аспирант,
Института гуманитарных и социальных наук,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: arababah@hotmail.it

Аннотация

В статье анализируется флексибильность как способность человека эффективно реагировать на изменения в динамичном мире, умение изменять стратегии поведения с целью успешной адаптации в социуме. Приведена классификация как психологических, так и физиологических механизмов; дан содержательный анализ этих механизмов.

Для цитирования в научных исследованиях

Абдуллина М.А., Галяутдинова С.И., Рабабах А.Х.М.М. Когнитивная флексибильность как один из личностных ресурсов адаптации человека // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 119-125. DOI: 10.34670/AR.2026.66.15.010

Ключевые слова

Флексибильность, когнитивная флексибильность, адаптация, механизмы адаптации, личностные ресурсы, гибкость мышления, психологическая адаптация, образовательная среда.

Введение

В современном динамично развивающемся мире человек должен быть готов реагировать на вызовы времени и неопределенные обстоятельства. Для этого у него должны быть соответствующие личностные ресурсы для социальной активности и успешной адаптации в социуме, а также для постоянной готовности повышать свою личностную и профессиональную компетентность.

Одним из личностных ресурсов адаптации человека является флексибильность. Именно флексибильность обеспечивает готовность адекватного реагирования на определенные жизненные ситуации, тем более – кризисные ситуации. Как справедливо утверждает Мерсиянова А.П., флексибильность как психологический феномен проявляется во всех сферах личности: интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой. Поэтому педагогическим работникам имеет смысл внести флексибильность в перечень личностных результатов, которые формируются у обучающихся в процессе обучения и воспитания.

Непосредственно флексибильность интересовала в одном из исследований А.В. Петровского [Психология развивающейся личности, 1987]. Под личностной флексибильностью А.В. Петровский предлагает понимать способность человека продуцировать инновационные подходы в решениях проблемных ситуаций [Психология развивающейся личности, 1987].

Основная часть

Флексибильность (от лат. flexibilis — гибкий, подвижный) — это способность человека эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям реального мира, корректировать стратегию поведения в зависимости от новых, порой неожиданных, обстоятельств.

Под адаптацией мы понимаем способность человека эффективно приспосабливаться к переменам, которые происходят очень быстро, а порой – внезапно.

Можно очертить круг терминов, имеющих отношение к термину «флексибильность»: «личностный динамизм», «готовность к изменениям», «гибкость», анализ которых позволит осмыслить и сущность изучаемого феномена, и характер связи между рассматриваемыми понятиями.

В работе Королевой Ю.А. дается содержательный анализ названных терминов на основе известных трудов Г.И. Козырева, Д.А. Леонтьева, С. Мадди, Г.С. Салливана, Д.В. Сапронова и др. [Королева, 2014].

Мы согласны с утверждением, что динамизм является механизмом регулирования поведения [Леонтьев, Сапронов, 2007]. Личностный динамизм можно трактовать как желание произвести определенные изменения в своей жизни. Личностный динамизм на внутреннем уровне может быть направлен на развитие своей личности, реализацию своих потенциальных ресурсов. «Во внутреннем плане стремление к изменениям разворачивается как процесс активного нарушения гомеостаза, порождения внутреннего препятствия и его же преодоления» [Королева, 2013].

Таким образом, личностный динамизм, или стремление к изменениям, — это способность и активная готовность человека изменяться в отсутствие императивной необходимости для этого.

По мнению Д.В. Сапронова и Д.А. Леонтьева, готовность к изменениям и есть флексибильность. Ю.А. Королева анализирует понятия флексибильности и когнитивной флексибильности на основе трудов Г.И. Козырева, Д.А. Леонтьева, С. Мадди, Г.С. Салливана и Д.В. Сапронова в работе «Флексибильность как ресурс жизнеспособности современной

личности» [Королева, 2013].

В этой работе Королева Ю.А. рассматривает флексибильность как интегральное свойство личности, которое позволяет человеку проявлять «чувство нового», отказываться от стереотипов мышления и поведения для успешной адаптации в изменяющихся условиях. В целях более глубокого анализа феномена «флексибильность» анализируются схожие термины: личностный динамизм, готовность к изменениям, гибкость.

В статье упоминаются работы других исследователей, чьи идеи связаны с темой флексибильности. В частности, Г.В. Залевский понимает флексибильность как способность человека проявлять «чувство нового», А.В. Петровский рассматривает личностную флексибильность (вариативность, гибкость) как умение индивида легко вырабатывать или принимать новые, оригинальные решения [Мерсиянова, 2006].

Таким образом, работа Королевой Ю.А. систематизирует различные подходы к пониманию флексибильности и обосновывает её роль как ресурса жизнеспособности современной личности.

Г.В. Залевским выделяются следующие типы флексибильного поведения: флексибильно-пластичное и флексибельно-эластичное поведение. Индивид демонстрирует флексибильно-пластичное поведение при необходимости актуализировать новый способ типа решения определенных задач; флексибельно-эластичное поведение предполагает возвращение к старому способу решения задач после нахождения альтернативного способа справиться с нестандартной ситуацией.

Перейдем к рассмотрению термина «гибкость» как синонима термина «флексибильность». В словаре С.И. Ожегова дается определение термина «гибкий» — «...способный трезво оценить обстановку, обстоятельства и приноровиться к ним» [Мерсиянова, 2006]. В психологии данный термин употребляется чаще всего при определении свойства мышления личности. Гибкость — это свойство мышления. Не случайно мы характеризуем мышление человека, который умеет эффективно приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам жизни, как гибкое.

Результаты зарубежных исследований свидетельствуют, что гибкость мышления является психологическим феноменом, который, проявляясь в условиях проблемной ситуации, заставляет субъекта выявлять ранее не анализировавшиеся признаки объекта и, переосмысливая их, решать проблему (Х. Вернер, Дж. Гилфорд, К. Гольдштейн).

Понятие «гибкость» в отечественной психологии рассматривают в качестве личностной характеристики и в качестве особенности умственной деятельности; гибкость может рассматриваться и как свойство мышления, и как личностная характеристика, и как интегральное свойство личности.

Гибкость рассматривается чаще по отношению к отдельным сторонам психики (когнитивная, эмоциональная и т.д.), флексибильность — по отношению к личности в целом. Именно флексибильность как системное интегральное образование активной личности обеспечивает полноценную адаптацию к реалиям усложняющейся жизни с ее вызовами и неопределенностью и поддерживает развитие человека.

Флексибильность тесно связана с такими личностными качествами, как открытость новому опыту, креативность, стрессоустойчивость.

Остановимся более подробно на анализе того, что такое когнитивная флексибильность. Существуют различные определения когнитивной флексибильности. Под когнитивной флексибильностью понимается способность трансформировать концептуальную картину мира при получении новой информации, которая входит в противоречие с устоявшимися представлениями человека. В различных научных источниках указывается, что когнитивная

флексибильность — это способность человека адаптировать когнитивные стратегии к новым и неожиданным условиям окружающей среды. Р. Спиро и Д.С. Дженг в теории когнитивной флексибильности предложили понимать флексибильность как способность к произвольной реструктуризации собственных знаний, которая проявляется как приспособительная реакция на изменения в окружающей среде [сайт InstructionalDesign.org].

Умение индивида преобразовывать когнитивные установки в ответ на новые условия жизнедеятельности — это и есть когнитивная флексибильность, считают Д. Деннис и Д. Вандервол.

Отечественные исследователи Г.В. Залевский и М.А. Холодная рассматривают понятие когнитивной флексибильности в контексте теории фиксированных форм поведения. Они трактуют флексибильность как склонность к вариативности восприятия нестандартной ситуации и способность находить альтернативные решения проблем [Залевский, 2004; Федорова, 2004].

Интересным представляется понимание флексибильности через ментальную способность, которая характеризует умение индивида как ответ с трансформацией когнитивных установок на вызовы обстоятельств реального мира [Мерсиянова, 2006].

В общем и целом, многие исследователи сходятся в том, что когнитивная флексибильность – это адаптационный механизм, способность изменять когнитивные установки, способность вырабатывать веер новых решений в нестандартных ситуациях, выработке инновационных подходов, и, безусловно, это важнейший ресурс личности.

В современной науке комплексно изучены и описаны механизмы адаптации человека к динамичному миру. Адаптация человека к быстро меняющимся условиям среды — сложный многоуровневый процесс, в котором задействованы как психологические, так и физиологические механизмы. Рассмотрим основные из них.

Флексибильность мышления, когнитивная переоценка, обучение и память – это когнитивный механизм адаптации человека; к эмоциональным механизмам относят эмоциональную регуляцию, эмпатию и социальную чувствительность; к поведенческим механизмам относят пластичность поведения, социальную адаптацию, целеполагание и планирование.

К психофизиологическим механизмам можно отнести нейропластичность, гомеостатическую регуляцию, гормональную адаптацию.

Содержанием социально-культурных механизмов являются социализация, информационный обмен.

Таким образом, адаптация к быстро меняющемуся, динамичному миру — это результат гармоничной, слаженной работы когнитивных, эмоциональных, поведенческих и физиологических механизмов. Чем выше уровень развития этих механизмов у человека, тем успешнее он справляется с вызовами современности, сохраняет психологическое и психическое здоровье и реализует свой личностный ресурс.

Дж. Реефиш перечисляет следующие черты флексибильной личности:

– отсутствие скованности, экстравертированность и социальная открытость, внимание к людям, разговорчивость, быстрый личностный темп, оригинальность, спонтанность, независимость;
– нерутинность, адаптивность, терпимость к изменениям, беспорядку и неопределенности;
– самоутверждение, сострадание, требовательность, откровенность;
– отсутствие навязчивых и персеверативных тенденций;

– отсутствие тревожности и чувства вины, надежность, эмоциональная развитость, подвижность [Леонтьев, Сапронов, 2007].

Когнитивная флексибильность проявляется в умении быстро менять точку зрения; в способности находить нестандартные решения; легкости перехода от одной деятельности к другой; толерантности к неопределённости.

Психофизиология изучает флексибильность через призму работы центральной нервной системы. Ключевую роль в обеспечении гибкости поведения играют префронтальная кора, которая отвечает за планирование, принятие решений. Нейромедиаторные системы (дофамин, серотонин, норадреналин) регулируют скорость и эффективность когнитивных процессов.

Современные методы нейровизуализации (фМРТ, ЭЭГ) позволяют наблюдать за активностью мозга при выполнении задач, требующих гибкости мышления. Установлено, что высокая флексибильность коррелирует с большей активностью в лобных отделах коры и более эффективной работой нейронных сетей.

Для специалистов системы российского образования весьма перспективными и практико-ориентированными являются результаты исследования А.В. Петровского.

По А.В. Петровскому, на уровень флексибильности учащихся влияет уровень флексибильности преподавателя. В когнитивной сфере расширяются семантические поля обучающихся, возрастает уровень их интеллектуальной гибкости. Также повышается уровень мотивации в овладении знаниями, умениями и компетенциями [Психология развивающейся личности, 1987].

Перед образованием стоит серьезная задача развития флексибильной личности. Для этого необходимо формировать соответствующую образовательную среду. Исследования показывают, что флексибильная личность преподавателя/учителя/воспитателя способствует повышению флексибильности учащихся.

Заключение

В целом, проведенное исследование когнитивной флексибильности как личностного ресурса адаптации человека позволяет сформулировать следующие предложения:

1. В целях успешной адаптации личности к динамично меняющемуся миру представляется целесообразным целенаправленно развивать когнитивную флексибильность через образовательные программы, направленные на формирование гибкости мышления, переключаемости и толерантности к неопределенности.

2. Видится обоснованным внедрение в образовательную практику методов диагностики уровня когнитивной флексибильности для своевременного выявления ригидности мышления и профилактики дезадаптации учащихся.

3. Представляется необходимым учитывать уровень флексибильности преподавателей как фактор, влияющий на развитие флексибильности учащихся, и разрабатывать программы повышения квалификации в этом направлении.

Библиография

1. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М., 2007.
2. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). М.; Томск: Томский государственный университет, 2004. 460 с.
3. Залевский Г.В., Козлова Н.В. Психическая ригидность/флексибильность как акмеологический инвариант профессионализма // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22.

4. Королева Ю.А. Социально-психологическая компетентность личности как детерминанта субъективного качества жизни // Вестник ОГПУ. 2013. № 3.
5. Королева Ю.А. Флексибильность как ресурс жизнеспособности современной личности // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 1. С. 5–15.
6. Леонтьев Д.А., Сапронов Д.В. Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1.
7. Мерсиянова А.П. Флексибильность личности – новое «старое» понятие в психологии и цель современного образования // Вестник КАСУ. 2006. № 1.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. М., 2010.
9. Осаволюк Е.Ю., Кургинян С.С. Когнитивная флексибильность личности: теория, измерение, практика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 1. С. 128–144.
10. Психология развивающейся личности / под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1987. 240 с.
11. Федорова Е.П. Изучение проявления психической ригидности в процессе жизненного самоопределения // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 60–62.
12. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М., 1999.
13. Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
14. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997. 608 с.

Cognitive Flexibility as One of the Personal Resources of Human Adaptation

Munira A. Abdullina

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Modern Education Management,
Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan,
450005, 120, Mingazheva str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: ruaimi@mail.ru

Svetlana I. Galyautdinova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Psychology,
Ufa University of Science and Technology,
450076, 32, Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: lanagal@bk.ru

Abdel Hakim Mahd Mohd Rababah

Postgraduate Student,
Institute of Humanities and Social Sciences,
Ufa University of Science and Technology,
450076, 32, Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: arababah@hotmail.it

Abstract

The article analyzes flexibility as a person's ability to respond effectively to changes in a dynamic world, the ability to change behavioral strategies for the purpose of successful adaptation in society. The classification of both psychological and physiological mechanisms is provided; a substantive analysis of these mechanisms is given.

For citation

Abdullina M.A., Galyautdinova S.I., Rababah A.Kh.M.M. (2026) Kognitivnaya fleksibil'nost' kak odin iz lichnostnykh resursov adaptatsii cheloveka [Cognitive Flexibility as One of the Personal Resources of Human Adaptation]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 119-125. DOI: 10.34670/AR.2026.66.15.010

Keywords

Flexibility, cognitive flexibility, adaptation, adaptation mechanisms, personal resources, flexibility of thinking, psychological adaptation, educational environment.

References

1. Fedorova, E. P. (2004). Izucheniye proyavleniya psikhicheskoy rigidnosti v protsesse zhiznennogo samoopredeleniya [Study of the manifestation of mental rigidity in the process of life self-determination]. Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal [Siberian Psychological Journal], *20*, 60–62.
2. Hall, C. S., & Lindzey, G. (1999). Teorii lichnosti [Theories of personality]. (In Russian).
3. Hjelle, L., & Ziegler, D. (1997). Teorii lichnosti [Personality theories]. Piter.
4. Kholodnaya, M. A. (2002). Psikhologiya intellekta [Psychology of intelligence]. Piter.
5. Koroleva, Yu. A. (2013). Sotsial'no-psikhologicheskaya kompetentnost' lichnosti kak determinanta sub''yektivnogo kachestva zhizni [Socio-psychological competence of personality as a determinant of subjective quality of life]. Vestnik OGPU [Bulletin of Orenburg State Pedagogical University], *3*.
6. Koroleva, Yu. A. (2014). Fleksibil'nost' kak resurs zhiznesposobnosti sovremennoy lichnosti [Flexibility as a resource of viability of modern personality]. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society], *5*(1), 5–15.
7. Leontiev, D. A., & Sapronov, D. V. (2007). Lichnostnyy dinamizm i ego diagnostika [Personal dynamism and its diagnostics]. Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological Diagnostics], *1*.
8. Mersiyanova, A. P. (2006). Fleksibil'nost' lichnosti – novoye "staroye" ponyatiye v psikhologii i tsel' sovremennogo obrazovaniya [Personality flexibility – a new "old" concept in psychology and the goal of modern education]. Vestnik KASU [Bulletin of KASU], *1*.
9. Osavolyuk, E. Yu., & Kurginyan, S. S. (2018). Kognitivnaya fleksibil'nost' lichnosti: teoriya, izmereniye, praktika [Cognitive flexibility of personality: Theory, measurement, practice]. Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], *15*(1), 128–144.
10. Ozhegov, S. I. (2010). Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. (L. I. Skvortsov, Ed.).
11. Psychology of the developing personality. (1987). (A. V. Petrovsky, Ed.). Pedagogika.
12. Zalevsky, G. V. (2004). Fiksirovannyye formy povedeniya individual'nykh i gruppovykh sistem (v kul'ture, obrazovanii, nauke, norme i patologii) [Fixed forms of behavior of individual and group systems (in culture, education, science, norm and pathology)]. Tomsk State University.
13. Zalevsky, G. V. (2007). Lichnost' i fiksirovannyye formy povedeniya [Personality and fixed forms of behavior]. (In Russian).
14. Zalevsky, G. V., & Kozlova, N. V. (2005). Psikhicheskaya rigidnost'/fleksibil'nost' kak akmeologicheskiy invariant professionalizma [Mental rigidity/flexibility as an acmeological invariant of professionalism]. Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal [Siberian Psychological Journal], *22*.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.923 **DOI: 10.34670/AR.2026.85.92.011**

Удовлетворённость жизнью и доминирующие ценностные ориентации у лиц, состоящих и не состоящих в браке

Перепелицына Екатерина Александровна

Бакалавр,
Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: katya_perepelitsyna@mail.ru.

Аннотация

Представлены результаты изучения удовлетворённости жизнью и доминирующих ценностных ориентаций у взрослых с различным брачным статусом. Актуальность обусловлена недостатком комплексных работ о связи субъективного благополучия и ценностной сферы с учётом семейного положения. Задача – сопоставить уровень и характер взаимосвязей удовлетворённости жизнью и терминальных ценностей у состоящих и не состоящих в браке. Выборка: 116 человек 28–60 лет из Москвы, Твери и Волгограда. Методы: ОТеЦ И.Г. Сенина, УДЖ Н.Н. Мельниковой, U-критерий Манна–Уитни, корреляция Спирмена. Не состоящие в браке демонстрируют достоверно более высокую удовлетворённость при большем беспокойстве о будущем. Научная новизна – обнаружение различных паттернов связей: у состоящих в браке с социально-статусными ценностями, у не состоящих – с личностно-смысловыми. Результаты применимы в психологическом консультировании и семейной терапии.

Для цитирования в научных исследованиях

Перепелицына Е.А. Удовлетворённость жизнью и доминирующие ценностные ориентации у лиц, состоящих и не состоящих в браке // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 126-133. DOI: 10.34670/AR.2026.85.92.011

Ключевые слова

Удовлетворённость жизнью, субъективное благополучие, ценностные ориентации, терминальные ценности, брачный статус, взрослые, психология личности, социальная психология.

Введение

К периоду зрелости ценностная система индивида уже стабилизируется, и именно она во многом определяет степень удовлетворённости проживаемой жизнью. Ценностные ориентации (далее — ЦО) выполняют функцию устойчивых регуляторов поведения, задавая направление приоритетов и формируя отношение человека к основным сферам — профессиональному развитию, семейным узам, свободе выбора, самоактуализации [Здравомыслов, 1989; Леонтьев, 1996]. Через призму ценностного восприятия индивид оценивает свою жизненную ситуацию, и именно это оценочное опосредование определяет уровень переживаемого удовлетворения.

В рамках психологической традиции удовлетворённость жизнью (далее — УЖ) понимается как когнитивная оценка собственного положения в жизни, входящая в структуру субъективного благополучия [Аргайл, 2003; Diener et al., 1999]. На формирование этой оценки воздействуют как внешние обстоятельства — финансовая обеспеченность, социальный статус [Смолева, 2020], — так и внутренние ресурсы личности: её темперамент, характер и ценностные установки [Куликов, 2000]. Существенную роль в поддержании УЖ играет осмысленность существования, выполняющая мотивационную, оценочную и интегративную функции [Леонтьев, 1996].

ЦО определяются как устойчивые мотивационные структуры, направляющие жизненные цели индивида и определяющие избираемые им способы их реализации [Здравомыслов, 1989; Bilsky, Schwartz, 1994]. Период зрелости, характеризуемый как этап профессионального и личностного становления [Ананьев, 2010], отличается тем, что ценностная система уже в значительной мере сформирована и начинает выполнять функцию опоры для субъективного благополучия.

Эмпирические работы последних десятилетий обнаруживают тесную, однако культурно опосредованную взаимосвязь ценностных приоритетов и показателей благополучия. По утверждению Л. Сагив и Ш. Шварца, степень субъективного благополучия определяется не столько доминирующим ценностным профилем, сколько реализацией ценностей, значимых для конкретного индивида [Sagiv, Schwartz, 2000]. Масштабное кросс-культурное исследование с участием респондентов из 31 страны продемонстрировало, что вклад различных ценностей в общее благополучие существенно разнится в зависимости от культурного контекста [Messner, 2023]. В отечественных условиях зафиксированы различия в ценностных профилях жителей разных регионов и их связь с психологическим благополучием [Галяпина и др., 2025], а также роль ценностных установок в социально-политической активности [Морева, 2024].

Особое значение для настоящего исследования имеет брачный статус. Установлено, что ценности постматериалистической направленности (автономия, креативность, открытость новому) выступают компенсаторным ресурсом психологического благополучия для одиноких людей [Kislev, 2018], а удовлетворённость брачно-семейными отношениями связана со спецификой ценностно-смысловой сферы партнёров [Гришина, Прудник, 2022]. Тем не менее, при широком изучении отдельных компонентов — благополучия, ценностей, маритальных отношений, — остаётся дефицит комплексных работ, исследующих взаимосвязь УЖ и ЦО через призму брачного статуса. Данное обстоятельство определяет проблематику настоящего исследования.

Задача работы — сопоставить уровень выраженности и характер взаимосвязей между удовлетворённостью жизнью и доминирующими ценностными ориентациями у лиц, находящихся в браке и не состоящих в нём. Объектом исследования выступают удовлетворённость жизнью и ценностные ориентации; предметом — специфика их

выраженности и взаимосвязей у людей с различным брачным статусом.

Выдвинуты две гипотезы: (1) существуют различия в уровне УЖ: у состоящих в браке он выше, чем у не состоящих; (2) структура взаимосвязей УЖ и доминирующих ЦО различается в зависимости от брачного статуса. Для их проверки ставились задачи теоретического анализа проблемы, эмпирического сравнения групп и формулирования практических рекомендаций.

Методы

Исследование носило констатирующий характер и было организовано как сопоставительный анализ показателей УЖ и доминирующих ЦО у респондентов с различным брачным статусом. Данные собирались посредством онлайн-анкетирования (Google Forms).

В выборку вошли 116 человек в возрасте от 28 до 60 лет, проживающих в городах Москва, Тверь и Волгоград. Из них 64 респондента состоят в зарегистрированном браке (41 женщина и 23 мужчины, средний возраст — 44 года), а 52 респондента не состоят и ранее не состояли (24 женщины и 28 мужчин, средний возраст — 41 год).

Для диагностики использовались следующие инструменты. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина [Сенин, 1991] состоит из 80 утверждений и ориентирован на измерение восьми терминальных ценностных направлений: собственный престиж, высокое материальное положение, креативность, активные социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сохранение собственной индивидуальности. Кроме того, инструмент включает оценку значимости пяти жизненных сфер: профессиональная деятельность, обучение и образование, семейная жизнь, общественная активность, увлечения.

Опросник «Удовлетворённость жизнью» (УДЖ) Н. Н. Мельниковой [Мельникова, 2004; Мельникова, 2015] включает 46 утверждений и оценивает четыре показателя: «жизненную включённость» (позитивный опыт взаимодействия с жизнью), «разочарование в жизни», «усталость от жизни» и «беспокойство о будущем». Три последних характеризуются обратной связью с общим уровнем УЖ.

Статистическая обработка результатов. Сравнение групп осуществлялось с помощью U-критерия Манна — Уитни; для оценки взаимосвязей между переменными использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена. Вычисления проводились в пакетах MS Excel и Jamovi 2.3.18.

Результаты

Анализ терминальных ценностей выявил сходную иерархию приоритетов в обеих группах: наиболее значимыми оказались духовное удовлетворение, высокое материальное положение, развитие себя и достижения. Однако у респондентов, состоящих в браке, наблюдается более выраженная ориентация на собственный престиж, материальное положение, активные социальные контакты, развитие себя и достижения; у не состоящих в браке, напротив, выше ценность духовного удовлетворения, креативности и сохранения индивидуальности (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты сравнительного анализа терминальных ценностей (ОТеЦ, И.Г. Сенин)

Шкала	В браке, Me	SD	Не в браке, Me	SD	U	p
Собственный престиж	27,0	5,87	21,5	7,61	1221	0,014

Шкала	В браке, Me	SD	Не в браке, Me	SD	U	p
Высокое материальное положение	35,0	6,19	33,0	7,17	1331	0,064
Креативность	28,0	6,06	30,0	6,13	1510	0,392
Активные социальные контакты	32,0	5,78	31,0	7,16	1576	0,627
Развитие себя	33,0	5,53	31,0	6,31	1363	0,094
Достижения	33,0	5,24	33,0	6,05	1595	0,703
Духовное удовлетворение	35,0	5,14	35,5	5,11	1436	0,205
Сохранение собственной индивидуальности	30,5	6,05	31,0	5,43	1449	0,233

Примечание. Me — медиана, SD — стандартное отклонение. Статистически значимое различие — по шкале «Собственный престиж».

Сравнение показателей УЖ обнаружило ряд достоверных межгрупповых различий (табл. 2). Респонденты, не состоящие в браке, демонстрируют статистически значимо более высокие показатели жизненной включённости ($U = 1080$; $p = 0,001$) и общей УЖ ($U = 1130$; $p = 0,003$). Вместе с тем у них зафиксировано, принимая во внимание обратную направленность данной шкалы, достоверно более высокое беспокойство о будущем ($U = 1017$; $p < 0,001$).

Таблица 2 – Результаты сравнительного анализа показателей УЖ (УДЖ, Н.Н. Мельникова)

Шкала	В браке, Me	SD	Не в браке, Me	SD	U	p
Жизненная включённость	55,0	10,43	61,0	11,12	1080	0,001
Разочарование в жизни	24,0	7,60	21,0	7,44	1355	0,086
Усталость от жизни	25,0	8,01	23,5	7,62	1327	0,061
Беспокойство о будущем	27,5	8,39	20,0	7,96	1017	<0,001
Общая удовлетворённость	76,5	28,34	99,0	29,29	1130	0,003

Примечание. Шкалы «разочарование в жизни», «усталость от жизни» и «беспокойство о будущем» являются обратными по отношению к удовлетворённости.

Анализ удельного распределения подтверждает данные результаты: показатель общей УЖ выше среднего характерен для 69 % не состоящих в браке и лишь 22 % состоящих; показатель жизненной включённости выше среднего — для 57,7 % и 39 % соответственно. В то же время признаки беспокойства о будущем выше среднего уровня зафиксированы у 46 % не состоящих в браке по сравнению с 26,6 % состоящих.

Корреляционный анализ выявил качественно различные паттерны взаимосвязей (табл. 3). В группе состоящих в браке обнаружена обширная сеть корреляций между ценностями и шкалой «разочарование в жизни»: учитывая обратный характер шкалы, можно заключить, что низкая разочарованность связана с ориентацией на материальное положение, достижения, креативность, сохранение индивидуальности, увлечения и общественную жизнь. Дополнительно выявлена обратная зависимость ценности достижения от общей УЖ ($r = −0,257$; $p < 0,05$).

В группе не состоящих в браке связи приобретают более узкую, направленную внутрь характер: жизненная включённость позитивно коррелирует с духовным удовлетворением ($r = 0,499$; $p < 0,001$), креативностью ($r = 0,411$; $p < 0,01$) и сохранением индивидуальности ($r = 0,360$; $p < 0,01$); общая УЖ связана исключительно с духовным удовлетворением ($r = 0,329$; $p < 0,05$).

Таблица 3 – Статистически значимые корреляции показателей УЖ и ЦО (коэффициент Спирмена)

Группа	Пара показателей	r	p
В браке	Разочарование в жизни — Высокое материальное положение	0,449	<0,001
В браке	Разочарование в жизни — Достижения	0,363	<0,01
В браке	Разочарование в жизни — Увлечения	0,352	<0,01
В браке	Разочарование в жизни — Креативность	0,334	<0,01
В браке	Разочарование в жизни — Общественная жизнь	0,330	<0,01
В браке	Разочарование в жизни — Сохранение индивидуальности	0,320	<0,01
В браке	Достижения — Общая удовлетворённость	−0,257	<0,05
Не в браке	Жизненная включённость — Духовное удовлетворение	0,499	<0,001
Не в браке	Жизненная включённость — Креативность	0,411	<0,01
Не в браке	Жизненная включённость — Сохранение индивидуальности	0,360	<0,01
Не в браке	Общая удовлетворённость — Духовное удовлетворение	0,329	<0,05
Не в браке	Разочарование в жизни — Собственный престиж	0,274	<0,05
Не в браке	Разочарование в жизни — Обучение и образование	−0,313	<0,05

Примечание. Обратный характер шкал «разочарование в жизни» и «усталость от жизни» учитывается при интерпретации знака связи.

Обсуждение

Полученные данные подтверждают первую гипотезу лишь частично: более высокие показатели общей УЖ и жизненной включённости продемонстрировали респонденты, не состоящие в браке. Этот результат согласуется с данными о том, что ценности постматериалистической направленности и личностная автономия выполняют для одиноких людей функцию компенсаторного ресурса благополучия. Выраженная тревожность о будущем у данной группы может интерпретироваться как проявление внутреннего противоречия, сопровождающего переживание свободы: расширение пространства для самореализации порождает ощущение неопределённости.

Качественное своеобразие корреляционных связей составляет основной вклад работы. Для состоящих в браке УЖ в большей мере опирается на внешние, социально-статусные ценности (материальное положение, достижения, престиж, социальная включённость) [Балабанова, 2023], для не состоящих — на внутренние, личностно-смысловые (духовное удовлетворение, креативность, индивидуальность); такое противопоставление перекликается с различением ориентаций «иметь» и «быть» [Kruczek, Janicka, 2019]. Картина соответствует концепции, согласно которой благополучие определяется не столько ценностным профилем, сколько реализацией субъективно значимых ценностей в конкретном контексте [Sagiv, Schwartz, 2000], и согласуется с данными о контекстной обусловленности связи ценностей и благополучия [Галяпина и др., 2025; Messner, 2023].

Более разнообразная и потенциально конфликтная система корреляций разочарования в жизни у состоящих в браке может отражать большее количество социальных обязательств и ожиданий, усиливающих дистанцию между притязаниями и реальностью. Этот результат согласуется с выводами о значимости гармонизации ценностно-смысловой сферы для удовлетворённости брачно-семейными отношениями [Гришина, Прудник, 2022]. Таким образом, полученные данные обосновывают необходимость дифференцированного подхода в психологическом консультировании, принимающего во внимание не только объективные условия существования, но и ценностные приоритеты, обусловленные брачным статусом.

Заключение

Проведённое исследование продемонстрировало, что иерархия терминальных ценностей у лиц, состоящих и не состоящих в браке, в целом схожа, при этом единственное статистически значимое различие связано с ценностью собственного престижа, более выраженной у состоящих. Первая гипотеза подтвердилась частично: различия в УЖ обнаружены, однако их направленность оказалась противоположной предполагавшейся — более высокие показатели общей УЖ и жизненной включённости зафиксированы у не состоящих в браке (наряду с более выраженным беспокойством о будущем). Вторая гипотеза подтвердилась: специфика взаимосвязей УЖ с ЦО определяется брачным статусом.

Научная новизна состоит в том, что брачный статус рассматривается не как фактор уровня благополучия, а как условие, трансформирующее структуру связей УЖ с ЦО. Для состоящих в браке она опирается на внешние, социально-статусные ориентиры, для не состоящих — на внутренние, личностно-смысловые. Это согласуется с концепцией, согласно которой благополучие детерминировано не столько ценностным профилем, сколько реализацией субъективно значимых ценностей в конкретном социальном контексте.

Критический анализ результатов указывает на ключевое ограничение — гендерный дисбаланс выборки, не позволяющий с полной уверенностью исключить влияние пола на характер выявленных закономерностей; это определяет перспективу расширения выборки и учёта дополнительных социодемографических переменных. Практическая ценность состоит в возможности применения результатов при психологическом консультировании, в семейной терапии и программах повышения качества жизни с дифференциацией целей по брачному статусу: для состоящих в браке — гармонизация социальных ожиданий и личных потребностей, для не состоящих — совладание с тревогой о будущем и опора на внутренние смысловые ресурсы.

Библиография

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. 288 с.
2. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
3. Балабанова Е.С. Ценности и ресурсы как факторы социального благополучия специалистов российских бизнес-организаций // Мир России. 2023. Т. 32. № 1. С. 6–36.
4. Галяпина В.Н., Лепшокова З.Х., Аполлонов И.А. Роль ценностей в психологическом благополучии жителей разных регионов России // Population and Economics. 2025. Т. 9. № 1. С. 25–44.
5. Гришина А.В., Прудник А.Н. Уровень удовлетворённости брачно-семейными отношениями во взаимосвязи со спецификой ценностно-смысловой сферы супружеских пар // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2022. Т. 5. № 2.
6. Здравомыслов А.Г. Ценностные ориентации // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 732.
7. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворённости жизнью // Общество и политика / под ред. В.Ю. Большаковой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 476–510.
8. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
9. Мельникова Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. 57 с.
10. Мельникова Н.Н. Феноменология удовлетворённости жизнью и трёхфакторная структура опросника УДЖ // Современная психодиагностика России / под ред. Н.А. Батурина. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2015. Т. 1. С. 212–222.
11. Морева Ю.Е. Субъективное благополучие и ценности как предикторы протестного участия в регионах России // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 3. С. 69–78.
12. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ): руководство. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика»,

1991. 19 с.
13. Смолева Е.О. Счастье и деньги: материальные аспекты субъективного благополучия // Проблемы территориального развития. 2020. № 3 (107). С. 144–166.
14. Bilsky W., Schwartz S.H. Values and personality // European Journal of Personality. 1994. Vol. 8. P. 163–181.
15. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. № 2. P. 276–302.
16. Kislev E. Happiness, post-materialist values, and the unmarried // Journal of Happiness Studies. 2018. Vol. 19. № 8. P. 2243–2265.
17. Kruczek A., Janicka M. Being or having? – Young adults' life orientations and their satisfaction with life // Psychiatria i Psychologia Kliniczna. 2019. Vol. 19. № 2. P. 158–164.
18. Messner W. Being happy: the role of personal value priorities in subjective well-being across European countries // International Journal of Cross Cultural Management. 2023. Vol. 23. № 2. P. 389–421.
19. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and subjective well-being: direct relations and congruence effects // European Journal of Social Psychology. 2000. Vol. 30. № 2. P. 177–198.

Life Satisfaction and Dominant Value Orientations in Married and Unmarried Individuals

Ekaterina A. Perepelitsyna

Bachelor's Degree Student,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: katya_perepelitsyna@mail.ru

Abstract

The results of studying life satisfaction and dominant value orientations in adults with different marital status are presented. The relevance is determined by the lack of comprehensive works on the relationship between subjective well-being and the value sphere with regard to marital status. The objective is to compare the level and nature of the interrelations between life satisfaction and terminal values in married and unmarried individuals. Sample: 116 people aged 28–60 from Moscow, Tver, and Volgograd. Methods: I.G. Senin's Terminal Values Questionnaire (OTeTs), N.N. Mel'nikova's Life Satisfaction Questionnaire (UDZh), Mann–Whitney U test, Spearman correlation. Unmarried individuals demonstrate significantly higher life satisfaction with greater anxiety about the future. The scientific novelty lies in the discovery of different patterns of correlations: in married individuals – with social-status values, in unmarried individuals – with personal-meaning values. The results are applicable in psychological counseling and family therapy.

For citation

Perepelitsyna E.A. (2026) Udovletvorennost' zhizn'yu i dominiruyushchie tsennostnye orientatsii u lits, sostoyashchikh i ne sostoyashchikh v brake [Life Satisfaction and Dominant Value Orientations in Married and Unmarried Individuals]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 126-133. DOI: 10.34670/AR.2026.85.92.011

Keywords

Life satisfaction, subjective well-being, value orientations, terminal values, marital status, adults, personality psychology, social psychology.

References

1. Ananyev, B. G. (2010). Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an object of cognition] (3rd ed.). Piter.
2. Argyle, M. (2003). Psikhologiya schast'ya [The psychology of happiness] (2nd ed.). Piter.
3. Balabanova, E. S. (2023). Tsennosti i resursy kak faktory sotsial'nogo blagopoluchiya spetsialistov rossiyskikh biznes-organizatsiy [Values and resources as factors of social well-being of specialists in Russian business organizations]. Mir Rossii [Universe of Russia], *32*(1), 6–36.
4. Bilsky, W., & Schwartz, S. H. (1994). Values and personality. European Journal of Personality, 8, 163–181.
5. Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., & Smith, H. L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. Psychological Bulletin, 125(2), 276–302.
6. Galyapina, V. N., Lepshokova, Z. Kh., & Apollonov, I. A. (2025). Rol' tsennostey v psikhologicheskom blagopoluchii zhiteley raznykh regionov Rossii [The role of values in the psychological well-being of residents of different regions of Russia]. Population and Economics, 9(1), 25–44.
7. Grishina, A. V., & Prudnik, A. N. (2022). Uroven' udovletvorennosti brachno-semeynymi otnosheniyami vo vzaimosvyazi so spetsifikoy tsennostno-smyslovoy sfery supruzheskikh par [The level of satisfaction with marital and family relations in connection with the specifics of the value-semantic sphere of married couples]. Innovatsionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya [Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology], *5*(2).
8. Kislev, E. (2018). Happiness, post-materialist values, and the unmarried. Journal of Happiness Studies, 19(8), 2243–2265.
9. Kruczek, A., & Janicka, M. (2019). Being or having? – Young adults' life orientations and their satisfaction with life. Psychiatria i Psychologia Kliniczna, 19(2), 158–164.
10. Kulikov, L. V. (2000). Determinanty udovletvorennosti zhizn'yu [Determinants of life satisfaction]. In V. Yu. Bolshakova (Ed.), Obshchestvo i politika [Society and politics] (pp. 476–510). St. Petersburg University Press.
11. Leontiev, D. A. (1996). Tsennost' kak mezhdistsiplinarnoye ponyatiye: opyt mnogomernoy rekonstruktsii [Value as an interdisciplinary concept: An experience of multidimensional reconstruction]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], *4*, 15–26.
12. Melnikova, N. N. (2004). Diagnostika sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti [Diagnostics of the socio-psychological adaptation of personality]. SUSU Press.
13. Melnikova, N. N. (2015). Fenomenologiya udovletvorennosti zhizn'yu i tryokhfaktornaya struktura oprosnika UDZH [The phenomenology of life satisfaction and the three-factor structure of the LS questionnaire]. In N. A. Baturin (Ed.), Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii [Modern psychodiagnostics of Russia] (Vol. 1, pp. 212–222). SUSU Press.
14. Messner, W. (2023). Being happy: The role of personal value priorities in subjective well-being across European countries. International Journal of Cross Cultural Management, 23(2), 389–421.
15. Moreva, Yu. E. (2024). Sub"yektivnoye blagopoluchiye i tsennosti kak prediktory protestnogo uchastiya v regionakh Rossii [Subjective well-being and values as predictors of protest participation in Russian regions]. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science], *18*(3), 69–78.
16. Sagiv, L., & Schwartz, S. H. (2000). Value priorities and subjective well-being: Direct relations and congruence effects. European Journal of Social Psychology, 30(2), 177–198.
17. Senin, I. G. (1991). Oprosnik terminal'nykh tsennostey (OTeTs) [The Terminal Values Questionnaire (TVQ)]. Psychodiagnostika.
18. Smoleva, E. O. (2020). Schast'ye i den'gi: material'nyye aspekty sub"yektivnogo blagopoluchiya [Happiness and money: Material aspects of subjective well-being]. Problemy territorial'nogo razvitiya [Problems of Territorial Development], *3*(107), 144–166.
19. Zdravomyslov, A. G. (1989). Tsennostnyye oriyentatsii [Value orientations]. In Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary] (p. 732). Sovetskaya Entsiklopediya.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.34.12.012**

О психологической помощи семьям без вести пропавших воинов

Усманова Алла Владимировна

Советник 2-й категории
группы социально-психологических исследований
Управления по социальному сопровождению,
Государственный фонд поддержки участников
специальной военной операции «Защитники Отечества»,
119021, Российская Федерация, Москва, Пречистенский пер., 9А;
e-mail: a.usmanova@fzo.gov.ru

Фролова Любовь Владимировна

Начальник Управления по работе с регионами,
Государственный фонд поддержки участников
специальной военной операции «Защитники Отечества»,
119021, Российская Федерация, Москва, Пречистенский пер., 9А;
e-mail: l.frolova@fzo.gov.ru

Грохотова Светлана Дмитриевна

Советник,
Государственный фонд поддержки участников
специальной военной операции «Защитники Отечества»,
119021, Российская Федерация, Москва, Пречистенский пер., 9А;
e-mail: s.grohotova@fzo.gov.ru

Цветкова Наталья Афанасьевна

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра развития личности имени академика РАО В.С. Мухиной
Института педагогики и психологии,
Московский педагогический государственный университет,
Руководитель Психологической службы,
127051, Российская Федерация, Москва, Малый Сухаревский пер., 6;
e-mail: na.tsvetkova@mpgu.su

Аннотация

Статья посвящена проблеме психологического сопровождения семей военнослужащих, пропавших без вести в ходе боевых действий. Цель исследования: выявить закономерности психоэмоционального состояния членов семей военнослужащих, пропавших без вести, апробировать диагностические опросники и обосновать программу психологического сопровождения. Выборка: 329 родственников (124 матери, 121 жена, 84

других члена семьи) воинов, пропавших без вести в ходе боевых действий (срок неопределённости 2–18 месяцев). Результаты: 42,2% респондентов находятся в стадиях острого кризиса и истощения. Матери демонстрируют более высокий уровень дистресса (48,3% в критических стадиях), чем жёны (43,8%), однако жёны в возрасте 20–30 лет имеют наименьшую уверенность в будущем (41,1% со сниженными показателями). Возраст матерей не влияет на тяжесть переживаемого ими состояния. Разработанные авторские опросники («Оценка психоэмоционального состояния при пропаже близкого человека» и «Уровень уверенности в будущем») показали хорошую внутреннюю согласованность (α Кронбаха 0,89 и 0,84 соответственно). Практическое применение: опросники рекомендованы для скрининга и мониторинга состояния. Предложена этапная модель психологической помощи, интегрирующая травма-ориентированную, когнитивно-поведенческую, экзистенциальную и системную семейную терапию. Обоснована необходимость междисциплинарного подхода (психолог, юрист, социальный работник) для предотвращения клинически значимых расстройств у семей без вести пропавших воинов.

Для цитирования в научных исследованиях

Усманова А.В., Фролова Л.В., Грохотова С.Д., Цветкова Н.А. О психологической помощи семьям без вести пропавших воинов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 134-147. DOI: 10.34670/AR.2026.34.12.012

Ключевые слова

Амбивалентная потеря, без вести пропавшие военнослужащие, семьи воинов, психоэмоциональное состояние, уверенность в будущем, травма неопределённости, психологическое сопровождение, посттравматический стресс, диагностика, совладающее поведение, кризисная интервенция.

Введение

Исчезновение участника боевых действий без вести — одна из наиболее тяжёлых форм психотравмирующей ситуации, с которой может столкнуться семья [Саванин, 2022]. В отличие от подтверждённой гибели, где общество предоставляет ритуалы прощания и легитимизирует горе, статус «пропавший без вести» порождает хроническую неопределённость, в которой надежда и отчаяние сосуществуют годами. По данным Международного Комитета Красного Креста, за последние десятилетия в результате вооружённых конфликтов по всему миру десятки тысяч человек числятся пропавшими без вести, и за каждой такой судьбой стоит семья, находящаяся в состоянии затяжного кризиса [International Committee of the Red Cross, 2020].

В научной литературе данный тип переживаний концептуализирован П. Босс как «амбивалентная потеря» (ambiguous loss) — утрата, при которой близкий человек физически отсутствует, но психологически остаётся присутствующим, что блокирует естественное течение горя и фиксирует членов семьи в «замороженном» процессе скорби [Boss, 1999; Boss, 2006]. Позднее эта концепция была расширена и дополнена исследованиями травматического стресса: было показано, что амбивалентная потеря может приводить к симптомам посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессивным состояниям, соматизации и

экзистенциальному кризису [Shear et al., 2011].

Отечественные исследования, посвящённые проблемам семей пропавших без вести военнослужащих, долгое время оставались единичными и фокусировались преимущественно на социально-правовых аспектах. В последние годы интерес к психологической составляющей данной проблемы растёт: появляются работы, рассматривающие специфику переживания неопределённости у матерей и жён, а также методы оказания им помощи [Тарабрина, 2009; Соколова, Чечельницкая, 2019; Кекелидзе, Макушкина, 2022]. Тем не менее, остро ощущается дефицит валидного диагностического инструментария, позволяющего быстро оценить состояние родственников и выработать адресную стратегию вмешательства.

Целью настоящего исследования стало: 1) выявить общие закономерности и специфические особенности психоэмоционального состояния членов семей воинов, пропавших без вести (далее — БВП); 2) на основе теоретического анализа создать и апробировать компактные психодиагностические опросники для оценки состояния и уровня уверенности в будущем; 3) обосновать методологию и этапность психологического сопровождения данных семей.

Материалы и методы

Дизайн исследования. Исследование носило эмпирический характер с элементами психометрической разработки инструментария. Проводилось психодиагностическое обследование родственников военнослужащих, имеющих статус пропавших без вести в ходе боевых действий на территории проведения специальной военной операции. Сбор данных осуществлялся в период 2024–2025 гг. на базе филиалов Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества».

Выборка. Общий объём выборки составил 329 человек. Распределение по ролевой позиции: матери БВП — 124 человека (37,7%), жёны БВП — 121 человек (36,8%), другие родственники (отцы, сёстры, братья, взрослые дети) — 84 человека (25,5%). Возраст респондентов варьировал от 20 до 72 лет (средний возраст матерей 54,3 ± 8,7 лет; жён — 34,6 ± 9,2 года; прочих родственников — 41,2 ± 12,4 года). Срок с момента получения известия о пропаже без вести составлял от 2 до 18 месяцев. Все участники дали информированное согласие на участие в исследовании.

Инструментарий. Использовались два авторских опросника, разработанных на основе теоретической концепции амбивалентной потери и клинических наблюдений.

Тест оценки психоэмоционального состояния при пропаже близкого человека (далее — Опросник 1). Включает 21 вопрос; вопросы сгруппированы в три шкалы, отражающие когнитивные, эмоциональные и поведенческие проявления стресса (навязчивые мысли о пропавшем, качество сна, аппетит, чувство вины, раздражительность, способность к положительным эмоциям и т.д.). Каждый вопрос имеет три градации ответа (а, б, в), оцениваемые соответственно в 1, 2 и 3 балла. Суммарный балл варьирует от 21 до 63. По результатам пилотного исследования внутренняя согласованность шкалы (α Кронбаха) составила 0,89. На основе квартильного анализа определены три интервала: 21–35 баллов — стадия мобилизации и относительной адаптации; 36–50 баллов — стадия истощения и высокого стресса; 51–63 балла — стадия острого кризиса и риска.

Опросник 1. Тест на оценку психоэмоционального состояния при пропаже близкого человека

Инструкция: Уважаемый участник опроса! В ответах на приведенные вопросы отметьте,

пожалуйста, вариант ответа, наиболее точно описывающий ваше состояние *в течение последних двух недель*. После подведения итогов опросника, вы можете обсудить их со специалистом-психологом.

Вопросы опросника

1. Как часто вас посещают навязчивые мысли о пропавшем человеке?

а) Редко или никогда, могу переключиться на другие дела.

б) Иногда, особенно в тишине или перед сном.

в) Постоянно, это мешает сосредоточиться на повседневных задачах.

2. Как вы оцениваете качество своего сна?

а) В основном сплю нормально, проблемы со сном редки.

б) Часто трудно заснуть или просыпаюсь среди ночи.

в) Практически каждую ночь мучает бессонница или кошмары, связанные с пропажей.

3. Как вы относитесь к информации, которая может быть связана с поисками?

а) Стараюсь анализировать её спокойно и рационально.

б) Любая новость вызывает сильный всплеск эмоций (надежду или отчаяние).

в) Нахожусь в постоянном напряжении, проверяю все возможные источники информации, не могу остановиться.

4. Как изменился ваш аппетит?

а) Практически не изменился.

б) Аппетит нестабилен: иногда пропадает, иногда ем больше обычного.

в) Аппетит сильно снизился или исчез, приходится заставлять себя есть / постоянно «заедаю» тревогу.

5. Чувствуете ли вы вину в связи с произошедшим?

а) Нет чувства вины или оно минимально и кратковременно.

б) Иногда ловлю себя на мыслях: «А что, если бы я…».

в) Постоянно испытываю чувство вины, считаю, что мог(ла) что-то предотвратить.

6. Как вы реагируете на обычные вопросы от знакомых о семье или делах?

а) Отвечаю спокойно или нейтрально ухожу от темы.

б) Чувствую дискомфорт и напряжение, стараюсь быстро сменить тему.

в) Любое упоминание вызывает слезы, гнев или желание изолироваться.

7. Есть ли у вас сейчас ощущение смысла или цели в жизни?

а) Да, кроме этой ситуации, есть другие важные сферы жизни.

б) Смысл сузился до поисков и ожидания, остальное отошло на второй план.

в) Ощущение бессмысленности, будущее кажется пустым и беспросветным.

8. Как вы справляетесь с волнением и тревогой?

а) Использую известные мне техники (дыхание, прогулки, разговор).

б) С трудом, часто тревога накатывает волнами.

в) Практически не справляюсь, тревога постоянна и парализует.

9. Как часто вы плачете?

а) Редко или не плачу.

б) Иногда, когда эмоции переполняют.

в) Очень часто, почти каждый день, иногда без явной причины.

10. Способны ли вы испытывать положительные эмоции?

а) Да, временами могу отвлечься и порадоваться.

б) Очень редко и кратковременно, а потом чувствую вину за это.

в) Нет, внутри пустота или постоянная боль.

11. Как вы относитесь к мыслям о будущем?

а) Стараюсь строить планы, насколько это возможно.

б) Избегаю думать о будущем, оно неопределенно и пугает.

в) Будущее кажется невозможным и несуществующим без этого человека.

12. Насколько вы раздражительны?

а) Раздражительность в пределах нормы.

б) Часто срываюсь на близких из-за мелочей.

в) Постоянно нахожусь «на грани», эмоциональные срывы стали нормой.

13. Поддерживаете ли вы общение с друзьями и другими родственниками?

а) Да, стараюсь не замыкаться.

б) Общаюсь выборочно, в основном с теми, кто знает о ситуации.

в) Изолировался(ась) практически ото всех, общение в тягость.

14. Как работает ваша память и внимание?

а) В основном нормально.

б) Стал(а) более рассеян(ным/ной), бывают провалы в памяти.

в) Сильно ухудшились концентрация и память, это мешает работе и быту.

15. Как вы относитесь к действиям, которые могут дать надежду (молитвы, обращение к экстрасенсам)?

а) Практически не прибегаю к этому.

б) Иногда ловлю себя на таких мыслях или действиях для успокоения.

в) Активно ищу эзотерические «знаки», постоянно вовлечен в подобные практики, так как рациональные поиски не дают ответа.

16. Ощущаете ли вы физические симптомы (учащенное сердцебиение, давление в груди, ком в горле, мышечное напряжение)?

а) Редко или никогда.

б) Временами, особенно в моменты сильного стресса.

в) Постоянно, эти симптомы стали привычным фоном.

17. Есть ли у вас силы на повседневные дела (работа, дом)?

а) В основном, да.

б) Делаю всё через силу, требуется большое напряжение.

в) Практически не могу себя заставить, всё валится из рук.

18. Как вы воспринимаете время?

а) Время течет относительно нормально.

б) Ощущение, что жизнь «застыла» с момента пропажи.

в) Дни сливаются, теряется чувство времени, настоящее кажется нереальным.

19. Как вы реагируете на счастливые семьи или упоминания о чужих находках?

а) Спокойно или с легкой грустью.

б) Остро завидую или чувствую глубокую несправедливость.

в) Испытываю приступы отчаяния, гнева или полного безразличия к чужой радости.

20. Верите ли вы в положительный исход?

а) Стараюсь сохранять надежду, но и готовлюсь к разным вариантам.

б) Надежда и отчаяние постоянно борются во мне.

в) Потерял(а) всякую надежду / надежда стала навязчивой и болезненной идеей.

21. Думаете ли вы о том, чтобы обратиться за профессиональной психологической

помощью?

а) Пока не вижу в этом острой необходимости.

б) Думаю об этом, но не решаюсь или не знаю, как это сделать.

в) Понимаю, что не справляюсь самостоятельно, и помощь необходима.

Опросник изучения уровня уверенности в будущем (далее — Опросник 2). Состоит из 21 вопроса с дихотомической шкалой ответов (а — 0 баллов, б — 1 балл). Пункты направлены на оценку временной перспективы, способности строить планы, восприятия контролируемости жизни, эмоционального прогноза. Суммарный балл (0–21) разделён на три диапазона: 0–7 баллов — крайне низкая уверенность в будущем; 8–14 баллов — сниженная уверенность; 15–21 балл — относительная сохранность уверенности. Внутренняя согласованность шкалы (α Кронбаха) равна 0,84.

Опросник 2. Изучение уровня уверенности в будущем

Инструкция: Уважаемый участник тестирования! Пожалуйста, ответьте на каждый вопрос, выбрав тот вариант, который наиболее точно отражает ваши мысли, чувства и поведение в последнее время. Отвечайте, пожалуйста, искренне; здесь нет правильных или неправильных ответов.

Вопросы опросника

1) Когда вы думаете о завтрашнем дне, что вы чаще чувствуете?

а) Тревогу

б) Принятие ситуации и желание жить дальше

2) Верите ли вы, что ситуация может разрешиться положительно?

а) Практически нет такой надежды

б) Да, я допускаю такую возможность

3) Как часто вы строите планы на будущее (на неделю, месяц, год)?

а) Практически никогда, это кажется бессмысленным

б) Периодически пытаюсь планировать

4) Когда вы слышите новости о боевых действиях, какова ваша реакция?

а) Ощущение полной беспомощности и отчаяния

б) Тревога, но я стараюсь сохранять самообладание

5) Можете ли вы представить свою жизнь через год?

а) Нет, будущее представляется как "туман" или "пустота"

б) Да, хотя и с некоторой неопределенностью

6) Как вы относитесь к разговорам о долгосрочных целях (покупка жилья, образование детей, карьера)?

а) Они вызывают раздражение или кажутся неуместными

б) Я стараюсь в них участвовать, хотя это непросто

7) Чувствуете ли вы, что контролируете хоть какую-то часть своей жизни?

а) Нет, все кажется вне моего контроля

б) Да, в некоторых бытовых вопросах

8) Как вы относитесь к помощи психолога или групп поддержки?

а) Считаю это бесполезным в моей ситуации

б) Допускаю, что это может помочь

9) Когда вы просыпаетесь утром, есть ли у вас хотя бы одна причина встать с постели?

а) Часто нет, делаю это механически

б) Да, есть обязанности или небольшие цели

10) Верите ли вы, что сможете пережить этот период и сохранить себя?
а) Сомневаюсь в своих силах
б) Да, я сильнее, чем кажется
11) Как часто вы думаете о том, что будет после получения любой информации о пропавшем?
а) Почти никогда, не могу заглядывать так далеко
б) Иногда задумываюсь об этом
12) Способны ли вы испытывать положительные эмоции хотя бы изредка?
а) Практически нет
б) Да, кратковременно
13) Поддерживаете ли вы отношения с друзьями и знакомыми?
а) Почти полностью прекратил(а) общение
б) Стараюсь поддерживать, хотя это требует усилий
14) Заботитесь ли вы о своем физическом здоровье (питание, сон, врач)?
а) Нет, мне это неважно сейчас
б) Стараюсь, хотя не всегда получается
15) Чувствуете ли вы, что время "остановилось" с момента исчезновения родственника?
а) Да, жизнь разделилась на "до" и "после"
б) Нет, время продолжает идти, хоть и по-другому
16) Можете ли вы представить, что когда-нибудь снова будете чувствовать себя счастливым?
а) Нет, это невозможно
б) Теоретически да, хотя сейчас это трудно представить
17) Строите ли вы долгосрочные планы для себя или семьи?
а) Нет, это кажется неуместным или невозможным
б) Да, я создаю планы относительно своей жизни и жизни нашей семьи
18) Чувствуете ли вы внутренние ресурсы для продолжения жизни?
а) Я чувствую, что почти полностью истощен(а)
б) Я чувствую, что у меня есть некоторый запас сил
19) Как вы относитесь к мыслям о том, что жизнь продолжается независимо от исхода поисков?
а) С чувством вины или отрицания
б) С грустью, но с пониманием
20) Есть ли у вас четкое расписание на каждый день с указанием тех действий, которые структурируют ваш день и обязательны для выполнения?
а) Нет, дни проходят совершенно не структурированно, в моей жизни много хаоса
б) Да, стараюсь придерживаться распорядка
21) Верите ли вы, что ваше психологическое состояние может улучшиться даже без изменения ситуации с поисками?
а) Нет, только достоверная информация может что-то изменить
б) Да, возможно научиться жить с этой неопределенностью

Дополнительно фиксировались социально-демографические переменные: возраст, ролевой статус, длительность неопределённости, наличие несовершеннолетних детей, обращение за психологической помощью ранее.

Процедура. Тестирование проводилось индивидуально либо в малых группах в

присутствии психолога-консультанта, который при необходимости мог оказать поддержку при возникновении сильных эмоциональных реакций. Среднее время заполнения двух опросников составило 25–30 минут.

Статистическая обработка. Данные обрабатывались с помощью пакета SPSS 26.0. Применялись методы описательной статистики, критерий χ^2 Пирсона для сравнения распределений по подгруппам, t-критерий Стьюдента для независимых выборок и однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с апостериорными сравнениями по Тьюки. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты

Психоэмоциональное состояние. Распределение респондентов по стадиям Опросника 1 в целом по выборке и в разрезе ключевых подгрупп представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение респондентов - родственников БВП по стадиям психоэмоционального состояния (%)

Стадия / Категория	Все респонденты (n = 329)	Матери (n = 124)	Жёны (n = 121)	Другие родственники (n= 84)
Острый кризис и риск (51–63 балла)	4,0	4,8	3,3	3,6
Истощение и высокий стресс (36–50 баллов)	38,2	43,5	40,5	27,4
Мобилизация и адаптация (21–35 баллов)	57,8	51,6	56,2	69,0

Из таблицы 1 видно, что в целом почти половина выборки (42,2%) демонстрирует признаки выраженного дистресса, нуждаясь в профессиональном вмешательстве. Среди матерей доля лиц, находящихся в стадии истощения и острого кризиса, достигает 48,3%, что статистически значимо выше, чем в подгруппе прочих родственников ($\chi^2 = 6,41$; $p = 0,04$). У жён этот показатель составляет 43,8% и также превышает уровень группы «другие родственники», однако различия с матерями не достигают уровня статистической значимости ($p = 0,28$).

Анализ возрастных особенностей показал, что у матерей распределение по стадиям не имеет достоверной связи с возрастом ($\chi^2 = 2,13$; $p = 0,71$). У жён выявлена значимая возрастная динамика: состояние ухудшается в возрасте старше 30 лет, где доля лиц со стадией истощения и острого кризиса возрастает до 52,4% по сравнению с 33,8% в группе 20–30 лет ($\chi^2 = 8,29$; $p = 0,016$).

Уверенность в будущем. Результаты Опросника 2 представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение уровней уверенности в будущем у родственников БВП (%)

Уровень уверенности / Категория	Все (n = 329)	Матери (n = 124)	Жёны (n = 121)	Другие родственники (n = 84)
Крайне низкая (0–7 баллов)	5,0	7,0	3,0	4,7
Сниженная (8–14 баллов)	28,3	33,0	30,5	19,0
Относительная сохранность (15–21 балл)	66,5	59,7	66,1	76,3

Суммарно 33,2% опрошенных имеют ту или иную степень нарушения временной перспективы и уверенности в завтрашнем дне. Наибольшая доля лиц с крайне низкой и

сниженной уверенностью зафиксирована среди матерей (40,0%), что достоверно выше, чем в группе «другие родственники» (23,7%) ($\chi^2 = 5,94$; $p = 0,015$). Жёны занимают промежуточное положение (33,5%), значимо не отличаясь от матерей ($p = 0,18$).

Возрастной анализ вновь выявил отсутствие зависимости у матерей ($p = 0,65$). У жён обнаружена U-образная кривая: минимальная уверенность в будущем характерна для возрастной группы 20–30 лет (доля лиц со сниженной и крайне низкой уверенностью 41,1%), максимальная — для группы 41–50 лет (23,5%). Различия значимы при сравнении крайних групп ($p = 0,038$).

Сравнительный анализ матерей и жён по интегральным показателям. Средний балл Опросника 1 у матерей составил $37,8 \pm 9,4$, у жён — $35,2 \pm 8,7$ ($t = 2,24$; $p = 0,026$). Средний балл Опросника 2 у матерей — $13,1 \pm 4,8$, у жён — $14,3 \pm 4,5$ ($t = 2,01$; $p = 0,045$). Таким образом, несмотря на большую долю матерей в зоне острого стресса по Опроснику 1, жёны демонстрируют более низкие показатели уверенности в будущем в младших возрастных когортах, что указывает на различную структуру психологических трудностей.

Психотерапевтический потенциал опросников. В процессе заполнения опросников 76% участников отметили, что предложенные вопросы побудили их к рефлексии своего состояния и помогли сформулировать запрос к психологу. В 12% случаев заполнение опросников спровоцировало выраженные эмоциональные реакции (слёзы, тревога), которые были оперативно отработаны дежурным психологом. Этот факт подтверждает не только диагностическую, но и терапевтическую ценность предложенного инструментария.

Обсуждение результатов

Проведённое исследование подтверждает, что родственники военнослужащих, пропавших без вести, находятся в зоне высокого риска по развитию психической дезадаптации. Доля лиц, нуждающихся в профессиональной психологической помощи (стадии истощения и острого кризиса по Опроснику 1), составила 42,2%, что согласуется с данными зарубежных авторов, сообщающих о распространённости клинически значимых симптомов тревоги и депрессии у 40–50% членов семей пропавших без вести [Powell et al., 2010].

Выявленная специфика ролевых позиций — более высокий уровень дистресса у матерей при одновременно более низкой уверенности в будущем у молодых жён — может быть объяснена с позиций теории амбивалентной потери и ролевого функционирования. Для матери пропавшего воина его исчезновение часто переживается как крушение базовой родительской миссии защиты, что порождает интенсивное чувство вины и беспомощности [Heeke et al., 2019; Белкина, Ершова, 2025].

В то же время молодая жена, особенно при наличии несовершеннолетних детей, оказывается перед необходимостью быстро принимать решения о будущем семьи в условиях полной неопределённости супружеского статуса, что подрывает временную перспективу и уверенность в завтрашнем дне. Парадоксальный рост уверенности в будущем у жён старше 40 лет может отражать накопление опыта совладания с жизненными кризисами и большую экономическую и социальную независимость, а также, возможно, смещение фокуса с супружеских отношений на заботу о выросших детях.

Отсутствие возрастных различий у матерей, напротив, свидетельствует о том, что материнское горе при амбивалентной потере является «вневозрастным» феноменом, в меньшей степени зависящим от этапа жизненного цикла женщины. Это согласуется с концепцией

«вечной связи» (continuing bonds) в теории горя, где родительская привязанность сохраняется независимо от возраста родителя [Klass et al., 1996].

Полученные данные имеют прямое практическое значение. Разработанные опросники позволяют быстро провести скрининг состояния и определить мишени психотерапевтической работы. Так, для лиц в стадии острого кризиса (4–5% выборки) показана незамедлительная кризисная интервенция и, при необходимости, фармакологическая поддержка. Для преобладающей группы «истощения и высокого стресса» (38%) рекомендуется курс травма-ориентированной терапии с акцентом на развитие толерантности к неопределённости и переработку травматических воспоминаний, например, методами EMDR [Shapiro, 2018; Казенная, 2023; Лысенко, Филь, 2024] или когнитивно-поведенческой терапии травмы. Для группы мобилизации (58%) достаточными могут быть психо-образовательные программы, группы поддержки и обучение техникам саморегуляции.

Методология сопровождения, обобщённая в нашем исследовании, базируется на интеграции нескольких доказательных подходов. Прежде всего, это модель П. Босс, включающая нормализацию амбивалентности, укрепление семейной устойчивости, переопределение идентичности и поиск новых смыслов. Семейная системная терапия необходима для восстановления баланса в семейной системе, перераспределения ролей и улучшения коммуникации. Экзистенциальная терапия востребована в связи с высоким риском утраты смысла жизни и духовного кризиса у членов семей БВП. Арт-терапевтические и игровые методы особенно эффективны при работе с детьми, позволяя им в символической форме выразить страх, гнев и печаль.

Междисциплинарный аспект помощи остаётся критически важным. Психолог, работающий с данной категорией, должен быть осведомлён в юридических вопросах (процедура признания без вести пропавшим, получение выплат), чтобы информировать семью и снижать вторичный стресс, вызванный бюрократическими препятствиями. В этой связи перспективной видится модель «единого окна», где семья одновременно получает психологическую, юридическую и социальную поддержку.

Настоящая работа имеет ряд ограничений. Во-первых, выборка не является полностью репрезентативной для всей популяции семей БВП, так как формировалась на основе обратившихся за помощью, что может завышать показатели дистресса. Во-вторых, использовались авторские опросники, для которых на данный момент получены лишь первичные психометрические характеристики; требуется дальнейшая валидизация с привлечением внешних критериев (клиническое интервью, стандартизированные шкалы депрессии и тревоги). В-третьих, лонгитюдный дизайн отсутствует, что не позволяет судить о динамике состояния во времени и эффективности конкретных интервенций.

Выводы

Выполненное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

– Психологическое состояние семей без вести пропавших воинов характеризуется высокой долей лиц с выраженным дистрессом: около 42% опрошенных находятся в стадиях острого кризиса и истощения, что требует обязательного включения психологической помощи в систему мер поддержки.

– Разработанные краткие скрининговые опросники («Оценка психоэмоционального состояния при пропаже близкого человека» и «Уровень уверенности в будущем»)

продемонстрировали удовлетворительные психометрические показатели и могут быть рекомендованы для первичной диагностики и мониторинга состояния.

– Выявлена ролевая и возрастная специфика переживаний: матери в большей степени подвержены глобальному дистрессу, не зависящему от возраста; жёны, особенно в возрасте до 30 лет, уязвимы в аспекте временной перспективы и уверенности в будущем, что диктует необходимость дифференцированных программ сопровождения.

– Теоретически обоснованная модель психологического сопровождения включает в себя этапность (от кризисной интервенции до поддерживающей терапии), интеграцию методов работы с амбивалентной потерей, травмой и семейной системой, а также обязательное межведомственное взаимодействие.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением лонгитюдных наблюдений для оценки отсроченных последствий амбивалентной потери и эффективности различных терапевтических протоколов, а также с адаптацией и валидизацией опросников на более широких и разнокультурных выборках. Отдельного внимания заслуживает изучение детской и подростковой подвыборок, реакции которых на исчезновение отца или брата могут существенно отличаться от взрослых моделей реагирования. Решение этих задач позволит выстроить научно обоснованную систему психологической помощи, отвечающую масштабу и глубине проблемы.

Библиография

1. Белкина Т.О., Ершова О.А. Актуальные проблемы и сложности семей воинов, пропавших без вести, с точки зрения юридического и психологического сопровождения // Медицинская антропология и биоэтика. 2025. Препринт.
2. Казенная Е.В. Современное состояние исследований эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (EMDR) при посттравматическом стрессовом расстройстве // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 3 (121). С. 69–90.
3. Кекелидзе З.И., Макушкина О.А. Медико-психологическое сопровождение родственников лиц, пропавших без вести в ходе боевых действий: метод. рекомендации. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2022. 34 с.
4. Лысенко Т.А., Филь Т.А. Обоснование необходимости валидизации метода EMDR с учетом российского менталитета // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 8 (146).
5. Саванин И.А. Оказание психологической помощи родственникам погибших военнослужащих // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 7–8 апреля 2022 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 92–94.
6. Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология утраты: клинико-психологические аспекты // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 45–56.
7. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика: монография. М.: Институт психологии РАН, 2009. 304 с.
8. Boss P. Ambiguous loss: learning to live with unresolved grief. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. 176 p.
9. Boss P. Loss, trauma, and resilience: therapeutic work with ambiguous loss. New York: W.W. Norton, 2006. 288 p.
10. Heeke C., Kampisiou C., Niemeyer H., Knaevelsrud C. A systematic review and meta-analysis of correlates of prolonged grief disorder in adults exposed to violent loss // European Journal of Psychotraumatology. 2019. Vol. 10. № 1. Art. 1583524.
11. International Committee of the Red Cross. Missing persons: a hidden tragedy. Geneva: ICRC, 2020. 48 p.
12. Klass D., Silverman P.R., Nickman S.L. Continuing bonds: new understandings of grief. Washington: Taylor & Francis, 1996. 361 p.
13. Powell S., Rosner R., Butollo W. et al. Psychological distress in relatives of missing persons: a comparative study // Journal of Traumatic Stress. 2010. Vol. 23. № 2. P. 248–255.
14. Shapiro F. Eye movement desensitization and reprocessing (EMDR) therapy: basic principles, protocols, and procedures. 3rd ed. New York: Guilford Press, 2018. 622 p.
15. Shear M.K., Simon N., Wall M. et al. Complicated grief and related bereavement issues for DSM-5 // Depression and Anxiety. 2011. Vol. 28. № 2. P. 103–117.

On Psychological Assistance to Families of Missing Soldiers

Alla V. Usmanova

2nd Category Advisor,
Group of Social and Psychological Research,
Department of Social Support,
State Fund for Support of Participants
of the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland",
119021, 9A, Prechistenskiy lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.usmanova@fzo.gov.ru

Lyubov' V. Frolova

Head of the Department for Work with Regions,
State Fund for Support of Participants
of the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland",
119021, 9A, Prechistenskiy lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: l.frolova@fzo.gov.ru

Svetlana D. Grokhotova

Advisor,
State Fund for Support of Participants
of the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland",
119021, 9A, Prechistenskiy lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: s.grohotova@fzo.gov.ru

Natal'ya A. Tsvetkova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Personality Development named
after Academician of the Russian Academy of Education V.S. Mukhina,
Institute of Pedagogy and Psychology,
Moscow Pedagogical State University,
Head of the Psychological Service,
127051, 6, Malyy Sukharevskiy lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: na.tsvetkova@mpgu.su

Abstract

The article is devoted to the problem of psychological support for families of servicemen missing in action during combat operations. The objective of the study is to identify the patterns of the psycho-emotional state of family members of servicemen missing in action, to test diagnostic questionnaires, and to substantiate a psychological support program. Sample: 329 relatives (124 mothers, 121 wives, 84 other family members) of soldiers missing in action during combat

operations (period of uncertainty 2–18 months). Results: 42.2% of respondents are in stages of acute crisis and exhaustion. Mothers demonstrate a higher level of distress (48.3% in critical stages) than wives (43.8%); however, wives aged 20–30 have the lowest confidence in the future (41.1% with reduced indicators). The age of mothers does not affect the severity of their condition. The developed author's questionnaires ("Assessment of Psycho-Emotional State in the Event of a Loved One's Disappearance" and "Level of Confidence in the Future") showed good internal consistency (Cronbach's α 0.89 and 0.84, respectively). Practical application: the questionnaires are recommended for screening and monitoring of the condition. A staged model of psychological assistance is proposed, integrating trauma-oriented, cognitive-behavioral, existential, and systemic family therapy. The necessity of an interdisciplinary approach (psychologist, lawyer, social worker) for the prevention of clinically significant disorders in families of missing soldiers is substantiated.

For citation

Usmanova A.V., Frolova L.V., Grokhotova S.D., Tsvetkova N.A. (2026) O psikhologicheskoy pomoshchi sem'yam bez vesti propavshikh voinov [On Psychological Assistance to Families of Missing Soldiers]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 134-147. DOI: 10.34670/AR.2026.34.12.012

Keywords

Ambiguous loss, missing servicemen, families of soldiers, psycho-emotional state, confidence in the future, trauma of uncertainty, psychological support, post-traumatic stress, diagnostics, coping behavior, crisis intervention.

References

1. Belkina, T. O., & Ershova, O. A. (2025). Aktual'nyye problemy i slozhnosti semey voinov, propavshikh bez vesti, s tochki zreniya yuridicheskogo i psikhologicheskogo soprovozhdeniya [Current problems and difficulties of families of missing soldiers from the perspective of legal and psychological support]. *Meditsinskaya antropologiya i bioetika* [Medical Anthropology and Bioethics]. Preprint.
2. Boss, P. (1999). *Ambiguous loss: Learning to live with unresolved grief*. Harvard University Press.
3. Boss, P. (2006). *Loss, trauma, and resilience: Therapeutic work with ambiguous loss*. W.W. Norton.
4. Heeke, C., Kampisiou, C., Niemeyer, H., & Knaevelsrud, C. (2019). A systematic review and meta-analysis of correlates of prolonged grief disorder in adults exposed to violent loss. *European Journal of Psychotraumatology, 10*(1), Article 1583524.
5. International Committee of the Red Cross. (2020). *Missing persons: A hidden tragedy*. ICRC.
6. Kazennaya, E. V. (2023). Sovremennoye sostoyaniye issledovaniy effektivnosti metoda desensibilizatsii i pererabotki dvizheniyami glaz (EMDR) pri posttravmaticheskom stressovom rasstroystve [Current state of research on the effectiveness of eye movement desensitization and reprocessing (EMDR) therapy for post-traumatic stress disorder]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], *31*(3), 69–90.
7. Kekelidze, Z. I., & Makushkina, O. A. (2022). *Mediko-psikhologicheskoye soprovozhdeniye rodstvennikov lits, propavshikh bez vesti v khode boyevykh deystviy* [Medical and psychological support for relatives of persons missing in action]. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology.
8. Klass, D., Silverman, P. R., & Nickman, S. L. (1996). *Continuing bonds: New understandings of grief*. Taylor & Francis.
9. Lysenko, T. A., & Fil, T. A. (2024). Obosnovaniye neobkhodimosti validizatsii metoda EMDR s uchetom rossiyskogo mentaliteta [Justification of the need to validate the EMDR method taking into account the Russian mentality]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], *8*(146).
10. Powell, S., Rosner, R., Butollo, W., et al. (2010). Psychological distress in relatives of missing persons: A comparative study. *Journal of Traumatic Stress, 23*(2), 248–255.
11. Savanin, I. A. (2022). Okazaniye psikhologicheskoy pomoshchi rodstvennikam pogibshikh voyennosluzhashchikh [Providing psychological assistance to families of deceased military personnel]. In *Aktual'nyye problemy ekstremal'noy*

i krizisnoy psikhologii [Current issues of extreme and crisis psychology] (pp. 92–94). Ural University Press.
12. Shapiro, F. (2018). *Eye movement desensitization and reprocessing (EMDR) therapy: Basic principles, protocols, and procedures* (3rd ed.). Guilford Press.
13. Shear, M. K., Simon, N., Wall, M., et al. (2011). Complicated grief and related bereavement issues for DSM-5. *Depression and Anxiety*, *28*(2), 103–117.
14. Sokolova, E. T., & Chechelnitskaya, E. P. (2019). Psikhologiya utraty: kliniko-psikhologicheskiye aspekty [Psychology of loss: Clinical and psychological aspects]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], *3*, 45–56.
15. Tarabrina, N. V. (2009). *Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa: teoriya i praktika* [Psychology of post-traumatic stress: Theory and practice]. Institute of Psychology RAS.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37. 015. 3 **DOI: 10.34670/AR.2026.19.79.013**

Феномен инклюзивного образования и его базовые особенности

Устова Мадина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный
аграрный университет им. В.М. Кокова,
360030, Российская Федерация, Нальчик, ул. Ленина, 1в;
e-mail: albion767@mail.ru

Батчаева Клара Хамидовна

Кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный
аграрный университет им. В.М. Кокова,
360030, Российская Федерация, Нальчик, ул. Ленина, 1в;
e-mail: albion767@mail.ru

Аннотация

В образовании на всех его стадиях и уровнях существует стереотип, что оно полноценно и всесторонне работает только с обучаемыми, имея дело с теми, кто соответствует её установленным требованиям, т.е. со стандартными студентами, способными обучаться по общей для всех программе. И в этом разрезе, естественно, из образовательного процесса выбывают студенты с особыми учебно-образовательными преференциями и потребностями, так как педагогический коллектив образовательных учреждений не имеет необходимых знаний, умений и навыков в сфере адаптивно-коррекционной и специальной педагогики для работы с такими обучаемыми. Эту двусмысленную ситуацию и перекос в образовательной системе призвано решить инклюзивное образование. Авторы считают, что следует разграничить два термина «дети с ограниченными возможностями здоровья» и «дети-инвалиды». Определение и разъяснение статуса «инвалид» в Российской Федерации устанавливается учреждениями медико-социальной экспертизы и представляет собой медицинскую и одновременно правоприменительную процедуру, поэтому статус и группа инвалидности включает юридическое и социальное значение, в силу определенных особых взаимоотношений с социумом, хотя некоторые специалисты трактуют инвалидность в качестве одной из форм социальной стратификации.

Для цитирования в научных исследованиях

Устова М.А., Батчаева К.Х. Феномен инклюзивного образования и его базовые особенности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 148-156. DOI: 10.34670/AR.2026.19.79.013

Ключевые слова

Отклонение, субъект, инвалид, инклюзивное образование, ментальные нарушения, рефлексия, педагогическая технология, ограниченные возможности здоровья, адаптивное обучение, социальная интеграция.

Введение

Традиционно разграничивают следующие фундаментальные понятия:

- отклонение или патология: любая потеря психико - физиологической или анатомической архитектуры или функции, или инфлексия от неё;

- инвалидность: ограниченность конкретного индивидуума, вытекающая из дефекта или инвалидности, которая затрудняет или лишает его возможности осуществлять функцию, считающуюся для этого субъекта нормального существования в зависимости от половозрастных, социальных и культурных факторов;

- нетрудоспособность: ограниченность конкретной личности, которая вызвана дефектом или инвалидностью.

И теперь термин «ребенок - инвалид» сменяется более щадящим «ребенок с ограниченными возможностями здоровья», т. к. это более нейтральное и корректное сочетание. Организации, состоящие в тесной связи общественными структурами инвалидов, полагают что с психолого – педагогической точки зрения вместо «слабоумный, дебил или умственно недоразвитый» уместнее сказать «ребенок с интеллектуальными нарушениями или с особыми потребностями», не заостряя внимания на его недугах; «плохослышащий/ слабослышащий» вместо «глухонемой»; «подвергшийся полиомиелитной инфекции» вместо «жертва полиомиелита»; «человек в коляске» вместо «прикованный к инвалидному креслу».

Эти понятия и определения более приемлемы, так как снижают социальную дискриминацию и разделение общества на «больных» и «здоровых», предотвращая отрицательные эмоции, сочувствие и жалость. [Алехина, 2016, с.3].

Основная часть

Феномен «инклюзивное образование» представляет собой процесс усовершенствования и модернизации все системы образования во всех его проявлениях, и особо меняет ситуацию в вопросах обучения студентов с особыми потребностями, которым обязаны предоставить их конституционной право, подразумевающее доступность образования для всех и равноправие. Адаптация к различным потребностям ЛОВЗ означает обеспечение грамотного и внимательного отношения всех заинтересованных лиц к их нуждам, интересам и потребностям. Основная цель инклюзивного образования в целом – это приложить максимум усилий для развития методологии и парадигмы, обращенной на студентов с особыми потребностями, которая признает равные права всех детей и их самоценность как индивидуальностей, несмотря ни на какие особенности и ограничения. Адаптивно - инклюзивное обучение представляет собой системный подход в выработке инновационной эластичной парадигмы к научению с целью внедрения разнообразных методик, которые позволят пополнить багаж знаний, научиться коммуницировать друг с другом, на паритетных началах и принимать друг друга толерантно.

Инициация инклюзивного образования – это поступательное движение в процессе стремления к конечной задаче, т. е. формирование здорового инкорпорированного социума, которое обеспечит всем представителям общества, вне зависимости от половой, расовой и возрастной принадлежности, этнического происхождения, склонностей, интеллекта, наличия или отсутствия расстройств, что не мешает студентам с ОВЗ в общественной жизни и быть полезным для общества.

Концепция инклюзивного образования заключается в том, что руководство колледжа

обязано создать на своей территории все необходимые условия невзирая на их ментальный, чувственный, физиологический и социальный статус на базе психолого – педагогических техник, нацеленные на потребности студентов.

Инклюзивная парадигма в образовании — это подход, при котором процесс обучения строится на усвоении необходимого минимума знаний, умений и навыков по образовательным стандартам, с соблюдением всех требований и показаний для студентов с ОВЗ. При этом в данном процессе основным субъектом адаптивного процессе является студент с ОВЗ и в образовательной системе этот термин описывает их с точки зрения и в силу ментальных, психо -физических нарушений или в силу других недостатков не в состоянии усвоить программу ординарной программы колледжа и им требуется адаптированная и специально разработанная учебная программа с учетом требований и специфики данного контингента учащихся информационно – содержательным наполнение, основанных на специальных методиках и критериях и нормах образования. Инклюзивная образовательная среда — это очень широкое и емкое понятие, которое охватывает все ступени и уровни образования, включая в себя дошкольное, учреждения среднего, профессионального и высшего образования, и ее предназначением является создание открытой, доступной и комфортной обстановки для решения учебно – профессиональных задач ЛОВЗ [Битов, 2021, с.254].

Для решения этих задач, в первую очередь, требуется имплицировать целый комплекс мероприятий для создания необходимой инфраструктуры и технического обеспечения комфортного взаимодействия педагога и студента, а также формирование на базе учебного заведения учебных курсов, нацеленных на решение возникающих проблем. Стоит обратить внимание на тот факт, что также требуются специализированные и уникальные методики, нацеленные на безболезненную адаптацию студентов с ОВЗ в учебную сферу колледжа. Вопрос с инклюзией не так прост, т.к. адаптационные задачи, связанные с интеграцией ЛОВЗ в той или иной степенью связан с актуальной на данный момент проблемой, из-за снижения рождаемости и высокой степенью смертности среди младенцев, что влечет за собой мощную нагрузку на трудоспособное населения как в плане финансово – экономической, так и психологической. Поэтому так остро стоит с привлечением молодежи с инвалидностью с целью повышения их профессионально – образовательного потенциала и использования полученных знаний, умений и навыков в дальнейшей трудовой деятельности на благо социума. Для ЛОВЗ этот процесс несет в себе и много положительных эффектов, таких как перспективы обучения в колледже, а также коммуникационные связи со своими сверстниками, овладения профессиями, все это обогащает студентов с ограниченными возможностями в сфере социального и коммуникативного опыта, который в дальнейшем поспособствует их интеграции в социально – экономические отношения.

В ГБПОУ Кабардино–Балкарский колледж «Строитель» обучается 95 студентов с особыми потребностями и лиц с ограниченными возможностями здоровья: 39 человек с нарушениями опорно – моторного аппарата, 24 человека с расстройствами зрения, 16человек слабослышащих, с расстройствами слуха или речи, 16 человек с физическими и соматическими патологиями. При этом, средне специальное образование на очной форме обучения числиться –76 обучающихся, на заочном – 19, эти студенты обучаются в соответствии со стратегической программой «Инклюзивно -доступная среда в ГБПОУ Кабардино–Балкарский колледж «Строитель» на 2019-2023гг.» и положением «Инструкция по координации и осуществления дидактико - образовательной деятельности для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья», утвержденным педагогическим советом колледжа от 30.06.2022 г., (протокол № 12). Этот документ позиционирует принцип волеизъявления и добровольности, по которому от

студента не требуется сообщать персоналу колледжа о наличии у него различных физических дисфункций, кроме того, он может потребовать создать для него специфические условия, но в праве и отказаться от них.

Во исполнение приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 09.11.2015 № 1309 « Об утверждении порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере образования, а также оказания им при этом необходимой помощи» в колледже на базе приказа директора от 23.09.2019 г. № 056-КД по которому выстраивается информирование и инструктирование сотрудников (педагогов, наставников академических групп, диспетчера общежитий), которые курируют студентов из числа инвалидов по вопросам, сопряженное с гарантией доступности средств и ресурсов, образовательные услуги, организации быта, релаксации и досуга [Зорина, 2018, с.165].

Результаты и параметры заносятся в журналы фиксации проведенного инструктажа, а государственное обеспечение и социальная помощь инвалидам реализуется в форме дотаций и выплат социальных стипендий, оказания материально – финансовой поддержки: сумма по государственной социальной стипендии достигает 2 550 рублей, повышенной государственной социальной стипендии – 9 500 рублей. В 2022- 2025 учебном году, социальные и государственные выплаты получат 76 студентов с инвалидностью и на эти цели из бюджета на нужды студентов – инвалидов выделяется 3,4 млн. рублей. Есть категория студентов с ОВЗ которые получают образование на платной основе, но они могут написать заявление на оказание материальной помощи. В 2022году сумма социального пакета в колледже «Строитель» составила 350 000рублей из средств, заработанных колледжем по внебюджетной программе. Студентам – инвалидам предоставляется специализированный транспорт в связи с тем, что у колледжа нет своего общежития, количество живущих в сельской местности студентов ограниченными возможностями составляет 40человек, остальных привозят в колледж родители.

Вопросы интеграции студентов с ОВЗ решает Центр социального развития и адаптации С целью социокультурной адаптации студентов с инвалидностью Центр социального развития Кабардино–Балкарского колледжа «Строитель», скооперировавшись с цикловой комиссией по физической культуре и спорту провели четкую градацию по вопросам занятия спортом в щадящей форме и выявили желающих для занятий различными видами спорта, адаптированными к их возможностям и медицинским показаниям. Радует тот факт, что из 76 студентов, обучающихся на очной форме изъявили желание заниматься адаптивной физкультурой 42 человека, после проведенного анкетирования учителя физической культуры отобрали список дисциплин элективных курсов: шахматы, нарды, настольный теннис, плавание, атлетизм, медицинская, адаптационно - коррегирующая гимнастика[Тамберг,2022, с.48]. Проведению фестиваля способствовали студенты – волонтеры, которые организовывали это мероприятие и сопровождали студентов, т.к. мероприятие проводится в несколько этапов на протяжении всего года.

Резюмируя итоги по активизации целевой программы «Инклюзивно -доступная среда в ГБПОУ Кабардино–Балкарский колледж «Строитель» за 2021-2025 годы» можно констатировать:

1) Все предусмотренные программой направления работы со студентами с ОВЗ «Инклюзивно -доступная среда в Кабардино–Балкарском колледже «Строитель» на 2021-2025 годы» выполнены.

2) На выполнение основных пунктов программы были ассигнованы внушительные финансовые средства в размере более 170 000рублей.

3) Психолого – консультационный центр колледжа, предоставляет посильную помощи и

сопровождение в вопросах социально-психологической адаптации студентов с инвалидностью на всех этапах и стадиях их интеграции в образовательную среду колледжа с наименьшими сложностями. Это помощь и сопровождение выражается в виде консультаций и рекомендаций наставникам и кураторам академических групп, устанавливаются и фиксируются студенты, относящиеся к группе риска, по мере необходимости со студентами с инвалидностью организуются онлайн занятия и тренинги.

4) В колледже созданы необходимые для занятий с инвалидами для получения полноценного образования наряду с получением профессионально – практических навыков при соблюдении условий, предписанных и рекомендованных Министерством образования и науки РФ, на основании следующих индикаторов: инфраструктура для маломобильных групп учащихся с нарушением зрения; с нарушением слуха, нарушением опорно-двигательного аппарата; досягаемость и доступность библиотечных материалов на любом носителе.

Проходит подготовительный этап разработки целевой программы Инклюзивно -доступная среда в Кабардино–Балкарском колледже «Строитель» на новый период времени (2023-2027 гг.), в которой отражены следующие траектории и тенденции развития: модернизирована нормативно-правовая платформа для обучения студентов с инвалидностью и ОВЗ, внесены поправки в проведение вступительных испытаний для поступающих из числа лиц с ограниченными возможностями здоровья и (или) инвалидов с учетом особенностей их психофизического развития, их психо – физиологических особенностей и состояния здоровья, запланировано приобретение учебно – методической литературы для обучающихся с нарушением зрения Кабардино – Балкарского колледжа «Строитель», запускаются мероприятия, координирующие психолого – педагогическое сопровождение обучающихся с инвалидностью, инициированы мероприятия по организации социокультурной интеграции студентов с инвалидностью. Смета затрат на осуществление программы ««Инклюзивно - доступная среда в ГБПОУ Кабардино–Балкарский колледж «Строитель» на 2023-2027» достигает суммы в 500 000 рублей. Следует признать и констатировать тот факт, что работы, проделанной колледжем в области социальной интеграции и адаптации недостаточно, т.к. по данным Министерства образования и науки РФ количество студентов с инвалидностью возрастает. С другой стороны, основная масса колледжей стимулируют концепцию обучения студентов с инвалидностью и с этой целью во многих из них сгенерированы достаточно благоприятные условия. Но вместе с тем не всегда удается создать условия для удовлетворения всех потребностей ЛОВЗ, а адаптационно – интеграционные мероприятия данной группы к условиям колледжа преимущественно носят неинтегральную тенденцию. Приоритетная задача образования состоит в усовершенствовании и становлении многообразной личности, устремленной к интеграции и реализации в современном обществе. В процессе обучения у студентов с ОВЗ закладываются мировоззренческие и целевые установки. Благодаря образованию формируются мировоззрение и цели, формируются возможности и потенциал для интеграционных процессов, что является важным для лиц с ограниченными возможностями здоровья, и в этом смысле система СПО должна адаптироваться к потребностям и жизненным идеалам и устремлениями инвалидов через масштабирование и открытость специального образования для таких лиц [Тихонова, 2019, с.59].

Практика инклюзивного образования трактуется главным образом как процесс обучения и воспитания студентов с нарушениями и ограниченными возможностями здоровья в колледжах, в частности, совместно с ровесниками в обычных, а специальных образовательных учреждениях как это было раньше. Уровень вовлеченности таких студентов в учебный процесс с образовательными целями, когда для этого созданы все необходимые условия для организации

их безопасного адаптивного процесса как в учебный процесс, так и в общественную жизнь учебного заведения на равных с остальными членами социума. Студентам с ОВЗ в образовательной организации предлагается инклюзия с различной степенью интенсивности, т.к. индикаторами такого вида обучения являются лимитированные возможности студентов: показатель детерминанты расстройства, индивидуальные ментальные и чувственно - эмоциональные характерные черты.

Включенное образование в полной мере вовлеченности в процесс обучения предписывается при очной форме обучения для следующих категорий ЛОВЗ:

- студентам с физиологическими патологиями, при условии, что их психическое, физиологическое и речевое развития конгруэнтны возрастным показателям по норме и дает им возможность сосуществовать и обучаться обоюдно со здоровыми сверстниками по учебно – дидактическим программам;

- учащимся, которые проходят обучения по интеграционным, адаптивным образовательным модулям и программам;

- слабослышащим в области коммуникативно – речевой сферы до 60 Дб без сопровождаемых девиациями в процессе развития;

- при расстройствах зрения при остроте зрения не менее 0,1 без сопроводительных девиаций в развитии;

- имеющим расстройства опорно-моторной системы и ресурсно – сохранными возможностями ментального развития;

-имеющим недостаточную степень развитость психологического и потенциально интактных возможностей интеллектуального развития;

-обучающимся с несущественной ментальной дисфункцией в фазу легкой интеллектуальной и умственной отсталости без дополнительных девиаций в развитии;

-учащимися с тяжелыми речевыми расстройствами, такими как общее недоразвитость речи, дизартрия (нарушение речи, возникающее из-за органической патологии нервной системы, характеризующееся затруднением произношения, искажением слов или отдельных звуков), ринолалия (расстройство звукопроизношения, при котором искажается тембр голоса и произношение звуков из-за нарушения работы мышц, которые контролируют носоглоточный аппарат), моторная алалия (нарушение речевого развития, при котором ребенок не может воспроизводить речь, хотя понимает обращенную к нему речь), афазия (утрата речевых функций, которая происходит из-за поражения центра речи в коре головного мозга).

Инклюзия с фрагментарной и эпизодической фазой вовлеченности предпочтительны при дистанционно – комбинированной форме обучения и в таких случаях реализуется персонализированное обучение на дому, т.к. при частичной занятости в предписаниях необходимо зафиксировать уровень вовлеченности студента с ОВЗ в аудиторно -урочную, внеаудиторную, и внеучебную деятельность; расписание и график занятий и консультаций, реабилитационно - коррекционные процедуры и мероприятия, дополнительные инструменты и специальное оснащение, необходимость в сопровождении (тьютор - наставник), срок повторного контакта и запроса к специалистам психолого – медико – педагогической комиссии (ПМПК), дополнительная поддержка специалистов за пределами колледжа [Ярская-Смирнова, 2021, с.100]. Фрагментарно – интермиттирующая вовлеченность предписывается: студентам с явно выраженными расстройствами поведения и индикаторами для индивидуальной формы домашнего обучения; студентам, привязанным территориально к колледжу с расстройствами ментальной деятельности и поведенческими нарушениями, которые восстанавливаются в медицинских или специализированных учреждениях

Заключение

Особо следует остановиться на положительных сторонах включенного или инклюзивного образования:

– Формирование в системе колледжа обязательных условий и специальной учебной атмосферы для студентов с адаптированными образовательными аффилиациями.
– Формирование динамичной и эластичной учебной среды, соответствующей особым образовательным потребностям всех категорий обучающихся данного учреждения.
– Обучение в интегрированных группах при постоянном сопровождении в части психолого – педагогической поддержки и оказания необходимой помощи экспертами и заинтересованными, профильными специалистами.
– Создание студенческого, педагогического и родительского коллективов к акцепции студентов с ОВЗ, для формирования комфортных условий обучения, для всех категорий инвалидов с разнообразными расстройствами и нарушениями, чтобы они могли учиться и развиваться также, как и все остальные обучающиеся.
– Структурирование на классы, группы и колледжа в сообществе для выработки в процессе общения и совместной деятельности навыков терпимости и толерантности, т.е. милосердия, взаимоуважения, открытости и благожелательности.

К минусам инклюзии можно отнести следующие, хотя в идеале никаких перекосов быть не должно, т.к. инклюзивное образование благоприятствует повышению и усовершенствованию внутреннего потенциала и вместе с тем нацеливает студентов из неблагоприятных и социально неприспособленных семей и уязвимых слоев общества к оздоровлению и процветанию для интеграции в социум, целью которой является намерение стать полноценным членом общества.

Принимая во внимание, тот факт, что общественно – экономические обстоятельства и уровень социального самосознания, инклюзивное образование в России носит пробный, экспериментальный характер на данном этапе. На данном этапе развития применяются три основных направления в сфере инклюзивного образования:

1.Индивидуально – персонифицированное образование выстраивается с целью обучения и воспитания студентов с дефектами речи, расстройствами слуха, зрения, опорно-моторного аппарата, ментальные расстройства, с дефектами когнитивно - психического развития в отдельных образовательных учреждениях для обучения студентов с ОВЗ.

2. Модульно – смешанное образование включает в себя конструирование обучения и воспитания студентов с функциональными ограничениями в специализированных подразделениях и классах средне-специальных учреждениях.

3. Адаптивно – интегративное обучение студентов с ограниченными возможностями здоровья осуществляется в среде колледжа в группах образовательной организации, в кооперации со студентами, у которых нет дефектов и расстройств в развитии.

По итогу, проблемы инклюзии из концептуально - идеологической платформы трансформировались в структурно – административную, практико ориентированную и экспериментально – аналитическую плоскость. При зрелой и налаженной системе специального образования, в России, образовательные интересы и потребности указанной группы обучающихся ограничивались лишь в вопросах предоставления медико-психологической и социального содействия, но в то же время данная структура лимитировала и сдерживала выпускников – инвалидов в аспекте социальной ассимиляции, интеграции и дальнейших возможностей и перспектив, приводила к дальнейшему обособлению и

отчуждению выпускников с инвалидностью. Сопровождение студента с ОВЗ – это сложный, непрерывный процесс, который продолжается на всем протяжении обучения и каждый этап этого процесса требует от наставника знаний индивидуально – личностных особенностей ученика, его преференций при получении профессии в колледже. Такие знания необходимы педагогу – наставнику для прогностических целей, решения перспективных и ситуативных самопроявлений обучаемого, комфортному вхождению в социум, выявление проблем на ранних стадиях позволит снизить уровень негатива и стресса, четко организованное сопровождение и помощь позволят ЛОВЗ найти свое достойное место в жизни и социуме.

Библиография

1. Алехина С.В. Инклюзивное образование в Российской Федерации // Инклюзивное образование: Практика, исследования, методология. 2016. № 1. С. 3–8.
2. Битов А.Л. «Особый ребенок: исследования и опыт помощи»: проблемы интеграции и социализации. М.: Правда, 2021. 254 с.
3. Зорина Е.Е. Преодоление барьеров при реализации инклюзивного образования в вузе // Образование и наука. 2018. № 5. С. 165.
4. Инклюзивное образование. Выпуск 4. Методические рекомендации по организации инклюзивного образовательного процесса в детском саду. М.: Центр «Школьная книга», 2020. 240 с.
5. Тамберг Ю.Г. Развитие творческого мышления ребёнка. СПб.: Речь, 2022.
6. Тихонова С.А. Организационно-экономический механизм реализации права на образование детей с ограниченными возможностями здоровья // Альманах «Наука. Инновации. Образование». 2019. Вып. 10. С. 59–65.
7. Ярская-Смирнова Е.Р., Лошакова И.И. Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 100–106.

The Phenomenon of Inclusive Education and Its Basic Features

Madina A. Ustova

PhD in Philology, Associate Professor,
Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov,
360030, 1v, Lenina str., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: albion767@mail.ru

Klara Kh. Batchaeva

PhD in Philology, Associate Professor,
Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov,
360030, 1v, Lenina str., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: albion767@mail.ru

Abstract

In education at all its stages and levels, there is a stereotype that it works fully and comprehensively only with learners who meet its established requirements, i.e., with standard students capable of studying according to a program common to all. In this context, naturally, students with special educational preferences and needs drop out of the educational process, since the teaching staff of educational institutions lacks the necessary knowledge, skills, and abilities in

the field of adaptive-correctional and special pedagogy to work with such learners. Inclusive education is designed to resolve this ambiguous situation and imbalance in the educational system. The authors believe that two terms should be distinguished: "children with disabilities" and "disabled children". The definition and clarification of the status of "disabled person" in the Russian Federation is established by institutions of medical and social expertise and represents a medical and, at the same time, law enforcement procedure; therefore, the status and group of disability includes legal and social significance, due to certain special relationships with society, although some specialists interpret disability as one of the forms of social stratification.

For citation

Ustova M.A., Batchaeva K.Kh. (2026) Fenomen inklyuzivnogo obrazovaniya i ego bazovye osobennosti [The Phenomenon of Inclusive Education and Its Basic Features]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 148-156. DOI: 10.34670/AR.2026.19.79.013

Keywords

Deviation, subject, disabled person, inclusive education, mental disorders, reflection, pedagogical technology, disabilities, adaptive learning, social integration.

References

1. Alekhina, S. V. (2016). Inklyuzivnoye obrazovaniye v Rossiyskoy Federatsii [Inclusive education in the Russian Federation]. Inklyuzivnoye obrazovaniye: Praktika, issledovaniya, metodologiya [Inclusive Education: Practice, Research, Methodology], *1*, 3–8.
2. Bitov, A. L. (2021). "Osobyy rebenok: issledovaniya i opyt pomoshchi": problemy integratsii i sotsializatsii ["Special child: Research and experience of assistance": Problems of integration and socialization]. Pravda.
3. Inclusive Education. (2020). Metodicheskiye rekomendatsii po organizatsii inklyuzivnogo obrazovatel'nogo protsessa v detskom sadu [Methodological recommendations for organizing the inclusive educational process in kindergarten] (Issue 4). School Book Center.
4. Tamberg, Yu. G. (2022). Razvitiye tvorcheskogo myshleniya rebyonka [Development of children's creative thinking]. Rech.
5. Tikhonova, S. A. (2019). Organizatsionno-ekonomicheskiy mekhanizm realizatsii prava na obrazovaniye detey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya [Organizational and economic mechanism for realizing the right to education of children with disabilities]. Al'manakh "Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye" [Almanac "Science. Innovation. Education"], *10*, 59–65.
6. Yarskaya-Smirnova, E. R., & Loshakova, I. I. (2021). Inklyuzivnoye obrazovaniye detey-invalidov [Inclusive education of children with disabilities]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Research], *5*, 100–106.
7. Zorina, E. E. (2018). Preodoleniye baryerov pri realizatsii inklyuzivnogo obrazovaniya v vuze [Overcoming barriers in the implementation of inclusive education in a university]. Obrazovaniye i nauka [Education and Science], *5*, 165.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159 **DOI: 10.34670/AR.2026.85.55.014**

Изучение отношения педагогов высшей школы к проблеме инклюзивного образования

Шаповалова Ольга Евгеньевна

Доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии,
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема,
679015, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Пионерская, 60;
e-mail: olya.shapovalova.1962@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования и развития профессиональной готовности педагогов высшей школы к реализации образовательных и социальных прав лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Данная проблема в настоящее время привлекает глубокое внимание многих исследователей. А изучение отношения преподавателей к образовательной инклюзии является одним из ее наиболее актуальных аспектов, потому что именно позитивное, сознательное отношение рассматривается в числе важнейших компонентов профессиональной готовности. В данной статье рассматриваются различные подходы к изучению и развитию профессиональной готовности педагогов к работе в условиях инклюзивного образования, приводятся результаты исследования, проведенного с участием представителей профессорско-преподавательского состава из 16 вузов Дальневосточного федерального округа. Материалы и результаты данного исследования могут быть полезны при организации инклюзивной среды в высшем образовательном учреждении.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаповалова О.Е. Изучение отношения педагогов высшей школы к проблеме инклюзивного образования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 157-164. DOI: 10.34670/AR.2026.85.55.014

Ключевые слова

Инклюзивное образование, педагоги, профессиональная готовность.

Введение

Гуманистическая парадигма утверждает личность как высшую цель и ценность отечественного образования и делает ее субъектом психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, вне зависимости от типа развития. Соответственно, лица с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью, как и все граждане России, имеют полное право на получение образования, в том числе и высшего, от которого не в последнюю очередь зависит успешность их социализации. Но реализация как образовательных, так и социальных прав и потребностей таких людей требует особых условий и адекватного психолого-педагогического сопровождения.

Вопросам, связанным с реализацией образовательных прав лиц с ОВЗ и инвалидностью, в том числе и права на получение высшего образования, посвящены исследования О.А. Денисовой и др. [Денисова, 2023], В.З. Кантора и др. [Кантор, 2020], В.Н. Поникаровой [Поникарова, 2019], Л.И. Родиной [Родина, 2019] и многих других специалистов. Эти исследования убедительно свидетельствуют о том, что реализация потребности таких людей в получении высшего образования требует серьезных организационных и управленческих решений, обеспечивающих полную трансформацию всего образовательного пространства.

Инклюзивное образование лиц с ОВЗ и инвалидностью, под которым понимается их совместное обучение со здоровыми студентами, стало сегодня одной из основных стратегий в отечественной образовательной политике. Целью этой стратегии, по мнению В.В. Рубцова и др., является воспитание высоконравственной, активной и социально ответственной личности. А создание условий, для обучения особых студентов, сегодня является обязательным практически для всех вузов [Рубцов, 2023].

Как отмечает О.М. Луговая, инклюзивное образование обеспечивает условия для развития востребованных в современном социуме навыков и компетенций, способствует успешной интеграции в общество и снижению риска развития у лиц с ОВЗ и инвалидностью таких негативных черт личности, как потребительское отношение к окружающим, иждивенческая позиция, эгоизм и др. [Луговая, 2022].

Среди ряда фундаментальных факторов, определяющих успешность реализации потребности лиц с ОВЗ и инвалидностью в получении высшего образования, особо подчеркивается профессиональная готовность всех сотрудников вузов к инклюзивной практике. И в первую очередь это касается преподавателей. Изучению их готовности к работе в условиях инклюзивного образования, включающей целый комплекс взаимосвязанных характеристик, исследователи уделяют наиболее глубокое внимание.

В.Н. Поникарова считает, что основу профессиональной готовности к реализации инклюзивных практик отражает наличие у преподавателя ряда интеллектуальных, мотивационных и эмоционально-волевых качеств личности [Поникарова, 2019].

Д.В. Афанасьев и др. также рассматривают готовность к профессиональной деятельности в условиях инклюзивного образования как личностное новообразование, предполагающее иерархичности отдельных компонентов и поддающееся целенаправленному изменению [Афанасьев, 2019].

В.З. Кантор и др. особое значение придают профессионально-педагогической культуре научно-педагогических работников, которая включает методическую подготовленность и опыт инклюзивной практики, и влияет на систему их личностных и профессиональных компетенций [Кантор, 2020].

В исследовании Л.И. Родиной основу психологической готовности педагогов высшей школы к образовательной инклюзии составляют такие качества, как устойчивость в стрессовых ситуациях, способность находить оптимальные пути решения социальных и личностных проблем, потребность в саморазвитии и творчестве. При этом автор особо подчеркивает осознанное принятие инклюзивного образования, интерес преподавателя к студенту с ОВЗ, то есть правильное, адекватное отношение к проблеме, от которого во многом зависит эффективность ее решения [Родина, 2019].

В Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема также уделяется самое серьезное внимание вопросам, касающимся изучения и формирования у педагогов профессиональной готовности к работе в условиях инклюзивного образования, а также осознанного отношения к проблеме психолого-педагогического сопровождения особых студентов в образовательном процессе [Karynbaeva, 2022], [Шаповалова, 2023], [Шаповалова, 2024] и др.

Итак, данное исследование, посвященное изучению отношения педагогов высшей школы к проблеме инклюзивного образования, является актуальным и своевременным, что обусловлено необходимостью реализации права лиц с ОВЗ и инвалидностью на получение высшего образования.

Основное содержание

С целью изучения отношения педагогов высшей школы к проблемам инклюзивного образования студентов с ОВЗ нами было проведено анкетирование, в котором приняли добровольное участие 283 преподавателя, работающих по программам высшего образования из 16 вузов Дальневосточного федерального округа. В ходе обработки полученных данных использовался критерий Спирмена.

Ответы участников данного исследования на первые вопросы анкеты позволили сделать вывод о высокой профессиональной компетентности выборки испытуемых, в составе которой оказалось 167 кандидатов наук (59 %) и 18 докторов наук (6,4 %). Причем у 172 участников (60,8 %) стаж работы в вузе составляет более 15 лет и почти все они в той или иной форме работали со студентами с ОВЗ, то есть имеют определенное представление о современных инклюзивных практиках.

Поэтому мы попытались выяснить, чем инклюзивное образование студентов с ОВЗ и инвалидностью является лично для каждого участника исследования. Как показали ответы 221 преподавателя (78,1 %), большинство наших испытуемых рассматривают совместное обучение особых студентов со здоровыми сверстниками как реализацию гуманитарной парадигмы в отечественном образовании, дающую возможность обеспечить осуществление образовательных и социальных прав каждой личности, вне зависимости от типа ее развития. Для 32 преподавателей (11,3 %) инклюзивное образование – это всего лишь требование времени, которое актуально сегодня, но имеет не вполне определенные перспективы. А остальные 30 участников исследования (10,6 %) выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Видимо, они пока не задумывались о необходимости глубокого осмысления проблемы инклюзивного образования.

Анкетирование показало, что 78,1 % опрошенных (221 человек) уверены в том, что в их образовательной организации успешно обучаются лица с ОВЗ, 38 преподавателей (13,4 %) этого не исключают (возможно, обучаются). Еще 24 участника (8.5 %) считают, что таких студентов

у них нет, или они просто ничего об этом не знают.

Что же касается личного участия в реализации инклюзивных практик, то, как выяснилось, такой опыт имеется у 189 участников исследования (66,8 %), 88 преподавателей (31,1 %) с особыми студентами никогда не работали, а 6 испытуемых (2.1 %) ответили, что не знают, поскольку не задумывались над этой проблемой.

Однако, отвечая на вопрос о том, хотят ли они заниматься организацией инклюзивного образования лиц с ОВЗ, лишь 15 участников исследования (5.3 %), отметили, что данное направление профессиональной деятельности для них интересно и привлекательно. Еще 157 педагогов (55,5 %), вероятно, из тех, кто имеет опыт работы с особыми студентами, подчеркнули, что не откажутся, если возникнет такая необходимость. А вот для 48 испытуемых (17 %) такая активность является нежелательной. И 63 преподавателя (22,2 %) выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Видимо, их представления о сущности инклюзивного образования в высшей школе не являются четкими.

Отметим, что нами была выявлена статистически значимая корреляция между личным участием испытуемых в организации инклюзивного образования в высшей школе и наличием у них представлений о его нормативно-правовой базе (0,42). Так ответы 224 преподавателей (79,2 %) показали, что они с пониманием относятся к этому аспекту проблемы инклюзивного образования, считая знание нормативно-правовой базы обязательным условием работы с лицами с ОВЗ. По возможности они внимательно изучают российские и международные законодательные акты, гарантирующие реализацию образовательных прав лиц с ОВЗ и инвалидностью. Представления остальных 59 педагогов (20,8 %) о нормативно-правовой базе образовательной инклюзии являются неполными, поверхностными и фрагментарными. Причем их самих такое положение устраивает, так как тенденции к получению более глубоких знаний по данному вопросу они не проявили.

Наша анкета включала и вопрос о проведении в том или ином образовательном учреждении профессиональной подготовки или повышения квалификации сотрудников по вопросам работы с лицами с ОВЗ и инвалидностью. Как выяснилось, информация о том, что в их вузе такая работа за последние пять лет проводилась хотя бы один раз, имеется всего у 185 преподавателей (65,4 %). Другие испытуемые либо ничего об этом не знают, либо считают, что у них подобных программ не было.

Видимо, не все участники нашего исследования согласны с принятым в отечественной педагогике положением о том, что формирование у педагогов готовности к реализации образовательных прав и потребностей особых студентов является одним из важнейших условий организации инклюзивной среды. Потому что 208 испытуемых (73,5%) ответили, что в их вузе созданы абсолютно все (материальные и организационные) условия для образования лиц с ОВЗ, и в этом направлении целенаправленно и систематически проводится серьезная работа. По мнению 44 педагогов (15,5 %), речь может идти лишь о частичном решении данной актуальной проблемы, а затруднились ответить только 31 человек (11 %) .

Также неоднозначным оказалось отношение испытуемых к распределению ответственности за создание в образовательной организации условий для обучения детей с ОВЗ и инвалидностью. По мнению 136 преподавателей (48,1 %) создание инклюзивной среды следует рассматривать как часть общей стратегии образовательного учреждения, следовательно, это должно входить в обязанности его руководства, администрации. Еще 57 педагогов (20,1 %) ответили, что это зона ответственности отдельных сотрудников, имеющих специальное (дефектологическое) образование. Было даже 4 ответа (1,4 %), в которых предлагалось сделать

ответственными за создание в вузе оптимальных условий для лиц с ОВЗ не кого-либо, имеющего отношение к организации образовательного процесса, а просто волонтеров. И только 86 испытуемых (30,4 %) считают, что проблема создания в образовательной организации инклюзивной среды касается буквально всех: и администрации, и педагогического коллектива, и других сотрудников. Именно они, на наш взгляд, наиболее глубоко осмыслили данную проблему и пришли к выводу о том, что ее решение требует комплексного подхода и общего участия.

Ответы испытуемых на вопрос о том, какое значение для преподавателя имеет участие в образовательной инклюзии, достаточно ярко отразили их отношение к рассматриваемой проблеме. Для 138 участников исследования (48,8 %) это в первую очередь личный вклад в развитие гуманитарной парадигмы отечественного образования, причастность к наиболее значимым явлениям современной действительности. И с этим не поспоришь. Другие 30 преподавателей (10,6 %) рассматривают приобщение к инклюзивным практикам как мощный стимул для профессионального роста. Действительно, развитие инклюзивной компетентности непосредственно связано с повышением педагогического мастерства. Этот вопрос оказался достаточно сложным для 51 преподавателя (18 %). Вероятно, они не принимают личного участия в организации сопровождения студентов с ОВЗ и инвалидностью в образовательном процессе, и поэтому выбрали вариант «затрудняюсь ответить». А с выбором 64 испытуемых (22.6 %), по мнению которых, наиболее правильный ответ в данном случае «дополнительная ненормированная нагрузка», мы не совсем согласны. С одной стороны, нагрузка преподавателя, задействованного в организации инклюзивного процесса, действительно заметно возрастает. Но, с другой стороны, это отнюдь не самоцель и не главная характеристика данного процесса.

Не менее показательными оказались ответы участников нашего исследования на вопрос о том, считают ли они себя готовыми к участию в реализации инклюзивного образования лиц с ОВЗ. Конечно, готовность педагога к профессиональной деятельности в условиях образовательной инклюзии – это объективно сложное, комплексное качество, включающее и когнитивный, и эмоциональный, и мотивационный компоненты. И в то же время, это субъективное свойство личности, которая считает себя полностью или частично готовой к той или иной деятельности. Как выяснилось, только 48 преподавателей (17 %) считают себя полностью готовыми к работе в условиях инклюзивной среды, а 149 участников исследования (52,6 %) отметили, что частично готовы, и понимают, что развитие инклюзивной компетентности требует большого труда. Не считают себя готовыми к работе с особыми студентами 39 педагогов (13,8 %). К этой же группе, вероятно, следует отнести и оставшихся 47 испытуемых (16,6 %), выбравших вариант «затрудняюсь ответить». В ходе анализа полученных данных была выявлена статистически значимая корреляция между самооценкой преподавателями собственной готовности к образовательной инклюзии и:

- практическим опытом в этой сфере профессиональной деятельности (0,40);
- наличием представлений о нормативно-правовой базе реализации потребности лиц с ОВЗ и инвалидностью в получении высшего образования (0,42);
- желанием принимать самое активное участие в организации инклюзивного образования лиц с ОВЗ (0,44).

Из этого следует, что отношение педагогов к инклюзивным практикам и их оценка собственной готовности к их реализации определенным образом связана с их представлениями о нормативно-правовой базе инклюзии, с опытом профессиональной деятельности и с мотивационной готовностью к работе с особыми студентами.

Заключение

Таким образом, инклюзивное образование как важная составляющая российской образовательной системы сегодня прочно вошло в социально-педагогическую практику, не оставляя в стороне и высшие учебные заведения. Поэтому проблема формирования и развития у педагогов высшей школы профессиональной готовности к работе в условиях инклюзивного образования привлекает самое пристальное внимание отечественных специалистов и отличается не только особой актуальностью, но и повышенной сложностью и многоаспектностью. А осознанное принятие педагогами ценностей образовательной инклюзии во многом определяет эффективность решения этой проблемы.

Наше исследование позволило детально охарактеризовать отношение представителей профессорско-преподавательского состава педагогов из большинства вузов Дальневосточного федерального округа к инклюзивному образованию студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. При этом нам удалось не только подчеркнуть позитивные тенденции, которых, конечно, больше, но и определить те аспекты проблемы, которые требуют дополнительного изучения и организационных решений. К ним относится, например, недостаточно глубокая осведомленность многих преподавателей с основными положениями нормативно-правовой базы инклюзивного образования, а также их невысокая оценка своей психологической готовности к работе с особыми студентами.

То есть, проблема развития у педагогов высшей школы профессиональной готовности к работе в условиях образовательной инклюзии пока не имеет окончательного решения и нуждается в дальнейшей разработке.

Библиография

1. Афанасьев Д.В., Денисова О.А., Леханова О.Л., Поникарова В.Н. Готовность преподавателей высшей школы к инклюзивному образованию // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 3. С. 128–142.
2. Денисова О.А., Леханова О.Л., Гудина Т.В. Инклюзивная культура как показатель готовности специалистов вузов к сопровождению инклюзивного высшего образования // Психологическая наука и образование. 2023. Том 28. № 6. С. 82—92.
3. Кантор В.З., Антропов А.П., Проект Ю.Л. Готовность профессорско-преподавательского состава вузов к инклюзивному обучению студентов с инвалидностью: проблемное поле // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 195. С. 7—25.
4. Луговая О.М. Проблема формирования готовности педагогов к деятельности в условиях образовательной инклюзии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета.2022. № 3 (90). С. 197 – 202.
5. Поникарова В.Н. Динамика готовности педагогов к инклюзивному образованию: этапы, особенности и тенденции: монография. Курск: Университетская книга, 2019. 122 с.
6. Родина Л.И. Готовность преподавателя вуза к организации инклюзивного образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 91–99.
7. Рубцов В.В., Саитгалиева Г.Г., Денисова О.А. и др. Цель, задачи и основные направления развития инклюзивного высшего образования в Российской Федерации // Психологическая наука и образование. 2023. Том 28. № 6. С. 6—23.
8. Шаповалова О.Е., Карынбаева О.В. Подготовка педагогических кадров для специального и инклюзивного образования в региональном вузе // Казанская наука, 2023. №11. С. 121 – 123.
9. Шаповалова О.Е. Профессиональная готовность педагогов к работе со студентами с ограниченными возможностями здоровья // Казанская наука, 2024. № 7, С 59 – 61.
10. Karynbaeva O.V., Shapovalova O.E., Shklyar N.V., Emelyanova I.A., Borisova E.A. Studying The Readiness of Teachers for Inclusive Education // Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2022. Vol. 126. P 430 – 436.

Studying the Attitude of Higher Education Teachers Towards the Problem of Inclusive Education

Ol'ga E. Shapovalova

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Correctional Pedagogy,
Psychology and Speech Therapy,
Sholom-Aleichem Priamursky State University,
679015, 60, Pionerskaya str., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: olya.shapovalova.1962@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of the formation and development of the professional readiness of higher education teachers to implement the educational and social rights of persons with disabilities. This problem currently attracts the deep attention of many researchers. The study of teachers' attitudes towards educational inclusion is one of its most relevant aspects, because a positive, conscious attitude is considered among the most important components of professional readiness. This article examines various approaches to the study and development of teachers' professional readiness to work in the conditions of inclusive education and presents the results of a study conducted with the participation of representatives of the teaching staff from 16 universities of the Far Eastern Federal District. The materials and results of this study can be useful in organizing an inclusive environment in a higher education institution.

For citation

Shapovalova O.E. (2026) Izuchenie otnosheniya pedagogov vysshey shkoly k probleme inklyuzivnogo obrazovaniya [Studying the Attitude of Higher Education Teachers Towards the Problem of Inclusive Education]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 157-164. DOI: 10.34670/AR.2026.85.55.014

Keywords

Inclusive education, teachers, professional readiness.

References

1. Afanas'ev D.V., Denisova O.A., Lekhanova O.L., Ponikarova V.N. (2019) Gotovnost' prepodavatelej vysshej shkoly k inklyuzivnomu obrazovaniyu [Readiness of Higher Education Teachers for Inclusive Education]. In: Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and pedagogical research]. Vol. 11. no.3. pp. 128-142.
2. Denisova O.A., Lekhanova O.L., Gudina T.V. (2023) Inklyuzivnaya kul'tura kak pokazatel' gotovnosti specialistov vuzov k soprovozhdeniyu inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya [Inclusive culture as an indicator of the readiness of university specialists to support inclusive higher education]. In: Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]. Vol. 28. no.6. pp. 82 - 92.
3. Kantor V.Z., Antropov A.P., Proekt YU.L.(2020) Gotovnost' professorsko-prepodavatel'skogo sostava vuzov k inklyuzivnomu obucheniyu studentov s invalidnost'yu: problemnoe pole [Readiness of the teaching staff of universities for inclusive education of students with disabilities: a problematic field]. In: Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena [News of the Herzen State Pedagogical University]. no. 195. pp. 7—25.
4. Lugovaya O.M. (2022) Problema formirovaniya gotovnosti pedagogov k deyatelnosti v usloviyakh obrazovatelnoi

inklyuzii [The problem of formation of teachers' readiness to work in conditions of educational inclusion]. In: Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta [Bulletin of the North Caucasus Federal University]. no. 3 (90). pp. 197—202.

5. Ponikarova V.N. (2019) Dinamika gotovnosti pedagogov k inklyuzivnomu obrazovaniyu: etapy, osobennosti i tendentsii [Dynamics of teacher readiness for inclusive education: stages, features andtrends]. Kursk. Universitybook, 122 p.
6. Rodina L.I.(2019) Gotovnost prepodavatelya vuza k organizatsii inklyuzivnogo obrazovaniya [University teacher's readiness to organize inclusive education]. In: Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology]. Vol. 25. no. 4. pp. 91—99.
7. Rubcov V.V., Saitgalieva G.G., Denisova O.A. i dr. (2023) Cel', zadachi i osnovnye napravleniya razvitiya inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya v Rossijskoj Federacii [The purpose, objectives and main directions of development of inclusive higher education in the Russian Federation]. In: Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]. Vol. 28. no. 6. pp. 6 - 23.
8. Shapovalova O.E., Karynbaeva O.V. (2023) Podgotovka pedagogicheskih kadrov dlya special'nogo i inklyuzivnogo obrazovaniya v regional'nom vuze [Training of teaching staff for special and inclusive education in a regional university]. In: Kazanskaya nauka [Kazan Science]. no. 11. pp. 121 -123.
9. Shapovalova O.E. (2024) Professional'naya gotovnost' pedagogov k rabote so studentami s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Professional readiness of teachers to work with students with disabilities]. In: Kazanskaya nauka [Kazan Science]. no. 7. pp. 59 – 61.
10. Karynbaeva O.V., Shapovalova O.E., Shklyar N.V., Emelyanova I.A., Borisova E.A. (2022) Studying The Readiness of Teachers for Inclusive Education. In: Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 126. pp. 430 – 436.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.015.3 **DOI: 10.34670/AR.2026.53.38.015**

Жизнестойкость и осознанность безопасности: от противоречия к комплементарности

Ковалев Павел Александрович

Независимый эксперт,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
e-mail: pavelkovalev0611@gmail.com

Аннотация

Актуальной проблемой современной психологии является стрессовое состояние детей. Необходимость его преодоления вызвана тем, что стресс может вызвать депрессию, что окажет негативное влияние на развитие ребенка. Основываясь на концепции жизнестойкости, «надежной базы» и теории привязанности, автор публикации предлагает модель «психологического оптимума безопасности», согласно которой жизнестойкость как установка на принятие вызова и готовность к риску, а также осознанность безопасности как установка на защиту от угроз не противостоят, а дополняют друг друга. Психологическая безопасность, согласно предложенной модели, представляет собой не полный запрет на активность, а механизм регулирования степени неопределенности. Стресс становится ресурсом для развития личности, а не угрозой ее стабильности. Готовность к риску как практическое проявление жизнестойкости снижает затраты на совладание со стрессом. Модель «психологического оптимума безопасности» расширяет понимание осознанности безопасности, потому что она трактуется не как повсеместное усиление тревожного мониторинга, а как умение точно определять степень риска, что уменьшает вероятность дезадаптивного поведения и избегания, сохраняя при этом интерес к окружающему миру.

Для цитирования в научных исследованиях

Ковалев П.А. Жизнестойкость и осознанность безопасности: от противоречия к комплементарности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 165-174. DOI: 10.34670/AR.2026.53.38.015

Ключевые слова

Жизнестойкость, «надежная база», психологическая безопасность, психологический оптимум безопасности, теория привязанности, стресс, регуляция эмоций, детская психология, совладающее поведение.

Введение

Актуальной проблемой современной теоретической и практической психологии является профилактика детского стресса и адаптация ребенка к стрессовой ситуации. Данный феномен предполагает одновременное согласование двух стремлений - стремление к развитию через вызов и стремление к защите от угрозы. В этом ключе важным становится термин «жизнестойкость», введенный психологом Сальваторе Мадди, который определяется как предрасположенность личности справляться со стрессом за счет принятия изменений как вызова, поддержания вовлеченности и использования контроля [Wiebe, 2013]. Однако в детском возрасте эти процессы не реализуются в вакууме, т.к. они опосредуются качеством переживаемой психологической безопасности и доступностью поддержки. В связи с этим психологическую безопасность следует рассматривать не просто как снятие опасности, а как работоспособность мотивационных систем личности, обеспечивающих сохранение целевого характера и устойчивости деятельности. Психологическая безопасность выступает регулятором воздействия личностных ресурсов на приспособление к непредвидимым и опасным ситуациям. В частности, анализ психологической безопасности с точки зрения самоопределения позволяет увидеть ее связь с обеспечением мотивационных ресурсов и предотвращением деструктивных ситуаций путей реакции [Antonucci et al., 2018], а для детского возраста – вопрос того, будет ли ребенок преобразовывать свое эмоциональное возбуждение в исследование среды или зафиксирует угрожающе-избегающую позицию.

Актуальность обращения к настоящей проблематике также обусловлена фактом межпоколенческой передачи моделей реакции на стресс: родители, пережившие травму или стресс, могут передавать свою модель реакции на стресс свои детям (через биологические вариации), позволяет рассматривать безопасность как разворачивающуюся систему, а не локальный «фон» [Bowers, Yehuda, 2016]. Следовательно теоретический вопрос о связи жизнестойкости, готовности к риску и осознанных действий в области обеспечения безопасности может быть объяснен на уровне онтогенеза.

С практической точки зрения это перед психологическим сопровождением следующие задачи: не подавлять тревогу и не «толкать» к риску как самоцели; регулировать уровень ситуационной опасности так, чтобы он был фактором самоконтроля и не являлся блокирующим фактором для психологических сил личности. Данное условие является основой при разработке профилактических моделей хронической тревожности.

Основная часть

Современное общество характеризуется ростом уровня тревожности, поэтому современный человек (особенно ребенок) нуждаются в психологическом сопровождении, нередко психологической реабилитации и адаптации [Золкин и др., 2025; Медикова, Положенцева, 2025; Положенцева, Барышевская, 2024; Положенцева, Юлина, 2022].

В отечественной и зарубежной психологической науке проблематика жизнедеятельности не раз становилась объектом исследования [Калинина, Володина, 2009; Кучерявенко и др., 2023; Микуц, 2015; Музалева, 2022; Новикова, 2021; Овчарова, 2019; Antonucci et al., 2018; Bosquet Enlow et al., 2014; Bowers, Yehuda, 2016; Buchheim et al., 2022; Joelson, 2026; Schore, 2000; Wiebe, 2013], но изучение этого феномена в контексте проблемы психологической безопасности отсутствуют. Новизной настоящего исследования является введение модели «психологического

оптимума безопасности». Целью публикации является анализ теоретического напряжения между жизнестойкостью и осознанностью безопасности.

Важнейшей теоретической категорией для настоящего исследования выступает понятие «привязанности», предложенное английским психиатром Джоном Боулби. Теория привязанности формирует биопсихологическую основу понимания механизмов возникновения ожиданий безопасности и способности к адекватной регуляции при стрессовой ситуации на основе этих ожиданий. Основной предпосылкой здесь выступает полагание на адаптивность поведения привязанности, входящего в структуру выживания вида, которое трактуется как функциональная часть механизма регуляции стресса, а не как вторичное эмоциональное свойство. В данной логике «надежная база» (термин введенный психологом Эйнсворт М.) представляет собой доступность заботы, которая дает ребенку возможность исследовать мир и в то же время оставаться в безопасности при угрозе или страхе.

Боулби описывает привязанность как систему, которая активируется при сигнале опасности или разобщения и затем деактивируется при восстановлении доступности фигуры заботы [Schore, 2000]. Следствием является дифференциация аффективных состояний, когда «надежная база» подтверждает предсказуемость отношений, ребенок демонстрирует меньшую выраженность деструктивного дистресса и сохраняет ресурсы для переработки негативных переживаний. В терминологии нейронаук современная трактовка теории привязанности указывает на то, что уровень аффективной близости влияет на нейропсихологическое регулирование, в том числе правополушарные системы и регуляцию аффекта [Schore, 2000].

Психологическая безопасность в рамках теории привязанности не сводится к отсутствию угроз, она определяет динамику переходов между защитой от окружающего мира и исследованием его. «Надежная база» предоставляет ребенку «опору» для справляющегося поведения, т.к. фигура привязанности помогает справиться со стрессом и отрицательной эмоцией, тем самым выполняя роль «надежной базы». Таким образом, диалектическая напряженность между жизнестойкостью как готовностью к вызову и осознанной безопасностью как расчетом рисков теоретически решается: осознанность опасности функционально включена в схему безопасной разведки окружающей (возможно, опасной) реальности, безопасность не подавляет активность, но формализует ее параметры и интенсивность.

В свете эмоционального развития теория привязанности объясняет причину того, что ощущение психологической безопасности связывается не столько с тревожностью или избеганием, сколько со способностью к организации внимательной оценки угрозы и наличия ресурсов совладания, то есть целенаправленного (осознанного) поведения по преодолению стрессовых или трудно решаемых ситуаций. В результате формируется более устойчивая модель ожиданий поддержки, что уменьшает риск развития затяжной гипервозбудимости и повышает доступность переходов к адаптивным механизмам. Именно «надежная база» является базовым ресурсом для выстраивания более высоких уровней регуляции, далее позволяющих мобилизовать ресурсы жизнестойкости — принятие задачи и управление совладанием при стрессе.

Система классификации типов привязанности по Боулби дает возможность описывать вариативность в ожиданиях ребенка на предмет доступности поддержки и предсказуемость окружения. Для настоящего исследования важно не само описание типа привязанности, а процесс трансформации таких ожиданий в переживание психологической безопасности, что представляется как стабильное внутреннее ожидание доступности совладательных ресурсов и уменьшение риска активации системы угроз. В связи с тем, что крепкая основа способствует

регуляции стресса и плохих переживаний, можно предположить что вариации организации привязанности будут иметь свое влияние на восприятие ребенком стрессовых требований и неопределенностей.

При правильной организации привязанности фигура привязанности воспринимается как доступная, а реакции на стресс легче поддаются регуляции за счет ожидания поддержки. Тогда угроза и дискомфорт скорее становятся сигналом для дозированной регуляции, а не для тотального прекращения исследовательского поведения. При небезопасных паттернах привязанности чувство безопасности нарушается: у ребенка либо усиливается тревожная гипервозбудимость и потребность в немедленной близости, либо формируется избегающее подавление потребности в поддержке. В обоих случаях регуляция стресса становится менее экономной и более зависимой от угрозо-ориентированной активации системы привязанности. Это служит теоретической базой феноменологии «неудачного баланса конструкций»: ощущение безопасности возникает в форме запрещающего сигнала либо фона хронически тревожного ожидания.

Типы привязанности — это паттерны организации взаимодействия безопасных условий с растущими ресурсами такими, что страх перед опасностью либо активирует регуляцию либо избегания и истощения. Можно их рассматривать как разные механизмы создания чувства безопасности, определяющие контекст осознания угрозы при вызове. При «надежной базе» осознанность рисков может выполнять адаптивную функцию фасилитации исследования окружающего мира и принятия вызова, согласуясь с жизнестойкостью. При небезопасных паттернах осознанность безопасности чаще приобретает защитно-ограничительный характер, что связывает хроническую тревожность с дефицитом ресурсов жизнестойкости.

От поколения к поколению происходит передачи моделей безопасности, что связывает опыт родителей с последующей организацией регуляции стресса у ребенка. Это подтверждается фактом того, что последующие поколения могут получать повышенную уязвимость вследствие травматического или стрессового опыта родителей, а не только через «подражание поведению» [Bowers, Yehuda, 2016]. Можно сделать вывод о том, что привязанность как проявление качества чувства безопасности выступает медиатором связи семейной истории стресса с дальнейшей жизнестойкостью ребенка.

Описанные выше исследования межпоколенческой передачи показывают, что травматический опыт матери (и в особенности - стресс) может повышать у ребенка склонность к подобным проблемам за счет механизма привязанности и эмоциональной регуляции [Bosquet Enlow et al., 2014]. Сочетание этих двух концепций уточняет механизм действия. Так, например, посттравматическое стрессовое расстройство матери может мешать ей выполнять функцию буферного стресс-регулятора (ресурсной фигуры), поддерживающей ребенка во время стрессовых ситуаций и тем самым влияет на то насколько быстро ребенок будет сам регулировать свой стресс.

Влияние психосоциальных и биологических факторов устойчивости оказывают воздействие на характер привязанности ребенка и его способность регулировать стресс. Можно сказать, что межпоколенная трансмиссия психологической безопасности — это система вероятностей, в которой наличие (сформированность) компенсирующих механизмов устойчивости позволяют ребенку демонстрировать более ресурсные схемы восприятия безопасности и тем самым залогом к возможной активации ресурсов жизнестойкости.

На основании этого можно создать модель «психологического оптимума безопасности», дающая конструктивный выход из дилеммы противопоставления «жизнестойкости против

безопасности». Она не ставит в оппозицию принятие вызова и защитную ориентацию, а акцентирует внимание на их функциональной комплементарности. Важно определить границы уровней восприятия угрозы, внутри которых оценка рисков не истощает психологический ресурс, а переключает его на адаптивный режим. Основа модели заключается в том, что жизнестойкость связывает три компонента: контроль, привязанность и вызов. То есть, она отражает ситуации, когда каждый из трех компонентов жизнестойкости продолжает работать. Модель строится по следующим правилам.

1. Психологическая безопасность как не полный запрет на активность, а механизм регулирования степени неопределенности. Стресс становится ресурсом для развития личности, а не угрозой ее стабильности. Похоже, это связано с теорией жизнестойкости, описанной через поиск контроля в событиях, осмысленности затраченных сил и мотивации к развитию, а не избегания угрозы. При достаточно высоком уровне защищенности - осознание рисков позволит адекватно их оценить, повысить чувство контроля над ситуацией и мотивировать на активные действия.

2. Готовность к риску как практическое проявление жизнестойкости, которое возможно при наличии «надежной базы», снижающее затраты на совладание со стрессом. Для данного типа адаптации информация об угрозе является ориентиром, а не сигналом отступления. Такая позиция согласуется с тезисом о роли психологической безопасности в обеспечении продуктивной активности. Для данной модели это явление будет обобщено в понятие «осознанность безопасности» как способности изменять (адаптировать) свое поведение в меняющихся условиях.

3. Надежная привязанность как основа биопсихологического фундамента устойчивости, где восприятие угроз становится управляемым фактором. Безопасность становится ресурсом, а не препятствием, она успокаивает нервную систему, предотвращая хронические избегающие реакции. Этот вывод соответствует концептуализации жизнестойкости как способности контролировать себя в ситуации стресса. Таким образом на основе «надежной базы» осознание тревоги не парализует, а делает вызов управляемым.

4. Нелинейность «оптимума», т.к. недостаточная степень защищенности снижает потенциал мобилизации контроля и вовлеченности, а усиленная оценка угрозы провоцирует защитные реакции и сужает спектр доступного поведения. Стремление себя максимально обезопасить может обесценить вызов, переводя поведение в режим ригидного избегания. При наличии «надежной базы» у ребенка осознание риска – это задача. Если безопасность нарушена, то для него риск будет сигналом катастрофичности и включит защитное поведение сужения.

Интеграция происходит через механизм «смена режимов». Безопасность осмысленная – смена режима от констатации опасности к поиску стратегии. Жизнестойкость – смена режима от поиска стратегии к реализации действия. Риск-ориентированное поведение – смена режима от реализации действия в ситуации неопределенности к извлечению из нее опыта развития. Суть модели заключается в том, что конфликт жизнестойкость/буферизация сводится к вопросу безопасности и организации регуляции стресса.

Если модель привязанности рассматривать в виде чисто механистической конструкции, то она тогда выступает как нейробиологическая система психологического самоконтроля. Здесь же «надежная база» не только является источником эмоциональной безопасности, но снижает уровень воздействия стресса, переживания тревожных состояний, способствует переходу к адаптивным формам поведения [Schore, 2000]. Это очень важно для жизнестойкости, потому что ее ключевые элементы (контроль, приверженность и вызов) требуют функционирующей

аффективной регуляции и наличия доступных стратегий управления опытом в опасных ситуациях. Нейропсихологические данные связывают ранний детский опыт с формированием механизмов психобиологической регуляции эмоций.

Описать процесс мобилизации жизнестойкости через психорегуляторный механизм по этапам можно следующим образом: уменьшение гиперактивности за счет социальной поддержки, повышение оценки ситуации, перевод аффекта в мотивационно-целевую сферу. Этот перелом требуется для того чтобы сформировать и поддерживать механизмы жизнестойкости ведь контроль обеспечивается уверенностью субъекта в себе и стратегии, приверженность – поддержкой активностей и смыслом прилагаемых усилий, вызов – восприятием происходящих событий как возможностей.

Следует учитывать, что мобилизация жизнестойкости не является исключительно актом волевого напряжения. Ее эффективность напрямую зависит от наличия регуляторных ресурсов во время реагирования на стресс. Когда значимая фигура привязанности помогает справляться с негативными эмоциями, ребенок сохраняет регуляторную компетентность перед лицом испытания, что обеспечивает баланс контроля и привязанности [Schore, 2000]. Наоборот, при восприятии поддержки как ненадежной или нестабильной стрессовые реакции будут приводить к неправильному оцениванию угроз и уменьшению вариативности возможных ответов что ведет к ограничению поведенческой гибкости.

Если нейропсихологическая регуляция сохранилась, то восприятие риска активизирует сбалансированный функциональный ответ, включающий информацию об опасности в планируемое поведение. В случае нарушения регуляции риск выступает как доминирующий аффективный стимул, вызывающий уклонение и выгорание. Следовательно, ранний опыт служит базисом, он помогает ответить на вопрос: определит ли жизнестойкость себя как систему совладания или она будет подавлена угрозой?

Нейробиологические и психорегуляторные процессы создают единую цепочку: «надежная база» (облегчающая эмоциональное совладание)–настройка аффективной обработки и психобиологической регуляции (с вовлечением соответствующих систем)–сохранение структурных элементов жизнестойкости в условиях стресса. В рамках концепции «психологического оптимума безопасности» «надежная база» является условием функциональной доступности жизнестойкости при угрозе. Если привязанность помогает преодолевать стресс, ребенок поддерживает регуляторные функции и компоненты жизнестойкости в неблагоприятной среде. Безопасность здесь не противопоставляется вызову, а выступает необходимым условием для трансформации вызова в конструктивную задачу.

Практический вывод состоит в том, что вмешательство (психологическая интервенция) нужно планировать не столько для снижения риска (субъективной оценки), сколько для увеличения области «приемлемых вызовов» с сохранением ресурса поддержки. Это означает: удержание контроля за счет способности к самооценке и принятию решений; удержание связи - сохранения смыслового значения задач и участия в деятельности; удержание вызова – восприятия задачи как вызова для развития. Жизнестойкость объединяет данные компоненты, и именно благодаря их интегральной устойчивости можно переносить стрессы без выгорания ресурсных компонентов. С точки зрения психопрофилактики это означает, что навыки распознавания угроз необходимо подкреплять обучением к навыкам опирания на поддержку и саморегуляции, иначе осознанность превратится в тревожное ожидание будущего и поведенческую ригидность.

Качества родительской регуляции стресса зависят от организации детской привязанности и

от того, как ребенок справляется со стрессом. В частности, последствия материнского неблагополучия связаны с фактором устойчивости, который проявляется через детскую привязанность и регуляцию стрессовой ситуации [Buchheim et al., 2022]. Поэтому «надежная база» – не ресурс ребенка сам по себе, а системный фактор семьи, определяющий, будет ли безопасность трансформироваться в активизацию жизнестойкости или обернется защитным истощением. Это наводит на мысль о социальной составляющей предложенной модели, т. к. требуется проводить психокоррекционную работу по снижению уровня стрессов у родителей ребенка, вовлечение к решению проблемы родительского комитета как механизма государственно-общественного управления образовательным процессом [Бычков, 2015].

Заключение

Таким образом, можно сделать следующий вывод: жизнестойкость и осознанность безопасности являются взаимодополняющими функциональными сущностями в рамках «надежной базы». Жизнестойкость рассматривается как комплекс, включающий контроль, приверженность и восприятие вызова, которые формируют устойчивость к стрессу за счет трактовки происходящего как управляемого, значимого и способствующего развитию. Ощущение безопасности и привязанность являются основой для развития жизнестойкости при кризисе. Согласно модели «психологический оптимум безопасности», знание о рисках не исключает готовности к преодолениям трудностей, а указывает границы ответов, при которых фокус на опасностях не блокирует гибкую регуляцию и не подрывает связь и контроль. Следовательно, психологическая безопасность — это тот ресурс, который позволяет адекватно интегрировать информацию о риске в схему поведения и смотреть на трансформации с позиции возможностей развития. Одновременно следует обратить внимание на то, что предложенная модель может рассматриваться как инструмент, которым педагог должен овладеть посредством накопления и расширения педагогических знаний и опыта [Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации, 2025; Sergeeva et al., 2019].

Модель «психологического оптимума безопасности» расширяет понимание осознанности безопасности, т.к. она трактуется его не как повсеместное усиление тревожного мониторинга, а как умение точно определять степень риска, что уменьшает вероятность дезадаптивного поведения и избегания, сохраняя при этом исследовательский интерес.

Библиография

1. Бычков М.А. Место Родительского комитета в модели государственно-общественного управления общим образованием // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2015. Т. 4. № 3. С. 29–34.
2. Золкин А.Л., Левина Е.А., Положенцева И.В. Современные инфокоммуникационные технологии для психологической реабилитации и социальной адаптации участников военных действий: учебное пособие для вузов. СПб.: Лань, 2025. 152 с.
3. Калинина Н.В., Володина Т.В. Психологические факторы жизнестойкости педагога // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4-2. С. 398–403.
4. Кучерявенко И.А., Гринёва О.И., Еголаева Е.С. Феномен жизнестойкости в психологической науке // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 429–432.
5. Медикова С.В., Положенцева И.В. Воспитание и коррекция аддиктивной личности посредством комплексных мер психолого-педагогической поддержки в реабилитационной среде // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2025. Т. 14. № 3. С. 47–52.
6. Микуц О.В. Три составляющие жизнестойкости // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 5-3 (36). С. 121–122.

7. Музалева Д.А. Профессиональная жизнестойкость педагога, как частный случай жизнестойкости личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. № 3. С. 43.
8. Новикова Н.А. Стресс и жизнестойкость // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2021. № 1. С. 95–102.
9. Овчарова Р.В. Методология исследования жизнестойкости личности // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 2 (53). С. 59–65.
10. Положенцева И.В., Барышевская К.В. Реализованность идей К.Д. Ушинского в современном образовании // Вестник РМАТ. 2024. № 1. С. 99–105.
11. Положенцева И.В., Юлина Г.Н. Моделирование воспитательной системы в общеобразовательной организации // Педагогическая поддержка «цифрового поколения»: технологии эффективности и безопасности образовательного пространства: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Ваш формат, 2022. С. 335–341.
12. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Ваш формат, 2025. 517 с.
13. Antonucci L.A., Taurisano P., Coppola G., Cassibba R. Attachment style: The neurobiological substrate, interaction with genetics and role in neurodevelopmental disorders risk pathways // Neurosci Biobehav Rev. 2018. Dec. 95. P. 515–527.
14. Bosquet Enlow M., Egeland B., Carlson E., Blood E., Wright R.J. Mother-infant attachment and the intergenerational transmission of posttraumatic stress disorder // Dev Psychopathol. 2014. Feb. 26(1). P. 41–65.
15. Bowers M.E., Yehuda R. Intergenerational Transmission of Stress in Humans // Neuropsychopharmacology. 2016. Jan. 41(1). P. 232–244.
16. Buchheim A., Ziegenhain U., Kindler H., Waller C., Gündel H., Karabatsiakis A., Fegert J. Identifying Risk and Resilience Factors in the Intergenerational Cycle of Maltreatment: Results From the TRANS-GEN Study Investigating the Effects of Maternal Attachment and Social Support on Child Attachment and Cardiovascular Stress Physiology // Front. Hum. Neurosci. 2022. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35923749/.
17. Joelson R.B. Hardiness & Grit. Part One. URL: https://richardbjoelsondsw.com/articles/hardiness-grit-part-one/.
18. Schore A.N. Attachment and the regulation of the right brain // Attach Hum Dev. 2000. Apr. 2(1). P. 23–47.
19. Sergeeva M.G., Poliakova I.V., Goltseva O.S., Kolosova G.M., Shafazhinskaya N.E., Polozhentseva I.V., Smirnova M.A. Development of teachers' cross-cultural literacy in the system of further vocational education // Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. 2019. Т. 4. № 13. С. 249–254.
20. Wiebe D.J. Hardiness and Health // Encyclopedia of Behavioral Medicine. NY: Springer, 2013. P. 893–895.

Hardiness and Safety Awareness: From Contradiction to Complementarity

Pavel A. Kovalev

Independent Expert,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: pavelkovalev0611@gmail.com

Abstract

An urgent problem of modern psychology is the stressful state of children. The need to overcome it is caused by the fact that stress can cause depression, which will have a negative impact on the child's development. Based on the concept of hardiness, the "secure base" and attachment theory, the author of the publication proposes a model of the "psychological optimum of safety", according to which hardiness as an attitude towards accepting challenges and readiness for risk, and safety awareness as an attitude towards protection from threats, do not oppose but complement each other. Psychological safety, according to the proposed model, is not a complete ban on activity, but a mechanism for regulating the degree of uncertainty. Stress becomes a resource for personality development rather than a threat to its stability. Readiness for risk as a practical manifestation of hardiness reduces the costs of coping with stress. The model of the "psychological optimum of

safety" expands the understanding of safety awareness, because it is interpreted not as a widespread intensification of anxious monitoring, but as the ability to accurately determine the degree of risk, which reduces the likelihood of maladaptive behavior and avoidance while maintaining interest in the surrounding world.

For citation

Kovalev P.A. (2026) Zhiznestoykost' i osoznannost' bezopasnosti: ot protivorechiya k komplementarnosti [Hardiness and Safety Awareness: From Contradiction to Complementarity]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 165-174. DOI: 10.34670/AR.2026.53.38.015

Keywords

Hardiness, "secure base", psychological safety, psychological optimum of safety, attachment theory, stress, emotion regulation, child psychology, coping behavior.

References

1. Antonucci, L. A., Taurisano, P., Coppola, G., & Cassibba, R. (2018). Attachment style: The neurobiological substrate, interaction with genetics and role in neurodevelopmental disorders risk pathways. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews, 95*, 515–527.
2. Bosquet Enlow, M., Egeland, B., Carlson, E., Blood, E., & Wright, R. J. (2014). Mother-infant attachment and the intergenerational transmission of posttraumatic stress disorder. *Development and Psychopathology, 26*(1), 41–65.
3. Bowers, M. E., & Yehuda, R. (2016). Intergenerational transmission of stress in humans. *Neuropsychopharmacology, 41*(1), 232–244.
4. Buchheim, A., Ziegenhain, U., Kindler, H., Waller, C., Gündel, H., Karabatsiakis, A., & Fegert, J. (2022). Identifying risk and resilience factors in the intergenerational cycle of maltreatment: Results from the TRANS-GEN study investigating the effects of maternal attachment and social support on child attachment and cardiovascular stress physiology. *Frontiers in Human Neuroscience*. https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35923749/
5. Bychkov, M. A. (2015). Mesto Roditel'skogo komiteta v modeli gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniya obshchim obrazovaniyem [The place of the Parent Committee in the model of state-public management of general education]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya i tekhnologii* [Research and Development. Socio-Humanitarian Research and Technologies], *4*(3), 29–34.
6. Joelson, R. B. (2026). *Hardiness & grit. Part one*. https://richardbjoelsondsw.com/articles/hardiness-grit-part-one/
7. Kalinina, N. V., & Volodina, T. V. (2009). Psikhologicheskiye faktory zhiznestoykosti pedagoga [Psychological factors of a teacher's hardiness]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], *11*(4-2), 398–403.
8. Kucheryavenko, I. A., Grineva, O. I., & Egolaeva, E. S. (2023). Fenomen zhiznestoykosti v psikhologicheskoy nauke [The phenomenon of hardiness in psychological science]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], *79-2*, 429–432.
9. Medikova, S. V., & Polozhentseva, I. V. (2025). Vospitaniye i korrektsiya addiktivnoy lichnosti posredstvom kompleksnykh mer psikhologo-pedagogicheskoy podderzhki v reabilitatsionnoy srede [Education and correction of addictive personality through comprehensive measures of psychological and pedagogical support in a rehabilitation environment]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii* [Research and Development. Socio-Humanitarian Research and Technologies], *14*(3), 47–52.
10. Mikuts, O. V. (2015). Tri sostavlyayushchiye zhiznestoykosti [Three components of hardiness]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], *5-3*(36), 121–122.
11. Muzaleva, D. A. (2022). Professional'naya zhiznestoykost' pedagoga, kak chastnyy sluchay zhiznestoykosti lichnosti [Professional hardiness of a teacher as a special case of personal hardiness]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], *3*, 43.
12. Novikova, N. A. (2021). Stress i zhiznestoykost' [Stress and hardiness]. *Psikhologicheskiye problemy smysla zhizni i akme* [Psychological Problems of Meaning of Life and Acme], *1*, 95–102.
13. Ovcharova, R. V. (2019). Metodologiya issledovaniya zhiznestoykosti lichnosti [Methodology for the study of personal hardiness]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University], *2*(53), 59–65.
14. Polozhentseva, I. V., & Baryshevskaya, K. V. (2024). Realizovannost' idey K. D. Ushinskogo v sovremennom obrazovanii [The implementation of K. D. Ushinsky's ideas in modern education]. *Vestnik RMAT* [Bulletin of the

Russian International Academy of Tourism], *1*, 99–105.
15. Polozhentseva, I. V., & Yulina, G. N. (2022). Modelirovaniye vospitatel'noy sistemy v obshcheobrazovatel'noy organizatsii [Modeling the educational system in a general education organization]. In *Pedagogicheskaya podderzhka "tsifrovogo pokoleniya": tekhnologii effektivnosti i bezopasnosti obrazovatel'nogo prostranstva* [Pedagogical support of the "digital generation": Technologies of efficiency and safety of the educational space] (pp. 335–341). Vash format.
16. Psychological and pedagogical technologies of education in the era of digitalization. (2025). Vash format.
17. Schore, A. N. (2000). Attachment and the regulation of the right brain. *Attachment & Human Development, 2*(1), 23–47.
18. Sergeeva, M. G., Poliakova, I. V., Goltseva, O. S., Kolosova, G. M., Shafazhinskaya, N. E., Polozhentseva, I. V., & Smirnova, M. A. (2019). Development of teachers' cross-cultural literacy in the system of further vocational education. *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades, 4*(13), 249–254.
19. Wiebe, D. J. (2013). Hardiness and health. In *Encyclopedia of Behavioral Medicine* (pp. 893–895). Springer.
20. Zolkin, A. L., Levina, E. A., & Polozhentseva, I. V. (2025). *Sovremennyye infokommunikatsionnyye tekhnologii dlya psikhologicheskoy reabilitatsii i sotsial'noy adaptatsii uchastnikov voyennykh deystviy* [Modern infocommunication technologies for psychological rehabilitation and social adaptation of combatants]. Lan.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9.072:355.23 **DOI: 10.34670/AR.2026.62.56.016**

Функциональные инверсии и динамика личностных ресурсов авиационного персонала в процессе профессионализации

Писарчук Татьяна Михайловна

Аспирант,
кафедра педагогической психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: tatiana.pisarchuk@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена эмпирическому исследованию трансформации системы личностных ресурсов и копинг-стратегий курсантов инженерно-технического профиля гражданской авиации на разных этапах обучения в вузе. Проведен сравнительный, корреляционный и факторный анализ данных на репрезентативной выборке (N=344), сформированной на базе Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации. На основе полученных результатов зафиксировано статистически достоверное снижение общих показателей жизнестойкости к выпускному курсу, обусловленное пролонгированным воздействием жестко регламентированной образовательной среды. Впервые в авиационной психологии теоретически обоснован и описан феномен функциональной инверсии копинг-стратегии «отвлечение» у выпускников. Доказано, что в условиях пиковых операциональных нагрузок осознанное кратковременное отвлечение трансформируется в адаптивный механизм «когнитивной разрядки», предотвращающий сенсорное пресыщение и обеспечивающий профессиональную надежность специалиста.

Для цитирования в научных исследованиях

Писарчук Т.М. Функциональные инверсии и динамика личностных ресурсов авиационного персонала в процессе профессионализации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 175-182. DOI: 10.34670/AR.2026.62.56.016

Ключевые слова

Жизнестойкость, копинг-стратегии, авиационный персонал, профессионализация, когнитивная разрядка, инверсия отвлечения, саморегуляция, человеческий фактор, курсанты гражданской авиации, психологическая адаптация.

Введение

Обеспечение безопасности и надежности полетов в современной гражданской авиации неразрывно связано с проблемой минимизации рисков «человеческого фактора». При этом традиционный технократический подход, рассматривающий авиационного техника исключительно как пассивного исполнителя технологических алгоритмов и инструкций, обнаруживает свою несостоятельность в условиях стремительного усложнения авиационных систем. Деятельность инженерно-технического состава протекает в высокострессогенной среде, характеризующейся дефицитом времени, высокой плотностью регламентных работ и колоссальной операциональной ответственностью за исправность воздушного судна и жизнь пассажиров.

В связи с этим особую актуальность приобретает изучение динамики личностных ресурсов совладания будущих специалистов на этапе их профессионального становления в вузе. Теоретико-методологическим фундаментом нашего исследования выступают субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна, системный подход Б. Ф. Ломова, концепции адаптации С. Т. Посоховой, а также фундаментальные теории функциональных состояний и профессиональной надежности специалиста В. А. Бодрова и Л. Г. Дикой[Бодров, 2011; Дикая, 2003] .

В отечественной и зарубежной психологии традиционно уделяется повышенное внимание изучению летного состава (пилотов), в то время как психологические ресурсы специалистов по технической эксплуатации наземных авиационных систем остаются в тени исследовательского внимания. Существующие подходы к оценке стресс-менеджмента часто опираются на универсальные, общепсихологические шаблоны (Р. Лазарус, С. Фолкман, С. Мадди), которые не в полной мере учитывают жесткую специфику авиационной среды. Как отмечалось в наших более ранних работах, специфика регламентированной среды вуза требует принципиально иной оптики анализа адаптационного потенциала учащихся. Целью данной статьи является раскрытие латентной структуры, специфики взаимосвязей и динамических трансформаций личностных ресурсов и стратегий совладающего поведения курсантов-техников в процессе профессионализации.

Методы и материалы

Эмпирическое исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени главного маршала авиации А.А. Новикова» (СПбГУ ГА). Сбор эмпирических данных осуществлялся в рамках лонгитюдного проекта, реализуемого в период с 2021 по 2026 гг. Общий объем репрезентативной выборки составил 344 курсанта мужского пола, обучающихся по направлению технической эксплуатации авиационных систем. Для выявления межэтапной динамики выборка была разделена на две контрастные группы:

– Группа 1: курсанты начального этапа обучения (I курс, $n=172$);

– Группа 2: курсанты завершающего этапа обучения (IV курс, $n=172$).

Методический комплекс исследования включил в себя:

– Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, измеряющий общий уровень жизнестойкости и ее базовые компоненты: вовлеченность, контроль, принятие риска.

– Опросник «Способы совладающего поведения» (копинг-тест) Р. Лазаруса и С. Фолкман в

адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, направленный на фиксацию доминирующих паттернов преодоления стрессовых ситуаций.

Математико-статистическая обработка эмпирического массива осуществлялась с использованием пакета статистических программ. Применялись: метод параметрического сравнения средних величин (t-критерий Стьюдента для независимых выборок), корреляционный анализ (коэффициент линейной корреляции Пирсона r), а также факторный анализ методом главных компонентов с последующим Varimax-вращением и нормализацией Кайзера.

Результаты исследования

На первом этапе анализа с целью выявления характера изменений личностных ресурсов под влиянием специфики обучения в авиационном вузе был проведен сравнительный анализ средних значений шкал по t-критерию Стьюдента (Таблица 1).

Таблица 1 – Результаты сравнительного анализа показателей жизнестойкости и копинг-стратегий курсантов I и IV курсов СПбГУ ГА (N=344)

Шкалы и показатели методик	Среднее I курс (M1)	Среднее IV курс (M2)	Значение t-критерия	Уровень значимости (p)
Общий уровень жизнестойкости	82.40	74.10	6.18	< 0.001
Компонент «Вовлеченность»	33.10	28.50	6.25	< 0.001
Компонент «Контроль»	29.80	28.20	2.11	< 0.05
Компонент «Принятие риска»	19.50	17.40	6.32	< 0.001
Копинг-стратегии				
Планирование решения проблемы	64.20	55.50	5.88	< 0.001
Бегство-избегание	14.60	20.00	-11.37	< 0.001
Положительная переоценка	58.10	54.30	2.45	< 0.05
Самоконтроль	52.40	55.80	-2.19	< 0.05

Данные Таблицы 1 наглядно фиксируют феномен значимого падения общего уровня жизнестойкости курсантов к концу обучения (с 82.40 до 74.10 баллов при $p<0.001$). В наибольшей степени регрессируют «Вовлеченность» ($t=6.25$) и

«Принятие риска» ($t=6.32$). В операциональной сфере совладания выпускников отмечается резкое снижение осознанного планирования решения проблем ($t=5.88$) на фоне интенсивного роста шкал «Бегство-избегание» (прирост с 14.60 до 20.00; $t=-11.37$) и «Самоконтроль» ($t=-2.19$).

Для обнаружения качественной перестройки взаимосвязей ресурсов на разных этапах обучения был применен корреляционный анализ. Полученные интеркорреляционные матрицы выявили принципиальные внутренние отличия между группами (Таблица 2 и Таблица 3).

Таблица 2 – Интеркорреляционная матрица психологических ресурсов курсантов I курса (n=172)

Переменные	1. Общая ЖС	2. Вовлеч.	3. Контроль	4. Прин. риска	5. План. реш.	6. Избегание
1. Общая жизнестойкость	1.00	0.84**	0.79**	0.71**	0.42**	-0.15
2. Вовлеченность		1.00	0.62**	0.55**	0.38**	-0.11
3. Контроль			1.00	0.48**	0.45**	-0.18*
4. Принятие риска				1.00	0.29*	-0.08

Переменные	1. Общая ЖС	2. Вов леч.	3. Конт роль	4. Прин. риска	5. План. реш.	6. Избег ание
5. Планирование решения					1.00	-0.22*
6. Бегство-избегание						1.00

Таблица 3 – Интеркорреляционная матрица психологических ресурсов курсантов IV курса (N=172)

Переменные	1. Общая ЖС	2. Вов леч.	3. Конт роль	4. Прин. риска	5. План. реш.	6. Избег ание
1. Общая жизнестойкость	1.00	0.76* *	0.81**	0.64**	0.31*	-0.34
2. Вовлеченност ь		1.00	0.51**	0.42**	0.24*	-0.28*
3. Контроль			1.00	0.46**	0.52	-0.31*
4. Принятие риска				1.00	0.18	-0.19
5. Планирование решения					1.00	-0.26*
6. Бегство-избегание						1.00

Примечание здесь и далее: * — уровень значимости p≤0.05; — уровень значимости p≤0.01.

Анализ корреляционных матриц показывает, что к IV курсу шкала

«Бегство-избегание» образует жесткую, статистически высокозначимую отрицательную связь с общим уровнем жизнестойкости (r=−0.34; p≤0.01) и вовлеченностью (r=−0.28), чего не наблюдалось на младших курсах. Одновременно с этим на выпускном курсе резко усиливается и выходит на первый план положительная взаимосвязь компонента «Контроль» со стратегией

«Планирование решения проблемы» (r=0.52; p≤0.01).

Для экспликации глубинных латентных изменений структуры психологического совладания был применен процедурный аппарат факторного анализа (метод главных компонентов). Результаты факторизации шкал для обеих выборок представлены в обобщенной Таблице 4.

Таблица 4 – Факторные матрицы параметров жизнестойкости и копинг-стратегий на начальном и завершающем этапах обучения

Психологические переменные (шкалы)	Факторы I курса (n=172)		Факторы IV курса (n=172)	
	Фактор 1	Факт ор 2	Фактор 1	Фактор 2
	Активная регуляция	Эмоц. защита	Реглам. экономия	Ценн.-смысл. уст.
Общий уровень жизнестойкости	**0.82**	0.14	0.41	**0.73**
Компонент «Вовлеченность»	**0.75**	0.21	0.18	**0.79**
Компонент «Контроль»	**0.69**	-0.11	**0.84**	0.22
Компонент «Принятие риска»	0.54	0.33	0.35	0.51
Планирование решения проблемы	**0.71**	-0.28	**0.76**	0.15
Самоконтроль	0.44	0.12	**0.68**	-0.11
Бегство-избегание	-0.18	**0.79**	**-0.62**	-0.34
Положительная переоценка	0.38	**0.61**	0.29	**0.58**
Суммарная дисперсия (в %)	**38.4 %**	**16.2 %**	**34.1 %**	**20.5 %**

Примечание: Жирным шрифтом выделены факторные нагрузки со значением >0.60 Факторный анализ подтверждает коренную перестройку психологической архитектуры адаптации. У первокурсников доминирует фактор «Активной психологической регуляции» (38.4% объяснимой дисперсии), связывающий внутреннюю вовлеченность и активное проблемное планирование. На IV курсе структура полностью инвертируется: ведущим по мощности становится фактор «Регламентированной психологической экономии» (34.1%), объединяющий жесткий внешний контроль (0.84), алгоритмизированное планирование (0.76), самоконтроль (0.68) и отрицательную нагрузку по избеганию (-0.62).

Обсуждение результатов

Обнаруженное в ходе исследования за период 2021–2026 гг. статистически достоверное падение показателей жизнестойкости от начального к выпускному курсу на первый взгляд кажется парадоксальным. Логично было бы предположить, что по мере взросления и освоения профессии личностная устойчивость должна возрастать. Однако в специфических условиях закрытой среды университета гражданской авиации пролонгированное нахождение курсантов в условиях жесткого нормативного регламента, строгой дисциплины и дефицита личной автономности приводит к закономерному снижению компонентов «Вовлеченность» и «Принятие риска». Курсант IV курса устает от постоянных ограничений, его внутренняя спонтанная включенность в среду снижается, уступая место механизмам психологического утомления и вынужденного подчинения правилам. Направленность этой динамики согласуется с ранее зафиксированными нами тенденциями деструкции внутренних ресурсов совладания при отсутствии целенаправленного психологического сопровождения.

Данный тезис наглядно подтверждается результатами факторного анализа. Переход доминирующего фактора от структуры «Активной психологической регуляции» к

«Регламентированной психологической экономии» показывает, что к концу обучения субъектность будущего техника начинает опираться на жесткие внешние рамки технологических допусков. Самоконтроль и дисциплинированность вытесняют внутреннюю поисковую активность.

Особое теоретико-прикладное значение имеет обнаруженный нами феномен инверсии роли стратегии «отвлечение» (входящей в укрупненный блок «Бегство-избегание»). В рамках традиционных подходов классического стресс-менеджмента Р. Лазаруса, С. Фолкман или С. Мадди, шкала отвлечения/избегания трактуется однозначно негативно — как неадаптивный, деструктивный паттерн ухода от решения насущных жизненных проблем.

Однако в рамках авиационной психологии и специфики инженерно-технического труда данная стратегия претерпевает качественную функциональную метаморфозу. Деятельность авиатехника на учебном аэродроме СПбГУ ГА в периоды пиковых нагрузок требует непрерывной концентрации внимания, сопряженной с переработкой огромных массивов знаковой и визуальной информации. В этих условиях неизбежно возникает эффект «сенсорного пресыщения», ведущий к снижению бдительности и возникновению опасного феномена «туннельного зрения» (неспособности оперативно замечать критические дефекты или неисправности сложной техники).

Наше исследование показало, что если на первом курсе отвлечение носит деструктивный, стихийный характер (выступая формой академической прокрастинации), то к четвертому курсу оно осознанно инкорпорируется курсантами в структуру профессиональной жизнестойкости. Выпускники начинают использовать микровключения стратегии отвлечения как инструмент «когнитивной разрядки». Кратковременное осознанное дистанцирование от объекта труда во время регламентированных технологических пауз позволяет оперативно разгрузить рабочую память, снять эмоциональное перенапряжение и восстановить остроту сенсорного восприятия.

Таким образом, то, что в общей психологии репрезентируется как неадаптивное избегание, в структуре профессионализации инженерно-технического состава авиации выступает как скрытый элемент обеспечения профессиональной надежности и превентивной защиты от когнитивных ошибок, провоцирующих аварийные ситуации.

Это заставляет пересмотреть устоявшиеся в науке технократические взгляды и напрямую

соотносится с положениями В. А. Бодрова и Л. Г. Дикой о том, что психологическая устойчивость специалиста в экстремальных условиях деятельности представляет собой гибкий динамический процесс перераспределения внутренних энергетических и когнитивных ресурсов, а не раз и навсегда зафиксированную черту характера. Избыточное

«Принятие риска», которое в выборках гражданских специалистов (по данным Е. Н. Осина) выступает драйвером инноваций, в нашей выборке закономерно подавляется средой до умеренных, безопасных значений (17.40), поскольку склонность к риску в авиации прямо противоречит базовой этике безопасности полетов.

Заключение

Процесс профессионализации курсантов инженерно-технического профиля в условиях СПбГУ ГА носит амбивалентный характер: жесткая нормативная регламентация деятельности приводит к снижению показателей общей личностной жизнестойкости, но одновременно стимулирует развитие продвинутых механизмов внутренней саморегуляции и исполнительского самоконтроля.

Эмпирически доказан и теоретически обоснован феномен функциональной инверсии копинг-стратегии «отвлечение» от младших курсов к старшим. В условиях пиковых операциональных нагрузок технической эксплуатации авиатехники данная стратегия трансформируется в адаптивный механизм «когнитивной разрядки», защищающий специалиста от когнитивного пресыщения и эффекта «туннельного зрения».

Психологическим службам авиационных вузов при проектировании коррекционно-развивающих программ сопровождения необходимо уходить от универсальных общеадаптационных шаблонов стресс-менеджмента, ориентируя тренинговую работу на развитие навыков осознанной саморегуляции, командного совладания и легализацию техник позитивного отвлечения во время регламентированных перерывов.

Библиография

1. Бодров В.А. Психологическая пригодность к профессиональной деятельности // Психология работы с персоналом в трудах отечественных специалистов. СПб.: Питер, 2011. С. 231–245.
2. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Институт психологии РАН, 2003. 318 с.
3. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
5. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал в системе психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих // Психологический журнал. 2021. Т. 22. № 1. С. 16–24.
6. Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии теста жизнестойкости С. Мадди // Психологическая диагностика. 2018. № 3. С. 52–63.
7. Писарчук Т.М. Факторы успешности обучения студентов вузов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3.
8. Писарчук Т.М. Копинг-стратегии и жизнестойкость как факторы успешности профессионализации курсантов гражданской авиации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 4. С. 115–124.
9. Писарчук Т.М. Особенности психологической адаптации курсантов авиационного профиля // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2. С. 142–151.
10. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: субъектный подход. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 240 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.

Functional Inversions and Dynamics of Personal Resources of Aviation Personnel in the Process of Professionalization

Tat'yana M. Pisarchuk

Postgraduate Student,
Department of Educational Psychology,
Saint Petersburg State University,
199034, 7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tatiana.pisarchuk@mail.ru

Abstract

The article is devoted to an empirical study of the transformation of the system of personal resources and coping strategies of civil aviation engineering-technical cadets at different stages of university education. Comparative, correlation, and factor analysis of data was carried out on a representative sample (N=344) formed at the Saint Petersburg State University of Civil Aviation. Based on the results obtained, a statistically significant decrease in the general indicators of hardiness by the final year was recorded, caused by the prolonged impact of a strictly regulated educational environment. For the first time in aviation psychology, the phenomenon of functional inversion of the "distraction" coping strategy in graduates has been theoretically substantiated and described. It has been proven that under conditions of peak operational loads, conscious short-term distraction is transformed into an adaptive mechanism of "cognitive release," preventing sensory satiation and ensuring the professional reliability of a specialist.

For citation

Pisarchuk T.M. (2026) Funktsional'nye inversii i dinamika lichnostnykh resursov aviatsionnogo personala v protsesse professionalizatsii [Functional Inversions and Dynamics of Personal Resources of Aviation Personnel in the Process of Professionalization]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 175-182. DOI: 10.34670/AR.2026.62.56.016

Keywords

Hardiness, coping strategies, aviation personnel, professionalization, cognitive release, inversion of distraction, self-regulation, human factor, civil aviation cadets, psychological adaptation.

References

1. Bodrov, V. A. (2011). Psikhologicheskaya prigodnost' k professional'noy deyatel'nosti [Psychological suitability for professional activity]. In Psikhologiya rabota s personalom v trudakh otechestvennykh spetsialistov [Psychology of work with personnel in the works of domestic specialists] (pp. 231–245). Piter.
2. Dikaya, L. G. (2003). Psikhicheskaya samoregulyatsiya funktsional'nogo sostoyaniya cheloveka (sistemno-deyatel'nostnyy podkhod) [Mental self-regulation of human functional state (system-activity approach)]. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
3. Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). Test zhiznestoykosti [Hardiness test]. Smysl.
4. Lomov, B. F. (1984). Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy psikhologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. Nauka.

5. Maklakov, A. G. (2021). Lichnostnyy adaptatsionnyy potentsial v sisteme psikhologicheskogo obespecheniya professional'nogo zdorov'ya voyennosluzhashchikh [Personal adaptation potential in the system of psychological support for professional health of military personnel]. Psikhologicheskiy zhurnal [Psychological Journal], *22*(1), 16–24.
6. Osin, E. N. (2018). Faktornaya struktura russkoyazychnoy versii testa zhiznestoykosti S. Maddi [Factor structure of the Russian-language version of S. Maddi's hardiness test]. Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological Diagnostics], *3*, 52–63.
7. Pisarchuk, T. M. (2022). Faktory uspeshnosti obucheniya studentov vuzov [Factors of successful learning in university students]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya [Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Research], *11*(3).
8. Pisarchuk, T. M. (2023). Koping-strategii i zhiznestoykost' kak faktory uspeshnosti professionalizatsii kursantov grazhdanskoy aviatsii [Coping strategies and hardiness as factors of successful professionalization of civil aviation cadets]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya [Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Research], *12*(4), 115–124.
9. Pisarchuk, T. M. (2024). Osobennosti psikhologicheskoy adaptatsii kursantov aviatsionnogo profilya [Features of psychological adaptation of aviation profile cadets]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya [Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Research], *13*(2), 142–151.
10. Posokhova, S. T. (2001). Psikhologiya adaptiruyushcheysya lichnosti: sub"yektnyy podkhod [Psychology of the adapting personality: A subject-centered approach]. Herzen State Pedagogical University of Russia Publishing House.
11. Rubinshtein, S. L. (2002). Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of general psychology]. Piter.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 177.6-053.67 **DOI: 10.34670/AR.2026.71.70.017**

Представления и убеждения о романтических отношениях в юности и молодости: сравнительный анализ

Домрачева Светлана Алексеевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра психологии развития и образования,
Марийский государственный университет,
424008, Российская Федерация, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1;
e-mail: domracheva-sa70@mail.ru

Деревянных Анастасия Александровна

Студент,
Марийский государственный университет,
424008, Российская Федерация, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1;
e-mail: nastena14030@gmail.com

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена тем, что романтические отношения рассматриваются как особый вид близких межличностных отношений, включающий эмоциональную привязанность, избирательность партнера, субъективную значимость связи, стремление к близости и поддержанию относительно устойчивого взаимодействия. Целью работы является выявление возрастных и гендерных различий в представлениях и ценностно-смысловых убеждениях о романтических отношениях в юности и молодости. Выборку составили 134 респондента в возрасте от 18 до 30 лет. Установлено, что для лиц юношеского возраста характерны более идеализированные представления о романтическом партнере, а для представителей периода молодости – реалистические убеждения. В группе молодых людей наблюдается сдвиг в сторону прагматичных установок: возрастает ценность партнерства, основанного на взаимном уважении, общих жизненных целях и эмоциональной стабильности. Переход от юности к молодости сопровождается качественной перестройкой когнитивной и эмоциональной сферы. Происходит переход от импульсивного, зависимого и мифологизированного восприятия любви к более зрелому, реалистичному и осознанному партнерству. По мере взросления романтические отношения в большей степени зависят от способности выдерживать различия и принимать реальность партнера без разрушения отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Домрачева С.А., Деревянных А.А. Представления и убеждения о романтических отношениях в юности и молодости: сравнительный анализ // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 183-190. DOI: 10.34670/AR.2026.71.70.017

Ключевые слова

Романтические отношения, юность, молодость, убеждения, представления о любви, сравнительный анализ, ожидания от партнера, гендерные различия, возрастная психология, близкие отношения.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что молодые люди находятся под влиянием интернет-стереотипов, имеют нереалистичные ожидания от партнера и не готовы работать над отношениями: 34% выбирают сожительство вместо брака, а среди вступающих в брак высок риск развода. Романтические отношения в юности и молодости выступают значимой сферой личностного и социального развития, поскольку именно в этот период формируются ожидания в отношении партнера, представления о близости, нормах взаимодействия, допустимых формах поведения в паре и способах преодоления трудностей. В современной психологии романтические отношения рассматриваются не только как эмоционально значимая часть жизни молодого человека, но и как пространство становления привязанности, самодетерминации, способов совладания и социальных представлений о партнерстве.

Современные условия цифрового взаимодействия создают новые риски для сферы романтически отношений, включая усиление ревности, размывание границ допустимого поведения и новые формы нарушения доверия.

Переход от поздней юности к молодости сопровождается изменением ведущих жизненных задач: если в юности более значимы поиск собственной идентичности, эмоциональная близость, признание и идеализация партнерства, то в молодости возрастает роль устойчивости отношений, совместимости, распределения ответственности, совместного преодоления трудностей и ориентации на долговременные формы партнерства.

К. Хазан и Ф. Шейвер показали, что взрослые романтические отношения во многом воспроизводят базовые механизмы эмоциональной связи: стремление к близости, переживание безопасности рядом с другим человеком, тревогу при угрозе разрыва и использование партнера как источника поддержки. С этих позиций романтические отношения понимаются не только как переживание симпатии или влюбленности, но и как устойчивая система эмоциональной регуляции, через которую человек выстраивает близость, зависимость, автономию и доверие (Hazan, Shaver, 1987).

В отечественной психологии романтические отношения определяются как значимая сфера личностного развития, особенно в юношеском возрасте. Они являются важным пространством освоения близости, формирования способов преодоления трудностей и развития представлений о партнерстве. Это особая область жизнедеятельности, связанная с самопознанием, эмоциональным становлением и приобретением опыта разрешения противоречий в паре (Бочавер, 2012).

В представлениях юношей и девушек, имеющих романтического партнера, центральное место занимают доверие, взаимопонимание, поддержка, забота и эмоциональная близость. Романтические отношения субъективно осознаются не только через чувство любви, но и через представления о качестве взаимодействия, безопасности и взаимной включенности партнеров (Кудашевич, 2022). В исследовании современных ученых наиболее высоко респонденты оценивали важность безопасности в отношениях и стремление сделать партнера счастливым

(Проворова, Семенова, Манокин, 2025).

Понятие «представления» о романтических отношениях целесообразно рассматривать как относительно устойчивую систему знаний, оценок, ожиданий и смыслов, посредством которой субъект описывает желаемые и допустимые формы партнерства, объясняет события в паре и прогнозирует развитие отношений. В этом смысле представления являются более широкой категорией, чем отдельные убеждения. Они включают когнитивный компонент, связанный со знаниями и ожиданиями; эмоционально-ценностный компонент, связанный со значимостью близости и субъективной оценкой партнерства; нормативно-поведенческий компонент, задающий допустимые формы взаимодействия и реакции на трудности. Такой подход согласуется с исследованиями социальных представлений о романтических отношениях и браке, в которых подчеркивается, что восприятие партнерства формируется не только из личного опыта, но и под влиянием культурных норм, поколенческих различий и усвоенных социальных сценариев (Емельянова, Шмидт, 2019; Канли, 2025).

Представления о романтических отношениях образуют более общий образ партнерства, включающий ожидания относительно любви, верности, близости, поддержки, ролей и будущего отношений. Убеждения в отличие от представлений выступают как более частные и устойчивые когнитивные установки, задающие правила интерпретации поведения партнера и оценки происходящего в паре (Страпко, 2016).

В исследовательской практике сложились несколько подходов к анализу представлений и убеждений в сфере романтических отношений. Подход С. Сприхер и Д. Меттс основан на теории романтических убеждений. Авторы шкалы оценки романтических представлений (RBS) исходили из того, что у многих людей существует система идеализированных представлений о любви, включающая веру в любовь с первого взгляда, существование «единственного» партнера, совершенство истинной любви и убежденность в том, что любовь способна преодолеть любые препятствия (Sprecher, Metts, 1989). Именно убеждения оказывают существенное влияние на восприятие отношений и интерпретацию опыта партнерства.

Подход Р. Дж. Айдельсон и Н. Эпстайн (опросник RBI) связывает напряженность в отношениях с ригидными когнитивными установками, такими как ожидание «чтения мыслей» партнером и недопустимость конфликтов. Этот подход, укоренившийся в когнитивной психологии, рассматривает трудности как результат интерпретации событий самими партнерами.

Представления о любви — это широкая когнитивно-аффективная система, связанная с ценностями (Габдулина, 2023), а убеждения выступают их устойчивой частью, регулирующей восприятие пары. К.А. Бочавер (2012) отмечает, что в юности отношения становятся средой освоения способов преодоления трудностей. При этом высокие ожидания исключительности часто сочетаются с неготовностью принимать неизбежные различия и конфликты.

Для периода юности более вероятны убеждения о том, что “настоящая любовь” должна быть бесконфликтной, партнер должен интуитивно понимать чувства другого. Романтизированные убеждения, фиксируемые С. Сприхер и Д. Меттс, могут проявляться наиболее отчетливо, поскольку потребность в эмоциональном идеале тесно связана с общими задачами становления идентичности и поиска значимых отношений (Sprecher, Metts,1989).

Молодость, напротив, характеризуется постепенным смещением акцента с эмоциональной исключительности отношений на их жизнеспособность и устойчивость. Романтическая сфера чаще включается в более широкий жизненный контекст: профессиональная реализация, самостоятельность, долгосрочное планирование, вопросы совместного быта, ответственности и

совместимости. Представления о романтических отношениях становятся менее абстрактно-идеализированными и более соотнесенными с повседневной реальностью. На первый план выходят способность сохранять доверие, договариваться, распределять роли, учитывать интересы другого и выстраивать отношения в условиях реальных жизненных ограничений. Это свидетельствует о сдвиге от романтической любви к партнерской (Буслаева, 2020).

Исследование А.Ю. Борисовой (2024) показывает, что высокая аутентичность связана с более зрелым переживанием отношений, близостью и удовлетворенностью. В молодости устойчивость пары всё чаще определяется способностью к диадическому копингу — совместному преодолению стресса и конфликтов (Екимчик, 2025). Это требует перехода от идеализации к пониманию отношений как процесса постоянного согласования и поддержки (Габдулина, 2023; Емельянова, Шмидт, 2019).

Гендерные различия проявляются в сочетании любовных установок и привязанности (Страпко, 2016), при этом любовь для молодежи амбивалентна: в большей степени ценится близость при низких оценках простоты и свободы (Кыштымова, Макаревич, 2020). Ревность, являясь частой причиной конфликтов (Рожик и др., 2025), зависит не столько от внешних обстоятельств, сколько от внутренней устойчивости и самопринятия (Опекина, Голубева, 2020).

Цифровой контекст усиливает неопределенность и создает новые основания для конфликтов, размывая границы верности (Крюкова, Екимчик, 2019). Фаббинг снижает удовлетворенность отношениями и провоцирует ревность, особенно у людей с тревожной привязанностью (David, Roberts, 2021). В преодолении трудностей женщины чаще действуют рационально, тогда как мужчины склонны избегать проблем или реагировать эмоционально без конструктивных решений (Бочавер, 2012).

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили 134 респондента в возрасте от 18 до 30 лет, из них 76 респондентов юношеского возраста и 58 респондентов возрастного этапа молодость; в гендерном разрезе 76 студентов женского пола и 58 мужского пола.

Методики для сбора эмпирических данных: шкала оценки романтических представлений (RBS), опросник убеждений в сфере отношений (RBI). Методы обработки данных – сравнительный анализ независимых выборок с использованием U-критерия Манна–Уитни.

Результаты

Статистически значимых различий в общей значимости романтических отношений между юношами и молодыми людьми не выявлено. Однако в юности уровень дисфункциональных убеждений (иррациональные ожидания, вера в «чтение мыслей», иллюзия бесконечного выбора) значительно выше, что повышает риск разочарования. С возрастом установки становятся более рациональными.

В гендерном аспекте женщины демонстрируют более высокую романтическую идеализацию и эмоциональную вовлеченность, тогда как мужчины чаще ориентируются на любовь с первого взгляда и внутреннюю свободу. При этом уровень иррациональных убеждений (RBI) у мужчин и женщин статистически не различается: проблемные установки присущи обоим полам в равной степени. Различия касаются скорее эмоционально-стилевой организации любви, а не глубины когнитивных искажений.

Для формирования психологического благополучия в паре рекомендована профилактическая работа: коррекция мифов об отношениях, развитие навыков конструктивной коммуникации и уважения к границам партнера, а также обучение техникам саморегуляции (снижение тревоги и ревности).

Обсуждение результатов

В юности наблюдается парадоксальное сочетание: высокая романтическая значимость отношений по шкале представлений (RBS) с максимальным уровнем иррациональных ожиданий (RBI). К периоду молодости дисфункциональные убеждения значимо снижаются, а романтическая ценность любви сохраняется.

Сравнительный анализ в гендерном разрезе показал, что романтизация любви по шкале (RBS) у женщин значительно выше по сравнению с мужчинами. Представительницы женского пола больше склонны к романтической идеализации и придают отношениям более высокую эмоциональную значимость.

Заключение

Выявлено, что представления о романтических отношениях у молодежи (18–30 лет) имеют возрастную и гендерную специфику. Возрастные различия проявляются в когнитивной сфере: у юношей статистически значимо выше уровень дисфункциональных убеждений. Гендерные различия касаются эмоционально-стилевой организации: женщины демонстрируют более высокую романтическую идеализацию и эмоциональную вовлеченность по сравнению с мужчинами. Полученные данные обосновывают необходимость психолого-педагогической работы, направленной на формирование реалистичных и благополучных установок в сфере партнерства.

Библиография

1. Борисова А.Ю. Диспозициональная аутентичность и романтические отношения у женщин юношеского и зрелого возраста // Психологические исследования. 2024. Т. 17. № 95. С. 5. DOI: 10.54359/ps.v17i95.1597.
2. Бочавер К.А. Романтические отношения в юношеском возрасте: представления о преодолении трудностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 2012. 26 с.
3. Буслаева Е.Л. Представления молодого поколения об идеальной семье в современном мире // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием. Рязань, 2020. С. 552–557.
4. Габдулина Л.И. Содержание представлений о любви у молодых людей в связи с их ценностными ориентациями // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-predstavleniy-o-lyubvi-u-molodyh-lyudey-v-svyazi-s-ih-tsennostnymi-orientatsiyami/viewer .
5. Екимчик О.А. Психология диадического (совместного) копинга в близких отношениях: автореф. дис. ... докт. психол. наук: 5.3.5. СПб., 2025. 42 с.
6. Екимчик О.А. Результаты адаптации методики Р. Стернберга «Шкала историй любви». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-adaptatsii-metodiki-r-sternberga-shkala-istoriy-lyubvi-1996/viewer .
7. Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Романтические отношения и брак в социальных представлениях поколений миллениалов и бэби-бумеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 29–43. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-29-43.
8. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Фабинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 61–76. DOI: 10.17759/cpp.2019270305.
9. Кудашевич Д.В. Представления о романтических отношениях юношей и девушек, имеющих романтического партнера // Общение в эпоху конвергенции технологий: сборник научных трудов / отв. ред. Н.Л. Карпова. М.: Психологический институт РАО, 2022. С. 216–219.

10. Кыштымова И.М., Макаревич В.В. Любовь в системе социально значимых ценностей студенческой молодежи // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2020. № 31. С. 66–80. DOI: 10.26516/2304-1226.2020.31.66.
11. Опекина Т.П., Голубева А.А. Переживание ревности в близких отношениях и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 53–59. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.53-59.
12. Проворова А.А., Семенова Д.В., Манокин М.А. Шкала оценки идеального партнера (IPRS): перевод, адаптация и валидация для русской культуры // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 3. С. 219–238. DOI: 10.17759/sps.2025160312.
13. Рожик М.А., Ященко А.А., Володина К.А. Пилотажное исследование совладающего поведения у партнеров, переживающих трудности в романтических отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. № 1 (61).
14. Страпко Д.В. Половые различия в любовных установках и стилях привязанности в романтических отношениях студентов.
URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/160193/1/33.%d0%94.%20%d0%92.%20%d0%a1%d0%a2%d0%a0%d0%90%d0%9f%d0%9a%d0%9e.pdf .
15. Щукина О.Г. Социально-психологические особенности романтических отношений современной молодежи // Человеческий капитал. 2023. № 5 (173). С. 241–253. URL: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2023/05/202305_p241-253.pdf .
16. David M.E., Roberts J.A. Investigating the impact of partner phubbing on romantic jealousy and relationship satisfaction: The moderating role of attachment anxiety // Journal of Social and Personal Relationships. 2021. Vol. 38. No. 12. P. 3590–3609. DOI: 10.1177/0265407521996454.
17. Dweck C.S. Mindset: The new psychology of success. New York: Random House, 2006.
18. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. No. 3. P. 511–524. DOI: 10.1037/0022-3514.52.3.511.
19. Hendrick C., Hendrick S. A theory and method of love // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50. No. 2. P. 392–402. DOI: 10.1037/0022-3514.50.2.392.
20. Nelson A.J., Yon K.J. Core and peripheral features of the cross-cultural model of romantic love // Cross-Cultural Research. 2018. Vol. 53. No. 5. P. 447–482.
21. Sprecher S., Metts S. Development of the "Romantic Beliefs Scale" and examination of the effects of gender and gender-role orientation // Journal of Social and Personal Relationships. 1989. Vol. 6. No. 4. P. 387–411. DOI: 10.1177/0265407589064001.

Perceptions and Beliefs about Romantic Relationships in Adolescence and Young Adulthood: A Comparative Analysis

Svetlana A. Domracheva

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Developmental and Educational Psychology,
Mari State University,
424008, 1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, Russian Federation;
e-mail: domracheva-sa70@mail.ru

Anastasiya A. Derevyannykh

Student,
Mari State University,
424008, 1, Lenina sq., Yoshkar-Ola, Russian Federation;
e-mail: nastena14030@gmail.com

Abstract

The relevance of the study is determined by the fact that romantic relationships are considered as a special type of close interpersonal relations, including emotional attachment, partner selectivity, subjective significance of the bond, the desire for intimacy, and the maintenance of relatively stable interaction. The objective of the work is to identify age-related and gender differences in perceptions and value-semantic beliefs about romantic relationships in adolescence and young adulthood. The sample consisted of 134 respondents aged 18 to 30. It has been established that individuals of adolescent age are characterized by more idealized perceptions of a romantic partner, while representatives of the young adulthood period demonstrate realistic beliefs. In the group of young people, a shift towards pragmatic attitudes is observed: the value of partnership based on mutual respect, common life goals, and emotional stability increases. The transition from adolescence to young adulthood is accompanied by a qualitative restructuring of the cognitive and emotional spheres. There is a transition from an impulsive, dependent, and mythologized perception of love to a more mature, realistic, and conscious partnership. With maturation, romantic relationships increasingly depend on the ability to tolerate differences and accept the reality of the partner without destroying the relationship.

For citation

Domracheva S.A., Derevyannykh A.A. (2026) Predstavleniya i ubezhdeniya o romanticheskikh otnosheniyakh v yunosti i molodosti: sravnitel'nyy analiz [Perceptions and Beliefs about Romantic Relationships in Adolescence and Young Adulthood: A Comparative Analysis]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 183-190. DOI: 10.34670/AR.2026.71.70.017

Keywords

Romantic relationships, adolescence, young adulthood, beliefs, perceptions of love, comparative analysis, partner expectations, gender differences, developmental psychology, close relationships.

References

1. Borisova, A. Yu. (2024). Dispozitsional'naya autentichnost' i romanticheskiye otnosheniya u zhenshchin yunosheskogo i zrelogo vozrasta [Dispositional authenticity and romantic relationships in young and mature women]. *Psikhologicheskiye issledovaniya* [Psychological Research], *17*(95), 5. https://doi.org/10.54359/ps.v17i95.1597
2. Bochaver, K. A. (2012). *Romanticheskiye otnosheniya v yunosheskom vozraste: predstavleniya o preodolenii trudnostey* [Romantic relationships in adolescence: Ideas about overcoming difficulties] (Abstract of Candidate's dissertation). Moscow State University of Psychology and Education.
3. Buslaeva, E. L. (2020). Predstavleniya molodogo pokoleniya ob ideal'noy sem'ye v sovremennom mire [The ideas of the younger generation about the ideal family in the modern world]. In *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya* [Psychology of the 21st century: Challenges, searches, development vectors] (pp. 552–557). Ryazan.
4. David, M. E., & Roberts, J. A. (2021). Investigating the impact of partner phubbing on romantic jealousy and relationship satisfaction: The moderating role of attachment anxiety. *Journal of Social and Personal Relationships, 38*(12), 3590–3609. https://doi.org/10.1177/0265407521996454
5. Dweck, C. S. (2006). *Mindset: The new psychology of success*. Random House.
6. Ekimchik, O. A. (2025). *Psikhologiya diadicheskogo (sovmestnogo) kopinga v blizkikh otnosheniyakh* [Psychology of dyadic (joint) coping in close relationships] (Abstract of Doctoral dissertation). Saint Petersburg.
7. Emelyanova, T. P., & Schmidt, D. A. (2019). Romanticheskiye otnosheniya i brak v sotsial'nykh predstavleniyakh pokoleniy millenialov i bebi-bumerov [Romantic relationships and marriage in the social representations of millennials and baby boomers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye*

nauki [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], *1*, 29–43. https://doi.org/10.18384/2310-7235-2019-1-29-43

8. Gabdulina, L. I. (2023). Soderzhaniye predstavleniy o lyubvi u molodykh lyudey v svyazi s ikh tsennostnymi oriyentatsiyami [The content of young people's ideas about love in connection with their value orientations]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [The World of Science. Pedagogy and Psychology]. https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-predstavleniy-o-lyubvi-u-molodyh-lyudey-v-svyazi-s-ih-tsennostnymi-orientatsiyami/viewer
9. Hazan, C., & Shaver, P. (1987). Romantic love conceptualized as an attachment process. *Journal of Personality and Social Psychology, 52*(3), 511–524. https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.3.511
10. Hendrick, C., & Hendrick, S. (1986). A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology, 50*(2), 392–402. https://doi.org/10.1037/0022-3514.50.2.392
11. Kryukova, T. L., & Ekimchik, O. A. (2019). Fabing kak ugroza blagopoluchiyu blizkikh otnosheniy [Phubbing as a threat to the well-being of close relationships]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], *27*(3), 61–76. https://doi.org/10.17759/cpp.2019270305
12. Kudashevich, D. V. (2022). Predstavleniya o romanticheskikh otnosheniyakh yunoshey i devushek, imeyushchikh romanticheskogo partnera [Ideas about romantic relationships of young men and women who have a romantic partner]. In N. L. Karpova (Ed.), *Obshcheniye v epokhu konvergentsii tekhnologiy* [Communication in the era of technology convergence] (pp. 216–219). Psychological Institute of the Russian Academy of Education.
13. Kyshtymova, I. M., & Makarevich, V. V. (2020). Lyubov' v sisteme sotsial'no znachimykh tsennostey studencheskoy molodezhi [Love in the system of socially significant values of student youth]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology], *31*, 66–80. https://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.31.66
14. Nelson, A. J., & Yon, K. J. (2018). Core and peripheral features of the cross-cultural model of romantic love. *Cross-Cultural Research, 53*(5), 447–482.
15. Opekina, T. P., & Golubeva, A. A. (2020). Perezhivaniye revnosti v blizkikh otnosheniyakh i psikhologicheskoye blagopoluchiye vzroslykh muzhchin i zhenshchin [Experience of jealousy in close relationships and psychological well-being of adult men and women]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"* [Bulletin of Omsk University. Series "Psychology"], *4*, 53–59. https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.4.53-59
16. Provorova, A. A., Semenova, D. V., & Manokin, M. A. (2025). Shkala otsenki ideal'nogo partnera (IPRS): perevod, adaptatsiya i validatsiya dlya russkoy kul'tury [The Ideal Partner Rating Scale (IPRS): Translation, adaptation, and validation for Russian culture]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], *16*(3), 219–238. https://doi.org/10.17759/sps.2025160312
17. Rozhik, M. A., Yashchenko, A. A., & Volodina, K. A. (2025). Pilotazhnoye issledovaniye sovladayushchego povedeniya u partnerov, perezhivayushchikh trudnosti v romanticheskikh otnosheniyakh [A pilot study of coping behavior in partners experiencing difficulties in romantic relationships]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], *1*(61).
18. Shchukina, O. G. (2023). Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti romanticheskikh otnosheniy sovremennoy molodezhi [Socio-psychological features of romantic relationships of modern youth]. *Chelovecheskiy kapital* [Human Capital], *5*(173), 241–253. https://humancapital.su/wp-content/uploads/2023/05/202305_p241-253.pdf
19. Sprecher, S., & Metts, S. (1989). Development of the "Romantic Beliefs Scale" and examination of the effects of gender and gender-role orientation. *Journal of Social and Personal Relationships, 6*(4), 387–411. https://doi.org/10.1177/0265407589064001
20. Strapko, D. V. (2016). *Polovyye razlichiya v lyubovnykh ustanovkakh i stilyakh privyazannosti v romanticheskikh otnosheniyakh studentov* [Gender differences in love attitudes and attachment styles in romantic relationships of students]. https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/160193/1/33.%d0%94.%20%d0%92.%20%d0%a1%d0%a2%d0%a0%d0%90%d0%9f%d0%9a%d0%9e.pdf

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.922.6 **DOI: 10.34670/AR.2026.23.15.018**

Профессиональная самореализация и мотивация у женщин среднего возраста в период переоценки жизненных смыслов и ценностей

Дорофеева Елена Эдуардовна

Магистр,
Московский институт Психоанализа,
127051, Российская Федерация, Москва, 1-й Колобовский пер., 5/2;
e-mail: dorofeevaee@gmail.com

Киселева Елена Николаевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Московский институт Психоанализа,
127051, Российская Федерация, Москва, 1-й Колобовский пер., 5/2;
e-mail: kisselova@list.ru

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена необходимостью развития творческой мотивации, мотивации общей активности, социальной полезности и мотива самореализации у женщин среднего возраста для повышения уровня профессиональной самореализации. Представлены результаты корреляционного анализа показателей профессиональной самореализации и мотивации женщин среднего возраста. Раскрыты особенности внутренней мотивации в период кризиса среднего возраста. Предложены рекомендации для руководителей организации, HR-специалистов, коучей, психологов.

Для цитирования в научных исследованиях

Дорофеева Е.Э., Киселева Е.Н. Профессиональная самореализация и мотивация у женщин среднего возраста в период переоценки жизненных смыслов и ценностей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 191-206. DOI: 10.34670/AR.2026.23.15.018

Ключевые слова

Профессиональная самореализация, мотивация, внутренняя мотивация, кризис среднего возраста, профессиональная идентичность, женщины среднего возраста, коучинг, самореализация, психологическая поддержка.

Введение

Феномен самореализации был впервые упомянут швейцарским психологом К. Г. Юнгом, который считал, что данная возможность доступна только высокообразованным людям [Хьелл, Зиглер, 2022]. Понятие «самореализация» в психологии подразумевает под собой реализацию собственных способностей, возможностей и потенциала, стремление к позитивному и конструктивному росту, как к одному из важнейших мотивов жизни человека. В своей пирамиде потребностей Абрахам Маслоу отнес самоактуализацию, самореализацию к самой верхней ступени модели. Он полагал, что менее 1% человечества способна реализовать данную потребность [Хьелл, Зиглер, 2022].

Вопросы профессиональной самореализации изучали такие отечественные авторы как: Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, Б.М. Теплов, а также в современных концепциях и моделей: полисистемный подход самореализации С.И. Кудинова, трактовка профессиональной самореализации как сознательно осуществляемой деятельности у Э.Ф. Зеера, модель компонентов самореализации в профессии В.Л. Куницки, Е.Н. Киселевой и психодиагностический подход Е.А. Гавриловой. Теоретико-методологическая база зарубежных исследований, касающихся вопросов профессиональной самореализации, включают труды выдающих психологов таких, как А. Адлер, А. Маслоу, Э. Эриксон, К. Роджерс, В. Франкл, чьи концепции заложили фундамент понимания механизмов личностного роста и стремления индивида к раскрытию собственного потенциала в профессиональной сфере.

Основная часть

Развитие мотивации является важным фактором профессиональной самореализации. За рубежом и в России многие выдающиеся психологи внесли значительный вклад. Вопросами мотивации занимались такие отечественные психологи, как: Б. Г. Ананьев, В. М. Бехтерев, А. Г. Леонтьев, А.А. Реан, Л. С. Рубинштейн, а также зарубежные психологи: А. Адлер, К. Левин, Д. Макклелланд, А. Маслоу, В. Франкл, З. Фрейд, К. Г. Юнг.

На женщин накладывается дополнительная нагрузка. Это биологическая и социальная функция рождения и воспитания детей, временно ограничивающая вовлеченность в профессиональную самореализацию, прерывающая на разный срок трудовую деятельность, требующая время и силы на восстановление профессиональных компетенций. Однако женщины все более интересуются раскрытием своих талантов и внутриличностного потенциала, собственной реализацией в профессии, в то время как феномен мотивации в профессиональной деятельности у женщин среднего возраста мало изучен, как и присутствует недостаток эмпирических исследований.

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязи профессиональной самореализации и мотивации женщин среднего возраста в период так называемого «кризиса среднего возраста», когда происходит переоценка ценностей и смыслов, дети становятся автономными, и женщина испытывает потребность быть полезной социуму через профессиональную реализацию своих талантов, способностей, своей идентичности и их трансляцию в общество.

Нашу выборку составили работающие 51 женщина в возрасте 35 - 45 лет, обладающих высшим образованием и воспитывающих детей. Данная категория респондентов выделяется

особыми условиями жизнедеятельности и выраженными карьерными устремлениями, что определяет специфику возникающих трудностей и мотивационных барьеров. Что касается семейных статусов: 84% женщин состояли в отношениях или в браке, 16% - вне отношений. Исследование проводилось на базе студентов и выпускников НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», а также сотрудников различных организаций Москвы, Московской области и других регионов страны. Сбор данных осуществлялся в период с июля по август 2025 года. Такой состав выборки обеспечивает релевантность исследования по теме профессиональной самореализации женщин среднего возраста, находящихся в активной фазе карьерного и семейного развития.

В своем работе мы ставим вопрос выявления преобладающей формы и вида мотивации у представительниц данной возрастной категории: должны ли усилия быть направлены на внутреннюю мотивацию или все же женщинам среднего возраста важнее внешние стимулы в профессиональной деятельности.

Задачи, которые мы перед собой ставили помимо теоретического исследования:

– Провести психодиагностическое исследование по сформированной выборке.
– Выявить характер взаимосвязи между показателями мотивации и уровнем профессиональной самореализации у женщин среднего возраста.
– Дать рекомендации для руководителей организацией, HR-специалистов и разработать программу психологической поддержки с использованием коучинговых технологий, направленную на повышение мотивации и профессиональной самореализации у женщин среднего возраста.

Были использованы следующие методики:

– Психодиагностическая методика «Тип и уровень профессиональной самореализации» Е.А. Гавриловой (2015)
– Методика «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана (1990)
– Методика «Диагностика мотивов профессиональной деятельности» Т.Н. Францевой (2010).

Для обработки эмпирических данных применялись методы математической статистики: проверка на нормальность распределения выборки с помощью критерия Колмогорова-Смирнова, далее метод ранговой корреляции Спирмена с использованием пакета IBM SPSS Statistics 26.

Применяя психодиагностическую методику «Тип и уровень профессиональной самореализации» Е.А. Гавриловой мы выявили, что средний уровень профессиональной самореализации в выборке составил 66,47 ± 9,79 баллов (рис. 1), что соответствует уровню реализации ролей и норм в организации (52–77 баллов).

Данный уровень характеризуется ориентацией на внешние требования: исполнение должностных обязанностей, соответствие ожиданиям коллектива и руководства, идентификация с профессиональной группой, при этом у большинства женщин (84,3%) наблюдается недостаточная выраженность внутренних, личностных смыслов профессиональной деятельности. Их работа воспринимается скорее, как «долженствование», нежели как способ самовыражения или реализации внутреннего потенциала.

Высший уровень - смысложизненная и ценностная реализация (78–102 балла) - выявлен у 11,8% респонденток. Эти женщины показали осознанное соответствие профессии своим жизненным ценностям, высокую удовлетворенность трудом и внутреннюю мотивацию.

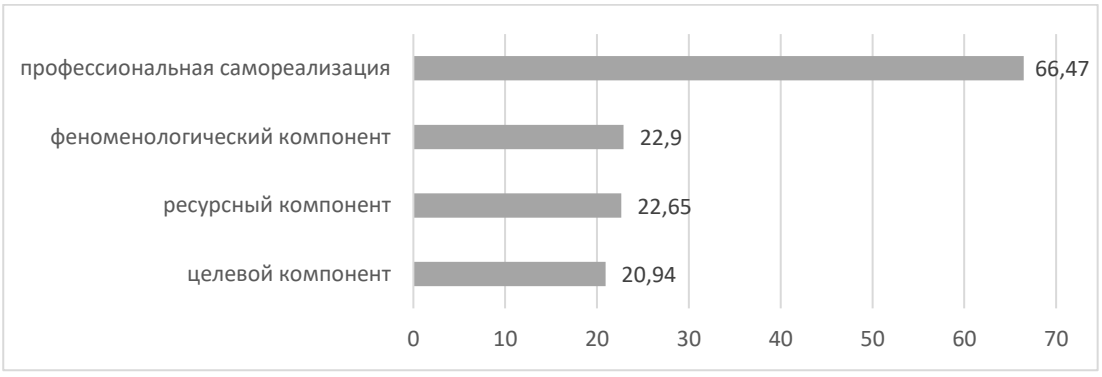

Рисунок 1 – Результаты диагностики по методике Е.А. Гавриловой (средние значения по выборке), в баллах

В процентном соотношении распределение отображено на рис.2.

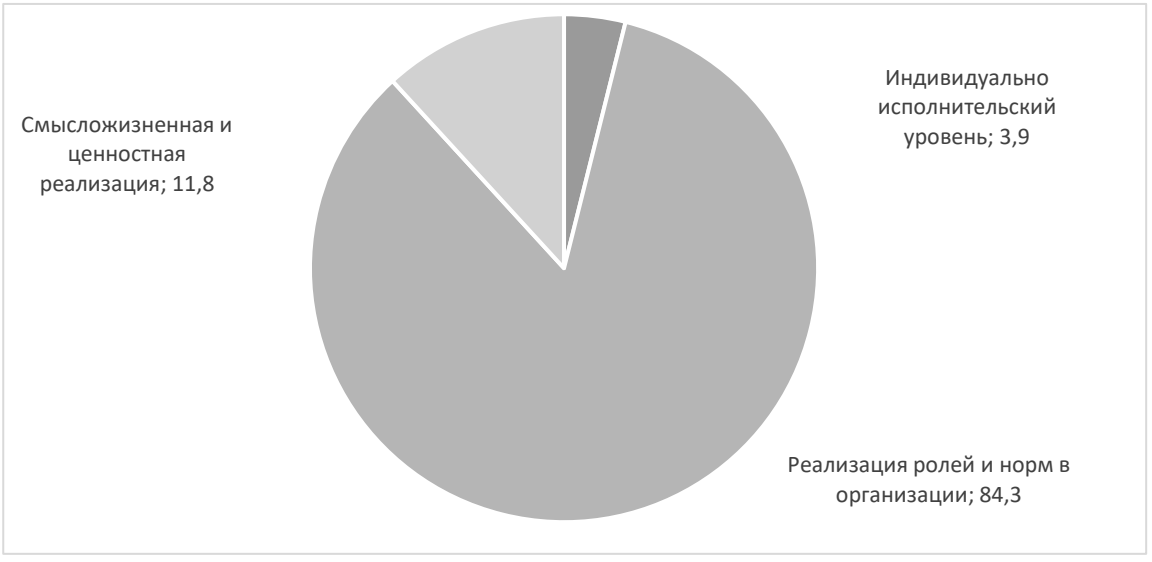

Рисунок 2 – Распределение респондентов по уровню профессиональной самореализации, в %

Индивидуально-исполнительский уровень (26–51 баллов) отмечен у 3,9% участниц, что может указывать на трудности в профессиональной адаптации или неуверенности в своих компетенциях. Примитивно-исполнительский уровень (0–25 баллов) в выборке не выявлен.

Перейдем к анализу компонентов профессиональной самореализации (далее ПС). Наиболее выраженным оказался феноменологический компонент - 22,90 ± 4,92 балла, что говорит о наличии у большинства респонденток внешних проявлений профессиональной самореализации: определенного уровня карьерного успеха, профессионализма и субъективной удовлетворенности трудом. Целевой компонент составил 20,94 ± 4,32 балла, находясь на границе между невыраженным (до 22 баллов) и выраженным (23–34 балла) уровнем. Таким образом, у части женщин имеется четкое представление о профессиональных целях и ценностях, однако у значительной доли выборки осмысление остается недостаточно глубоким или нестабильным.

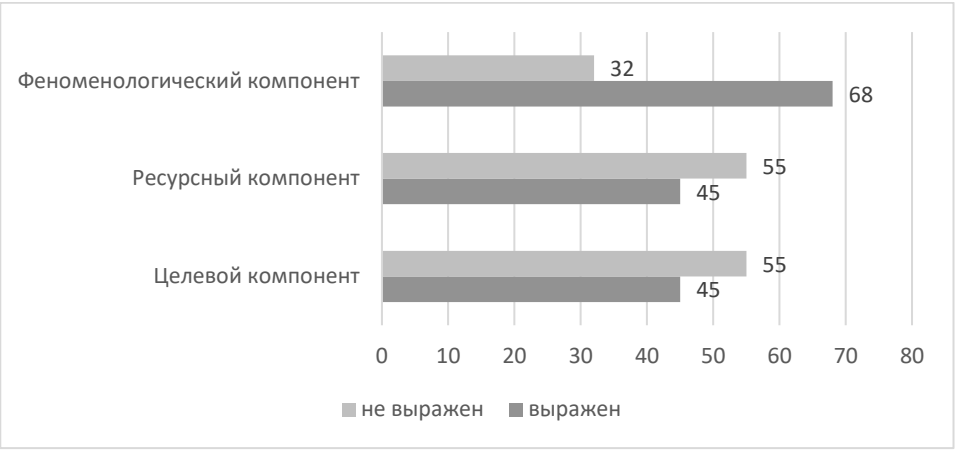

Рисунок 3 – Распределение по степени выраженности компонентов профессиональной самореализации, в %

Феноменологический компонент выражен у 68% респонденток, в то время как целевой и ресурсный - лишь у 45% каждый, что подтверждает тенденцию к приоритету внешних проявлений над внутренней осмысленностью и ресурсной устойчивостью.

Тип профессиональной самореализации определялся на основе комбинации выраженности трех компонентов.

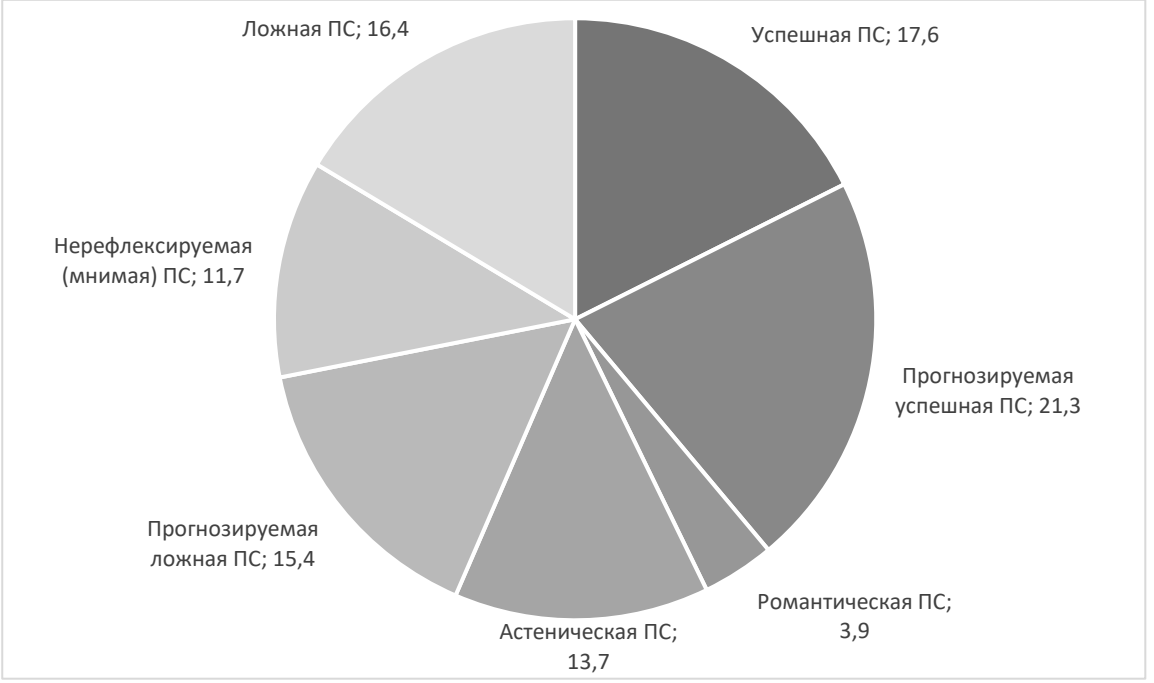

Рисунок 4 – Распределение по типу профессиональной самореализации, в %

Только у 17,6% женщин наблюдается успешная профессиональная самореализация (выражены все три компонента), в то время как у значительной части выборки выявлены типы, связанные с отсутствием смысла (ложная, мнимая, формальная ПС) или дефицитом ресурсов (астеническая ПС – 13,7%), что указывает на риск профессионального выгорания.

Ложная ПС (выражен только феноменологический компонент) -16,4%, прогнозируемая

ложная ПС (ресурсный и феноменологический выражены, целевой - нет) - 15,4%, нерефлексируемая (мнимая) ПС (выражен только ресурсный компонент) - 11,7%. Прогнозируемая успешная ПС (целевой и ресурсный выражены, феноменологический – нет) - 21,3%. Романтическая ПС (выражен только целевой компонент) - 3,9%.

Наиболее выраженным компонентом является феноменологический (М = 22,90), что говорит о наличии внешних признаков профессиональной самореализации (карьера, удовлетворенность, признание), тогда как целевой компонент (М = 20,94) находится на границе выраженности, указывая на недостаточную осмысленность профессиональной деятельности.

В рамках изучения мотивационной сферы женщин среднего возраста была использована методика «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана. Данная методика представляет особую ценность для настоящего исследования, поскольку позволяет диагностировать не только мотивационный профиль (МП), но и эмоциональный профиль (ЭП) личности, что дает комплексное представление о движущих силах профессиональной деятельности женщин в период среднего возраста.

Таблица 1 – Описательная статистика мотивационного профиля по методике В.Э. Мильмана, n = 51

Показатель	Min	Max	M	SD
жизнеобеспечение (П)	12,00	41,00	26,16	5,45
комфорт (К)	14,00	43,00	26,00	5,71
социальный статус (С)	6,00	40,00	24,08	6,82
общение (О)	13,00	40,00	26,20	5,63
общая активность (Д)	12,00	36,00	23,39	6,03
творческая активность (ДР)	16,00	45,00	31,20	6,78
общественная полезность (ОД)	12,00	38,00	24,78	6,55
Эмоциональные предпочтения	0,00	11,00	4,86	2,63
Фрустрационное поведение	3,00	12,00	8,27	2,82

Как видно из представленных данных в табл.1, средние значения по шкалам мотивационного профиля находятся в диапазоне от 23,39 до 31,20 баллов, что говорит о достаточно выраженной и дифференцированной структуре мотивации у обследованных женщин (рис. 5):

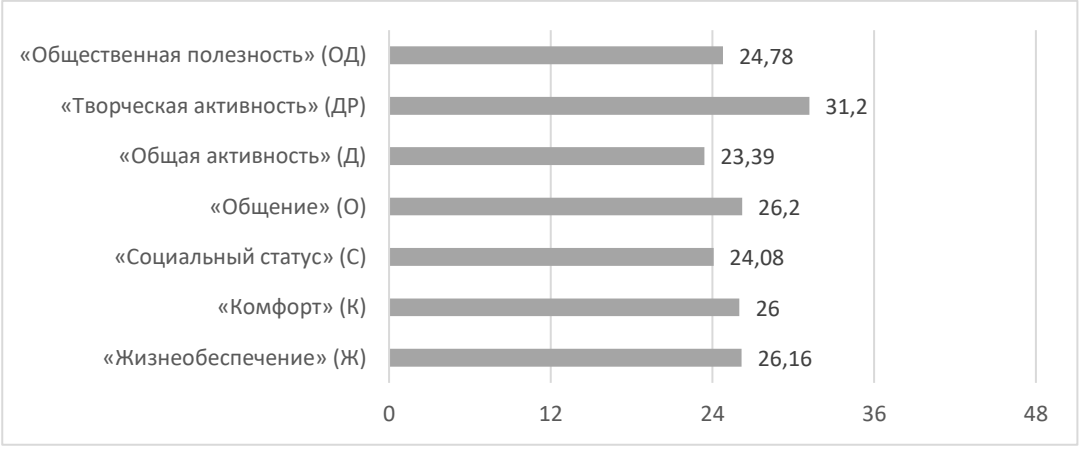

Рисунок 5 – Средние значения показателей мотивационной структуры личности женщин среднего возраста по методике В.Э. Мильмана, в баллах

Наиболее высокие средние показатели зафиксированы по шкале «творческая активность» (ДР): M = 31,20 (min = 16,00; max = 45,00; SD = 6,78). Данный результат говорит о доминировании у респонденток стремления к самовыражению, новаторству, поиску нетривиальных решений и реализации творческого потенциала. Высокий уровень мотивации является маркером зрелой, автономной мотивационной структуры, ориентированной на внутренние источники удовлетворения и личностный рост. При этом значительное стандартное отклонение (SD > 6) указывает на наличие в выборке как лиц с чрезвычайно выраженной творческой направленностью, так и тех, кто предпочитает стабильность и рутину.

Шкалы «общение» (О) и «поддержание жизнеобеспечения» (П) демонстрируют близкие по величине средние значения: M = 26,20 (SD = 5,63) и M = 26,16 (SD = 5,45) соответственно. Мотивация к установлению и поддержанию межличностных контактов и мотивация обеспечения материальной стабильности являются равнозначными по своей значимости для большинства участниц исследования. Подобное соотношение может интерпретироваться как баланс между экстерналом (потребность в социальном взаимодействии) и экзистенциальным контекстом (экономическая безопасность), что типично для женщин среднего возраста, находящихся в периоде профессиональной зрелости и активной семейной жизни.

Мотив «комфорт» (К) также занимает важное место в мотивационной иерархии (M = 26,00; SD = 5,71), что отражает стремление к созданию благоприятных условий труда, минимизации стрессовых факторов и поддержанию психологического равновесия. Учитывая возрастную специфику выборки, данный мотив может рассматриваться как адаптивный механизм, способствующий сохранению психоэмоционального здоровья в условиях многозадачности и ролевых нагрузок.

Сравнительно более низкие, хотя и значимые, показатели наблюдаются по шкалам «общая активность» (Д) (M = 23,39; SD = 6,03) и «общественная полезность» (ОД) (M = 24,78; SD = 6,55), что говорит о некоторой утрате энергетического потенциала или снижении вовлеченности в социально значимые проекты. Однако сохраняющаяся умеренная выраженность этих мотивов указывает на наличие у респонденток внутренних резервов для активной гражданской и профессиональной позиции.

Наиболее низкий уровень зафиксирован по шкале «социальный статус» (С): M = 24,08 (SD = 6,82), что интерпретируется как снижение зависимости от внешних статусных атрибутов, таких как должность, звание или общественное признание. Факт согласуется с концепцией развития личности в середине жизни, когда акцент смещается с внешних достижений на внутреннюю гармонию и смысловую наполненность деятельности.

Среднее значение по шкале «Фрустрация стеническая» (Фст) составляет M = 8,24 балла. Сотрудники в целом демонстрируют конструктивное, активное поведение в трудных ситуациях. Они склонны мобилизовать усилия, действовать и находить способы преодоления препятствий, а не пассивно отступать.

Среднее значение по шкале «Фрустрация астеническая» (Фаст) значительно ниже: M = 4,12 балла. У сотрудников слабо выражены реакции на фрустрацию, связанные с пассивностью, растерянностью, унынием или раздражением. Они реже «сдаются» перед трудностями.

В отличие от фрустрационного поведения, при анализе эмоциональных предпочтений наблюдается обратная картина: астенические предпочтения (Эаст) имеют более высокое среднее значение M = 8,27, что говорит о склонности к переживаниям гедонистического типа, стремлении к комфорту и стабильности. Эстенические предпочтения (Эст) выражены слабее (M = 4,86), что указывает на меньшую тягу к ярким, интенсивным, но кратковременным

эмоциональным переживаниям.

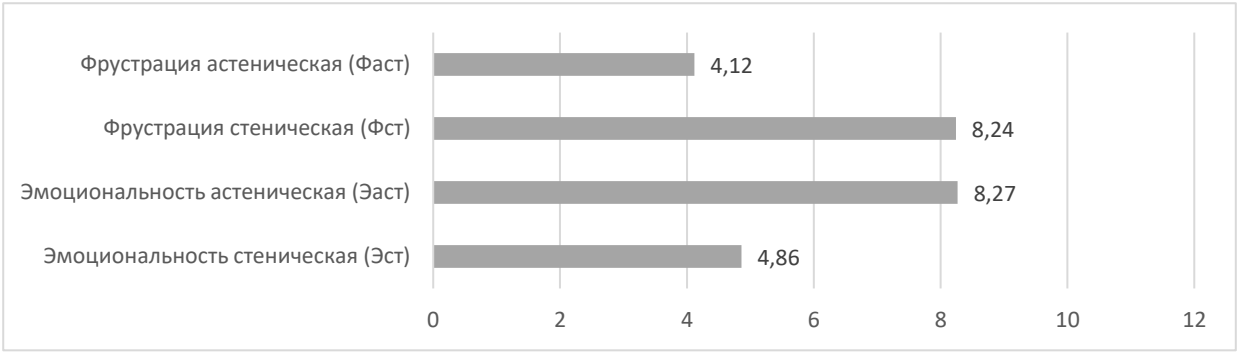

Рисунок 6 – Средние значения показателей эмоционального профиля женщин среднего возраста, в баллах

Проведенный анализ мотивационной структуры личности женщин среднего возраста позволяет сделать следующие выводы:

– В мотивационной структуре женщин среднего возраста доминирует внутренняя, саморазвивающая мотивация, в особенности творческая активность, что говорит о зрелой и автономной направленности личности.

– Наиболее значимыми мотивами являются творческая активность, общение и жизнеобеспечение, что отражает баланс между внутренними стремлениями к самореализации и внешними условиями профессиональной и семейной жизни.

– Наблюдается снижение роли внешних статусных мотивов (социальный статус), что соответствует теоретическим моделям мотивационного развития в среднем возрасте.

– Эмоциональный профиль характеризуется преобладанием астенических эмоциональных предпочтений, что указывает на устойчивость, ответственность и глубину переживаний, а не на импульсивность или поверхностность эмоциональных реакций.

Для углубления интерпретации мотивационной структуры и выявления специфических профессиональных мотивов у женщин среднего возраста была использована методика «Диагностика мотивов профессиональной деятельности» Т.Н. Францевой. Данная методика представляет собой надежный психодиагностический инструмент, направленный на выявление доминирующих мотивов трудовой деятельности и особенностей их регуляции. Особую ценность методики составляет ее способность дифференцировать внутренние и внешние мотивы, а также оценивать пять способов регуляции профессиональной деятельности, что позволяет создать целостную картину мотивационной сферы личности.

Таблица 2 – Описательные статистики мотивационного профиля респондентов по методике Т.Н. Францевой «Мотивационный профиль личности» (n = 51)

Показатель	Min	Max	M	SD
Мотив жизнеобеспечения	25,0	44,0	35,92	4,64
Мотив взаимодействия	23,0	42,0	34,37	3,54
Мотив познавательный	16,0	48,0	37,43	5,82
Мотив активности	21,0	43,0	36,06	4,86
Мотив признания	16,0	44,0	31,43	5,40
Мотив самореализации	21,0	47,0	38,59	5,28

Анализ полученных данных показал следующую картину распределения мотивов профессиональной деятельности в исследуемой группе (Рис. 7).

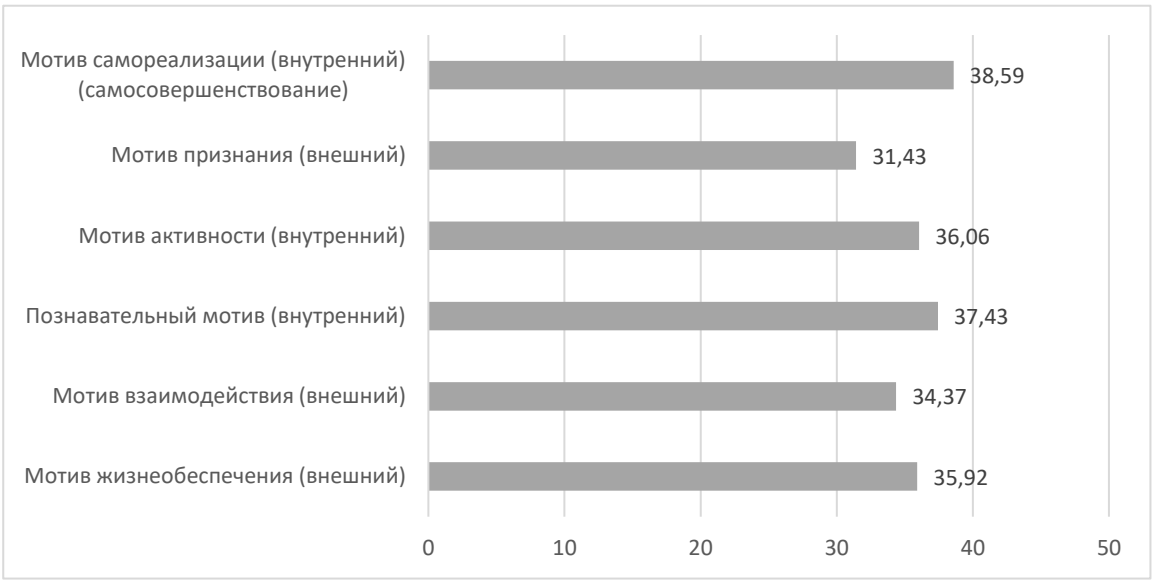

Рисунок 7 – Средние значения мотивов профессиональной деятельности женщин среднего возраста по Францевой, в баллах (n = 51)

Наиболее выраженным мотивом в исследуемой группе оказался мотив самореализации (M = 38,59; SD = 5,28), относящийся к категории внутренних мотивов. Следовательно, для женщин среднего возраста особенно значимы такие аспекты профессиональной деятельности, как личностный рост, развитие профессиональных компетенций, реализация творческого потенциала и ощущение собственной компетентности. Высокая выраженность данного мотива указывает на зрелую, автономную мотивационную структуру, ориентированную на внутренние источники удовлетворения.

На втором месте по выраженности находится познавательный мотив (M = 37,43; SD = 5,82), также относящийся к внутренним мотивам. Это говорит о стремлении респонденток к постоянному расширению профессиональных знаний, освоению новых навыков и глубокому пониманию содержания своей работы. Такая направленность способствует профессиональному развитию и адаптации к изменяющимся требованиям.

Третьим по значимости является мотив активности (M = 36,06; SD = 4,86), отражающий внутреннюю готовность к инициативному и энергичному взаимодействию со средой, стремление проявлять инициативу и быть вовлеченной в профессиональные процессы.

Среди внешних мотивов наиболее выражен мотив взаимодействия (M = 34,37; SD = 3,54), что подчеркивает важность для женщин среднего возраста установления конструктивных отношений с коллегами, взаимопонимания и поддержки в профессиональной среде, и соответствует возрастной специфике, когда социальные связи и эмоциональная поддержка играют ключевую роль в поддержании психологического благополучия.

Мотив жизнеобеспечения занимает промежуточное положение (M = 35,92; SD = 4,64), что говорит об умеренной значимости материального вознаграждения, но не как доминирующего фактора, а как необходимого условия стабильности.

Наименее выраженным оказался мотив признания (M = 31,43; SD = 5,40), что может

свидетельствовать о том, что внешняя оценка и одобрение со стороны окружающих не являются для респонденток первостепенной потребностью, что согласуется с переходом в среднем возрасте от внешней к внутренней мотивации и снижением зависимости от социального статуса.

Таким образом, в исследуемой группе наблюдается четкое преобладание внутренних мотивов (самореализация, познание, активность) над внешними (жизнеобеспечение, взаимодействие, признание). Следовательно, профессиональная деятельность женщин среднего возраста в большей степени мотивирована внутренним интересом к содержанию работы и стремлением к личностному и профессиональному росту, чем внешними стимулами. Такое соотношение мотивов можно рассматривать как благоприятный фактор для профессиональной устойчивости, поскольку преобладание внутренней мотивации обычно связано с более высоким уровнем удовлетворенности работой, профессиональной эффективностью и устойчивостью к выгоранию.

Отметим способы регуляции профессиональной деятельности, выявленные у респонденток (Рис. 8):

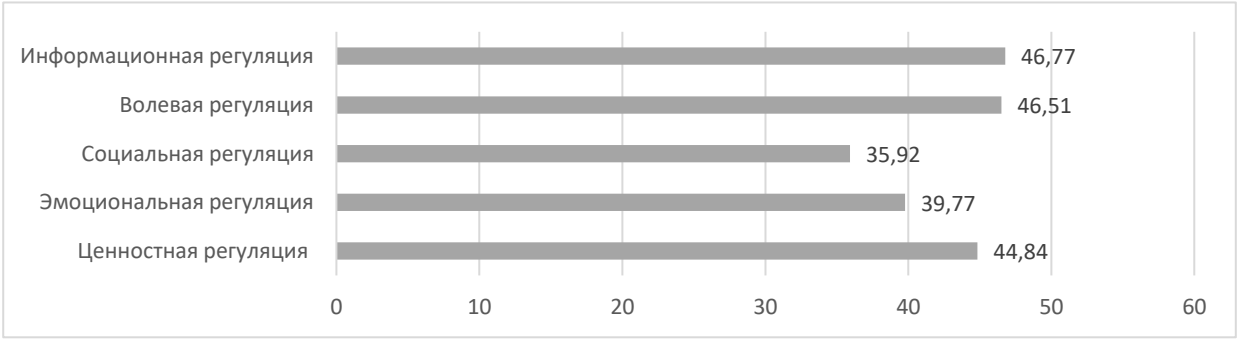

Рисунок 8 – Средние значения способов регуляции профессиональной деятельности женщин среднего возраста, в баллах (n = 51)

Наиболее выраженным способом регуляции в исследуемой группе является информационная регуляция (M = 46,77; SD = 8,04). Показатель характеризует способность использовать профессиональную информацию для актуализации мотивов и принятия решений. Высокое среднее значение при значительном разбросе индивидуальных показателей (от 17 до 59 баллов) указывает на то, что большинство женщин активно опираются на знания и аналитические навыки в работе, однако у части респонденток этот ресурс выражен слабее.

На втором месте находится волевая регуляция (M = 46,51; SD = 6,16), отражающая управление поведением за счет сознательных усилий, самостоятельность в принятии решений, инициативность и самоконтроль. Такой высокий уровень свидетельствует о зрелости мотивационной сферы и способности к целенаправленной профессиональной деятельности даже в условиях многозадачности и ролевых нагрузок, характерных для среднего возраста.

Третьим по значимости является ценностная регуляция (M = 44,84; SD = 5,45), представляющая собой высший уровень мотивации, основанный на личностных ценностях и смысловых ориентациях. Профессиональная деятельность для большинства респонденток не сводится к выполнению формальных обязанностей, а воспринимается как способ выражения внутренних убеждений и вклада в общее дело.

Эмоциональная регуляция занимает четвертое место (M = 39,77; SD = 4,20). Данный показатель отражает эмоциональную поддержку мотивов и реальные переживания, связанные с

профессиональной деятельностью. Его умеренная выраженность может свидетельствовать о стремлении женщин среднего возраста к эмоциональной стабильности и сдержанности в рабочей среде.

Наименее выражена социальная регуляция (M = 35,92; SD = 5,04), что характеризует влияние социального окружения (мнения коллег, стремление к одобрению) на профессиональную мотивацию. Преобладание внутренних регуляторов (информационного, волевого, ценностного) над социальным подтверждает зрелый, автономный тип профессиональной мотивации, ориентированный на внутренние стандарты, а не на внешнее давление или оценку.

Таким образом, система регуляции профессиональной деятельности у женщин среднего возраста базируется преимущественно на внутренних, зрелых механизмах - волевых, ценностных и когнитивных, что соответствует возрастной динамике и требованиям профессиональной самореализации в период среднего возраста. Для изучения взаимосвязи между мотивацией и профессиональной самореализацией был проведен корреляционный анализ по Спирмену.

Таблица 3 – Взаимосвязь мотивации и профессиональной самореализации у женщин среднего возраста (коэффициент Спирмена, n = 51)

Показатель мотивации	**Уровень профессиональной самореализации**
Общая активность (Д)	r_s= 0,406**
Творческая активность (ДР)	r_s= 0,508**
Общественная полезность (ОД)	r_s= 0,600**
Мотив самореализации	r_s= 0,504**
Познавательный мотив	r_s= 0,392*
Волевая регуляция	r_s= 0,487**
Информационная регуляция	r_s= 0,513**

* достоверная корреляция (уровень значимости p < 0.05), ** достоверная корреляция (уровень значимости p < 0.01)

Анализ показал наличие статистически значимых положительных корреляций между ключевыми показателями мотивации и уровнем профессиональной самореализации, что полностью подтверждает гипотезу исследования.

По шкале общей активности (Д) наблюдается достоверная положительная корреляция с уровнем профессиональной самореализации (r = 0,406; p = 0,003), что соответствует гипотезе о положительной взаимосвязи между внутренней мотивацией и самореализацией.

Особенно значимой является корреляция по шкале творческой активности (ДР): r = 0,508 (p < 0,01). Результат подтверждает, что творческая вовлеченность в деятельность является одним из ключевых показателей внутренней мотивации.

По шкале общественной полезности (ОД) также обнаружена сильная положительная корреляция (r = 0,600; p < 0,01), что говорит о важности восприятия работы как социально значимой для достижения высокого уровня самореализации.

По шкале мотива самореализации обнаружена положительная корреляция с уровнем профессиональной самореализации (r = 0,504; p < 0,01), что непосредственно подтверждает гипотезу исследования.

Познавательный мотив также значимо коррелирует с уровнем профессиональной самореализации (r = 0,392; p = 0,05), что указывает на важность познавательной составляющей в профессиональной деятельности.

Женщины с высоким уровнем профессиональной самореализации демонстрируют более высокие показатели по шкалам регуляции: волевая регуляция ($r = 0,487$; $p < 0,01$), информационная регуляция ($r = 0,513$; $p < 0,01$), что подтверждает гипотезу о более развитых способностях к саморегуляции у данной группы.

Обнаружена тенденция к отрицательной связи между мотивом жизнеобеспечения и целевым компонентом профессиональной самореализации ($r = -0,204$; $p = 0,15$), что может указывать на переход от внешней к внутренней мотивации по мере роста самореализации.

Женщины с высоким уровнем ПС демонстрируют более высокие показатели по шкалам регуляции: волевая регуляция ($r_s = 0,487$; $p < 0,01$) и информационная регуляция ($r_s = 0,513$; $p < 0,01$). Кроме того, у женщин с высоким уровнем самореализации достоверно выше выражены внутренние мотивы и способы регуляции, что говорит о более зрелой и устойчивой мотивационной структуре.

Подводя итоги, анализ исследования показал, что у исследуемой нами категории женщин преобладает средний уровень профессиональной самореализации, часто связанный с выполнением ролей и норм организации. При этом отмечается тенденция к доминированию внутренней мотивации над внешней, что говорит о росте значимости личностных смыслов в профессиональной деятельности.

Эмпирически установлено, что общий показатель профессиональной самореализации у женщин 35–45 лет находится в среднем диапазоне. Наиболее выражены ресурсный и феноменологический компоненты, тогда как целевой компонент имеет относительно более низкие средние значения. В части мотивации отмечается преобладание внутренне ориентированных мотивов: самореализации, познавательного мотива и активности при умеренной выраженности мотива жизнеобеспечения.

В результате корреляционного анализа установлены статистически значимые положительная взаимосвязи между профессиональной самореализацией и внутренними мотивами: творческой активности, общественной полезности и мотивом самореализации. Кроме того, у женщин с высоким показателем самореализации достоверно выше развиты такие регулятивные механизмы, как волевая и информационная регуляция. А также отмечается взаимосвязь с общей активностью и познавательным мотивом.

На основе полученных результатов исследования, приведем ряд рекомендаций, которые могут быть полезны как для самой женщины, стремящейся к профессиональному росту, так и для психологов, коучей, HR-специалистов и руководителей, работающих с данной категорией специалистов.

1. Для развития профессиональной самореализации рекомендуется прояснение ценностей и формирование осмысленной профессиональной идентичности. Практически это может реализовываться через регулярную рефлексию граница между «надо» и «хочу», а также того, как профессиональные задачи соотносятся с жизненными целями и личной миссией сотрудника. Такая работа помогает выйти из режима механического выполнения требований и поддерживает целевой компонент самореализации, когда профессия переживается как значимая часть собственной жизненной истории.

2. Поскольку творческая активность оказалась одним из наиболее значимых мотивационных предикторов самореализации, важно создавать пространство для инициативы и креативности. На индивидуальном уровне это может быть поиск «зон эксперимента» в текущих задачах (новые форматы, улучшение процессов в самореализации, освоение новых инструментов), на организационном – участие в проектных задачах и возможность предлагать и тестировать идеи

без страха ошибиться. Опыт творчества в работе усиливает чувство автономии и компетентности, поддерживает интерес и делает профессиональное развитие более устойчивым.

3. Мотив самореализации и познавательный мотив поддерживаются через ясные профессиональные цели и план развития. Эффективны техники постановки целей (в том числе SCORE), проектирование карьерного трека на 1–3 года, выбор приоритетных компетенций и регулярная оценка прогресса. Дополнительно мы рекомендуем работать с установками, связанными с самоценностью и правом на профессиональный рост, чтобы стремление к развитию не блокировалось внутренней критикой и страхом «не соответствовать чужим ожиданиям».

4. Развитие волевой регуляции способствует устойчивости в профессиональной деятельности. Умение управлять своим эмоциональным состоянием, сохранять фокус на целях, преодолевать трудности и откладывать немедленное удовольствие в пользу долгосрочных результатов является важным ресурсом для женщин среднего возраста. Включение в повседневную практику техник саморегуляции, навыков тайм-менеджмента и стратегий преодоления стресса позволяет повысить эффективность и снизить риск выгорания.

5. Изменение поведения с помощью рефлексии играет значительную роль в профессиональной самореализации. Рекомендуется развивать навыки рефлексивного мышления, анализа профессионального опыта, а также умение запрашивать и конструктивно воспринимать обратную связь (в том числе и критику) от коллег и руководства. Осознанный подход к обработке информации способствует более гибкому и адаптивному профессиональному поведению.

6. Профессиональная самореализация может быть устойчивее, когда женщина умеет выстраивать границы между работой и личной жизнью, реалистично распределять приоритеты и не «растворяться» в обязанностях. Поддержка в этом направлении включает формирование договоренностей о времени для восстановления с близкими, пересмотр перегружающих обязательств, развитие навыков делегирования и распределение ответственности в семье, что снижает эмоциональное напряжение и сохраняет ресурс для профессионального развития.

7. Переход к внутренним источникам мотивации способствуют более зрелой и устойчивой системе мотивов в жизни. Такой переход может быть реализован через работу с профессиональной идентичностью, осознание собственных достижений и формирование внутреннего чувства ценности своей деятельности. Кроме того, рефлексия на тему «А что еще мне ценно в моей самореализации?» может сместить фокус с материальных ценностей и расширить варианты выбора новых мотивов в самореализации. Регулярное осмысление полученного опыта, достижений и преодоленных трудностей способствует выстраиванию целостного представления о собственном профессиональном пути, выявлению закономерностей и своевременной корректировке целей. Практика ведения профессионального дневника, в котором женщины среднего возраста фиксировали бы значимые события, мысли и эмоции с ними связанные, может стать эффективным инструментом для роста понимания себя и укрепления собственной внутренней мотивации.

8. Создание условий для признания и поддержки профессиональных достижений со стороны окружающих играет значимую роль в поддержании мотивации. Внешнее признание со стороны коллег, руководства и профессионального сообщества, даже в форме простой конструктивной обратной связи, укрепляет чувство компетентности и принадлежности. Работодателям и руководителям рекомендуется внедрять практики поощрения, открытого выражения

признательности и систематической обратной связи, что способствует повышению вовлеченности и удовлетворенности трудом.

Заключение

Рекомендации, представленные в результате проведенного исследования, охватывают как индивидуальные стратегии (работа с ценностями, развитие творческой активности, рефлексия профессионального пути), так и организационные меры (поддержка инициативы, признание достижений, создание условий для профессионального роста). Особое внимание уделено формированию внутренней мотивации, развитию навыков саморегуляции и балансировке между профессиональной и личной сферами. Предложенные меры могут быть реализованы как в рамках психологической практики, так и в системе корпоративного развития персонала.

Библиография

1. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. СПб.: Питер, 2022. 608 с.
2. Кулагина, И. В. Особенности смысложизненных ориентаций личности в среднем возрасте / И. В. Кулагина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2022. – № 6. – С. 154–160. – URL: http://e-koncept.ru/2022/222006.htm (дата обращения: 23.08.2026). – DOI 10.24412/2304-120X-2022-12006.
3. Лунина, О. А. Особенности кризиса среднего возраста у работающих женщин : выпускная квалификационная работа / О. А. Лунина ; научный руководитель О. В. Шапатина ; Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева. – Самара, 2023. – URL: http://repo.ssau.ru/handle/Vypusknye-kvalifikacionnye-raboty/Osobennosti-krizisa-srednego-vozrasta-u-rabotaushih-zhenshin-104688 (дата обращения: 23.08.2026).
4. Возрастная динамика мотивации труда работников на различных этапах организационного развития // Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества : монография / под ред. А. В. Карпова. – Тверь : Тверской государственный университет, 2021. – С. 170–192. – URL: https://psychology.tversu.ru/ (дата обращения: 23.08.2026).
5. Прохорова, М. В. Возрастные особенности мотивации труда работников эпох юности и среднего возраста / М. В. Прохорова, А. В. Кравченко // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 375–393. – URL: https://ipran.ru/ (дата обращения: 23.08.2026).
6. Особенности кризиса середины жизни у женщин // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 3. – С. 45–52. – URL: https://enpuir.npu.edu.ua/ (дата обращения: 23.08.2026).
7. Карьера в точке пересборки: почему женщины проходят кризис иначе, чем мужчины / Коммерсантъ. – 2026. – 10 июня. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8735913 (дата обращения: 23.08.2026).
8. Ермолаева, М. В. Психология зрелого возраста : учебное пособие / М. В. Ермолаева. – Москва : Институт практической психологии, 2020. – 240 с.
9. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития : учебник для вузов / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. – Москва : Юрайт, 2022. – 395 с.
10. Левинсон, Д. Д. Сезоны жизни человека : монография / Д. Д. Левинсон ; пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 480 с.

Professional Self-Realization and Motivation in Middle-Aged Women During the Period of Reassessment of Life Meanings and Values

Elena E. Dorofeeva

Master's Degree Student,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
127051, 5/2, 1-y Kolobovskiy lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: dorofeevaee@gmail.com

Elena N. Kiseleva

PhD in Psychology, Associate Professor,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
127051, 5/2, 1-y Kolobovskiy lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kisselova@list.ru

Abstract

The relevance of the article is determined by the need to develop creative motivation, motivation for general activity, social utility, and the motive of self-realization in middle-aged women to increase the level of professional self-realization. The results of a correlation analysis of indicators of professional self-realization and motivation in middle-aged women are presented. The features of internal motivation during the midlife crisis are revealed. Recommendations for organizational leaders, HR specialists, coaches, and psychologists are proposed.

For citation

Dorofeeva E.E., Kiseleva E.N. (2026) Professional'naya samorealizatsiya i motivatsiya u zhenshchin srednego vozrasta v period pereotsenki zhiznennykh smyslov i tsennostey [Professional Self-Realization and Motivation in Middle-Aged Women During the Period of Reassessment of Life Meanings and Values]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 191-206. DOI: 10.34670/AR.2026.23.15.018

Keywords

Professional self-realization, motivation, internal motivation, midlife crisis, professional identity, middle-aged women, coaching, self-realization, psychological support.

References

1. Hjelle L., Ziegler D. (2022). *Teoriya lichnosti* [Personality Theory]. Piter.
2. Kulagina I.V. (2022). Osobennosti smyslozhiznennykh oriyentatsiy lichnosti v srednem vozraste [Peculiarities of Meaning-of-Life Orientations of Personality in Middle Adulthood]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"*, 6, 154-160. Available at: http://e-koncept.ru/2022/222006.htm (accessed: 23.08.2026). DOI: 10.24412/2304-120X-2022-12006.
3. Lunina O.A. (2023). *Osobennosti krizisa srednego vozrasta u rabotayushchikh zhenshchin* [Peculiarities of the Midlife Crisis in Working Women] (Graduate qualification work, supervised by O.V. Shapatina; Samara National Research University named after S.P. Korolev). Available at: http://repo.ssau.ru/handle/Vypusknye-kvalifikacionnye-raboty/Osobennosti-krizisa-srednego-vozrasta-u-rabotaushih-zhenshin-104688 (accessed: 23.08.2026).
4. Vozrastnaya dinamika motivatsii truda rabotnikov na razlichnykh etapakh organizatsionnogo razvitiya [Age Dynamics of Employee Work Motivation at Various Stages of Organisational Development]. (2021). In A.V. Karpov (ed.), *Psikhologiya truda, organizatsii i upravleniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva* [Psychology of Labour, Organisation and Management in the Context of Digital Transformation of Society] (pp. 170-192). Tverskoy gosudarstvennyy universitet. Available at: https://psychology.tversu.ru/ (accessed: 23.08.2026).
5. Prokhorova M.V., Kravchenko A.V. (2023). Vozrastnyye osobennosti motivatsii truda rabotnikov epokh yunosti i srednego vozrasta [Age-Related Features of Work Motivation in Employees of Youth and Middle Adulthood Eras]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*, 8(2), 375-393. Available at: https://ipran.ru/ (accessed: 23.08.2026).
6. Osobennosti krizisa serediny zhizni u zhenshchin [Peculiarities of the Midlife Crisis in Women]. (2020). *Gumanitarnyy vestnik*, 3, 45-52. Available at: https://enpuir.npu.edu.ua/ (accessed: 23.08.2026).
7. Kar'era v tochke peresborki: pochemu zhenshchiny prokhodyat krizis inache, chem muzhchiny [Career at the Reassembly Point: Why Women Experience Crisis Differently from Men]. (2026, June 10). *Kommersant*. Available

at: https://www.kommersant.ru/doc/8735913 (accessed: 23.08.2026).
8. Ermolaeva M.V. (2020). *Psikhologiya zrelogo vozrasta* [Psychology of Mature Age]. Institut prakticheskoy psikhologii.
9. Zeer E.F., Symanyuk E.E. (2022). *Psikhologiya professional'nogo razvitiya* [Psychology of Professional Development]. Yurayt.
10. Levinson D.D. (2019). *Sezony zhizni cheloveka* [The Seasons of a Man's Life] (Trans. from English). Piter.

.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 316.6 **DOI: 10.34670/AR.2026.15.78.019**

Институционализация деструктивности руководителей: от теоретических моделей к практике управления (на примере зарубежного и российского опыта)

Комаров Вадим Владимирович

Кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник,
Самарский филиал РАНХиГС,
443001, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 216/2;
e-mail: komarov.snl@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме институционализации деструктивного лидерства, рассматриваемого как значимый фактор экономических и репутационных рисков современных организаций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью отхода от традиционных «героических» моделей управления и возрастающей ролью деструктивного лидерства, которое выступает значимым фактором экономических и репутационных рисков для современных организаций. Цель исследования – анализ процесса институционализации деструктивного лидерства и «темных» сторон управления, которые приводят к эрозии организационной культуры и снижению эффективности деятельности компаний. Основным методом исследования выступил сравнительный анализ зарубежных и отечественных примеров (кейсов), иллюстрирующих то, как деструктивное лидерство формирует разрушающие организацию паттерны. В ходе работы было подтверждено, что деструктивные руководители способны показывать высокую результативность в краткосрочном периоде, однако в долгосрочной перспективе их стиль ведет к кризису организации и разрушению человеческого капитала. Также отмечена специфика российского менеджмента, где авторитарность, инструментальное отношение к сотрудникам и гиперконтроль зачастую нормализуются под видом эффективности. Результаты подтверждают концепцию дуальности конструктивного и деструктивного лидерства. Делается вывод о том, что харизма и амбиции руководителя без соответствующих моральных ограничителей и системы сдержек закономерно трансформируются в тиранию. Данный факт требует переоценки «цены» такого управления и подчеркивает важность балансирования стиля руководства.

Для цитирования в научных исследованиях

Комаров В.В. Институционализация деструктивности руководителей: от теоретических моделей к практике управления (на примере зарубежного и российского опыта) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 207-222. DOI: 10.34670/AR.2026.15.78.019

Ключевые слова

Организационное лидерство, деструктивное лидерство, токсичное лидерство, псевдо-трансформационное лидерство, модель конструктивного-деструктивного лидерства, организационная культура, Темная триада, институционализация деструктивности.

Введение

В современных социально-экономических условиях, характеризующейся высокой неопределенностью и необходимостью быстрой адаптации к изменениям, человеческий капитал становится ключевым фактором успеха организаций. Однако эффективность работы команд напрямую зависит не только от профессионализма сотрудников, но и от социально-психологического климата в группах, формируемого под влиянием особенностей организационной культуры и лидерства.

Актуальность нашего исследования обусловлена нарастающим противоречием в управленческой практике: с одной стороны, руководители часто склонны к завышенной самооценке и интерпретации собственных жестких методов как «необходимой требовательности», с другой стороны, подчиненные могут воспринимать те же действия как проявление деструктивных черт характера (склонности к манипуляции, токсичности, авторитаризма, некомпетентности и др.). Этот перцептивный разрыв отражает разницу между тем, как лидер видит себя, и тем, как его видят другие, и является зоной высокого риска для группы лидера. Игнорирование этого диссонанса приводит к: увольнению неравнодушных сотрудников, часто являющихся основой продуктивности группы; снижению вовлеченности и инициативности в группе; формированию негативных проявлений в оргкультуре (равнодушие, тревожность, безынициативность).

Повышенный научный интерес к «темным» проявлениям лидерства (Комаров, 2024) в последние годы – это не просто мода, а ответ на реальные вызовы современного управления. Долгое время теории социальной психологии и менеджмента фокусировались на «героических» и позитивных моделях лидерства, игнорируя тот факт, что деструктивные лидеры встречаются пугающе часто и наносят колоссальный ущерб.

Факторы, которые обусловили рост исследований деструктивного лидерства

Традиционные теории рисовали лидера как спасителя, обладающего исключительно позитивными качествами (харизма, эмпатия, видение). Однако реальность показала обратное. Громкие корпоративные скандалы в известных компаниях, примеры которых будут приведены ниже, продемонстрировали, что невероятно харизматичные лидеры могут привести гигантские корпорации к краху из-за своего нарциссизма, лжи и манипуляций. Ученые поняли, что изучать только «как быть хорошим лидером» недостаточно – важно описать анатомию «плохого» лидерства, чтобы предотвращать катастрофы.

Психология дала менеджменту четкий инструментарий для измерения токсичности, например, концепция «Темной триады» личности (Paulhus, Williams, 2002), а позднее «Темной тетрады» (Дериш, 2021; Bertl et al., 2017; Dinić et al., 2021) стала центральной темой множества исследований о нарциссизме (грандиозное самомнение, потребность в восхищении, отсутствие эмпатии); макиавеллизме (цинизм, манипулирование людьми ради собственных целей, принцип «цель оправдывает средства»); субклинических психопатии (импульсивность, холодность, низкий уровень тревожности и раскаяния) и садизме (психологическое удовлетворение от унижения, запугивания, страданий другого) в организационном контексте.

Исследователей токсичного лидерства интригует противоречие: почему люди с деструктивными чертами так часто поднимаются на самый верх (Lipman-Blumen, 2005). Одним

из ответов на этот вопрос является способность деструктивных лидеров к мимикрии под компетентность – такие лидеры часто умеют производить блестящее первое впечатление, когда нарциссизм принимают за уверенность, а психопатию – за хладнокровие в кризис. Кроме того, токсичные лидеры способны показать краткосрочную эффективность, они могут выжимать результаты «здесь и сейчас» (например, через жесткие сокращения или запугивание), что нравится руководству, акционерам, но разрушает компанию в долгосрочной перспективе. Особенности токсичного и других типов деструктивного лидерства мы описали ранее (Комаров, 2024).

Исследования убедительно доказали, что «темное» лидерство обходится компаниям невероятно дорого, поэтому это явление перестало быть просто проблемой управления персонала, оно стало финансовым риском (Белов, 2018; Коновалова, 2019; Schyns, Schilling, 2013), связанным с *текучестью кадров* (люди уходят не из компаний, а от начальников); *абсентеизмом* (систематическим отсутствием сотрудника на рабочем месте или уклонением от выполнения своих обязанностей, и *презентеизмом* (ситуациями, когда сотрудник из-за болезни или стресса не способен работать продуктивно); *судебными издержками* (исками о харассменте, буллинге и дискриминации).

С ростом внимания к ментальному здоровью (особенно после пандемии), агрессивный стиль управления перестал восприниматься как норма («я начальник – ты дурак»), появился исследовательский запрос на изучение аутентичного и конструктивного лидерства, его влияния на психику подчиненных, их психологические благополучие, полноценный отдых, самооценку, сохранение баланса «работа – личная жизнь» (Виханский, Миракян, 2018; Комаров, 2022; Петрушихина, 2016; Платонов, 2014; Avolio, Gardner, 2005). Деструктивное лидерство теперь рассматривается как фактор профессионального риска. Анализ влияния деструктивных проявлений лидерства, препятствующих удовлетворению базовых психологических потребностей сотрудников (в автономии, в развитии, в причастности, в значимости) позволяет понять причины снижения мотивационного потенциала и выгорания и наметить пути повышения удовлетворенности работой для роста производительности (Царева, Волянская, 2022; Nikolova et al., 2021).

Современная наука отошла от обвинения только самого лидера. Сейчас популярна модель «Токсичного треугольника» (Padilla et al., 2007), которая объясняет, что деструктивное лидерство возможно только при совпадении трех факторов: деструктивный лидер, податливые последователи (конформисты или те, кто разделяет ценности лидера), благоприятная для проявления деструктивности среда (отсутствие контроля, кризис, нестабильность).

Опираясь на концепцию морального отстранения Альберта Бандуры (Bandura, 1986; Bandura, 2016), обосновавшую механизм дистанцирования установок совести от деструктивных и противоправных действий, Гвидо Палаццо и Ульрих Хоффрадж доказывают, что ситуационные факторы зачастую оказывают решающее воздействие на поведение индивида, подавляя этические побуждения и стимулируя нарушения норм (Palazzo, Hoffrage, 2025). Именно среда, по их мнению, искажает когнитивное восприятие, заставляя игнорировать явные индикаторы опасности, что приводит к постепенной моральной эрозии личности. Авторы выделяют девять контекстуальных факторов («строительных блоков»), которые создают эффект «этической слепоты». Эти факторы формируют среду, в которой даже добропорядочные люди перестают замечать этические и правовые аспекты своих решений. Перечислим эти факторы:

– *Жесткая идеология,* система убеждений внутри компании, которая становится настолько догматичной, что блокирует альтернативные точки зрения. Сотрудники начинают

видеть мир через узкую призму (туннельное зрение), игнорируя факты или моральные нормы, которые противоречат этой идеологии (например, «мы меняем мир, поэтому правила к нам неприменимы»).

– *Токсичное лидерство,* когда лидеры задают тон, который нормализует неэтичное поведение. Это может проявляться через авторитарное давление, унижение несогласных или личный пример пренебрежения правилами. В такой среде страх перед руководством перевешивает страх перед нарушением закона.
– *Развращающие цели* – постановка агрессивных, нереалистичных целей (например, «рост любой ценой»). Когда цель становится абсолютным приоритетом, сотрудники начинают воспринимать этику и законы как препятствия, которые необходимо обойти для достижения результата.
– *Деструктивные стимулы* – система вознаграждений, которая поощряет рискованное или неэтичное поведение и наказывает за осторожность или соблюдение правил. Если бонусы зависят исключительно от количественных показателей без учета методов их достижения, это толкает людей на нарушения.
– *Манипулятивный язык* – использование эвфемизмов и специфического жаргона для маскировки неэтичных действий, например, называть взятки «комиссионными сборами» или увольнения – «оптимизацией». Язык меняет восприятие реальности, делая аморальные поступки «техническими» или «административными» решениями.
– *Двусмысленные правила* – наличие нечетких, противоречивых или слишком сложных правил. В такой среде создаются «серые зоны», где сотрудники могут интерпретировать правила в свою пользу, оправдывая нарушения тем, что «это прямо не запрещено» или «никто не объяснил, как правильно».
– *Эффект «скользкой дорожки»* или механизм постепенного вовлечения. Все начинается с мелких, незначительных нарушений, которые кажутся безвредными. Со временем порог допустимого сдвигается, и крупные нарушения уже не воспринимаются как шокирующие, так как к ним пришли маленькими шагами.
– *Воспринимаемая несправедливость* – чувство обиды у сотрудников, которые считают, что организация относятся к ним несправедливо. Это позволяет им морально оправдывать свои действия (например, воровство или обман) как способ «восстановить справедливость» или компенсировать нанесенный им ущерб.
– *Опасные группы* и социальное давление внутри коллектива (конформизм). Страх быть отвергнутым группой заставляет людей подстраиваться под нормы большинства, даже если эти нормы преступны. Групповая лояльность становится важнее общечеловеческой морали.

Сочетание названных факторов создает «темный паттерн», который отключает моральный компас человека, делая корпоративные скандалы не результатом действий «плохих парней», а системным сбоем, в который могут быть вовлечены обычные люди.

Примеры деструктивного лидерства (зарубежные кейсы)

Кейс «SBF» (Сэм Бэнкман-Фрид)

Кейс о том, как философия «эффективного альтруизма», которую продвигали в компании FTX, может служить прикрытием для Темной триады; как нарциссизм и макиавеллизм под маской «спасения мира» приводят к неэтичному поведению и краху (Olumekor et al., 2023). Сэм

Бэнкман-Фрид – американский предприниматель, миллионер и инвестор, основатель и генеральный директор разорившейся криптовалютной биржи FTX. Компания позволяла клиентам обменивать фиатные деньги (доллары, евро, необеспеченные к обмену) на криптовалюту, торговать деривативами и хранить цифровые активы. Невозможно говорить об FTX без упоминания второй компании под управлением SBF – Alameda Research. Это был хедж-фонд, который занимался высокорискованными операциями с криптовалютой. Именно связь между этими двумя структурами стала причиной краха.

История «SBF» – это идеальная иллюстрация того, как бесконтрольная власть, прикрытая «высшей моралью», ведет к катастрофе. Идея Бэнкмана-Фрида состояла в том, чтобы заработать как можно больше денег, чтобы затем пожертвовать их на решение глобальных проблем. Он считал, что, поскольку его конечная цель (спасение человечества) благородна, он имеет моральное право игнорировать «мелкие» правила финансового регулирования. В технологическом секторе довольно часто прощают эксцентричность гениям, и Бэнкман-Фрид культивировал образ аскетичного вундеркинда (шорты, футболки, сон на пуфике в офисе), что усыпило бдительность инвесторов и регуляторов. В результате в компании отсутствовал корпоративный контроль. Не было совета директоров (в традиционном понимании), финансового директора или отдела комплаенса. Власть была абсолютной и сосредоточена в руках молодых людей без опыта управления рисками.

С юридической точки зрения, действия SBF перешли грань от «плохого менеджмента» к уголовным преступлениям. Например, SBF тайно перенаправлял миллиарды долларов клиентов FTX в свой хедж-фонд Alameda Research, чтобы покрыть убытки от неудачных ставок Alameda. Юридически такие действия были квалифицированы как хищение и мошенничество. Клиенты думали, что владеют биткоинами, а на деле их деньги ушли на погашение кредитов другой фирмы. SBF обманывал инвесторов и кредиторов, предоставляя ложные финансовые отчеты, в которых скрывалась огромная «дыра» в бюджете Alameda, что является мошенничеством. Кроме того, SBF использовал украденные средства клиентов для огромных пожертвований политикам (как демократам, так и республиканцам), чтобы лоббировать выгодные для себя законы.

Катастрофа FTX показывает, что в финансах и технологиях нельзя полагаться на «добродетель» одного лидера. Отсутствие прозрачности в компании («король» решил, что он умнее рынка, и скрыл данные) и отсутствие сдержек и противовесов (никто не мог сказать ему «нет») привели к реальному тюремному сроку лидера (25 лет тюрьмы), инвесторы потеряли миллиарды, а репутация криптоиндустрии была отброшена на годы назад.

Кейс «Theranos и Элизабет Холмс»

Это история о том, как лидер компании Theranos Элизабет Холмс использовала механизмы «морального отстранения» и манипуляции, чтобы годами обманывать инвесторов. Это один из самых громких примеров мошенничества в истории Кремниевой долины. На пике своего развития компания оценивалась в 9 млрд долларов, а саму Холмс называли «Стивом Джобсом в юбке» за ее стиль управления, черные водолазки и харизму. Идея, которую продавала Элизабет Холмс, звучала революционно и благородно: демократизация анализов крови. Компания утверждала, что создала портативное устройство под названием «Edison», позволяющая делать сотни сложных анализов (на рак, диабет, холестерин и др.), используя всего несколько капель крови из пальца, вместо того чтобы брать полные пробирки крови из вены (что больно, дорого и долго).

Суть скандала заключается в масштабном обмане инвесторов, партнеров и пациентов.

Технология, о которой заявляла Холмс, попросту не работала: аппарат «Edison» не мог давать точные результаты, он был ненадежным, постоянно ломался и выдавал ошибки; чтобы скрыть провал, Theranos тайком использовала стандартные промышленные анализаторы для проверки крови пациентов, разбавляя образцы, что делало результаты анализов абсолютно недостоверными; пациентам выдавали ложные диагнозы; инвесторам показывали поддельные отчеты и устраивая фиктивные демонстрации оборудования.

Ключевой момент краха наступил в 2015 году, когда журналист Джон Каррейр опубликовал расследование, основанное на показаниях бывших сотрудников, которое вскрыло всю схему обмана. Скандал привел к полному краху компании и судебным разбирательствам. В 2018 году компания Theranos была ликвидирована, оценка ее стоимость в 9 млрд. долларов превратилась в ноль. Элизабет Холмс была признана виновной в мошенничестве и приговорена к 11 годам и 3 месяцам тюрьмы.

Можно сказать, что Холмс использовала тактики трансформационного лидерства (эмоциональные призывы, миссия спасения жизней), чтобы отключить критическое мышление у инвесторов и сотрудников. В научных исследованиях Холмс приводится как пример лидера, чья «харизма» была лишь инструментом нарциссического доминирования. Существует ряд научных и деловых статей, которые разбирают этот кейс именно через призму псевдо-трансформационного лидерства, а Элизабет Холмс приводится как главный пример того, как нарцисс может мимикрировать под визионера. Псевдо-лидеры, такие как Холмс, обладают высокой «смелостью» и «харизмой», но низкой «эмпатией» и «честностью» (O'Reilly, Chatman, 2020).

Одна из работ, созданная специально для обучения студентов разнице между истинным и псевдо-лидерством, предлагает использовать видеозаписи выступлений Холмс, чтобы студенты нашли у нее черты трансформационного лидера и увидели, как эти внешние атрибуты использовались для подавления критики и обмана, что является главным маркером псевдо-трансформационного лидера, который служит себе, а не общему благу (Guo et al., 2024).

Глубокий академический анализ кейса представлен в работе Питера Стефенсона и Ричарда Болдена (Stephenson, Bolden, 2025) – это исследование уходит дальше простого обвинения Холмс, оно рассматривает, как культура Кремниевой долины («Fake it till you make it» - притворяйся, пока у тебя не получится) и структура компании позволили псевдо-трансформационному лидеру процветать. Холмс – идеальный пример для иллюстрации концепции псевдо-трансформационного лидерства, в которой обозначено противоречие между внешним образом лидера (выглядит как трансформационный лидер – вдохновляет, харизматичен) и внутренним содержанием (эгоцентричен, склонен к манипуляции, не развивает последователей, а использует их) (Bass, Steidlmeier, 1999). Лидер не может считаться действительно трансформационным, если его поведение не опирается на моральный фундамент.

Кейс «WeWork и Адам Нейман»

История взлета и падения WeWork и ее харизматичного основателя Адама Неймана – это один из самых драматичных и поучительных кейсов в современной корпоративной истории. Это пример того, как харизма, безлимитное финансирование и отсутствие контроля могут раздуть оценку компании до небес, а затем обрушить ее практически до нуля. По своей сути WeWork был классический арендный арбитраж – компания брала в долгосрочную аренду большие офисные здания, делала там модный ремонт, делила на мелкие офисы и сдавала их фрилансерам и стартапам в краткосрочную субаренду с наценкой. Нейман продавал инвесторам не

«недвижимость», а «технологическую компанию» и «физическую социальную сеть».

Эксцентричный и авторитарный Нейман (вечеринки с текилой в офисе, хождение босиком, требования к сотрудникам работать на износ) – центральная фигура этой истории. Он обладал невероятным даром убеждения, мог заставить инвесторов поверить в то, что WeWork изменит мир так же, как iPhone изменил телефоны. Нейман часто ставил свои интересы выше интересов компании, например, он лично покупал здания, а затем сдавал их в аренду собственной же компании WeWork.

Ключевым катализатором краха стал японский конгломерат SoftBank, который влил в WeWork более 10 млрд, что позволило компании агрессивно расширяться по всему миру, открывая локации в убыток, чтобы захватить долю рынка. На пике роста в январе 2019 г. WeWork оценивалась в 47 млрд и в августе 2019 г. WeWork подала заявку для выхода на биржу (IPO), что стало началом конца. Когда документы стали публичными, инвесторы и аналитики пришли в ужас: в документах были показаны колоссальные убытки. Реакция рынка на оглашение неприглядных сторон бизнеса была мгновенной и жесткой. Оценка компании рухнула до 10-12 млрд за пару недель, а выход на биржу отложили. Под давлением совета директоров и SoftBank Адам Нейман ушел с поста CEO. В 2023 г. WeWork подала заявление о банкротстве, акции, стоившие когда-то сотни долларов, торговались по несколько центов.

Одним из ключевых уроков кейса является значение и направленность лидерства: абсолютная власть основателя без надзора совета директоров ведет к злоупотреблениям. Кейс Неймана часто цитируется в работах о «корпоративных культах» и влиянии харизмы на принятие иррациональных рисков (O'Reilly, Chatman, 2020). Исследователи используют подобные примеры, чтобы показать, как нарциссические лидеры (CEO) разрушают культуру компании, заставляя сотрудников игнорировать реальность ради «великой миссии».

Кейс компании «Enron»

Этот кейс является классическим примером того, как организационная культура, выстроенная деструктивными лидерами, может уничтожить гигантский бизнес изнутри. Это история не столько об экономике, сколько о психологии и патологическом лидерстве. Enron была одной из крупнейших энергетических компаний мира, переросшей в торговую платформу (как «банк» для газа и электричества). В 2000 г. ее выручка составляла 100 млрд долларов, но в 2001 г. компания объявила о банкротстве, т.к. выяснилось, что прибыль была фиктивной, а долги огромными. Механизм краха можно описать так: в компании будущую предполагаемую прибыль записывали как текущую и, если сделка срывалась, убытки не отражали. Финансовый директор Enron Эндрю Фастоу создавал подставные фирмы, куда продавись долги и убыточные активы, что позволяло держать баланс Enron чистым.

Деструктивное лидерство в Enron не было случайностью, оно было системным. Исследователи выделяют здесь «токсичный треугольник»: деструктивные лидеры, податливые последователи и благоприятная среда (McLean, Elkind, 2003; Tourish, 2013). В Enron сложилась уникальная конфигурация лидеров, каждый из которых воплощал разные аспекты темной стороны управления:

– *Джеффри Скиллинг* (CEO) был «идеологом высокомерия», нарциссическим визионером. Его роль в компании – быть архитектором организационной культуры, презирал традиционные методы ведения бизнеса и реальные активы, для него важна была только цена акций, и он создал атмосферу, где сомнения приравнивались к некомпетентности. Его стиль управления – интеллектуальное запугивание.

– *Кеннет Лэй* (Председатель) – харизматичный лидер с отсутствием морального компаса.

Его роль в команде – «доброе лицо» компании: он обеспечивал политические связи и успокаивал инвесторов. Когда тревожные сигналы стали очевидны Лэй продолжал убеждать сотрудников покупать акции компании, пока сам их продавал. Это пример лидерства через преступное бездействие и лицемерие.

– *Эндрю Фастоу* (Финансовый директор) – «исполнитель без совести», макиавеллист. Он был главным махинатором и использовал свое положение для личного обогащения. Фастоу отличала готовность нарушать любые этические и законные нормы ради угождения Скиллингу и Лэю, а также ради собственной наживы.

Лидеры Enron не просто принимали плохие решения, они создали систему, которая заставляла других вести себя деструктивно. В компании сложилась жесткая система оценки эффективности, на основании которой каждые полгода 15% сотрудников увольняли. Это создало атмосферу «выживает сильнейший»: сотрудники боялись друг друга, скрывали информацию и подставляли коллег. В компании процветала культура жадности: бонусы были привязаны к заключению сделок, а не к их реальной прибыльности, поэтому трейдеры заключали заведомо убыточные в долгой перспективе контракты, лишь бы получить бонус сегодня – так лидеры поощряли краткосрочную выгоду в ущерб будущему компании.

В Enron подтвердили, что деструктивное лидерство характеризуется неспособностью слышать критику – любой, кто задавал вопросы о том, как компания на самом деле зарабатывает деньги, подвергался остракизму или давлению.

Книга Бетани Маклин и Питера Элкинда «Самые умные парни в этой комнате» – это подробная хроника взлета и падения корпорации Enron (McLean, Elkind, 2003). Название книги иронично отражает самовосприятие топ-менеджеров Enron, которые считали себя визионерами, интеллектуально превосходящими всех остальных на рынке. Они верили, что старые правила бизнеса (вроде необходимости иметь реальные активы и денежный поток) к ним не относятся, они считали, что придумали «новую экономику». Крах Enron – это не просто история о сложных финансовых махинациях, а история о человеческих пороках. Это предупреждение о том, что происходит, когда корпоративная культура ставит прибыль выше этики, а внешний лоск и цена акций становятся важнее реальных показателей бизнеса. Крах был обусловлен не просто «ошибками в расчетах», а именно личностными патологиями лидеров, помноженными на слепую веру окружения.

Примеры деструктивного лидерства (отечественные кейсы)

Тема деструктивного («темного») лидерства в России – сложная и многогранная. В российской бизнес-культуре, где исторически сильна «дистанция власти» и высок запрос на «сильную руку», деструктивные лидерские черты, такие как нарциссизм, гиперконтроль, доминирование, часто воспринимаются не как девиация, а как признаки «эффективного менеджера». Тем не менее, кейсов, когда стиль лидера приводил к разрушению корпоративной культуры, массовому выгоранию или краху бизнеса (или проблемам после ухода лидера), достаточно. Важно понимать: в публичном поле такие истории редко маркируются как «провал» до момента краха компании, часто деструктивные лидеры долгое время считаются визионерами.

Кейс «Харизматичный хаос» («Natura Siberica»).

Андрей Трубников был гениальным маркетологом, создавшим мощный бренд, но его стиль управления – классический пример нарциссического и хаотичного лидерства. Его решения хоть и были интуитивными, но зачастую отличались хаотичностью и противоречили классическим

моделям управления (Ahmed et al., 2019). Микроменеджмент, импульсивные увольнения (мог уволить топ-менеджера за «не тот взгляд» или через секретаря), отсутствие системности, ношение амулетов (сушеной жабы) на переговоры, публичное унижение сотрудников ради «воспитания» – вот только некоторые примеры его эксцентричности и деструктивности.

Трубников создал компанию, которая держалась исключительно на его личности, а после его внезапной смерти в 2021 году отсутствие выстроенных институтов и преемственности привело к жесточайшей корпоративной войне, остановке производства и частичной потере позиций бренда. Многочисленные интервью Трубникова ярко иллюстрируют его личностные характеристики – отвечая на вопросы журналистов он сам бравирует своим самодурством.

История Трубникова описана в книге Алексея Белякова «Бизнес против правил…» (Беляков, 2018). Эта книга может служить готовым пособием по харизматичному, но хаотичному лидерству, в ней описаны конкретные ситуации (кейсы): как запускать продукты без тестов, как унижать или возвышать сотрудников, как создавать атмосферу постоянного стресса, который Трубников считал двигателем прогресса.

Кейс «Макиавеллизм и эпатаж» («Евросеть» в 2000-х)

Хотя бизнес Евгения Чичваркина был успешным, методы управления в созданной им «Евросети» часто приводятся как пример агрессивной, «сжигающей» людей культуры. Что только стоят знаменитые письма сотрудникам с использованием ненормативной лексики, жесткая система штрафов, культивация внутренней конкуренции на грани выживания. В результате такого отношения к людям были получены негативные эффекты: высочайшая текучесть кадров, выгорание сотрудников, создание атмосферы, где «цель оправдывает средства», что косвенно способствовало проблемам с законом из-за действий службы безопасности компании.

Книга Максима Котина «Чичваркин Е…гений...» (Котин, 2007) является, по сути, этнографическим исследованием – автор провел много времени с Чичваркиным и задокументировал внутреннюю кухню компании. Из подробных описаний внутренних процессов Евросети исследователи берут примеры «мотивации через унижение», использования грубой лексики в корпоративных рассылках и жесткой сегрегации сотрудников.

Кейс «Гордыня» («Открытие» и «Бинбанк»).

Это история не про одного человека, а про стиль мышления банкиров (Вадима Беляева, Микаила Шишханова), отличающийся уверенностью в собственной непогрешимости, неумеренным аппетитом к риску, что привело к скупке активов (в том числе токсичных) ради масштаба. Банкиры были уверены, что серьезных проблем удастся избежать, и что государство спасет их (заблуждение «too big to fail» – слишком большой, чтобы потерпеть неудачу). Но избежать краха не удалось – в результате: санация банков ЦБ РФ, огромные дыры в балансе, потеря репутации. Это пример того, как нарциссическое расширение бизнеса ведет к катастрофе.

«Руководители-чемпионы» и «45 татуировок менеджера»

Особый взгляд на российский менеджмент, в котором деструктивное лидерство не является чем-то зазорным, отражается и в популярных изданиях. Например, авторы книги «Руководители-чемпионы» (Шекшня и др., 2019), исследуя стиль руководителей российских компаний, которые демонстрировали выдающиеся результаты на протяжении длительного времени, используют метафоры профессионального спорта, чтобы описать этот специфический стиль управления. Книга скорее позитивная, но между строк читается специфика: тотальный контроль, авторитарность, опора только на себя. Это помогает понять почву, на которой мы

видим ростки деструктивности лидерства.

По мнению авторов, лидерство – это не набор компетенций или врожденный дар, а образ жизни и способ управления собственной энергией. Такая модель «атлетического лидерства», включает четыре ключевых элемента, из которых складывается портрет «руководителя-чемпиона»:

– *Амбиция побеждать.* Атлетические лидеры одержимы идеей «быть первым» или сделать что-то выдающееся. Это достигается через страсть к невозможному (их цели часто кажутся нереалистичными) и фокусом на победе (процесс важен, но результат превыше всего).
– *Управление жизненной энергией*. Чтобы выдерживать марафонские дистанции в бизнесе, они относятся к себе как к биологической машине (строгий контроль сна, питания и физической активности; спорт не ради не ради хобби, а для поддержания работоспособности мозга; умение переключаться).
– *Ментальная устойчивость*, которая достигается хладнокровием (способностью принимать решения в условиях запредельного стресса) и вынужденным одиночеством лидера.
– *Инструментальный подход к людям.* Здесь кроется главное отличие от классического менеджмента: лидерам-чемпионам не нужна «семья» или сплоченный коллектив (команда) навсегда – им нужны эффективные временные связки людей для решения конкретной задачи. Такие лидеры безжалостно расстаются с теми, кто не тянет темп или перестал быть полезен.

Хотя авторы описывают «атлетическое лидерство» как эффективную модель для достижения сверхрезультатов в российских условиях, этот стиль имеет явную «теневую сторону». Он часто балансирует на грани (а иногда и переходит ее) с тем, что в социальной психологии называют деструктивным или токсичным лидерством. Такое балансирование схоже с нашим подходом дуальности конструктивного-деструктивного лидерства. Наиболее деструктивным проявлением лидерства лидеров-чемпионов является *инструментализация людей*, когда сотрудников считают только ресурсами для достижения победы, и, если «игрок» травмирован или устал, его меняют.

Другое проявление деструктивности – *нарциссизм и эгоцентризм* лидеров-чемпионов, вера в свою исключительность и правоту, которая необходима для реализации масштабных амбиций. Однако чрезмерная самоуверенность может привести к игнорированию рисков, подавлению критики и созданию культа личности, где мнение лидера – единственно верное.

Атлетический подход к лидерству способствует развитию *авторитарности и микроменеджмента:* лидер держит руку на пульсе и лично вмешивается, если видит угрозу результату. При этом гиперконтроль убивает инициативу, и в долгосрочной перспективе это разрушает институт преемничества: организация становится полностью зависимой от энергии одного человека (если «атлет» уйдет, система может рухнуть).

В организациях под руководством лидеров-чемпионов процветает культура постоянного аврала, что характеризуется повышенной интенсивностью труда и готовность сотрудников работать «24/7». Лидер транслирует свой уровень энергии и выносливости на подчиненных, не учитывая, что не все обладают таким психотипом. Токсичность такой культуры очевидна – здесь нормальный баланс жизни и работы считается слабостью или предательством интересов компании.

В лучшем случае лидер-чемпион является «конструктивным нарциссом» (проявляет

умеренный – здоровый нарциссизм): он создает великие продукты и компании, но ценой огромного стресса для окружения. Пересечение с деструктивным лидерством происходит в тот момент, когда цель (победа) начинает полностью оправдывать средства (эксплуатация людей), а высокие требования превращаются в психологическое насилие.

Другую популярную среди руководителей книгу – «45 татуировок менеджера» (Батырев, 2019) также часто критикуют за пропаганду жесткого, иногда токсичного подхода («учить – лечить – мочить»). Читая ее критически, можно понять, какие именно деструктивные практики считаются нормой в российском менеджменте. В отличие от более академического труда про лидеров-чемпионов, книга Максима Батырева является набором житейских правил («татуировок»), полученных автором через личный опыт, ошибки и «боль» в процессе карьеры от продавца до топ-менеджера.

Основные идеи книги сформулированы как кодекс «Боевого командира» – Батырев транслирует подход, который можно охарактеризовать как «прагматичный патернализм». Менеджмент для него – это не наука, а ремесло и постоянная борьба (с собой, с ленью сотрудников, с конкурентами). Ключевыми элементами такого ремесла (и борьбы) автор называет следующие:

– *Иерархия и субординация* с жесткой вертикалью власти. Дисциплина первична, инициатива приветствуется, только если соблюдены базовые нормы: сначала научись играть по правилам, потом придумывай свои. Дистанция необходима для принятия жестких решений – лидер не должен быть «своим парнем», он должен быть авторитетом.
– *Ответственность и проактивность.* «ППЖ – просто подними ж…»: грубая, но значимая метафора книги, суть которой в том, что нельзя винить внешние обстоятельства (кризис, клиенты, погода). Если ты не берешь ответственность на себя, ты деградируешь. Лидер работает на 101%: руководитель должен быть ролевой моделью.
– *Управление людьми через селекцию. «*Сильные работают с сильными», а слабые сотрудники тянут команду вниз, поэтому задача менеджера – избавляться от балласта. «Учить – лечить – мочить» – это ключевой алгоритм работы с сотрудником, что означает: сначала даем знания, потом пытаемся исправить ошибки, если не помогает – увольняем.
– *Защита интересов дела*. «Клиент – наше всё» (но с оговорками): деньги платит Клиент, поэтому вся структура должна работать на него, а не на внутреннюю бюрократию. В компании должна не затихать борьба с «пожирателями времени» через жесткое отношение к пустым разговорам и имитации бурной деятельности.

Книга Батырева стала культовой именно потому, что она идеально ложится на российскую ментальность «сильной руки». Однако многие принципы, возведенные в абсолют, имеют прямые пересечения с деструктивным лидерством:

1. Директивность и подавление инакомыслия: несогласные с решением руководителя – саботажники. Мы видим классический признак *авторитарного лидерства*. В такой системе нет места конструктивной критике снизу. Такой подход создает «эхо-камеру», где лидер слышит только то, что хочет, а сотрудники боятся указать на ошибки, что ведет к катастрофическим стратегическим просчетам. Люди в таких компаниях делятся на тех, кто разделяет ее ценности, и остальных; с «чужими» разговор короткий. Так формируется *культура ингруппового фаворитизма и группомыслия*, что может привести к травле (моббингу) тех, кто отличается по мышлению, даже если они профессионалы. В таких организациях создается атмосфера, где лояльность ценится выше компетентности.

2. Культ силы и жесткости. Менеджер должен быть жестким, увольнение – это нормальный

инструмент, жалость унижает, считает Батырев (то, что нас не убивает, делает нас сильнее). Такой подход граничит с *абьюзивным управлением*, который характеризуется низкой эмпатией и отношением к людям как к функции (не справился – уходи), что повышает уровень тревожности в коллективе. В долгосрочной перспективе это «выжигает» сотрудников и убивает креативность, так как творчество невозможно в атмосфере страха наказания.

3. Микроменеджмент под видом наставничества. *Гиперконтроль* – маркер недоверия: деструктивный лидер уверен, что никто не сделает лучше него. Хотя Батырев призывает делегировать, общий тон книги («я проверял, я следил, я наказывал») подсказывает читателю, что хороший менеджер – это надзиратель.

4. Трудоголизм как норма. Успех требует жертв, считает Батырев, а также работы по выходным и полной самоотдачи. Деструктивность такого подхода к делу в поощрении *отсутствия баланса работа/личная жизнь*. Лидер-трудоголик часто становится токсичным для подчиненных, имеющих семьи или другие интересы, заставляя их чувствовать вину за то, что они уходят с работы вовремя.

Если книга «Руководители-чемпионы» описывает элитный спецназ (атлетов), где люди – это топливо для великих достижений, то «45 татуировок менеджера» – это устав строевой службы для пехоты. Пересечение с деструктивным лидерством и в том, и в другом случае лежит в плоскости *категоричности*. Например, Батыревский стиль лидерства эффективен на этапе «наведения порядка» в хаосе или в агрессивных продажах, но он становится токсичным (деструктивным), когда применяется к интеллектуальным, творческим командам или когда жесткость правил подменяет собой человечность и здравый смысл.

Заключение

Как в России, так и зарубежом, мы наблюдаем в настоящее время смещение научного интереса от вопроса «кто такой лидер?» к вопросу «какова цена лидерства?». Понимание «темной стороны» лидерства необходимо не для того, чтобы демонизировать амбициозных людей, а для того, чтобы создавать системы сдержек и противовесов, которые не позволят харизме превратиться в тиранию.

Приведенные выше примеры деструктивного лидерства, помимо очевидных выводов о его негативном влиянии на различные аспекты, прежде всего, на состояние организационной культуры и психологического благополучия сотрудников, позволяют сделать и менее очевидные выводы, соотносящие с нашей дуальной моделью конструктивности-деструктивности лидерства. Кейсы подтверждают гипотезу, что организационное лидерство редко бывает абсолютно конструктивным или только деструктивным; кроме того, одни и те же черты лидера могут приводить как к успеху, так и к катастрофе, в зависимости от контекста, интенсивности и временного горизонта. Очевидно, что лидерство, которое считается наиболее эффективным, не находится на крайней позиции «конструктивность» дихотомического феномена конструктивность-деструктивность – оно не достигает этого положения, ограниченная рядом факторов, отражающих особенности личностных характеристик самих лидеров, последователей (подчиненных), вышестоящих руководителей и органов власти, а также особенности организационной культуры и общего менталитета восприятия организационных аспектов и управления в обществе.

Более того, мы видим сложную взаимосвязь между «темными» чертами лидеров и внешней эффективностью. Например, психопаты могут быть успешными – на это указывают

исследователи приведенных кейсов, ведь они описывают не клинические случаи, а вполне успешных (функционально состоявшихся) руководителей, носителей деструктивных черт. Другая сложность в том, что токсичные, неэтичные лидеры не сразу осознаются последователями и внешними наблюдателями как деструктивные – они умеют мимикрировать под компетентных, транслируют уверенность, успех.

Дуальность «конструктивность-деструктивность» особым образом проявляется в результатах деятельности руководителя: деструктивные лидеры способны показывать высокую краткосрочную эффективность (выжимать результаты «здесь и сейчас»), что нравится вышестоящему руководству; однако в долгосрочной перспективе это разрушает человеческий капитал и приводит к финансовым потерям или банкротству.

Оценка лидерства (уровня его конструктивности-деструктивности) зависит от культурной среды, например, в России деструктивные черты часто воспринимаются не как отклонение, а как признак эффективности. Приведенные нами примеры популярных руководств по управлению, по сути, нормализуют жесткие практики, которые в другой системе координат считались бы токсичными. Рассмотренные нами кейсы, не просто описывает «плохих начальников», а иллюстрируют сложную диалектику лидерства: те же качества, которые позволяют лидерам-визионерам создавать бизнес-империи (амбициозность, харизма, уверенность в себе, жесткость), при отсутствии моральных ограничений и систем сдержек трансформируются в нарциссизм, макиавеллизм, тиранию и другие деструктивные проявления, разрушающие созданное.

Библиография

1. Батырев М.В. 45 татуировок менеджера: правила российского руководителя. 9-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 292 с.
2. Белов В.В. Функционально-структурная модель личности деструктивного бездарного руководителя в акмеологии организационного лидерства // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 4. С. 11–28.
3. Беляков А. Бизнес против правил. Как Андрей Трубников создал Natura Siberica и захватил рынок органической косметики в России. М.: Альпина Паблишер, 2018. 207 с.
4. Виханский О.С., Миракян А.Г. Новое тысячелетие: управленческие аномалии и современные концепции лидерства // Российский журнал менеджмента. 2018. Т. 16. № 1. С. 131–154. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2018.106.
5. Дериш Ф.В. Темная Тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 222–235. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235.
6. Комаров В.В. Конструктивность делового взаимодействия при руководстве как критерий эффективности организационного лидерства // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. № 4. С. 53–62. DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-4-53-62.
7. Комаров В.В. «Темная» сторона лидерства: сравнительный анализ основных концепций исследования // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2024. Т. 9. № 4 (36). С. 118–144.
8. Коновалова В.Г. Когда корпоративная культура может стать проблемой: проявления и причины «токсичности» // Вестник университета. 2019. № 6. С. 11–18. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-6-11-18.
9. Котин М. Чичваркин Е...гений. Если из 100 раз тебя посылают 99. СПб.: Питер, 2007. 320 с.
10. Петрушихина Е.Б. К вопросу об аутентичном лидерстве // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. № 2 (4). С. 45–52.
11. Платонов Ю.П. Психологические феномены поведения персонала в группах и организациях. СПб.: Речь, 2014. Т. 1. 416 с.
12. Царева Н.А., Волянская Н.Г. Диагностика мотивационного потенциала работы: шкала деструктивного лидерства // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9. № 3. С. 737–748. DOI: 10.18334/lim.9.3.116222.
13. Шекшня С., Загиева В., Улановский А. Руководители-чемпионы. Практики атлетического лидерства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 288 с.

14. Ahmed J.U., Sultana H., Ahmed A., Chhikara R. Natura Siberica: Challenging Entry in Organic Cosmetics Business // Journal of Operations and Strategic Planning. 2019. Vol. 2. No. 2. DOI: 10.1177/2516600X19886221.
15. Avolio B.J., Gardner W.L. Authentic leadership development: Getting to the root of positive forms of leadership // The Leadership Quarterly. 2005. Vol. 16. P. 315–338.
16. Bandura A. Moral disengagement: how people do harm and live with themselves. NY: Worth Publishers, 2016.
17. Bandura A. Social foundations of thought and action: a social cognitive theory. NJ: Prentice-Hall, 1986.
18. Bass B., Steidlmeier P. Ethics, character, and authentic transformational leadership behavior // Leadership Quarterly. 1999. Vol. 10. P. 181–217.
19. Bertl B., Pietschnig J., Tran U.S., Stieger S., Voracek M. More or less than the sum of its parts? Mapping the Dark Triad of personality onto a single Dark Core // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 114. P. 140–144. DOI: 10.1016/j.paid.2017.04.002.
20. Dinić B.M., Sadiković S., Wertag A. Factor mixture analysis of the Dark Triad and Dark Tetrad: Could sadism make a difference? // Journal of Individual Differences. 2021. Vol. 42. No. 2. P. 74–83. DOI: 10.1027/1614-0001/a000331.
21. Guo W., Cui J., Arendt L., O'Brien J. Limitations and Potential Dark Sides of Transformational Leadership: The Case of the Founder and Former CEO of Theranos // Management Teaching Review. 2024. Vol. 10. No. 1. DOI: 10.1177/23792981241267758.
22. Lipman-Blumen J. The allure of toxic leaders. NY: Oxford University Press, 2005.
23. McLean B., Elkind P. The smartest guys in the room: the amazing rise and scandalous fall of Enron. NY: Portfolio, 2003.
24. Nikolova I., Caniëls M.C.J., Schaufeli W., Semeijn J.H. Disengaging Leadership Scale (DLS): Evidence of Initial Validity // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. P. 1–20. DOI: 10.3390/ijerph18062824.
25. Olumekor M., Mohiuddin M., Su Z. Effective altruism and the dark side of entrepreneurship // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. P. 1–9. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1247331.
26. O'Reilly C., Chatman J.A. Transformational Leader or Narcissist? How Grandiose Narcissists Can Create and Destroy Organizations and Institutions // California Management Review. 2020. Vol. 62. No. 3. P. 1–23. DOI: 10.1177/0008125620914989.
27. Padilla A., Hogan R., Kaiser R.B. The toxic triangle: Destructive leaders, susceptible followers, and conducive environments // The Leadership Quarterly. 2007. Vol. 18. No. 3. P. 176–194. DOI: 10.1016/j.leaqua.2007.03.001.
28. Palazzo G., Hoffrage U. The Dark Pattern: The Hidden Dynamics of Corporate Scandals. NY: Basic Venture, 2025.
29. Paulhus D.L., Williams K. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. Vol. 36. No. 6. P. 556–563. DOI: 10.1016/s0092-6566(02)00505-6.
30. Schyns B., Schilling J. How bad are the effects of bad leaders? A meta-analysis of destructive leadership and its outcomes // The Leadership Quarterly. 2013. Vol. 24. P. 138–158. DOI: 10.1016/j.leaqua.2012.09.001.
31. Stephenson P., Bolden R. Beyond the Unethical Leader: A Dispositional Analysis of Unethical Leadership in the Case of Theranos // Journal of Business Ethics. 2025. DOI: 10.1007/s10551-025-06208-1.
32. Tourish D. The Dark Side of Transformational Leadership: A Critical Perspective. NY: Routledge, 2013.

Institutionalization of Destructiveness in Managers: From Theoretical Models to Management Practice (on the Example of Foreign and Russian Experience)

Vadim V. Komarov

PhD in Pedagogy, Leading Research Fellow,
Samara Branch of RANEPA,
443001, 216/2, Molodogvardeyskaya str., Samara, Russian Federation;
e-mail: komarov.snl@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of the institutionalization of destructive leadership, considered as a significant factor of economic and reputational risks for modern organizations. The

relevance of the study is determined by the need to move away from traditional "heroic" management models and the increasing role of destructive leadership, which acts as a significant factor of economic and reputational risks for modern organizations. The objective of the study is to analyze the process of institutionalization of destructive leadership and the "dark" sides of management, which lead to the erosion of organizational culture and a decrease in the efficiency of companies. The main research method was a comparative analysis of foreign and domestic examples (cases) illustrating how destructive leadership forms patterns that destroy the organization. In the course of the work, it was confirmed that destructive managers are capable of demonstrating high performance in the short term; however, in the long term, their style leads to an organizational crisis and the destruction of human capital. The specificity of Russian management is also noted, where authoritarianism, an instrumental attitude towards employees, and hyper-control are often normalized under the guise of efficiency. The results confirm the concept of the duality of constructive and destructive leadership. It is concluded that the charisma and ambitions of a manager, without appropriate moral constraints and a system of checks and balances, naturally transform into tyranny. This fact requires a reassessment of the "price" of such management and emphasizes the importance of balancing leadership style.

For citation

Komarov V.V. (2026) Institutsionalizatsiya destruktivnosti rukovoditeley: ot teoreticheskikh modeley k praktike upravleniya (na primere zarubezhnogo i rossiyskogo opyta) [Institutionalization of Destructiveness in Managers: From Theoretical Models to Management Practice (on the Example of Foreign and Russian Experience)]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 207-222. DOI: 10.34670/AR.2026.15.78.019

Keywords

Organizational leadership, destructive leadership, toxic leadership, pseudo-transformational leadership, constructive-destructive leadership model, organizational culture, Dark Triad, institutionalization of destructiveness.

References

1. Ahmed, J. U., Sultana, H., Ahmed, A., & Chhikara, R. (2019). Natura Siberica: Challenging entry in organic cosmetics business. Journal of Operations and Strategic Planning, 2(2). https://doi.org/10.1177/2516600X19886221
2. Avolio, B. J., & Gardner, W. L. (2005). Authentic leadership development: Getting to the root of positive forms of leadership. The Leadership Quarterly, 16, 315–338.
3. Bandura, A. (1986). Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Prentice-Hall.
4. Bandura, A. (2016). Moral disengagement: How people do harm and live with themselves. Worth Publishers.
5. Bass, B., & Steidlmeier, P. (1999). Ethics, character, and authentic transformational leadership behavior. Leadership Quarterly, 10, 181–217.
6. Batyrev, M. V. (2019). 45 tatuirovok menedzhera: pravila rossiyskogo rukovoditelya [45 manager's tattoos: Rules of a Russian leader] (9th ed.). Mann, Ivanov i Ferber.
7. Belov, V. V. (2018). Funktsional'no-strukturnaya model' lichnosti destruktivnogo bezdarnogo rukovoditelya v akmeologii organizatsionnogo liderstva [Functional-structural personality model of a destructive incompetent leader in the acmeology of organizational leadership]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University], *4*, 11–28.
8. Belyakov, A. (2018). Biznes protiv pravil. Kak Andrey Trubnikov sozdal Natura Siberica i zakhvatil rynok organicheskoy kosmetiki v Rossii [Business against the rules. How Andrey Trubnikov created Natura Siberica and captured the organic cosmetics market in Russia]. Alpina Publisher.
9. Bertl, B., Pietschnig, J., Tran, U. S., Stieger, S., & Voracek, M. (2017). More or less than the sum of its parts? Mapping

the Dark Triad of personality onto a single Dark Core. Personality and Individual Differences, 114, 140–144. https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.04.002
10. Derish, F. V. (2021). Temnaya Tetrada lichnosti: obzor sovremennykh issledovaniy [The Dark Tetrad of personality: A review of modern research]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], *2*, 222–235. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-222-235
11. Dinić, B. M., Sadiković, S., & Wertag, A. (2021). Factor mixture analysis of the Dark Triad and Dark Tetrad: Could sadism make a difference? Journal of Individual Differences, 42(2), 74–83. https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000331
12. Guo, W., Cui, J., Arendt, L., & O'Brien, J. (2024). Limitations and potential dark sides of transformational leadership: The case of the founder and former CEO of Theranos. Management Teaching Review, 10(1). https://doi.org/10.1177/23792981241267758
13. Komarov, V. V. (2022). Konstruktivnost' delovogo vzaimodeystviya pri rukovodstve kak kriteriy effektivnosti organizatsionnogo liderstva [Constructiveness of business interaction in management as a criterion for the effectiveness of organizational leadership]. Upravleniye personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii [Personnel and Intellectual Resources Management in Russia], *4*, 53–62. https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-11-4-53-62
14. Komarov, V. V. (2024). "Temnaya" storona liderstva: sravnitel'nyy analiz osnovnykh kontseptsiy issledovaniya [The "dark" side of leadership: A comparative analysis of the main research concepts]. Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], *9*(4), 118–144.
15. Konovalova, V. G. (2019). Kogda korporativnaya kul'tura mozhet stat' problemoy: proyavleniya i prichiny "tokischnosti" [When corporate culture can become a problem: Manifestations and causes of "toxicity"]. Vestnik universiteta [Vestnik Universiteta], *6*, 11–18. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-6-11-18
16. Kotin, M. (2007). Chichvarkin E...geniy. Yesli iz 100 raz tebya posylayut 99 [Chichvarkin E...genius. If you are sent away 99 times out of 100]. Piter.
17. Lipman-Blumen, J. (2005). The allure of toxic leaders. Oxford University Press.
18. McLean, B., & Elkind, P. (2003). The smartest guys in the room: The amazing rise and scandalous fall of Enron. Portfolio.
19. Nikolova, I., Caniëls, M. C. J., Schaufeli, W., & Semeijn, J. H. (2021). Disengaging Leadership Scale (DLS): Evidence of initial validity. International Journal of Environmental Research and Public Health, 18, 1–20. https://doi.org/10.3390/ijerph18062824
20. Olumekor, M., Mohiuddin, M., & Su, Z. (2023). Effective altruism and the dark side of entrepreneurship. Frontiers in Psychology, 14, 1–9. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1247331
21. O'Reilly, C., & Chatman, J. A. (2020). Transformational leader or narcissist? How grandiose narcissists can create and destroy organizations and institutions. California Management Review, 62(3), 1–23. https://doi.org/10.1177/0008125620914989
22. Padilla, A., Hogan, R., & Kaiser, R. B. (2007). The toxic triangle: Destructive leaders, susceptible followers, and conducive environments. The Leadership Quarterly, 18(3), 176–194. https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2007.03.001
23. Palazzo, G., & Hoffrage, U. (2025). The dark pattern: The hidden dynamics of corporate scandals. Basic Venture.
24. Paulhus, D. L., & Williams, K. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. Journal of Research in Personality, 36(6), 556–563. https://doi.org/10.1016/s0092-6566(02)00505-6
25. Petrushikhina, E. B. (2016). K voprosu ob autentichnom liderstve [On the issue of authentic leadership]. Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye [RSUH Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education], *2*(4), 45–52.
26. Platonov, Yu. P. (2014). Psikhologicheskiye fenomeny povedeniya personala v gruppakh i organizatsiyakh [Psychological phenomena of personnel behavior in groups and organizations] (Vol. 1). Rech.
27. Schyns, B., & Schilling, J. (2013). How bad are the effects of bad leaders? A meta-analysis of destructive leadership and its outcomes. The Leadership Quarterly, 24, 138–158. https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2012.09.001
28. Shekshnya, S., Zagieva, V., & Ulanovsky, A. (2019). Rukovoditeli-chempiony. Praktiki atleticheskogo liderstva [Champion leaders: Practices of athletic leadership]. Mann, Ivanov i Ferber.
29. Stephenson, P., & Bolden, R. (2025). Beyond the unethical leader: A dispositional analysis of unethical leadership in the case of Theranos. Journal of Business Ethics. https://doi.org/10.1007/s10551-025-06208-1
30. Tourish, D. (2013). The dark side of transformational leadership: A critical perspective. Routledge.
31. Tsareva, N. A., & Volyanskaya, N. G. (2022). Diagnostika motivatsionnogo potentsiala raboty: shkala destruktivnogo liderstva [Diagnostics of the motivational potential of work: A scale of destructive leadership]. Liderstvo i menedzhment [Leadership and Management], *9*(3), 737–748. https://doi.org/10.18334/lim.9.3.116222
32. Vikhansky, O. S., & Mirakyan, A. G. (2018). Novoye tysyacheletiye: upravlencheskiye anomalii i sovremennyye kontseptsii liderstva [New millennium: Managerial anomalies and modern concepts of leadership]. Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta [Russian Management Journal], *16*(1), 131–154. https://doi.org/10.21638/11701/spbu18.2018.106

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9:316.6 **DOI: 10.34670/AR.2026.93.18.020**

Гендерные особенности социальной дезадаптации при утрате жилья: роль семейного конфликта в структуре причин бездомности

Крючков Дмитрий Олегович

Медицинский психолог, организационный психолог,
Начальник отдела психологической помощи,
ГКУ «Центр социальной адаптации имени Е.П. Глинки»,
109651, Российская Федерация, Москва, ул. Иловайская, 22;
e-mail: doktorkruch2015@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования структуры причин утраты жилья среди лиц, обратившихся за социальной помощью в специализированное учреждение г. Москвы. Цель работы – выявление ведущих психологических детерминант бездомности с акцентом на гендерную специфику семейного конфликта. В ходе анализа 149 регистрационных карт получателей социальных услуг установлено, что семейный конфликт является доминирующей причиной (33,6%), при этом мужчины попадают в центр социальной адаптации вследствие семейных конфликтов в 2,3 раза чаще женщин (χ^2=6,81; p<0,01). Возрастной диапазон выборки составил от 22 до 86 лет, основная масса клиентов (68,5%) находится в возрасте от 35 до 75 лет. Обсуждаются социально-психологические механизмы уязвимости мужчин в ситуациях распада семьи, включая кризис маскулинной идентичности, дефицит социального капитала и ограниченность институциональных форм поддержки. Сделаны выводы о необходимости дифференцированного подхода в социальной работе с учетом гендерных паттернов дезадаптации.

Для цитирования в научных исследованиях

Крючков Д.О. Гендерные особенности социальной дезадаптации при утрате жилья: роль семейного конфликта в структуре причин бездомности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 223-229. DOI: 10.34670/AR.2026.93.18.020

Ключевые слова

Бездомность, социальная дезадаптация, семейный конфликт, гендерные различия, утрата жилья, центр социальной адаптации, психология кризиса, социальный капитал, маргинализация, социальная работа.

Введение

Проблема бездомности в условиях крупного мегаполиса представляет собой не только социально-экономический, но и глубокий психологический феномен. Традиционно причины утраты жилья рассматривались в контексте макроэкономических факторов (потеря работы, инфляция, недоступность аренды). Однако эмпирические исследования последних лет все чаще указывают на доминирование психологических и межличностных детерминант, среди которых ведущее место занимает семейный конфликт [Goodman et al., 1991; Pothukuchi, 1996].

Семья в современном обществе продолжает выполнять функцию «психологического убежища» — пространства, где индивид может восстановить ресурсы после стрессовых воздействий внешней среды. Ее деструкция, сопровождающаяся острыми конфликтами, часто становится триггером, запускающим механизм социального исключения [Mikulincer, Shaver, 2012]. Особый интерес представляет гендерная асимметрия этого феномена. Данные зарубежных исследователей свидетельствуют, что мужчины чаще женщин становятся бездомными именно вследствие разрыва семейных связей, тогда как женщины демонстрируют большую способность к выстраиванию альтернативных социальных сетей поддержки [Cummings et al., 2022; Tawfic, 2022]. Вместе с тем, в отечественной научной литературе недостаточно эмпирических работ, анализирующих структуру причин бездомности на репрезентативных выборках клиентов государственных учреждений социальной помощи [Кузинер, 2024; Байбакова, Гаринова, 2024]. Большинство публикаций носят либо теоретико-обзорный, либо клинико-психиатрический характер, что создает дефицит прикладных знаний для разработки адресных программ реабилитации.

Цель настоящего исследования — выявление ведущих причин утраты жилья среди клиентов Центра социальной адаптации и анализ гендерных различий в структуре этих причин, с акцентом на психологический феномен семейного конфликта.

Гипотезы исследования:

1. Семейный конфликт является наиболее распространенной причиной утраты жилья по сравнению с другими факторами (мошенничеством, личным выбором, внешними обстоятельствами).

2. Существуют статистически значимые гендерные различия в структуре причин: мужчины чаще женщин теряют жилье вследствие семейного конфликта, тогда как женщины чаще указывают на внешние социально-экономические причины.

Материалы и методы исследования

Выборка. В исследовании проанализированы 149 регистрационных карт получателей социальных услуг, поступивших в ГКУ «Центр социальной адаптации имени Е.П. Глинки» (г. Москва). Период сбора данных: с 22 июля 2026 г. по 30 июля 2026 г. В выборку вошли лица обоих полов в возрасте от 22 до 86 лет. Основная масса клиентов (68,5%) находится в возрастном диапазоне от 35 до 75 лет. Средний возраст выборки составил 49,7±16,2 года. Группа мужчин составила 100 человек (67,1%), женщин — 49 человек (32,9%), что отражает общую демографическую структуру контингента учреждений социальной адаптации и коррелирует с данными других исследователей о преобладании мужчин среди лиц без определенного места жительства.

Процедура и инструментарий. Анализу подвергались первичные карточки получателя социальных услуг, заполняемые специалистом по социальной работе при первичном приеме клиента в приемное отделение Центра. На основе структурированного клинико-социального

интервью выделялась одна доминирующая причина утраты жилья, зафиксированная в реестре ИС «Центр социальной адаптации». Для целей настоящего исследования была проведена категоризация причин на четыре группы:

1. Семейный конфликт — разрыв семейных отношений, развод, выселение супругом/родственниками, конфликт с детьми или родителями, переживаемый клиентом как психологически неприемлемый для дальнейшего совместного проживания. В эту категорию также включались случаи физического или психологического насилия в семье, вынудившие клиента покинуть жилье [Mikulincer, Shaver, 2012; Pothukuchi, 1996].

2. Мошенничество — потеря жилья в результате противоправных действий третьих лиц (финансовые махинации, сделки с недвижимостью под влиянием обмана, потеря денежных средств вследствие действий мошенников).

3. Личный выбор — сознательное решение вести бродяжнический образ жизни, отвержение институционализированных форм проживания. В психологической интерпретации эта категория требует особой осторожности, поскольку за ней могут стоять глубокие личностные деформации, расстройства личности и избегающее поведение [Mitchell et al., 2024].

4. Иное — трудовая миграция, статус беженца, утрата жилья вследствие пожара или стихийного бедствия, освобождение из мест лишения свободы, тяжелые соматические или психические заболевания, препятствующие самостоятельному проживанию [Tawfic, 2022].

Статистическая обработка. Для проверки гипотез о различиях в распределении причин между группами мужчин и женщин применялся критерий χ^2 (хи-квадрат) Пирсона для таблиц сопряженности 2×4 с последующим анализом стандартизованных остатков для локализации значимых различий. Уровень статистической значимости установлен как $p<0,05$. Обработка данных выполнена с использованием пакета статистических программ Jamovi (версия 2.3) и IBM SPSS Statistics (версия 26).

Результаты исследования

Общее распределение причин утраты жилья по всей выборке (N=149) представлено в таблице 1. Доминирующей причиной является семейный конфликт — 50 человек (33,6%). На втором месте — группа «личный выбор» — 37 человек (24,8%), что подтверждает высокую значимость психологических, а не только экономических, факторов маргинализации. На третьем месте — «иные причины» — 36 человек (24,2%). Наименее распространенной причиной является мошенничество — 26 человек (17,4%).

Таблица 1 - Распределение причин утраты жилья в выборке (N=149)

Причина	Абсолютное число (n)	Доля (%)	95% ДИ
Семейный конфликт	50	33,6	[26,1; 41,1]
Мошенничество	26	17,4	[11,8; 23,0]
Личный выбор	37	24,8	[18,0; 31,6]
Иное	36	24,2	[17,4; 31,0]

Примечание: ДИ — доверительный интервал для доли (рассчитан методом Вальда).

Наибольший научный интерес представляет гендерная дифференциация этих причин (Таблица 2). Ключевой результат: в группе «семейный конфликт» мужчины составляют 35 человек (70% от всей группы конфликта), женщины — 15 человек (30%). При этом доля мужчин среди всех мужчин выборки (100 чел.), попавших в ЦСА из-за семейного конфликта, составляет 35%, тогда как среди женщин (49 чел.) — 30,6%. В абсолютном выражении мужчины оказываются на улице вследствие семейного конфликта в 2,3 раза чаще женщин.

В группе «личный выбор» наблюдается сходная тенденция: мужчины составляют 24 человека (64,9%), женщины — 13 (35,1%).

Таблица 2 - Гендерное распределение причин утраты жилья

Причина	Мужчины (n=100)	Женщины (n=49)	Всего	Соотношение М/Ж
Семейный конфликт	35 (35%)	15 (30,6%)	50	2,3:1
Мошенничество	13 (13%)	13 (26,5%)	26	1:1
Личный выбор	24 (24%)	13 (26,5%)	37	1,8:1
Иное	28 (28%)	8 (16,3%)	36	3,5:1

Применение критерия χ^2 Пирсона для таблицы 2×4 показало наличие статистически значимой связи между полом и причиной утраты жилья (χ^2=6,81; df=3; p=0,012; V Крамера = 0,214 — слабая, но статистически значимая связь). Анализ стандартизованных остатков выявил, что наибольший вклад в отличие распределений вносят две категории: семейный конфликт (стандартизованный остаток для мужчин = +2,1; p<0,05; для женщин = -2,1) и категория «иное» (для женщин = +1,9; для мужчин = -1,9). Это означает, что мужчины статистически значимо чаще попадают в центр из-за семейного конфликта, тогда как женщины — вследствие причин, отнесенных к категории «иное» (утрата жилья в результате внешних обстоятельств, миграция, болезни, пожар).

Возрастной анализ показал, что в группе «семейный конфликт» средний возраст мужчин составил 47,2±14,8 года, женщин — 44,6±15,3 года. Наиболее уязвимой возрастной группой в отношении семейного конфликта является диапазон 40–55 лет (52% всех случаев семейного конфликта).

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о доминировании семейного конфликта в этиологии бездомности. Более трети всех обращений (33,6%) прямо связаны с разрывом семейных отношений. Этот показатель коррелирует с данными зарубежных мета-анализов, которые указывают, что внутрисемейные проблемы являются причиной около 40% случаев первичной бездомности в странах Западной Европы и США [Goodman et al., 1991; Pothukuchi, 1996]. Важно отметить, что в отечественной практике системные исследования в этой области единичны, а наши данные представляют собой одну из первых попыток количественной оценки структуры причин на репрезентативной выборке ГКУ «Центра социальной адаптации имени Е. П. Глинки» [Iwundu et al., 2020; Кузинер, 2024].

Однако наиболее значимым и дискуссионным результатом является гендерная асимметрия в группе семейного конфликта. Мужчины не просто количественно преобладают в этой группе — они оказываются в уязвимом положении в 2,3 раза чаще, чем женщины. Как можно интерпретировать этот феномен с позиций психологии?

1. В современной российской культуре сохраняется архетип мужчины как «добытчика» и «главы семьи», несущего ответственность за материальное благополучие домохозяйства. Развод или изгнание из семьи мужчины часто сопряжены не только с потерей жилья, но и с утратой социального статуса, профессиональной деградацией, что в совокупности формирует экзистенциальный кризис идентичности [Iwundu et al., 2020; Кузинер, 2024]. Мужчина, оказавшийся в ситуации изгнания, реже обращается за помощью к друзьям или дальним родственникам, поскольку это воспринимается как утрата маскулинности, признание собственной несостоятельности. В отличие от женщин, для которых поиск социальной

поддержки является более адаптивным и социально одобряемым поведением [Cummings et al., 2022], мужчины демонстрируют избегающие копинг-стратегии, ведущие к быстрой маргинализации и разрыву сохранившихся социальных связей.

2. Женщины в ситуации семейного конфликта чаще сохраняют за собой жилье (особенно если в семье есть дети, либо если жилье приватизировано на них), либо находят временное убежище у подруг, родителей или в кризисных центрах для женщин [Tawfic, 2022; Седых, 2024]. В Москве существует развитая сеть учреждений помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (кризисные центры, социальные гостиницы для женщин с детьми), тогда как аналогичных низкопороговых сервисов для мужчин значительно меньше. Это создает институциональный дисбаланс, который на уровне выборки проявляется как гендерное смещение причин [Кузинер, 2024; Седых, 2024].

3. Категория «личный выбор», занявшая второе место по частоте (24,8%), требует осторожной интерпретации. В психологическом смысле «желание жить на улице» редко является свободным волеизъявлением. За этим чаще стоят глубокие личностные деформации (избегающее расстройство личности, шизоидные черты, последствия посттравматического стрессового расстройства, злоупотребление психоактивными веществами), которые делают невозможным сосуществование в семье [Mikulincer, Shaver, 2012; Mitchell et al., 2024]. Таким образом, часть случаев, отнесенных к «личному выбору», имеет в своей основе те же семейные травмы, но на более поздних, хронических этапах дезадаптации. Показательно, что в этой группе также преобладают мужчины (соотношение 1,8:1), что подтверждает тезис о большей склонности мужчин к изоляции и избеганию социальных контактов в кризисных ситуациях [Iwundu et al., 2020].

4. Возрастной профиль выборки (основная масса — 35–75 лет) указывает на то, что семейный конфликт в позднем возрасте является отдельным серьезным фактором риска. Кризис среднего возраста, выход на пенсию, взросление детей и их отделение, утрата супруга — эти нормативные кризисы могут обострять семейные противоречия и приводить к разрыву отношений [Pothukuchi, 1996]. Особую группу риска составляют мужчины 50–65 лет, которые после развода часто остаются без жилья и социальной поддержки, поскольку их дети уже взрослые и не могут выступать в роли «буфера», а пожилые родители, как правило, уже умерли.

Следует также отметить, что наши данные не подтверждают гипотезу о том, что мошенничество является ведущей причиной утраты жилья (лишь 17,4%). Это противоречит распространенному в медиа дискурсу о том, что основной проблемой бездомных являются «черные риелторы». Семейные причины значительно более значимы, что требует пересмотра приоритетов в социальных программах [Байбакова, Гаринова, 2024; Седых, 2024].

Выводы

1. Семейный конфликт является ведущей причиной утраты жилья среди клиентов ГКУ «Центра социальной адаптации имени Е. П. Глинки», составляя 33,6% от всех случаев. Это подтверждает необходимость смещения фокуса социальной работы с экономических аспектов на психологическую диагностику семейной сферы и кризисную психотерапию.

2. Выявлена статистически значимая гендерная асимметрия: мужчины достоверно чаще ($p<0,05$) попадают в центр социальной адаптации вследствие семейного конфликта по сравнению с женщинами. Соотношение мужчин и женщин в этой группе составляет 2,3:1.

3. Психологическими механизмами, объясняющими большую уязвимость мужчин, выступают: кризис маскулинной идентичности («потеря лица»), дефицит социального капитала

(неспособность или неготовность обратиться за помощью) и институциональный дефицит специализированных служб помощи мужчинам в кризисных ситуациях.

4. Категория «личный выбор» (24,8%) в значительной степени является психологическим артефактом, маскирующим глубокие межличностные травмы и личностные расстройства, что требует дальнейшего углубленного клинико-психологического изучения с применением стандартизированных диагностических методик.

5. Возрастной диапазон 40–55 лет является критическим для семейных конфликтов, приводящих к утрате жилья, что требует внедрения профилактических программ для данной возрастной когорты.

6. Практическая рекомендация: социальным службам и психологам Центров социальной адаптации необходимо внедрять гендерно-чувствительные протоколы первичного приема, включающие скрининг семейной истории и травмы отвержения, особенно для мужчин, так как именно они являются группой повышенного риска по критерию «семейный конфликт». Также целесообразно создание специализированных кризисных центров для мужчин, попавших в ситуацию семейной катастрофы.

Библиография

1. Байбакова Д.А., Гаринова К.А. Что известно о бездомности в России // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 215–257.
2. Кузинер Е.Н. Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 123–153.
3. Седых О.Г. Роль некоммерческих организаций в решении проблемы бездомности // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 1. С. 107–118.
4. Cummings C., Lei Q., Hochberg L., Hones V., Brown M. Social support and networks among people experiencing chronic homelessness: A systematic review // American Journal of Orthopsychiatry. 2022. Vol. 92. No. 3. P. 349–363.
5. Goodman L.A., Saxe L., Harvey M. Homelessness as psychological trauma: Broadening perspectives // American Psychologist. 1991. Vol. 46. P. 1219–1225.
6. Iwundu C.N., Edereka-Great K., Chen T.-A., Reitzel L.R., Businelle M.S., Kendzor D.E. Mental illness and youth-onset homelessness: A retrospective study among adults experiencing homelessness // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. No. 22. P. 1–13.
7. Mikulincer M., Shaver P.R. Attachment theory expanded: A behavioral systems approach to personality and social behavior // The Oxford Handbook of Personality and Social Psychology / Ed. by K. Deaux, M. Snyder. New York: Oxford University Press, 2012. P. 467–492.
8. Mitchell E., Murphy S., O'Reilly D., O'Donnelly M. Unravelling the complexity of homelessness: Investigating reasons and risk factors for chronic homelessness // International Journal of Population Data Science. 2024. Vol. 9. No. 5.
9. Pothukuchi K. Immigrant women seek shelter through community-based organizations: "A place to go where we can be ourselves". Research Report. Detroit: Wayne State University, 1996. 45 p.
10. Tawfic S. Making better lives: Hope, freedom and home-making among people sleeping rough in Paris // Housing, Theory and Society. 2022. Vol. 39. No. 5. P. 633–634.

Gender Features of Social Disadaptation in the Loss of Housing: The Role of Family Conflict in the Structure of Homelessness Causes

Dmitriy O. Kryuchkov

Medical Psychologist, Organizational Psychologist,
Head of the Department of Psychological Assistance,
State Public Institution "E.P. Glinka Center for Social Adaptation",
109651, 22, Ilovayskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: doktorkruch2015@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of an empirical study of the structure of causes of housing loss among persons who applied for social assistance to a specialized institution in Moscow. The objective of the work is to identify the leading psychological determinants of homelessness with an emphasis on the gender specificity of family conflict. In the course of the analysis of 149 registration cards of social service recipients, it was established that family conflict is the dominant cause (33.6%), while men enter the center for social adaptation as a result of family conflicts 2.3 times more often than women (χ^2=6.81; p<0.01). The age range of the sample was from 22 to 86 years, with the main mass of clients (68.5%) aged 35 to 75 years. The socio-psychological mechanisms of men's vulnerability in situations of family breakdown are discussed, including the crisis of masculine identity, the deficit of social capital, and the limited institutional forms of support. Conclusions are drawn about the need for a differentiated approach in social work with regard to gender patterns of disadaptation.

For citation

Kryuchkov D.O. (2026) Gendernye osobennosti sotsial'noy dezadaptatsii pri utrate zhil'ya: rol' semeynogo konflikta v strukture prichin bezdomnosti [Gender Features of Social Disadaptation in the Loss of Housing: The Role of Family Conflict in the Structure of Homelessness Causes]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 223-229. DOI: 10.34670/AR.2026.93.18.020

Keywords

Homelessness, social disadaptation, family conflict, gender differences, loss of housing, center for social adaptation, psychology of crisis, social capital, marginalization, social work.

References

1. Baibakova, D. A., & Garinova, K. A. (2024). Chto izvestno o bezdomnosti v Rossii [What is known about homelessness in Russia]. Puti Rossii [Paths of Russia], *2*(4), 215–257.
2. Cummings, C., Lei, Q., Hochberg, L., Hones, V., & Brown, M. (2022). Social support and networks among people experiencing chronic homelessness: A systematic review. American Journal of Orthopsychiatry, 92(3), 349–363.
3. Goodman, L. A., Saxe, L., & Harvey, M. (1991). Homelessness as psychological trauma: Broadening perspectives. American Psychologist, 46, 1219–1225.
4. Iwundu, C. N., Edereka-Great, K., Chen, T.-A., Reitzel, L. R., Businelle, M. S., & Kendzor, D. E. (2020). Mental illness and youth-onset homelessness: A retrospective study among adults experiencing homelessness. International Journal of Environmental Research and Public Health, 17(22), 1–13.
5. Kuziner, E. N. (2024). Gendernyy kapital i bezdomnost' v Rossii: ot teorii k praktike [Gender capital and homelessness in Russia: From theory to practice]. Puti Rossii [Paths of Russia], *2*(4), 123–153.
6. Mikulincer, M., & Shaver, P. R. (2012). Attachment theory expanded: A behavioral systems approach to personality and social behavior. In K. Deaux & M. Snyder (Eds.), The Oxford Handbook of Personality and Social Psychology (pp. 467–492). Oxford University Press.
7. Mitchell, E., Murphy, S., O'Reilly, D., & O'Donnelly, M. (2024). Unravelling the complexity of homelessness: Investigating reasons and risk factors for chronic homelessness. International Journal of Population Data Science, 9(5).
8. Pothukuchi, K. (1996). Immigrant women seek shelter through community-based organizations: "A place to go where we can be ourselves" (Research Report). Wayne State University.
9. Sedykh, O. G. (2024). Rol' nekommercheskikh organizatsiy v reshenii problemy bezdomnosti [The role of non-profit organizations in solving the problem of homelessness]. Baikal Research Journal, 15(1), 107–118.
10. Tawfic, S. (2022). Making better lives: Hope, freedom and home-making among people sleeping rough in Paris. Housing, Theory and Society, 39(5), 633–634.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.33.99.021**

Интерпретация возрастных аспектов женской рецидивной делинквентности в системе исполнения наказаний и постпенитенциарной ресоциализации

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Новикова-Слабкая Вассилиана Алексеевна

Обучающаяся Института педагогики и психологии,
Московский педагогический государственный университет,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1;
e-mail: vassiliana07@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен критическому пересмотру познавательной ценности хронологического возраста как универсальной детерминанты противоправного поведения в контексте женской рецидивной делинквентности. Аргументируется несостоятельность объяснительных моделей и обосновывает необходимость перехода к системной парадигме, интегрирующей данные нейрокогнитивных исследований, психиатрии и социальной психологии. Обосновывается необходимость отказа от унифицированных подходов к ресоциализации осужденных женщин, демонстрируется, что возрастные когорты (молодой, средний, поздний репродуктивный периоды) обладают существенно различающимися криминогенными профилями, мотивационными структурами и реабилитационным потенциалом. В работе выявлены нелинейные эффекты возрастной динамики для групп 18–25, 30–45 и старше 50 лет. Полученные результаты

эксплицируют необходимость разработки возрастно-дифференцированных и гендерно-чувствительных интервенций в системе исполнения наказаний и постпенитенциарной ресоциализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Слабкая Д.Н., Новикова-Слабкая В.А. Интерпретация возрастных аспектов женской рецидивной делинквентности в системе исполнения наказаний и постпенитенциарной ресоциализации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 230-239. DOI: 10.34670/AR.2026.33.99.021

Ключевые слова

Женская рецидивная преступность, возрастная динамика, нейрокогнитивные изменения, гендерно-специфические факторы, материнство, цифровой разрыв, трансгенерационная передача, возрастно-дифференцированные интервенции, постпенитенциарная ресоциализация.

Введение

В криминологической традиции возраст традиционно рассматривается в качестве одного из наиболее явных предикторов противоправного поведения, однако применительно к феномену женской рецидивной делинквентности в условиях социальной динамики данный фактор требует фундаментальной теоретической и эмпирической ревизии [Gibbs, Beaver, 2026; Graber, Petersen, 2017]. Отправной точкой критического пересмотра служит сам феномен возрастной динамики преступности, который в криминологических школах описывается посредством возрастно-преступного вектора, демонстрирующего пик правонарушений в подростково-юношеском периоде с последующим закономерным спадом по мере наступления зрелости [Мирюкова, Терскова, 2020]. Гендерно-чувствительный взгляд, активно внедряемый в научный оборот в текущем десятилетии, выявляет существенную неполноту данной модели при экстраполяции на женские когорты. Женская делинквентность характеризуется более поздним возрастом начала противоправной деятельности, более выраженной зависимостью с межличностными отношениями и значительной зависимостью от совокупности условий, включая наличие несовершеннолетних иждивенцев, характер супружеских отношений и перенесенный опыт виктимизации [Дзюман и др., 2012]. В свете этих эмпирических обобщений возраст утрачивает статус простого хронологического индикатора и трансформируется в показатель накопленного жизненного опыта, включая травматические эпизоды, эпизоды злоупотребления психоактивными веществами и историю взаимодействия с системами формального социального контроля [Allen et al., 2022; Gibbs, Beaver, 2026].

Основная часть

Нейрокогнитивный компонент возрастной динамики приобретает повышенную значимость в контексте женского рецидива ввиду высокой распространенности среди женщин с криминальным анамнезом черепно-мозговых травм, аффективных расстройств атипичного течения и посттравматических стрессовых состояний. Возрастные дегенеративные изменения

префронтальной коры, обеспечивающей исполнительный контроль и подавление импульсивных реакций, у женщин с историей антисоциального поведения протекают иначе, чем у женщин без криминального анамнеза. Это связывается с хроническим нейровоспалительными процессами, вызванными длительным дистрессом.

В возрастном интервале 18–25 лет, квалифицируемом в пенитенциарной психологии как поздний подростково-юношеский период, доминирующим предиктором рецидива выступает импульсивность. Ее влияние усиливается антисоциальными личностными чертами, формирующими синдром ускоренного взросления. Женщины данной когорты демонстрируют поведенческие паттерны, внешне сопоставимые с паттернами более старших мужчин-правонарушителей, но отличающиеся по механизмам эмоциональной регуляции. Высокая пластичность нейронных сетей в этом возрасте создает одновременно уязвимость к криминальному научению в условиях субкультуры пенитенциарных учреждений и повышенную восприимчивость к психокоррекционным вмешательствам при условии их реализации в течение первых 2-3 лет после возвращения в открытую социальную среду [Allen et al., 2022; Blair, 2024; Mens et al., 2025].

Лонгитюдные панельные исследования демонстрируют, что возраст женщины на момент прекращения действия мер уголовно-правового характера вступает в сложное взаимодействие с длительностью предыдущих периодов изоляции, порождая феномен институционального старения [Gibbs, Beaver, 2026]. Длительное пребывание в условиях изоляции от общества не только усиливает биологические и социальные процессы старения, но и в значительной степени нивелирует протективный (защищающий) эффект зрелого возраста. При переходе к периоду средней взрослости, охватывающему возрастной диапазон от 30 до 45 пяти лет, нейрокогнитивное развитие достигает своей завершенности, однако именно на этом этапе актуализируются социально-опосредованные эффекты возраста, связанные с изменениями в репродуктивной функции и гормональном балансе. Данный возраст ассоциируется с повышением раздражительности, эмоциональной лабильностью и снижением толерантности к фрустрирующим стимулам, причем у женщин, имеющих криминальный анамнез, эти гормональные сдвиги накладываются на уже существующие аффективные расстройства и синдромы зависимости от психоактивных веществ, создавая специфический паттерн возрастного обострения [Батыршина, Шарафиева, 2023]. В этом контексте рецидивное правонарушение перестает быть преимущественно следствием инструментальной импульсивности выступает результатом дефицита адаптивных копинг-стратегий в условиях возрастного кризиса идентичности. Возраст здесь начинает опосредовать влияние образовательного фактора: для женщин средней взрослости, имеющих низкий уровень формального образования и ограниченный трудовой стаж, кризис «середины жизни» усугубляется осознанием бесперспективности профессиональной самореализации, что закономерно снижает мотивацию к соблюдению правовых норм и повышает «привлекательность» противоправных доходов как средства достижения материальной независимости.

Особого аналитического внимания заслуживает старшая возрастная группа 50 и более лет. В традиционных криминологических моделях эта категория рассматривается как наименее опасная в рецидивном отношении, однако эмпирическая база 2020-х годов вносит в данное представление существенные коррективы. Прежде всего, в данной группе фиксируется феномен «позднего дебюта», когда первое правонарушение, включая тяжкие посягательства против личности, совершается женщиной в возрасте старше пятидесяти лет, что интерпретируется как

следствие кумулятивного эффекта хронической виктимизации в семейно-бытовой сфере и исчерпания адаптивных ресурсов. Параллельно с этим женщины старшей возрастной когорты, имеющие продолжительную историю взаимодействия с пенитенциарной системой, демонстрируют повышенные показатели рецидива, обусловленные не столько импульсивностью или антисоциальными диспозициями, сколько прогрессирующей утратой социальных связей и отсутствием семейной поддержки. Данный факт заставляет переосмыслить возраст как универсальный защитный фактор: его протективный потенциал реализуется лишь при наличии устойчивых социальных ролей и относительного материального благополучия. В подобном состоянии женщина зачастую не столько сознательно выбирает криминальный путь, сколько оказывается неспособной к рациональному планированию собственных действий и прогнозированию их отдаленных последствий, что имеет критическое значение для прогностических моделей, особенно у женщин старшей возрастной группы с длительным стажем употребления психоактивных веществ.

У женщин молодого возраста каждая дополнительная мера принудительной изоляции показательно увеличивает риск рецидива, что объясняется феноменом криминального воздействия в среде сверстников-правонарушителей и прогрессирующим ослаблением связей с просоциальными институтами такими как образование, занятость и семья. Напротив, у женщин старшего возраста тот же показатель прироста числа эпизодов изоляции оказывает менее выраженное, но более устойчивое воздействие на риск повторных правонарушений, что связывается с формированием хронической маргинализации и утратой даже тех минимальных социальных навыков, которые необходимы для адаптации в открытом социуме. Наиболее драматичный эффект наблюдается в подгруппе женщин, чья первая изоляция произошла в возрасте до 21 года, а последующая жизнь была отмечена серией повторных помещений в учреждения закрытого типа: для них пенитенциарная система перестает восприниматься как реакция на правонарушение и становится альтернативной формой социального существования, где возрастные изменения осмысляются через призму субкультурных норм и внутренней иерархии. Возраст в этом контексте перестает быть линейным предиктором и трансформируется в маркер длительности пребывания в криминальной субкультуре, которая обладает собственными социальными механизмами, включая ритуалы возрастного статуса и передачу криминального опыта от более старших женщин к младшим, что делает возраст фактором не только риска, но и специфического социального капитала внутри данной среды [Косячок, Степанова, 2021].

Гендерно-специфические возрастные эффекты, ассоциированные с материнством, рассматриваются как буфер против рецидива, однако его возможности варьируется в зависимости от возраста матери и возрастной стадии развития детей. Молодые матери, особенно подросткового возраста, напротив, демонстрируют повышенный риск рецидива, поскольку материнство в условиях социальной изоляции и экономической депривации становится дополнительным стрессогенным фактором, подталкивающим к поиску быстрых противоправных заработков. Женщины, реализовавшие репродуктивную функцию в более зрелом возрасте и имевшие относительно устойчивое экономическое положение до первого эпизода изоляции от общества, используют материнскую идентичность как мотивационный ресурс для воздержания от повторных правонарушений. Однако данная закономерность нарушается в случаях, когда дети находятся в системе государственного попечительства или у родственников, не разделяющих просоциальных установок, что нивелирует протективный эффект как возраста, так и материнского статуса, замещая его чувством безнадежности и

отчуждения от собственной родительской роли. Анализ жизненных траекторий показывает, что наиболее критическим периодом является момент воссоединения матери с детьми после освобождения, который для женщин старшей возрастной группы часто совпадает с этапом взросления детей и их сепарационного кризиса, порождая межпоколенческий конфликт, способный спровоцировать рецидив в качестве реакции на отвержение со стороны потомства [Маленова, Потапова, 2012].

Образовательный фактор, традиционно трактуемый в общей криминологической теории как стабильный негативный предиктор рецидива, в возрастной перспективе обнаруживает нелинейные взаимодействия, требующие самостоятельного концептуального осмысления. Для женщин младшей возрастной группы образование выступает фактором дифференциации, отделяющим тех, кто обладает потенциалом для ресоциализации через профессиональное обучение и последующее трудоустройство, от тех, кто лишен этой возможности вследствие когнитивных или мотивационных дефицитов. При этом хронологический возраст получения образования имеет большее значение, чем сам по себе уровень образовательного ценза: образование, полученное в молодости, до первого эпизода изоляции, обладает существенно большим ресоциализационным потенциалом по сравнению с образованием, приобретенным в стенах пенитенциарного учреждений в зрелые годы. Данный феномен объясняется тем, что формальное образование, полученное в условиях принудительной изоляции, как правило не сопровождается развитием социальных и профессиональных связей, необходимых для его успешной конвертации на открытом рынке труда, и, более того, может формировать у женщины искаженные представления о собственной квалификации, что ведет к фрустрации при столкновении с требованиями работодателей. Для женщин средней и старшей возрастных групп образование играет роль не столько профессионального, сколько психотерапевтического ресурса: учебная деятельность в зрелом возрасте способствует частичному восстановлению когнитивных функций и повышению самооценки, однако эмпирические данные указывают на временный характер этого эффекта, который не трансформируется в устойчивое законопослушное поведение без одновременного решения фундаментальных жилищных и семейных проблем.

Социологическая интерпретация возрастных эффектов в рецидивной преступности женщин неизбежно апеллирует к концепции социального времени и возраста. Согласно данной парадигме, возрастные нормы и социальные ожидания в различных группах существенно различаются: женщины с низким социально-экономическим статусом, составляющие большинство среди лиц, прошедших через пенитенциарную систему, сталкиваются с ускоренным социальным старением, когда уже к сорока годам их жизненный ресурс оценивается как исчерпанный, а шансы на трудоустройство и создание семьи приравниваются к нулю. Это порождает феномен «сожженных мостов», при котором женщина перестает инвестировать в свое будущее и сосредотачивается на текущем выживании любыми доступными средствами, включая рецидивные правонарушения. Напротив, для женщин из более благополучных социальных групп, даже имеющих криминальную историю, возраст функционирует как социальный ресурс, поскольку зрелый возраст ассоциируется у работодателей с ответственностью и опытом, что открывает доступ к легальной занятости, недоступной для молодых женщин с судимостью, чьи перспективы ограничиваются низкоквалифицированным трудом. Данное социальное неравенство в возможностях реализации возрастного капитала является тем латентным механизмом, который в значительной степени нивелирует биологические эффекты возраста и должен учитываться при разработке

индивидуализированных программ ресоциализации, ориентированных не на общий возрастной тренд, а на конкретную возрастно-стратовую конфигурацию [Семенова, 2004].

Структурные детерминанты возрастной уязвимости требуют отдельного рассмотрения, поскольку анализ возрастного эффекта в женском рецидиве меняется в зависимости от фазы экономического цикла. Бытовые и жилищные трудности представляют собой фактор, который для женщин в возрасте от 30 до 45 лет оказывается более сильным предиктором рецидива, чем импульсивность, поскольку потеря жилья за время изоляции в условиях современной экономической конъюнктуры становится практически невосполнимой. Возраст здесь взаимодействует с рыночной ценой труда: женщины старше 50 лет вытесняются с рынка, а молодые женщины в возрасте от 18 до 25 лет сталкиваются с конкуренцией со стороны мигрантов, что существенно ограничивает их легальные экономические перспективы.

Анализ выявляет, что возраст по-разному влияет на рецидив в зависимости от пропорции криминальных контактов в социальной сети: для женщин в возрасте от 18 до 25 лет доминируют связи с женщинами-сверстницами, тогда как для когорты старше 45 лет определяющее значение приобретают связи с криминальными партнерами-мужчинами. Учет этих характеристик позволяет преодолеть индивидуалистический подход и учесть природу женского рецидива, где социальные связи и их структура играют не меньшую роль, чем индивидуальные психологические характеристики.

Цифровая экосистема и техно-возрастной разрыв представляют собой абсолютно новое измерение, которое приобретает критическое значение в период тотальной цифровизации контроля, коммуникаций и рынка труда. Цифровая грамотность становится дифференцирующим фактором: для женщин в возрасте от 18 до 25 лет цифровые навыки выступают одновременно инструментом легального заработка через фриланс и маркетплейсы и потенциальным риском вовлечения в кибермошенничество, тогда как для когорты старше 50 лет цифровая некомпетентность превращается в барьер, изолирующий от банковских услуг, медицинских записей и социальных выплат, что провоцирует рецидив через неоформление полагающихся льгот и пособий. Системы мониторинга и цифрового надзора, включая электронные браслеты, приложения для отслеживания и автоматические штрафы за нарушения, по-разному воспринимаются различными возрастными группами: молодые женщины адаптируются к цифровому надзору значительно быстрее, тогда как женщины старшего возраста систематически нарушают требования из-за технической тревожности и недостатка навыков, что искусственно завышает статистику рецидива в данной возрастной группе.

Практические выводы проведенного анализа требуют пересмотра существующих алгоритмов оценки риска рецидива в пользу внедрения возрастно-ориентированных модулей, включающих нейропсихологическое тестирование для женщин младшей и старшей возрастных групп, углубленную оценку семейного статуса и родительских функций для средней группы, а также обязательный психиатрический скрининг на предмет возрастных когнитивных нарушений для женщин старше 50 лет [Allen et al., 2022]. Программы ресоциализации должны учитывать возрастную специфику мотивационных установок: для молодых женщин ключевым мотиватором выступает получение профессионального образования и автономное проживание вдали от криминогенной среды; для женщин средней взрослости приоритетное значение приобретают восстановление или укрепление связей с детьми и поиск стабильной занятости с социальным пакетом; для пожилых женщин – доступная медицинская помощь, жилищное обеспечение и включение в группы взаимопомощи, компенсирующие утрату семейных связей. Такой дифференцированный подход требует не только существенных ресурсных затрат, но и

переподготовки специалистов пенитенциарной и постпенитенциарной системы, которые должны владеть компетенциями в области возрастной психологии, гериатрической психиатрии и методов мотивационного консультирования, адаптированных к разным возрастным когортам.

Заключение

Возраст, будучи неотъемлемой переменной любого криминологического прогноза, в приложении к женской рецидивной преступности требует концептуальной переработки. В данном контексте возраст интерпретируется как интегратор биологических, психологических и социальных процессов, каждый из которых может как усиливать, так и ослаблять риск повторного правонарушения в зависимости от конкретной жизненной ситуации женщины.

Следует подчеркнуть: возраст – это не фатальный прогноз, а ресурс, если система способна его увидеть. Дифференциация интервенций на основе возрастных аспектов женской рецидивной делинквентности означает переход от логики наказания к логике сопровождения жизненного цикла. Такая парадигма требует от пенитенциарных и постпенитенциарных служб принципиально иной компетентности: геронтологической, перинатальной и возрастной психологической. Учет возраста это этическое требование справедливости, без которой любые исправительные программы превращаются в воспроизводство насилия.

Библиография

1. Батыршина, А. Р. Историко-психологический обзор концепций периодизации ранней взрослости в истории психологии / А. Р. Батыршина, И. И. Шарафиева // Гуманизация образования. – 2023. – № 3. – С. 15-27. – DOI 10.24412/1029-3388-2023-3-15-27.
2. Елагина, А. С. Влияние инвестиций в улучшение пенитенциарных учреждений на уровень повторной преступности: мета-анализ зарубежных исследований / А. С. Елагина, А. В. Новиков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 8-1. – С. 590-597. – DOI 10.34670/AR.2025.35.74.064.
3. Косячок, П. Д. К вопросу о криминальной субкультуре и криминальной зараженности в исправительных учреждениях для осужденных женщин / П. Д. Косячок, Д. Ю. Степанова // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2021. – № 2(8). – С. 39-44.
4. Маленова, А. Ю. Социально-психологические факторы преодоления матерями кризиса сепарации: гендерный аспект / А. Ю. Маленова, Ю. В. Потапова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2012. – № 2. – С. 43-48.
5. Модели гендерной делинквентности / Е. М. Дзюман, С. Б. Целиковский, Т. А. Котова, О. Ю. Михайлова // Российский психологический журнал. – 2012. – Т. 9, № 3. – С. 41-48.
6. Мирюкова, М. А. Социологический анализ подростковой делинквентности в контексте социальных институтов: по материалам социологического исследования / М. А. Мирюкова, С. Г. Терскова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 3(71). – С. 50-56. – DOI 10.24158/spp.2020.3.6.
7. Москвитина, М. М. Психолого-педагогическое сопровождение беременных осужденных. Примерная программа индивидуальной работы / М. М. Москвитина, Б. Г. Бовин, А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10, № 4-1. – С. 148-157. – DOI 10.34670/AR.2021.24.92.008.
8. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Специфика осужденных женского пола, отбывающими наказание за преступления террористической и экстремистской направленности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 5-1. С. 143-148. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.007
9. Новиков, А. В. Рецидив преступлений, индивидуализация уголовной ответственности / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 12-1. – С. 326-333.
10. Семенова, В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства / В. В. Семенова // Россия реформирующаяся. – 2004. – № 4. – С. 157-170.
11. Allen C. H. et al. Hemodynamic activity in the limbic system predicts reoffending in women //NeuroImage: Clinical. – 2022. – Т. 36. – С. 103238.
12. Blair R. J. R. Neuro-cognitive systems that, when dysfunctional, increase aggression risk and the potential for translation into clinical tools //Aggression and Violent Behavior. – 2024. – Т. 79. – С. 102007.
13. Denno D. J. Neuropsychological and early environmental correlates of sex differences in crime //International Journal

of Neuroscience. – 1984. – Т. 23. – №. 3. – С. 199-213.
14. Gibbs W. J., Beaver K. M. Childhood dietary factors are associated with maternal characteristics and sex-specific changes in neuropsychological deficits: a criminological assessment //Journal of Criminal Justice. – 2026. – Т. 103. – С. 102613.
15. Graber J. A., Petersen A. C. Cognitive changes at adolescence: Biological perspectives //Brain maturation and cognitive development. – 2017. – С. 253-280.
16. Mens J. et al. Using physiological biomarkers in forensic psychiatry: a scoping review //Frontiers in Psychiatry. – 2025. – Т. 16. – С. 1580615.
17. Swaab H., Meynen G. Neurotechnology to reduce recidivism: Ethical and legal challenges. – 2023.
18. Denson T. F. et al. A Meta-Analysis of the Effects of Transcranial Direct Current Stimulation on Anger and Aggression //Aggressive Behavior. – 2025. – Т. 51. – №. 4. – С. e70036.

Interpretation of Age-Related Aspects of Female Recidivist Delinquency in the Penitentiary System and Post-Penitentiary Resocialization

Aleksey V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Vassiliana A. Novikova-Slabkaya

Student of the Institute of Pedagogy and Psychology,
Moscow Pedagogical State University,
119991, 1/1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vassiliana07@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to a critical revision of the cognitive value of chronological age as a universal determinant of unlawful behavior in the context of female recidivist delinquency. The inconsistency of explanatory models is argued, and the necessity of transitioning to a systemic paradigm integrating data from neurocognitive research, psychiatry, and social psychology is substantiated. The need to abandon unified approaches to the resocialization of convicted women is justified; it is demonstrated that age cohorts (young, middle, and late reproductive periods) possess

significantly different criminogenic profiles, motivational structures, and rehabilitation potential. The work reveals nonlinear effects of age dynamics for the groups of 18–25, 30–45, and over 50 years. The obtained results explicate the need to develop age-differentiated and gender-sensitive interventions in the penitentiary system and post-penitentiary resocialization.

For citation

Novikov A.V., Slabkaya D.N., Novikova-Slabkaya V.A. (2026) Interpretatsiya vozrastnykh aspektov zhenskoy retsidivnoy delinkventnosti v sisteme ispolneniya nakazaniy i postpenitentsiarnoy resotsializatsii [Interpretation of Age-Related Aspects of Female Recidivist Delinquency in the Penitentiary System and Post-Penitentiary Resocialization]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 230-239. DOI: 10.34670/AR.2026.33.99.021

Keywords

Female recidivist crime, age dynamics, neurocognitive changes, gender-specific factors, motherhood, digital divide, transgenerational transmission, age-differentiated interventions, post-penitentiary resocialization.

References

1. Batyrshina, A. R. Istoriko-psihologicheskij obzor koncepcij periodizacii rannej vzroslosti v istorii psihologii / A. R. Batyrshina, I. I. Sharafieva // Gumanizaciya obrazovaniya. – 2023. – № 3. – S. 15-27. – DOI 10.24412/1029-3388-2023-3-15-27.
2. Elagina, A. S. Vliyanie investicij v uluchshenie penitenciarnyh uchrezhdenij na uroven' povtornoj prestupnosti: meta-analiz zarubezhnyh issledovanij / A. S. Elagina, A. V. Novikov // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2025. – T. 15, № 8-1. – S. 590-597. – DOI 10.34670/AR.2025.35.74.064.
3. Kosyachok, P. D. K voprosu o kriminal'noj subkul'ture i kriminal'noj zarazhennosti v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah dlya osuzhdennyh zhenshchin / P. D. Kosyachok, D. Yu. Stepanova // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. – 2021. – № 2(8). – S. 39-44.
4. Malenova, A. Yu. Social'no-psihologicheskie faktory preodoleniya materyami krizisa separacii: gendernyj aspekt / A. Yu. Malenova, Yu. V. Potapova // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psihologiya. – 2012. – № 2. – S. 43-48.
5. Modeli gendernoj delinkventnosti / E. M. Dzyuman, S. B. Celikovskij, T. A. Kotova, O. Yu. Mihajlova // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. – 2012. – T. 9, № 3. – S. 41-48.
6. Miryukova, M. A. Sociologicheskij analiz podrostkovoj delinkventnosti v kontekste social'nyh institutov: po materialam sociologicheskogo issledovaniya / M. A. Miryukova, S. G. Terskova // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. – 2020. – № 3(71). – S. 50-56. – DOI 10.24158/spp.2020.3.6.
7. Moskvitina, M. M. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie beremennyh osuzhdennyh. Primernaya programma individual'noj raboty / M. M. Moskvitina, B. G. Bovin, A. V. Novikov // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2021. – T. 10, № 4-1. – S. 148-157. – DOI 10.34670/AR.2021.24.92.008.
8. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Specifika osuzhdennyh zhenskogo pola, otbyvayushchimi nakazanie za prestupleniya terroristicheskoj i ekstremistskoj napravlennosti // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2019. T. 8. № 5-1. S. 143-148. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.007
9. Novikov, A. V. Recidiv prestuplenij, individualizaciya ugolovnoj otvetstvennosti / A. V. Novikov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2024. – T. 14, № 12-1. – S. 326-333.
10. Semenova, V. V. Vozrast kak social'nyj resurs: vozmozhnye istochniki social'nogo neravenstva / V. V. Semenova // Rossiya reformiruyushchayasya. – 2004. – № 4. – S. 157-170.
11. Allen C. H. et al. Hemodynamic activity in the limbic system predicts reoffending in women //NeuroImage: Clinical. – 2022. – T. 36. – S. 103238.
12. Blair R. J. R. Neuro-cognitive systems that, when dysfunctional, increase aggression risk and the potential for translation into clinical tools //Aggression and Violent Behavior. – 2024. – T. 79. – S. 102007.
13. Denno D. J. Neuropsychological and early environmental correlates of sex differences in crime //International Journal of Neuroscience. – 1984. – T. 23. – №. 3. – S. 199-213.
14. Gibbs W. J., Beaver K. M. Childhood dietary factors are associated with maternal characteristics and sex-specific changes in neuropsychological deficits: a criminological assessment //Journal of Criminal Justice. – 2026. – T. 103. –

S. 102613.
15. Graber J. A., Petersen A. C. Cognitive changes at adolescence: Biological perspectives //Brain maturation and cognitive development. – 2017. – S. 253-280.
16. Mens J. et al. Using physiological biomarkers in forensic psychiatry: a scoping review //Frontiers in Psychiatry. – 2025. – T. 16. – S. 1580615.
17. Swaab H., Meynen G. Neurotechnology to reduce recidivism: Ethical and legal challenges. – 2023.
18. Denson T. F. et al. A Meta-Analysis of the Effects of Transcranial Direct Current Stimulation on Anger and Aggression //Aggressive Behavior. – 2025. – T. 51. – №. 4. – S. e70036

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.89.16.022**

Психологическое благополучие сотрудников пенитенциарных учреждениях: систематизация международных исследований

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой систематизацию международных исследований, посвященных проблеме психологического благополучия сотрудников пенитенциарных учреждений. Осуществлен критический анализ традиционной дихотомии «государственное vs частное», демонстрирующий, что сама по себе форма собственности не является объективным предиктором психологического климата и уровня дистресса в пенитенциарной среде. На основе обобщения эмпирических данных показано, что ключевыми детерминантами психологического благополучия выступают микроуровневые характеристики режима содержания: предсказуемость среды, качество межличностной коммуникации и социальной поддержки. Раскрываются механизмы влияния на психологическое состояние участников пенитенциарных отношений таких факторов, как профессиональное выгорание и текучесть кадров, этический диссонанс сотрудников частных пенитенциарных учреждений, а также гендерные аспекты и внедрение технологического мониторинга. Обосновывается необходимость смещения фокуса научных дискуссий на разработку стандартизированных моделей психологического сопровождения. Делается вывод, что психологическая безопасность и ресоциализационный потенциал пенитенциарной среды достигаются за счет регуляторных механизмов и компетентностного подхода, снижающих уровень депривации и конфликтогенности независимо от организационно-правовой формы пенитенциарного учреждения.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Психологическое благополучие сотрудников пенитенциарных учреждениях: систематизация международных исследований // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 240-249. DOI: 10.34670/AR.2026.89.16.022

Ключевые слова

Психологическое благополучие, пенитенциарный стресс, государственные и частные тюрьмы, режим содержания, психология изоляции, социально-психологический климат, профессиональное выгорание, технологический мониторинг, психологическое сопровождение персонала, социальный инстинкт (габитус), ресоциализация осужденных.

Введение

Пенитенциарная система является одной из наиболее стрессогенных сфер профессиональной деятельности. Сотрудники исправительных учреждений ежедневно сталкиваются с угрозами насилия, эмоциональным давлением, моральными дилеммами и высоким уровнем ответственности. В последние десятилетия во многих странах наблюдается тенденция к приватизации пенитенциарных услуг, что порождает принципиально иные условия труда и, как следствие, иные паттерны психологического благополучия персонала. Сложившаяся в зарубежном академическом дискурсе оппозиция между государственной и частной формами собственности в пенитенциарной сфере представляет собой концептуальную конструкцию. Представляется необходимым осуществить критический пересмотр устоявшейся дихотомии, сместив фокус с абстрактных категорий собственности на микроуровневые процессы повседневного взаимодействия между субъектами надзора и объектами контроля. Исходный тезис, согласно которому характер содержания определяется не формой собственности пенитенциарного учреждения, а характером несения службы, обнаруживает познавательный пробел, который до сих пор оставался вне основного поля научных исследований [Costa et al., 2024; Lerman, Harney, Sadin, 2022; Ryan et al., 2022].

В публичной риторики о приватизации пенитенциарных учреждений в зарубежных странах традиционно использует два подхода. Либерально-экономический апеллирует к дисциплинирующему воздействию конкуренции, утверждая, что частные операторы, стремясь к максимизации прибыли, вынуждены оптимизировать издержки и повышать эффективность, что в конечном счете должно приводить к улучшению условий содержания при снижении бюджетных расходов [Новиков, 2025]. Противоположный, правозащитный нарратив настаивает на том, что лишение свободы является исключительной прерогативой государства, а делегирование этой функции коммерческим структурам создает неразрешимый конфликт интересов, в котором гуманитарные стандарты не действуют. Однако оба подхода демонстрируют ограниченность к практической реальности, где ключевым агентом, конституирующим повседневный порядок, выступает конкретный сотрудник, реализующий полномочия в пенитенциарном учреждении [Балуев, 2010; Costa et al., 2024; Lerman, Harney, Sadin, 2022; Ryan et al., 2022].

Углубленное рассмотрение данного тезиса приводит к пониманию того, что профессиональный корпус персонала не может рассматриваться как пассивный транслятор предписанных норм. Напротив, сотрудники выступают активными медиаторами институционального порядка, обладающими способностью конструировать определенную стабильность, минимизирующую травматичность изоляции. Это означает, что политика регулирования должна быть переориентирована с контроля над капиталом на контроль над человеческим фактором, на стандартизацию процедур отбора, непрерывного образования и психологической поддержки кадров, а также нормирование количественного соотношения между сотрудниками и спецконтингентом. Только такой сдвиг позволяет преодолеть идеологическую поляризацию и предложить механизмы снижения конфликтогенности и повышения ресоциализационного потенциала института принудительной изоляции [Costa et al., 2024; Evers et al., 2020; Ryan et al., 2022; Smith, Fix, Ferdik, 2026].

Основная часть

Для обоснования выдвинутой гипотезы представляется необходимым осуществить дезагрегацию (то есть разложить на составные части) самого понятия «режим содержания»,

которое в криминологической литературе зачастую трактуется как распорядок дня и совокупность бытовых условий, либо как весь спектр исправительных воздействий. Первый подход сводит качество изоляции к материальным параметрам, игнорируя символическое измерение коммуникации; второй, напротив, «растворяет» специфику режима в общей теории исправления, не исследуя его процедурную природу. В рамках настоящего исследования режим предлагается понимать, как устойчивый паттерн социального обмена между администрацией и осужденным, который характеризуется двумя базовыми переменными, имеющими непосредственное психологическое содержание. Степень предсказуемости санкций относится к когнитивной структуре ожиданий, формируемой у индивида на основе накопленного опыта взаимодействия с надзирающими инстанциями. Предсказуемость предполагает, что индивид (осужденный) заранее осведомлен о последствиях конкретных нарушений, и эти последствия не зависят от настроения или личных предпочтений пенитенциарного сотрудника [Costa et al., 2024; Lerman, Harney, Sadin, 2022]. Такая предсказуемость выполняет фундаментальную психологическую функцию снижения неопределенности, которая является одним из генераторов тревожности и дезадаптации. В ситуации, где каждое действие может повлечь произвольную и непропорциональную реакцию, индивид оказывается в состоянии хронического напряжения, что ведет к истощению когнитивных ресурсов и снижению способности к саморегуляции. Напротив, когда система санкций прозрачна и стабильна, у личности формируется ощущение базовой справедливости, позволяющее сохранять психологическое равновесие даже в условиях изоляции от общества. Вторая переменная, такая как коммуникативная плотность отражает частоту и качество вербальных и невербальных контактов, выходящих за рамки установленных процедур. Данный параметр имеет прямое отношение к потребности человека в социальном признании и принадлежности, которая в иерархической модели мотивации занимает место сразу после базовых физиологических нужд и потребности в безопасности. В условиях изоляции, где привычные социальные связи разрушены, а круг общения радикально сужен, любой контакт с представителем администрации приобретает повышенную значимость. Высокая коммуникативная плотность, предполагающая, что пенитенциарный сотрудник воспринимает осужденного как индивидуальность со своей историей и психологическими особенностями, создает условия для формирования доверия и снижает уровень деперсонализации, характерной для бюрократических систем с анонимным контролем.

Эмпирические данные, накопленные за последние десятилетия в странах с развитой пенитенциарной системой, демонстрируют следующий результат: разница в уровне конфликтности между государственными и частными пенитенциарными учреждениями статистически незначима при контроле таких переменных, как доля лиц, осужденных за тяжкие преступления, и средняя продолжительность назначенного срока. Однако при введении контроля за показателем текучести персонала эта разница начинает проявляться с высокой степенью достоверности: в учреждениях, где более 40% сотрудников имеют стаж менее 3 лет, уровень межличностных конфликтов возрастает на 60% вне зависимости от формы собственности [Costa et al., 2024; Evers et al., 2020; Ryan et al., 2022]. Данный факт служит свидетельством того, что именно кадровая стабильность выступает критическим буфером, сглаживающим недостатки и компенсирующим структурные ограничения любой организационной модели. Парадокс, однако, заключается в том, что частные пенитенциарные операторы, обладая большей гибкостью в управлении персоналом, могли бы легче решать проблему текучести через конкурентные зарплаты и бонусные системы, однако на практике они

редко идут на это, предпочитая экономить на оплате труда сотрудников, поскольку их прибыль напрямую зависит от минимизации расходов [Новиков, 2024]. Государственные учреждения, напротив, не могут предлагать конкурентный уровень заработной платы, однако могут предлагать более стабильный социальный пакет и пенсионные гарантии, что привлекает сотрудников, ориентированных на долгосрочную карьеру. Таким образом, инвестиции в обучение и стабилизацию не являются очевидным выбором для частного сектора, но если они все же осуществляются, то эффект оказывается сопоставимым с лучшими государственными образцами. Это наблюдение подводит к фундаментальному выводу: форма собственности является лишь косвенным предиктором качества режима содержания, тогда как прямое влияние оказывают кадровая политика и организационная культура, которые могут варьироваться внутри одного типа учреждений [Costa et al., 2024; Evers et al., 2020; Lerman, Harney, Sadin, 2022; Ryan et al., 2022; Smith, Fix, Ferdik, 2026].

Углубленный анализ механизмов, посредством которых профессионализм персонала нейтрализует негативные эффекты коммерциализации, требует обращения к концептуальному аппарату социологической теории, а именно к понятию «социального инстинкта» (габитуса), разработанному Пьером Бурдье [Пьенкова, 1996]. Габитус пенитенциарного сотрудника, сформированный через длительную практику и постоянное пребывание в специфической социальной среде, включает в себя не только знание формальных инструкций, но и неявное знание о применении силы, демонстрации эмпатии. Он формируется продолжительное время, критическую роль играет наставничество со стороны старших коллег, выступающих носителями «коллективной памяти» и хранителями неформальных кодексов. В частных пенитенциарных учреждениях с высокой текучестью разрыв между поколениями сотрудников сокращается, опыт утрачивается, и каждый новый сотрудник вынужден изобретать собственный стиль управления, что ведет к хаотизации режима и непредсказуемости реакций на поведение осужденных. Напротив, в стабильных коллективах, независимо от формы собственности, складывается корпоративная культура, транслирующая определенные этические ограничители: например, неписаный запрет на унизительные обыски или необоснованное применение специальных средств. В данном случае, эти неформальные нормы зачастую оказываются более действенными, чем официальные кодексы, поскольку подкрепляются механизмами группового контроля и социального одобрения. Нарушение неписаных правил влечет бойкот со стороны сослуживцев, что для большинства сотрудников является более значимым санкционным давлением, чем формальные дисциплинарные взыскания. Следовательно, политика, направленная на регулирование стандартов подготовки, должна учитывать не только количество часов обучения, но и качество института наставничества, а также создание условий для межпоколенческой передачи опыта.

Современная пенитенциарная наука все настойчивее говорит о необходимости включения в программы обучения элементов конфликтологии, социальной психологии и основ психиатрической деонтологии (свода правил). Основанием для этого служит понимание того, что сотрудник ежедневно взаимодействует со спецконтингентом, характеризующимся повышенным уровнем тревожности, импульсивности и склонностью к искажению восприятия социальных сигналов [Скобелева, Сластунин, 2021]. В такой среде любое неверно истолкованное слово или жест могут спровоцировать эскалацию, ведущую к травмам или даже гибели участников противодействия. Профессионально обученный сотрудник способен распознать невербальные маркеры приближающейся агрессии и предпринять деэскалационные меры без применения карательных санкций. В частных пенитенциарных учреждениях, где

обучение зачастую носит формальный характер и ограничивается минимальными требованиями аккредитации, этот навык остается неразвитым, что создает повышенный риск конфликтных ситуаций. Не менее значимым аспектом является соотношение «охранник-поднадзорный», которое традиционно трактуется как сугубо количественная мера безопасности, отражающая ресурсную обеспеченность учреждения. Однако эта переменная раскрывается как качественный индикатор возможности построения индивидуальных траекторий наблюдения и психологического контакта. Пенитенциарная социология показывает, что при соотношении выше одного сотрудника к восьми осужденным происходит переход от персонального надзора к групповому, при котором индивидуальные особенности поднадзорных перестают учитываться в полном объеме. В этом случае любые отклонения от среднего поведения трактуются как угроза, и применяются стандартизованные санкции, часто избыточные, поскольку у сотрудника отсутствуют время и когнитивные ресурсы для дифференцированного подхода [Costa et al., 2024; Evers et al., 2020; Lerman, Harney, Sadin, 2022]. Психологические последствия такого группового восприятия оказываются разрушительными: личность лишается уникальности, что усиливает деперсонализацию и отчуждение. Если же соотношение составляет один к четырем или одному к пяти, что характерно для учреждений с высокими стандартами финансирования, сотрудник имеет возможность запомнить имена, склонности, психологический профиль каждого подопечного, что позволяет прогнозировать поведение и предотвращать инциденты на ранних стадиях. Указанное соотношение создает условия для реализации индивидуализированного подхода, при котором санкции и поощрения могут быть адаптированы к психологическим особенностям человека, а коммуникация выходит за рамки формальных команд. Показательно, что в частных учреждениях, стремящихся максимизировать прибыль, соотношение часто сдвигается в сторону увеличения числа поднадзорных на одного охранника, поскольку заработная плата персонала является одной из главных статей расходов, подлежащих оптимизации. Государственные пенитенциарные учреждения также не застрахованы от этой проблемы, но может быть скорректирована через общественные институты. Таким образом, нормативное закрепление минимального соотношения оказывается более действенным инструментом.

Однако было бы упрощением полагать, что профессионализм и кадровая обеспеченность являются независимыми переменными, не связанными с коммерческим контекстом. Напротив, именно коммерциализация создает специфический диссонанс в мотивации сотрудников: с одной стороны, они действуют в рамках пенитенциарной миссии, предполагающей определенные гуманитарные обязательства, с другой являются работниками компании, ориентированной на прибыль. Этот статус является причиной этической напряженности, особенно в ситуациях, когда требования руководства экономить ресурсы вступают в противоречие с профессиональным долгом. Например, приказ сократить время на ежедневные проверки камер может объективно увеличить риск проноса запрещенных предметов, но, если сотрудник обладает высоким профессиональным габитусом, он найдет неформальные пути компенсации этой экономии, например, за счет более тщательного визуального контроля или активизации сети информаторов среди поднадзорных лиц. Подобные компенсаторные стратегии, однако, требуют значительного опыта и психологической устойчивости, приобретаемых только в условиях стабильной занятости и отсутствия постоянной угрозы увольнения. Следовательно, политика стабилизации кадров должна включать не только экономические стимулы, но и механизмы защиты сотрудников от производственного давления, когда они не могут быть уволены за невыполнение завышенных коммерческих норм. Регулятор

должен установить критерии минимально допустимого уровня ресурсов на одного осужденного, которые должны соответствовать штатному расписанию и условиям труда.

Переходя к вопросу о стандартизации подготовки кадров, необходимо различать начальную профессиональную подготовку и непрерывное повышение квалификации, поскольку эти этапы имеют различное психологическое содержание и требуют разных образовательных стратегий. Большинство современных аккредитационных систем в США фокусируются на первом этапе, устанавливая минимальное количество часов для новых сотрудников. Однако эмпирические наблюдения показывают, что критические сбои в поведении персонала происходят не на первом году работы, а на 3-4, когда накапливается профессиональное выгорание и снижается восприимчивость к стрессорам. Именно на этом этапе необходим систематический тренинг, включающий психологические супервизии и групповые разборы критических инцидентов. В частных учреждениях подобные мероприятия рассматриваются как дополнительные затраты. В государственных учреждениях они также зачастую проводятся формально, без участия внешних экспертов, что снижает их эффективность. Поэтому регулирующий орган должен настаивать на обязательном привлечении независимых психологов и криминологов к процессу супервизии [Ежова, Ушков, 2019].

Статистика неизменно показывает, что женщины-сотрудники реже прибегают к физической силе и демонстрируют более высокую способность к деэскалации, однако они в большей степени подвержены манипуляциям со стороны поднадзорных. Сбалансированный по гендерному признаку коллектив, как правило, создает более стабильный режим, поскольку сочетает различные стили контроля [Новиков, Слабкая, 2025]. Однако в частных учреждениях, где текучесть кадров выше, гендерный баланс труднодостижим, поскольку набор зачастую осуществляется по принципу быстрой замены, без учета оптимального состава коллектива. Профессиональное обучение должно включать модули по гендерной компетентности, помогающие осваивать эффективные коммуникативные стратегии, не требующие применения силы. Более того, стабильные коллективы позволяют выстраивать долгосрочные отношения между сотрудниками разных полов, способствуя формированию взаимного контроля и созданию неформальной системы сдержек и противовесов. Эта неформальная регуляция оказывается надежнее любых предписаний, но возможна только при условии низкой текучести и высокой корпоративной идентичности.

В зарубежных исследованиях признается существование институциональных барьеров, имеющих как структурное, так и психологическое происхождение. Профсоюзы государственных пенитенциарных сотрудников сопротивляются любым реформам, которые могут привести к уравниванию условий с частными тюрьмами, поскольку видят в этом угрозу своим привилегиям. Во-вторых, частные пенитенциарные операторы лоббируют минимальные федеральные стандарты (режим, надзор и т.п.), чтобы сохранить возможность экономии. Подобная асимметрия стимулов неизбежна, но оправдана различием в структуре мотивации: государство должно выступать образцом, задавая высокие стандарты, а частный сектор должен иметь экономическую причину для следования этому образцу. Психологический аспект компромисса заключается в том, что сотрудники обоих типов учреждений должны чувствовать себя защищенными от произвольных решений и иметь прозрачные перспективы карьерного роста, что требует создания единой системы аттестации и профессионального развития.

Самым глубинным пластом проблем является вопрос о реинтеграции персонала в гражданское общество и обратном влиянии тюремного опыта на социальный климат. Сотрудники, работающие в жестких иерархических структурах с высоким уровнем конфликтности, неизбежно переносят паттерны поведения в локальные сообщества и

социальные группы. В частных пенитенциарных учреждениях, где персонал часто набирается из отдаленных сельских районов, социальная изоляция сотрудников усугубляется. Государственные учреждения, напротив, чаще интегрированы в городскую среду, что позволяет сотрудникам поддерживать более разнообразные социальные связи. Однако в условиях коммерциализации эта разница стирается, и возникает вопрос о необходимости включения в социальную политику мер по пост-трудовой реабилитации пенитенциарных сотрудников. Психологическое благополучие персонала, их удовлетворенность работой и уверенность в завтрашнем дне являются важнейшими факторами, определяющими поведение в кризисных ситуациях. Современные пенитенциарные системы активно внедряют цифровые средства контроля: камеры видеонаблюдения с распознаванием лиц, датчики движения, алгоритмы прогнозирования насилия. Эти технологии могут компенсировать недостаток персонала, но создают новые риски, связанные с дегуманизацией надзора и ошибочностью алгоритмов. В частных учреждениях технологическая модернизация часто воспринимается как экономия на труде, что ведет к сокращению и без того недостаточного числа охранников. Однако технологии не могут заменить человеческое присутствие в ситуациях, требующих эмпатии или быстрой интуитивной оценки, когда невербальные сигналы и контекстуальная информация имеют решающее значение.

Заключение

Проведенная систематизация международных исследований позволяет сделать вывод о том, что психологическое благополучие сотрудников пенитенциарных учреждений является комплексным и многофакторным феноменом. Форма собственности (государственная или частная) выступает значимым модератором, однако не является единственным или главным детерминантом стресса. Ключевое значение имеют организационная культура, качество управления, укомплектованность штата и социальная поддержка.

Смещение фокуса с прав собственности на профессиональные стандарты представляет собой не техническую корректировку управленческой парадигмы, а фундаментальный сдвиг в пенитенциарной философии, требующий пересмотра базовых представлений о природе исполнения наказания. Это означает признание того, что любое лишение свободы является глубокой социальной травмой, степень которой определяется не абстрактными принципами, а конкретными действиями людей.

Разработка универсальных программ психологической поддержки, адаптированных под специфику каждого типа учреждения, является приоритетной задачей как для академического сообщества, так и для практиков в области управления персоналом. Игнорирование этих аспектов ведет не только к росту текучести кадров, но и к ухудшению безопасности и условий содержания в местах лишения свободы, что в конечном итоге отражается на всей пенитенциарной системе.

Библиография

1. Балуев, Е. Н. "Пенитенциарная система": плюрализм подходов к обозначению социально-юридического феномена и средства охраны и защиты законности и правопорядка / Е. Н. Балуев // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 3(16). – С. 111-114.
2. Ежова, О. Н. Проблема эффективности пенитенциарного психолога / О. Н. Ежова, Ф. И. Ушков // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 2(33). – С. 125-131.
3. Елагина, А. С. Системные противоречия оказания психологической помощи в пенитенциарной системе: трансформация подходов в международном контексте / А. С. Елагина, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-

критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 9-1. – С. 107-115. – DOI 10.34670/AR.2025.21.62.014.
4. Пак, Г. С. Эмоциональный контроль и этические проблемы профессиональной деятельности / Г. С. Пак, Т. М. Хусяинов // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2018. – № 2(26). – С. 43-54.
5. Новиков, А. В. Частные тюрьмы как инвестиционный инструмент / А. В. Новиков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 1-1. – С. 345-351. – DOI 10.34670/AR.2025.46.74.034.
6. Новиков, А. В. Экономическая целесообразность функционирования частных тюрем: анализ опыта США / А. В. Новиков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – Т. 14, № 12-1. – С. 910-916. – DOI 10.34670/AR.2024.73.75.096.
7. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Воспитательная работа с осужденными впенитенциарной системы США: реабилитационный потенциал гендерного подхода // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 9-1. С. 313-320. DOI: 10.34670/AR.2025.97.97.001
8. Пономарев, С. Б. Синдром тюремной депривации (биологический, социальный и философский аспекты) / С. Б. Пономарев, А. А. Бурт // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2025. – № 1(272). – С. 58-63.
9. Пьенкова А.В. Понятие "габитус" в социологии Пьера Бурдье. (статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 1996. – № 4. – С. 26-47. Bianchi G. et al. Renegotiating Work Identity in Organizational Change: A Processual Analysis of Group Interventions in the Italian Prison System //Mediterranean Journal of Clinical Psychology. – 2026. – Т. 14. – №. 2.
10. Скобелева, О. О. Пенитенциарный стресс как фактор формирования деструктивного поведения сотрудников пенитенциарных систем зарубежных стран / О. О. Скобелева, И. А. Сластунин // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 4(45). – С. 137-143. – DOI 10.37523/SUI.2021.45.4.021.
11. Трофимова, Е. Л. Профессиональные трансформации сотрудников пенитенциарных учреждений / Е. Л. Трофимова // Психология в экономике и управлении. – 2016. – Т. 8, № 1-2. – С. 36-42. – DOI 10.17150/2225-7845.2016.8(1-2).36-42.
12. Costa V. et al. Job stress and burnout among prison staff: a systematic literature review //Journal of criminal psychology. – 2024. – Т. 14. – №. 2. – С. 196-212.
13. Evers T. J. et al. Well-being interventions for correctional officers in a prison setting: A review and meta-analysis //Criminal Justice and Behavior. – 2020. – Т. 47. – №. 1. – С. 3-21.
14. Fallon P. et al. Peer support programs to reduce organizational stress and trauma for public safety workers: a scoping review //Workplace health & safety. – 2023. – Т. 71. – №. 11. – С. 523-535.
15. Ferdik F., Smith H. P., Fix R. L. From practitioner advisory board to change: translating advisory insight into practical wellness initiatives //International Journal of Prison Health. – 2026. – С. 1-15.
16. Lerman A. E., Harney J., Sadin M. Prisons and mental health: Violence, organizational support, and the effects of correctional work //Criminal justice and behavior. – 2022. – Т. 49. – №. 2. – С. 181-199.
17. Okros N., Vîrgă D. From social support to thriving at work via psychological capital: the role of psychosocial safety climate in a weekly study //Journal of Managerial Psychology. – 2025. – Т. 40. – №. 1. – С. 52-66.
18. Owusu Ansah K., Tsabedze W. F., Mapaling C. Effectiveness of well-being interventions among correctional officers: A systematic review and meta-analysis //Journal of Police and Criminal Psychology. – 2025. – Т. 40. – №. 3. – С. 669-684.
19. Ryan C. et al. Prison officer training and education: A scoping review of the published literature //Journal of Criminal Justice Education. – 2022. – Т. 33. – №. 1. – С. 110-138.
20. Smith H. P., Fix R. L., Ferdik F. Enabling correctional officer wellness: Findings from a deliberative stakeholder panel //Corrections. – 2026. – С. 1-12.

Psychological Well-Being of Employees in Penitentiary Institutions: Systematization of International Research

Diana N. Slabkaya

Senior Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article presents a systematization of international research devoted to the problem of psychological well-being of employees in penitentiary institutions. A critical analysis of the traditional dichotomy of "public vs. private" is carried out, demonstrating that the form of ownership itself is not an objective predictor of the psychological climate and the level of distress in the penitentiary environment. Based on the generalization of empirical data, it is shown that the key determinants of psychological well-being are micro-level characteristics of the detention regime: the predictability of the environment, the quality of interpersonal communication, and social support. The mechanisms of influence on the psychological state of participants in penitentiary relations of such factors as professional burnout and staff turnover, ethical dissonance of employees of private penitentiary institutions, as well as gender aspects and the introduction of technological monitoring are revealed. The necessity of shifting the focus of scientific discussions to the development of standardized models of psychological support is substantiated. It is concluded that the psychological safety and resocialization potential of the penitentiary environment are achieved through regulatory mechanisms and a competency-based approach that reduce the level of deprivation and conflict potential regardless of the organizational and legal form of the penitentiary institution.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Psikhologicheskoe blagopoluchie sotrudnikov penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh: sistematizatsiya mezhdunarodnykh issledovaniy [Psychological Well-Being of Employees in Penitentiary Institutions: Systematization of International Research]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 240-249. DOI: 10.34670/AR.2026.89.16.022

Keywords

Psychological well-being, penitentiary stress, public and private prisons, detention regime, psychology of isolation, socio-psychological climate, professional burnout, technological monitoring, psychological support of personnel, social instinct (habitus), resocialization of convicts.

Referencesers

1. Baluev, E. N. \"Penitenciarnaya sistema\": plyuralizm podhodov k oboznacheniyu social'no-yuridicheskogo fenomena i sredstva ohrany i zashchity zakonnosti i pravoporyadka / E. N. Baluev // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. – 2010. – № 3(16). – S. 111-114.
2. Ezhova, O. N. Problema effektivnosti penitenciarnogo psihologa / O. N. Ezhova, F. I. Ushkov // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2019. – № 2(33). – S. 125-131.
3. Elagina, A. S. Sistemnye protivorechiya okazaniya psihologicheskoj pomoshchi v penitenciarnoj sisteme: transformaciya podhodov v mezhdunarodnom kontekste / A. S. Elagina, D. N. Slabkaya // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2025. – T. 14, № 9-1. – S. 107-115. – DOI 10.34670/AR.2025.21.62.014.
4. Pak, G. S. Emocional'nyj kontrol' i eticheskie problemy professional'noj deyatel'nosti / G. S. Pak, T. M. Husyainov // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. – 2018. – № 2(26). – S. 43-54.
5. Novikov, A. V. Chastnye tyur'my kak investicionnyj instrument / A. V. Novikov // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2025. – T. 15, № 1-1. – S. 345-351. – DOI 10.34670/AR.2025.46.74.034.
6. Novikov, A. V. Ekonomicheskaya celesoobraznost' funkcionirovaniya chastnyh tyurem: analiz opyta SShA / A. V. Novikov // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2024. – T. 14, № 12-1. – S. 910-916. – DOI 10.34670/AR.2024.73.75.096.
7. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi vpenitenciarnoj sistemy SShA: reabilitacionnyj potencial gendernogo podhoda // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 9-1. S. 313-320. DOI: 10.34670/AR.2025.97.97.001

8. Ponomarev, S. B. Sindrom tyuremnoj deprivacii (biologicheskij, social'nyj i filosofskij aspekty) / S. B. Ponomarev, A. A. Burt // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2025. – № 1(272). – S. 58-63.
9. P'enkova A.V. Ponyatie \"gabitus\" v sociologii P'era Burd'e. (stat'ya) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya. – 1996. – № 4. – S. 26-47. Bianchi G. et al. Renegotiating Work Identity in Organizational Change: A Processual Analysis of Group Interventions in the Italian Prison System //Mediterranean Journal of Clinical Psychology. – 2026. – T. 14. – №. 2.
10. Skobeleva, O. O. Penitenciarnyj stress kak faktor formirovaniya destruktivnogo povedeniya sotrudnikov penitenciarnyh sistem zarubezhnyh stran / O. O. Skobeleva, I. A. Slastunin // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2021. – № 4(45). – S. 137-143. – DOI 10.37523/SUI.2021.45.4.021.
11. Trofimova, E. L. Professional'nye transformacii sotrudnikov penitenciarnyh uchrezhdenij / E. L. Trofimova // Psihologiya v ekonomike i upravlenii. – 2016. – T. 8, № 1-2. – S. 36-42. – DOI 10.17150/2225-7845.2016.8(1-2).36-42.
12. Costa V. et al. Job stress and burnout among prison staff: a systematic literature review //Journal of criminal psychology. – 2024. – T. 14. – №. 2. – S. 196-212.
13. Evers T. J. et al. Well-being interventions for correctional officers in a prison setting: A review and meta-analysis //Criminal Justice and Behavior. – 2020. – T. 47. – №. 1. – S. 3-21.
14. Fallon P. et al. Peer support programs to reduce organizational stress and trauma for public safety workers: a scoping review //Workplace health & safety. – 2023. – T. 71. – №. 11. – S. 523-535.
15. Ferdik F., Smith H. P., Fix R. L. From practitioner advisory board to change: translating advisory insight into practical wellness initiatives //International Journal of Prison Health. – 2026. – S. 1-15.
16. Lerman A. E., Harney J., Sadin M. Prisons and mental health: Violence, organizational support, and the effects of correctional work //Criminal justice and behavior. – 2022. – T. 49. – №. 2. – S. 181-199.
17. Okros N., Vîrgă D. From social support to thriving at work via psychological capital: the role of psychosocial safety climate in a weekly study //Journal of Managerial Psychology. – 2025. – T. 40. – №. 1. – S. 52-66.
18. Owusu Ansah K., Tsabedze W. F., Mapaling C. Effectiveness of well-being interventions among correctional officers: A systematic review and meta-analysis //Journal of Police and Criminal Psychology. – 2025. – T. 40. – №. 3. – S. 669-684.
19. Ryan C. et al. Prison officer training and education: A scoping review of the published literature //Journal of Criminal Justice Education. – 2022. – T. 33. – №. 1. – S. 110-138.
20. Smith H. P., Fix R. L., Ferdik F. Enabling correctional officer wellness: Findings from a deliberative stakeholder panel //Corrections. – 2026. – S. 1-12.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.23.45.025**

Медиативная функция нотариуса как социально-психологический ресурс предупреждения правовых конфликтов

Слободчиков Илья Михайлович

Доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры русистики,
этноориентированной педагогики и цифровой дидактики
Института русского языка,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: il_grant@mail.ru

Филиппова Ольга Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: il_grant@mail.ru

Аннотация

В статье медиативная функция нотариуса рассматривается как социально-психологический ресурс превентивного правосудия. Показано, что предупреждение правового конфликта зависит не только от юридической корректности документа, но и от качества профессиональной коммуникации, осознанности волеизъявления, доверия к процедуре и способности нотариуса удерживать нейтральную позицию. Уточняется, что медиативность нотариальной деятельности не означает замены нотариуса медиатором, а выражается в использовании принципов конструктивного взаимодействия внутри правовой процедуры: нейтральной коммуникативной позиции, ясного разъяснения последствий, проверки понимания и добровольности, баланса внимания к сторонам, перевода обвинительного общения в предметный разговор. Выделены конфликтогенные зоны нотариальной практики – наследственные отношения, брачно-семейные документы, имущественные сделки, корпоративные отношения и дистанционные нотариальные действия – и описаны соответствующие им психологические риски и медиативные действия нотариуса. Раскрыты компоненты медиативной компетентности: коммуникативная диагностика, нейтральная профессиональная позиция, эмоциональная регуляция, правовое разъяснение в понятной форме и проверка добровольности волеизъявления. Предложена модельная диагностика медиативных показателей в профессиональном обучении нотариусов, основанная на анализе профессиональных действий в типичных нотариальных ситуациях. Сделан вывод о том, что соединение юридической корректности документа и социально-психологической устойчивости

достигнутого результата позволяет рассматривать нотариат как институт превентивного правосудия.

Для цитирования в научных исследованиях

Слободчиков И.М., Филиппова О.В. Медиативная функция нотариуса как социально-психологический ресурс предупреждения правовых конфликтов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 250-258. DOI: 10.34670/AR.2026.23.45.025

Ключевые слова

Медиация, нотариальная деятельность, медиативная функция нотариуса, социально-психологический конфликт, превентивное правосудие, коммуникация, доверие, медиативная компетентность.

Введение

Медиативная функция нотариуса является одной из наиболее перспективных тем на пересечении юридической психологии, социальной психологии конфликта и современной нотариальной практики. Нотариальное действие традиционно понимается как юридически значимая процедура: удостоверение сделки, разъяснение правовых последствий, подтверждение фактов, обеспечение доказательств, оформление наследственных и семейно-имущественных отношений. Однако в реальном профессиональном взаимодействии нотариус почти всегда работает не только с документом, но и с людьми, находящимися в ситуации неопределенности, тревоги, имущественных ожиданий, семейной памяти, недоверия и скрытого противостояния.

В этом смысле нотариальная деятельность не может быть сведена к техническому оформлению волеизъявления. Как показывает Филиппова [Филиппова, 2022; Филиппова, 2023], нотариальная практика имеет выраженный социально-психологический контекст: участник нотариального действия должен не только подписать документ, но и понять его содержание, признать последствия, сохранить ощущение добровольности и доверия к процедуре. Если эти условия нарушаются, юридически корректный документ может оказаться психологически неустойчивым: стороны формально соглашаются с условиями, но сохраняют чувство давления, несправедливости или непонимания.

Теоретическим основанием статьи выступает понимание медиации как социально-психологического феномена. Удавихина [Удавихина, 2021] показывает, что медиация проявляется не только в процедуре, но и в профессиональных подходах, стилях ведения взаимодействия, эмоциональном интеллекте, субъективной успешности и типах межличностных отношений медиатора и участников. Для нотариата этот подход особенно продуктивен, поскольку позволяет рассматривать нотариуса как специалиста, действующего на границе правовой процедуры и социально-психологического регулирования конфликта.

Цель статьи состоит в раскрытии медиативной функции нотариуса как социально-психологического ресурса предупреждения правовых конфликтов. Для достижения этой цели необходимо уточнить содержание медиативной функции, выделить конфликтогенные зоны нотариальной практики, описать компоненты медиативной компетентности нотариуса и предложить модельную схему диагностики ее развития.

Материалы и методы исследования

Медиативная функция нотариуса: от удостоверения документа к профилактике конфликта

Нотариат исторически связан с превентивной защитой права [Ралько, Фомин, 2014]. Его задача состоит не только в том, чтобы подтвердить юридически значимый факт, но и в том, чтобы предупредить будущий спор. В современной практике эта превентивность все чаще зависит от качества коммуникации. Документ может быть составлен в строгом соответствии с законом, но дальнейший конфликт возникает тогда, когда одна из сторон не поняла правовые последствия, воспринимала процедуру как формальную, не имела возможности задать вопрос или считала, что ее интересы были проигнорированы.

Филиппова [Филиппова, 2022] рассматривает организацию службы медиации в нотариальной деятельности как социально-коммуникативную технологию управления конфликтами и противоречиями [Гафнер, 2019]. Это положение важно тем, что переносит акцент с внешней помощи конфликтующим сторонам на внутренний потенциал нотариальной процедуры. Нотариус обладает институциональным доверием, знанием правовых последствий и возможностью организовать общение так, чтобы участники не только услышали норму права, но и соотнесли ее со своими интересами.

Медиативная функция нотариуса не тождественна классической процедуре медиации. В процедуре медиации медиатор сохраняет нейтральность по отношению к содержанию решения и не дает правовой оценки [Федеральный закон № 193-ФЗ, 2010]. Нотариус, напротив, обязан действовать в рамках закона, проверять допустимость документа, разъяснять правовые последствия и отказывать в совершении нотариального действия при нарушении требований. Поэтому медиативность нотариальной деятельности выражается не в замене нотариуса медиатором, а в использовании социально-психологических принципов конструктивного взаимодействия внутри правовой процедуры.

К таким принципам относятся нейтральная коммуникативная позиция, ясное разъяснение последствий, проверка понимания и добровольности, баланс внимания к сторонам, недопущение давления, фиксация существенных условий, перевод обвинительного общения в предметный разговор. В этом отношении нотариальная деятельность сближается с принципиальными переговорами, описанными в работах Гуриевой [Гуриева, 2018]: «жесткость» по отношению к существу вопроса сочетается с корректностью по отношению к участникам взаимодействия.

Результаты и обсуждение

Нотариальная деятельность охватывает разные типы ситуаций, однако наиболее конфликтогенными являются те, где правовой результат связан с распределением ресурсов, семейной историей, признанием статуса или долгосрочными последствиями для отношений. Н.В. Гришина [Гришина, 2018] подчеркивает, что конфликт является не только внешним столкновением, но и переживаемым человеком значимым противоречием. Поэтому в нотариальной практике важно учитывать не только предмет спора, но и субъективный смысл ситуации для ее участников.

В наследственных делах конфликт часто развивается вокруг вопроса справедливости. Имущество становится символом вклада, близости, признания или исключения из семейной системы. В брачно-семейных документах напряжение связано с доверием, автономией, страхом

потери контроля. В корпоративных отношениях центральными становятся вопросы репутации, распределения ответственности и риска. В цифровой нотариальной практике появляются дополнительные трудности: дистанционность снижает объем невербальной информации, а техническая форма общения может усиливать ощущение отчужденности.

Филиппова [Филиппова, 2023] показывает, что социально-психологический контекст нотариальной деятельности проявляется в ожиданиях граждан от нотариуса как от специалиста, который должен не только удостоверить документ, но и обеспечить понятность, безопасность и доверительность процедуры. Это означает, что конфликтогенность нотариального действия связана не только с содержанием документа, но и с тем, как организована коммуникация вокруг него.

Практически значимым является различение явного и скрытого конфликта. Явный конфликт проявляется в споре, прямых возражениях, эмоциональных репликах, отказе подписывать документ. Скрытый конфликт может выражаться в молчании, формальном согласии, напряженной невербалике, неуверенности, перекладывании ответа на другого участника. В обоих случаях нотариус должен сохранять правовую роль, но при этом видеть социально-психологические признаки небезопасного волеизъявления.

В таблице 1 представлены основные конфликтогенные зоны нотариальной практики и возможные медиативные действия нотариуса. Они не заменяют юридическую процедуру, а уточняют ее коммуникативное обеспечение.

Таблица 1 - Конфликтогенные зоны нотариальной практики и медиативные действия нотариуса

Зона практики	Психологический риск	Медиативное действие нотариуса
Наследственные отношения	спор о справедливости долей, семейная память, символическое значение имущества	выявление предмета разногласия, разъяснение последствий, перевод оценок в юридически значимые вопросы
Брачно-семейные документы	страх утраты автономии, недоверие, давление родственников или супруга	раздельная проверка понимания, нейтральные формулировки, пауза для самостоятельного решения
Имущественные сделки	опасение обмана, неравенство информированности, зависимость одной стороны	проверка осознанности условий, уточнение существенных рисков, баланс времени и внимания
Корпоративные отношения	борьба за контроль, репутационные риски, конфликт партнеров	структурирование повестки, фиксация обязанностей, отделение фактов от интерпретаций
Дистанционные действия	снижение невербальной информации, техническая тревога, формальность контакта	проверка идентичности, повторение ключевых последствий, дополнительная фиксация понимания

Компоненты медиативной компетентности нотариуса

Медиативная компетентность нотариуса может быть определена как интегральная профессиональная способность предупреждать и снижать конфликтность нотариальной ситуации средствами правового разъяснения, нейтральной коммуникации, эмоциональной саморегуляции и проверки осознанности волеизъявления. Эта компетентность не является дополнительной «мягкой» надстройкой над юридическими знаниями. Она обеспечивает качество применения права в ситуации межличностного напряжения.

Первый компонент – коммуникативная диагностика. Нотариус должен понимать, где находится источник трудности: в незнании нормы, в расхождении интересов, в эмоциональном недоверии, в давлении со стороны другого участника или в недостаточной осознанности последствий. Без такой диагностики любое разъяснение может оказаться неадресным. Например, подробный рассказ о правовой норме не снижает конфликт, если сторона боится не текста договора, а будущего поведения контрагента.

Второй компонент – нейтральная профессиональная позиция. Она выражается не в безразличии, а в равной дистанции, процедурной справедливости и недопущении коалиции с одной из сторон. Удавихина [Удавихина, 2021] связывает профессиональную деятельность медиатора с типами межличностных отношений и соотношением доминантности и дружелюбия. Для нотариуса это положение важно потому, что чрезмерная директивность может быть воспринята как давление, а чрезмерная уступчивость – как потеря профессиональной границы.

Третий компонент – эмоциональная регуляция. Филиппова [Филиппова, 2023] обращает внимание на роль эмоций в нотариальной сфере. Эмоции участников не следует рассматривать как помеху, которую нужно быстро устранить. Они являются диагностическим сигналом, показывающим, где возникает страх, обида, ощущение несправедливости, недоверие или сопротивление. Задача нотариуса состоит не в психотерапевтической работе с эмоциями, а в том, чтобы не игнорировать их влияние на понимание и добровольность.

Четвертый компонент – правовое разъяснение в понятной форме. Правовая точность не исключает доступности. Участник нотариального действия должен понимать не только формулировку документа, но и последствия: что изменится после подписания, какие права и обязанности возникнут, какие риски сохранятся, какие действия будут невозможны или затруднены. Здесь медиативный смысл нотариальной коммуникации состоит в согласовании юридической формы и субъективного понимания сторон.

Таблица 2 - Компоненты медиативной компетентности нотариуса

Компонент	Содержание	Проявление в практике
Коммуникативная диагностика	видение скрытых интересов, давления, непонимания и эмоционального напряжения	нотариус задает уточняющие вопросы и отделяет правовой запрос от конфликтной истории
Нейтральная позиция	равная дистанция к участникам и отсутствие коалиции	каждая сторона получает равную возможность высказаться и получить разъяснение
Эмоциональная регуляция	сдерживание эскалации без выхода в психотерапевтическую роль	эмоциональная реплика переводится в предметный вопрос
Правовое разъяснение	соединение юридической точности и доступности языка	участник может своими словами объяснить последствия документа
Проверка добровольности	выявление давления, зависимости, формального согласия	решение подтверждается каждым участником самостоятельно

Модельная диагностика медиативных показателей

Для оценки медиативной компетентности нотариуса целесообразно использовать не абстрактные самоотчеты, а анализ профессиональных действий в типичных нотариальных ситуациях. Модельная диагностика может включать наблюдение учебных кейсов, экспертную

оценку речевых действий, самооценку трудностей, анализ типовых конфликтогенных обращений и динамику после обучающего модуля.

В качестве условной эмпирической иллюстрации можно представить диагностический цикл, проведенный в группе нотариусов или специалистов, проходящих повышение квалификации по медиативным аспектам профессионального общения. До начала модуля и после его завершения оцениваются пять показателей: диагностика интересов сторон, нейтральность профессиональной позиции, эмоциональная регуляция, разъяснение последствий, проверка добровольности и понимания. Каждый показатель фиксируется по критерию достижения: участник демонстрирует действие не менее чем на 2 балла из 3 по экспертному рубрикатору.

Рисунок 1 - Социально-психологическая модель медиативной функции нотариуса

Модельное обучение включает разбор наследственных и семейно-имущественных кейсов, тренинг нейтральных формулировок, упражнения на отделение факта от оценки, отработку вопросов проверки понимания, анализ речевых признаков давления и практику завершения сложной консультации. Такая программа не превращает нотариуса в медиатора, но расширяет его способность действовать в предконфликтной и конфликтогенной ситуации профессионально.

Диаграмма на рисунке 2 показывает условную динамику показателей. Наиболее выраженный рост ожидаем по критериям диагностики интересов и проверки добровольности, поскольку именно эти действия часто остаются неформализованными в обычной юридической подготовке. Более умеренная динамика эмоциональной регуляции объясняется тем, что она требует не только знания техник, но и устойчивой профессиональной рефлексии.

Заключение

Таким образом, медиативная функция нотариуса представляет собой не внешнее заимствование из процедуры медиации, а внутренний социально-психологический ресурс нотариальной деятельности. Ее значение состоит в предупреждении конфликтов за счет ясного правового разъяснения, восстановления нарушенной коммуникации, проверки добровольности и поддержания доверия к процедуре.

Для современной нотариальной практики особенно важно различать юридическую

корректность документа и социально-психологическую устойчивость достигнутого результата. Первая обеспечивается соблюдением закона, вторая – качеством профессионального общения, осознанностью волеизъявления и снижением скрытой конфликтности. Только соединение этих уровней позволяет говорить о нотариате как институте превентивного правосудия.

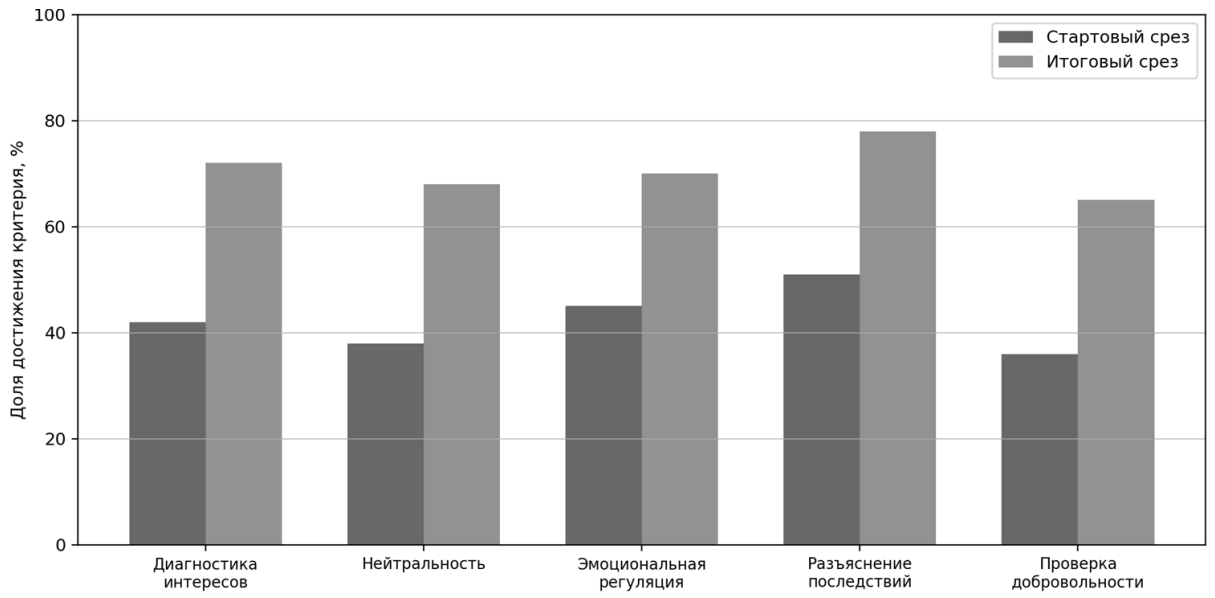

Рисунок 2 - Модельная динамика медиативных показателей после обучающего модуля

Предложенная модель медиативной компетентности может использоваться в программах повышения квалификации нотариусов, в разработке учебных кейсов, в супервизионном анализе сложных профессиональных ситуаций и в дальнейших эмпирических исследованиях нотариальной коммуникации.

Библиография

1. Филиппова О.В. Организация службы медиации как социально-коммуникативной технологии управления конфликтами и противоречиями в нотариальной деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2022. Т. 5. № 6. С. 73-75.
2. Филиппова О.В. Социально-психологический контекст нотариальной деятельности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 11А. С. 237-243. DOI: 10.34670/AR.2023.56.16.032
3. Филиппова О.В. Роль эмоций в нотариальной сфере // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 11А. С. 244-249. DOI: 10.34670/AR.2023.27.34.033
4. Удавихина У.А. Социально-психологические особенности профессиональной деятельности медиатора: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2021. 347 с.
5. Гуриева С.Д. Теория и практика ведения переговоров: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 105 с.
6. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2018. 544 с.
7. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
8. Ралько В.В., Фомин В.А. Нотариат в предотвращении и разрешении юридических конфликтов. Нотариальная медиация: монография. М.: Юрист, 2014. 160 с.
9. Гафнер К.Е. Медиация как социо-коммуникативная технология конфликторазрешения: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2019.

The Mediative Function of the Notary as a Socio-Psychological Resource for the Prevention of Legal Conflicts

Il'ya M. Slobodchikov

Doctor of Psychology, Professor,
Professor of the Department of Russian Studies,
Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Didactics,
Institute of the Russian Language,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Ol'ga V. Filippova

PhD in Law, Associate Professor,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Abstract

The article examines the mediative function of the notary as a socio-psychological resource of preventive justice. It is shown that the prevention of a legal conflict depends not only on the legal correctness of the document, but also on the quality of professional communication, the awareness of the expression of will, trust in the procedure, and the notary's ability to maintain a neutral position. It is clarified that the mediative nature of notarial activity does not mean replacing the notary with a mediator, but is expressed in the use of the principles of constructive interaction within the legal procedure: a neutral communicative position, clear explanation of consequences, verification of understanding and voluntariness, a balance of attention to the parties, and the translation of accusatory communication into a substantive conversation. Conflict-prone zones of notarial practice are identified – inheritance relations, marital and family documents, property transactions, corporate relations, and remote notarial actions – and the corresponding psychological risks and mediative actions of the notary are described. The components of mediative competence are revealed: communicative diagnostics, a neutral professional position, emotional regulation, legal explanation in an understandable form, and verification of the voluntariness of the expression of will. A model diagnostics of mediative indicators in the professional training of notaries is proposed, based on the analysis of professional actions in typical notarial situations. It is concluded that the combination of the legal correctness of the document and the socio-psychological stability of the achieved result allows the notariat to be considered as an institution of preventive justice.

For citation

Slobodchikov I.M., Filippova O.V. (2026) Mediativnaya funktsiya notariusa kak sotsial'no-psikhologicheskiy resurs preduprezhdeniya pravovykh konfliktov [The Mediative Function of the Notary as a Socio-Psychological Resource for the Prevention of Legal Conflicts]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 250-258. DOI: 10.34670/AR.2026.23.45.025

Keywords

Mediation, notarial activity, mediative function of the notary, socio-psychological conflict, preventive justice, communication, trust, mediative competence.

References

1. Filippova O.V. Organization of a mediation service as a socio-communicative technology of managing conflicts and contradictions in notarial activity // International Journal of Medicine and Psychology. 2022. Vol. 5. No. 6. Pp. 73-75.
2. Filippova O.V. The socio-psychological context of notarial activity // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. 2023. Vol. 12. No. 11A. Pp. 237-243. DOI: 10.34670/AR.2023.56.16.032
3. Filippova O.V. The role of emotions in the notarial sphere // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. 2023. Vol. 12. No. 11A. Pp. 244-249. DOI: 10.34670/AR.2023.27.34.033
4. Udavikhina U.A. Socio-psychological features of the professional activity of a mediator: dissertation of the Candidate of Psychological Sciences. St. Petersburg, 2021. 347 p.
5. Gurieva S.D. Theory and Practice of Negotiation: textbook. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2018. 105 p.
6. Grishina N.V. Psychology of Conflict. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2018. 544 p.
7. Federal Law No. 193-FZ of 27.07.2010 «On the alternative procedure for dispute settlement with the participation of a mediator (mediation procedure)».
8. Ralko V.V., Fomin V.A. Notariat in the Prevention and Resolution of Legal Conflicts. Notarial Mediation: monograph. Moscow: Yurist, 2014. 160 p.
9. Gafner K.E. Mediation as a socio-communicative technology of conflict resolution: dissertation of the Candidate of Sociological Sciences. St. Petersburg, 2019.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.30.58.026**

Коммуникативная и эмоциональная регуляция конфликтного взаимодействия в нотариальной деятельности

Слободчиков Илья Михайлович

Доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры русистики,
этноориентированной педагогики и цифровой дидактики
Института русского языка,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: il_grant@mail.ru

Филиппова Ольга Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: il_grant@mail.ru

Аннотация

В статье эмоции в нотариальной деятельности рассматриваются как социально-психологические индикаторы конфликтности, доверия, давления, непонимания и осознанности волеизъявления. Показано, что нотариус не выполняет функцию психолога или классического медиатора, однако нуждается в эмоционально-коммуникативной устойчивости, позволяющей удерживать правовую рамку, снижать эскалацию и обеспечивать добровольность нотариального действия. Описаны наиболее частые эмоциональные проявления участников нотариального действия – тревога, обида, недоверие, гнев, растерянность, стыд и защитное молчание – и профессионально ограниченные способы их регуляции: признание напряжения без оценки, пауза, перевод эмоциональной реплики в предметный вопрос, повторное разъяснение последствий, индивидуальная проверка понимания и добровольности решения. Раскрыта коммуникативная структура медиативного взаимодействия: активное слушание, переформулирование, уточнение интересов, балансирование участия сторон, контроль темпа и пауз, проверка понимания. Уточняется субъектная позиция нотариуса, действующего одновременно в правовой, коммуникативной и этической плоскостях, и различие между нейтральностью нотариуса и нейтральностью медиатора. Представлена модель коммуникативной регуляции и предложена схема оценки эмоционально-коммуникативной устойчивости специалиста по пяти показателям: саморегуляция, эмпатическое слушание, речевая точность, границы роли и профилактика профессионального выгорания.

Для цитирования в научных исследованиях

Слободчиков И.М., Филиппова О.В. Коммуникативная и эмоциональная регуляция конфликтного взаимодействия в нотариальной деятельности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 259-267. DOI: 10.34670/AR.2026.30.58.026

Ключевые слова

Нотариальная деятельность, эмоции, конфликт, коммуникативная регуляция, медиативная компетентность, нейтральность, субъектность сторон, профессиональное выгорание.

Введение

Нотариальная деятельность часто описывается языком правовых норм, полномочий и процедур. Однако ее повседневная практика показывает, что нотариус работает не только с документами, но и с эмоционально насыщенными ситуациями. К нотариусу обращаются в моменты семейного перехода, имущественного выбора, наследственной неопределенности, оформления доверия или юридического разрыва. Поэтому эмоциональный фон нотариальной коммуникации не является случайным сопровождением процедуры, а выступает важным индикатором конфликтности, доверия, осознанности и готовности стороны принять последствия совершаемого действия.

О.В.Филиппова [Филиппова, 2023] подчеркивает, что роль эмоций в нотариальной сфере значительно шире, чем кажется при формально-юридическом рассмотрении. Эмоции могут затруднять понимание документа, усиливать подозрительность, провоцировать давление или, напротив, проявлять скрытую тревогу участника. При этом нотариус не является психологом-консультантом и не должен выходить за границы профессиональной роли. Его задача состоит в том, чтобы обеспечить такую коммуникацию, при которой эмоциональная напряженность не разрушает правовую процедуру и не подменяет свободное волеизъявление.

Социально-психологический подход к нотариальной деятельности позволяет увидеть в ней особый тип институционального взаимодействия. Филиппова [Филиппова, 2023] рассматривает нотариальную практику как сферу, где правовые действия включены в социальные ожидания, отношения доверия, представления о справедливости и коммуникативные барьеры. Следовательно, профессиональная надежность нотариуса зависит не только от знания нормы, но и от способности удерживать эмоционально-коммуникативную рамку взаимодействия [Филиппова, 2019].

В исследованиях медиации Л.Удавихиной [Филиппова, 2019] показано, что профессиональная деятельность медиатора связана с эмоциональным интеллектом, стилем ведения взаимодействия, субъективной успешностью и характером межличностных отношений. Для нотариальной практики эти положения могут быть переосмыслены как основание для анализа эмоционально-коммуникативной устойчивости нотариуса: способности сохранять нейтральность, распознавать напряжение, поддерживать понятность речи и проверять добровольность решения.

Цель статьи – раскрыть коммуникативную и эмоциональную регуляцию конфликтного взаимодействия в нотариальной деятельности как условие медиативной компетентности

нотариуса. В статье рассматриваются эмоции как показатель конфликтогенности, описывается коммуникативная структура медиативного взаимодействия, уточняется субъектная позиция нотариуса и предлагается модельная схема оценки эмоционально-коммуникативной устойчивости.

Материалы и методы исследования

В нотариальной практике эмоции участников часто воспринимаются как фактор, мешающий процедуре. Такая позиция понятна: нотариус обязан действовать строго, беспристрастно и в пределах закона. Однако полное игнорирование эмоционального содержания ситуации может привести к ошибочной оценке добровольности или осознанности волеизъявления. Эмоция сообщает о значимости происходящего для участника, о границе доверия, о страхе утраты, о конфликте ожиданий и о возможном скрытом давлении.

Наиболее частыми эмоциональными проявлениями являются тревога, обида, недоверие, гнев, растерянность, стыд, раздражение и защитное молчание. Тревога может возникать из-за непонимания последствий документа. Обида часто связана с семейной историей и переживанием несправедливости. Недоверие проявляется при корпоративных или имущественных соглашениях. Гнев возникает при ощущении давления или нарушенной справедливости. Молчание и пассивное согласие могут указывать не на спокойствие, а на зависимую позицию участника.

С точки зрения Н.В.Гришиной [Гришина, 2018], конфликт существует как переживаемое значимое противоречие. Поэтому нотариус должен учитывать, что одно и то же действие может восприниматься сторонами по-разному. Для одного участника брачный договор является рациональным способом распределения рисков, для другого – символом недоверия. Для одного наследственное соглашение является способом завершить семейный вопрос, для другого – подтверждением исключения из семейной истории.

Эмоциональная регуляция в нотариальной деятельности не означает длительного обсуждения переживаний. Она включает профессионально ограниченные действия: признание напряжения без оценки, пауза для уточнения, перевод эмоциональной реплики в предметный вопрос, повторное разъяснение последствий, индивидуальная проверка понимания, фиксация того, что решение принимается свободно. Такой подход позволяет не вытеснять эмоцию из процедуры, а превратить ее в сигнал для более точной коммуникации.

Результаты и обсуждение

В таблице 1 представлены основные эмоциональные риски нотариальной коммуникации и способы их профессиональной регуляции. Эти способы не выходят за пределы нотариальной роли, поскольку направлены не на терапию, а на обеспечение понятности, добровольности и правовой устойчивости действия.

Таблица 1 - Эмоциональные риски нотариальной коммуникации и способы профессиональной регуляции

Эмоциональный риск	Типичное проявление	Профессиональное действие нотариуса
Тревога	ускоренное согласие, повторяющиеся вопросы, страх ошибки	пауза, повторное объяснение последствий, проверка понимания своими словами

Эмоциональный риск	Типичное проявление	Профессиональное действие нотариуса
Обида	возврат к прошлым семейным событиям, обвинительные формулировки	перевод эмоциональной оценки в предмет документа и правовое последствие
Недоверие	подозрительность к формулировкам, ожидание скрытого ущерба	уточнение спорного пункта, разъяснение альтернатив и последствий
Гнев	повышенный тон, давление на другую сторону	восстановление правил общения, ограничение взаимных обвинений
Растерянность	молчание, пассивные ответы, ориентация на другого участника	индивидуальная проверка волеизъявления и понимания
Стыд или зависимость	избегание вопросов, согласие без анализа	нейтральное приглашение к уточнению без оценки личности

Коммуникативная структура медиативного взаимодействия

Медиативное взаимодействие строится вокруг восстановления нарушенной коммуникации [Карпенко, Осиновский (ред.), 2016]. В нотариальной деятельности эта задача приобретает особую форму: нотариус не организует полноценную медиационную процедуру, но может использовать отдельные коммуникативные механизмы, позволяющие снизить напряжение и сделать волеизъявление более осознанным. К таким механизмам относятся активное слушание, переформулирование, уточнение интересов, балансирование участия сторон, контроль темпа, паузы и проверка понимания.

Активное слушание в нотариальной ситуации не является свободным психологическим интервью. Оно направлено на выявление юридически значимых обстоятельств и коммуникативных рисков. Нотариус слушает не только содержание вопроса, но и то, что может указывать на непонимание, давление, неравенство участия или эмоциональную фиксацию на прошлом конфликте. Именно поэтому важны короткие уточняющие вопросы: «правильно ли я понимаю, что вас беспокоит именно последствие этого пункта?», «вы хотите уточнить порядок исполнения или саму возможность отказа?», «каждый из участников одинаково понимает это условие?»

Переформулирование позволяет заменить обвинительную или эмоционально резкую реплику нейтральным описанием предмета. Например, высказывание «он хочет оставить меня ни с чем» может быть переведено в вопрос о распределении долей, порядке пользования или гарантиях исполнения. Такое действие не отменяет эмоцию, но не позволяет ей разрушить правовую рамку общения.

Балансирование участия сторон особенно важно в ситуациях, где один участник говорит активно, а другой молчит или отвечает односложно. Нотариус не должен становиться на сторону молчащего участника, но обязан убедиться, что его воля выражена самостоятельно. Здесь медиативное содержание проявляется в равномерной организации общения, а не в оценке справедливости позиций.

Контроль темпа и пауз является недооцененным инструментом профессиональной коммуникации. Быстрое чтение документа и ускоренное подписание могут усиливать тревогу. Пауза после разъяснения сложного пункта, возможность задать вопрос, повторение ключевых последствий простыми словами формируют ощущение процедурной справедливости. В этом смысле коммуникативная точность становится частью правовой безопасности.

Субъектная позиция нотариуса: нейтральность, границы, доверие

Субъектная позиция нотариуса заключается в способности действовать одновременно в трех плоскостях: правовой, коммуникативной и этической. В правовой плоскости нотариус обязан соблюдать закон, проверять документы и разъяснять последствия [Филиппова, 2010]. В

коммуникативной плоскости он организует взаимодействие так, чтобы участники понимали смысл совершаемого действия. В этической плоскости он удерживает нейтральность, уважение и профессиональные границы.

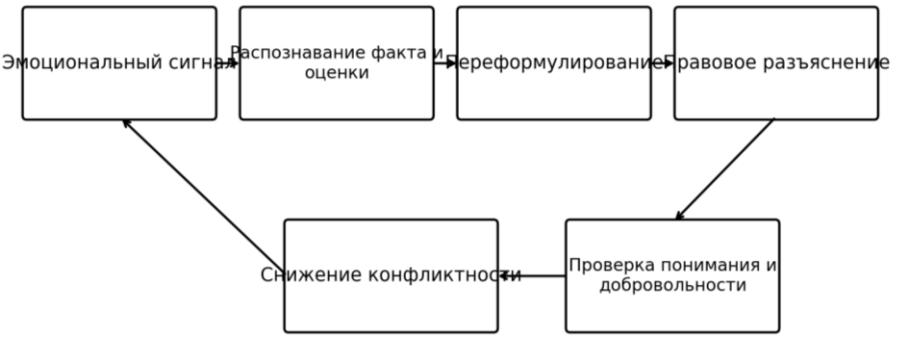

Рисунок 1 - Контур эмоционально-коммуникативной регуляции нотариального взаимодействия

Нейтральность нотариуса отличается от нейтральности медиатора. Медиатор нейтрален к содержанию будущего соглашения, если оно выработано сторонами и не нарушает базовые требования процедуры. Нотариус не может быть нейтрален к законности документа. Однако он должен быть нейтрален к личным предпочтениям участников, к семейным оценкам и к эмоциональным версиям справедливости. Иначе профессиональная коммуникация превращается в скрытую поддержку одной из сторон.

С.Д.Гуриева [Гуриева, 2018], анализируя переговорный процесс, показывает значение сочетания содержательной определенности и корректного взаимодействия. Для нотариуса это означает необходимость быть твердым в правовой позиции и одновременно уважительным в общении. Чрезмерная жесткость усиливает сопротивление и тревогу, а чрезмерная мягкость может размывать границы роли и создавать ожидание, что нотариус будет решать конфликт вместо сторон.

Важным риском является смешение нотариальной коммуникации с психологическим консультированием, юридическим представительством или неформальным примирением. Нотариус не должен становиться семейным арбитром, советчиком одной стороны или эмоциональным посредником без процедурных оснований. Его медиативная компетентность проявляется в другом: в способности увидеть конфликтогенность, удержать рамку закона, обеспечить равное разъяснение и при необходимости рекомендовать обращение к профессиональному медиатору или другому специалисту.

Доверие к нотариусу формируется через последовательность, понятность и предсказуемость. Участники должны видеть, что специалист не торопит, не оценивает их личную историю, не занимает сторону, но ясно объясняет правовые последствия. Именно это доверие делает нотариальное действие психологически устойчивым и снижает вероятность последующих обвинений в давлении, обмане или непонимании.

Таблица 2 - Критерии оценки эмоционально-коммуникативной устойчивости нотариуса

Критерий	Содержание	Способ фиксации
Саморегуляция	способность сохранять ясность и спокойствие при эмоциональном давлении	анализ кейса, самооценка реакции, экспертное наблюдение

Критерий	Содержание	Способ фиксации
Эмпатическое слушание	понимание смысла переживания без перехода к консультированию	переформулирование реплики и удержание правовой рамки
Речевая точность	умение объяснять последствия документа доступно и без упрощения закона	участник повторяет ключевые последствия своими словами
Границы роли	отказ от позиции советчика, судьи или представителя одной стороны	проверка соблюдения нейтральности в сложных кейсах
Профилактика выгорания	сохранение профессионального ресурса после эмоционально тяжелых ситуаций	регулярная рефлексия, режим нагрузки, обсуждение трудных случаев

Модельная эмпирическая схема оценки эмоционально-коммуникативной устойчивости

Для развития медиативной компетентности нотариусов требуется не только теоретическое описание, но и диагностическая логика. Эмоционально-коммуникативную устойчивость можно оценивать через наблюдаемые профессиональные действия: способность распознать напряжение, не потерять нейтральность, переформулировать эмоциональную реплику, разъяснить последствие простым языком, сохранить границы роли и восстановить рабочий темп взаимодействия.

В качестве модельной иллюстрации можно представить программу методической поддержки нотариусов, включающую анализ кейсов, речевые тренажеры, разбор эмоционально трудных ситуаций, упражнения на саморегуляцию и карту профессиональных границ. Оценка проводится до и после программы по пяти показателям: саморегуляция, эмпатическое слушание, речевая точность, границы роли, профилактика выгорания. Каждый показатель выражен в условной шкале от 0 до 100 баллов.

Показатель саморегуляции отражает способность сохранять профессиональную ясность при раздражении, давлении или эмоциональной атаке. Эмпатическое слушание оценивает способность слышать смысл переживания без перехода к психологическому консультированию. Речевая точность показывает, насколько нотариус умеет переводить сложные правовые последствия на понятный язык. Границы роли фиксируют способность не становиться представителем, психологом или судьей сторон. Профилактика выгорания связана с умением восстанавливать ресурс после эмоционально насыщенных профессиональных ситуаций.

Модельные данные на рисунке 2 показывают, что наиболее трудным показателем является профилактика выгорания. Это объясняется тем, что эмоциональная устойчивость зависит не только от отдельных техник, но и от организационных условий: нагрузки, регулярности отдыха, возможности профессионального обсуждения сложных случаев, уровня поддержки профессионального сообщества. В этом контексте работа А.В.Молокоедова, И.М.Слободчикова и С.В.Удовика [Молокоедов, Слободчиков, Удовик, 2018] о профессиональном выгорании значима для понимания рисков нотариальной деятельности в условиях постоянного эмоционального напряжения.

Такая схема оценки может использоваться в учебных целях. Она не является готовой психометрической методикой, но помогает связать обучение нотариусов с конкретными индикаторами поведения. Главное преимущество подхода состоит в том, что эмоциональная устойчивость перестает пониматься как врожденное качество и становится предметом профессионального развития.

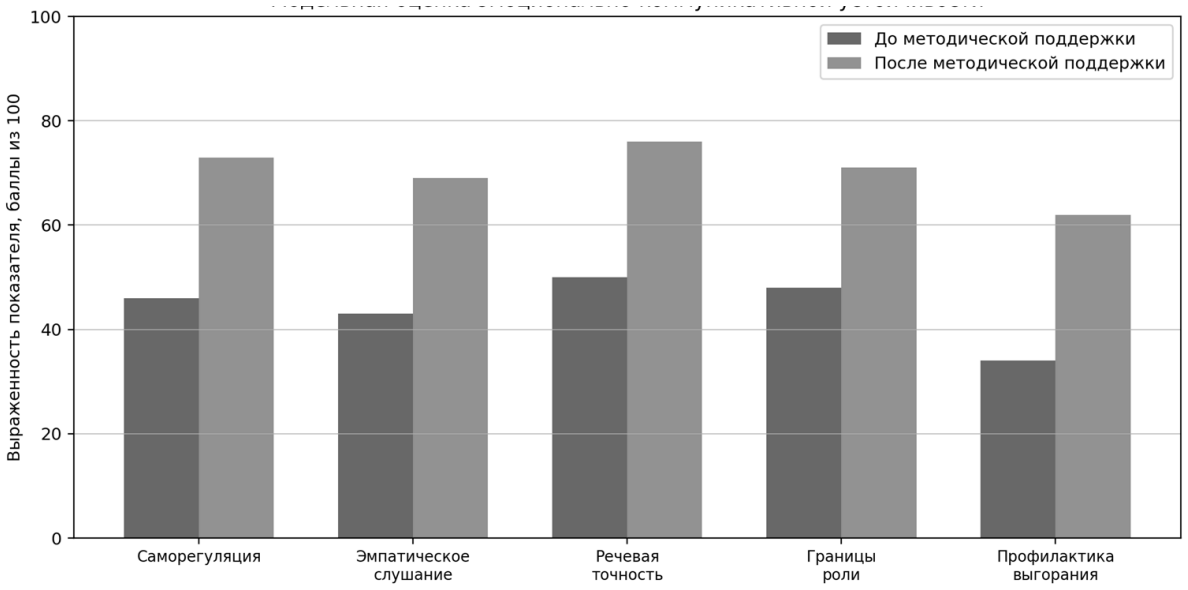

Рисунок 2 - Модельная оценка эмоционально-коммуникативной устойчивости

Заключение

Коммуникативная и эмоциональная регуляция является важным условием качества нотариальной деятельности. Эмоции участников не должны вытесняться из профессионального внимания нотариуса, поскольку они могут указывать на непонимание, давление, недоверие или скрытый конфликт. Вместе с тем нотариус обязан сохранять границы правовой роли и не подменять ее психологическим консультированием или неформальным арбитражем.

Медиативная компетентность в нотариальной деятельности проявляется в способности организовать понятное, нейтральное и уважительное взаимодействие, в котором правовое разъяснение соединяется с проверкой добровольности и осознанности решения. Это особенно важно в семейно-наследственных, имущественных и корпоративных ситуациях, где юридический документ нередко становится формой выражения более глубоких социальных и эмоциональных противоречий.

Предложенная модель эмоционально-коммуникативной устойчивости может служить основой для программ повышения квалификации, профессиональной рефлексии и дальнейших эмпирических исследований нотариальной деятельности как социально-психологического феномена.

Библиография

1. Филиппова О.В. Роль эмоций в нотариальной сфере // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 11А. С. 244-249. DOI: 10.34670/AR.2023.27.34.033
2. Филиппова О.В. Социально-психологический контекст нотариальной деятельности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 11А. С. 237-243. DOI: 10.34670/AR.2023.56.16.032
3. Филиппова О.В. Информационные технологии в нотариальной деятельности // Закон. 2019. № 7. С. 73-81.
4. Филиппова О.В. Нотариат России в механизме защиты прав граждан // Административное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 23-31.
5. Медиация: учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осиновского. СПб.: Статут, 2016.
6. Удавихина У.А. Социально-психологические особенности профессиональной деятельности медиатора: дис. ...

канд. психол. наук. СПб., 2021. 347 с.
7. Гуриева С.Д. Теория и практика ведения переговоров: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 105 с.
8. Молокоедов А.В., Слободчиков И.М., Удовик С.В. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности. М.: Левъ, 2018. 252 с.
9. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2018. 544 с.

Communicative and Emotional Regulation of Conflict Interaction in Notarial Activity

Il'ya M. Slobodchikov

Doctor of Psychology, Professor,
Professor of the Department of Russian Studies,
Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Didactics,
Institute of the Russian Language,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Ol'ga V. Filippova

PhD in Law, Associate Professor,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Abstract

The article examines emotions in notarial activity as socio-psychological indicators of conflict, trust, pressure, misunderstanding, and awareness of will expression. It is shown that the notary does not perform the function of a psychologist or a classical mediator but requires emotional-communicative stability that allows maintaining the legal framework, reducing escalation, and ensuring the voluntariness of the notarial act. The most frequent emotional manifestations of participants in a notarial act are described – anxiety, resentment, distrust, anger, confusion, shame, and defensive silence – as well as professionally limited methods of their regulation: acknowledging tension without evaluation, pausing, translating an emotional remark into a substantive question, re-explaining the consequences, and individually verifying understanding and the voluntariness of the decision. The communicative structure of mediative interaction is revealed: active listening, reformulation, clarification of interests, balancing the participation of the parties, controlling pace and pauses, and checking understanding. The subjective position of the notary, acting simultaneously in the legal, communicative, and ethical planes, is clarified, as well as the difference between the neutrality of the notary and the neutrality of the mediator. A model of communicative regulation is presented, and a scheme for assessing the emotional-communicative stability of a specialist is proposed based on five indicators: self-regulation, empathic listening, speech accuracy, role boundaries, and prevention of professional burnout.

For citation

Slobodchikov I.M., Filippova O.V. (2026) Kommunikativnaya i emotsional'naya regulyatsiya konfliktnogo vzaimodeystviya v notarial'noy deyatel'nosti [Communicative and Emotional Regulation of Conflict Interaction in Notarial Activity]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 259-267. DOI: 10.34670/AR.2026.30.58.026

Keywords

Notarial activity, emotions, conflict, communicative regulation, mediative competence, neutrality, subjectivity of the parties, professional burnout.

References

1. Filippova O.V. The role of emotions in the notarial sphere // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. 2023. Vol. 12. No. 11A. Pp. 244-249. DOI: 10.34670/AR.2023.27.34.033
2. Filippova O.V. The socio-psychological context of notarial activity // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. 2023. Vol. 12. No. 11A. Pp. 237-243. DOI: 10.34670/AR.2023.56.16.032
3. Filippova O.V. Information technologies in notarial activity // Zakon. 2019. No. 7. Pp. 73-81.
4. Filippova O.V. The Russian notariat in the mechanism of protection of citizens' rights // Administrative and Municipal Law. 2010. No. 10. Pp. 23-31.
5. Mediation: textbook / ed. by A.D. Karpenko, A.D. Osinovsky. St. Petersburg: Statut, 2016.
6. Udavikhina U.A. Socio-psychological features of the professional activity of a mediator: dissertation of the Candidate of Psychological Sciences. St. Petersburg, 2021. 347 p.
7. Gurieva S.D. Theory and Practice of Negotiation: textbook. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2018. 105 p.
8. Molokoedov A.V., Slobodchikov I.M., Udovik S.V. Emotional Burnout in Professional Activity. Moscow: Lev, 2018. 252 p.
9. Grishina N.V. Psychology of Conflict. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2018. 544 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.55.90.027**

Динамика ценностно-мотивационной регуляции лидерского поведения студентов строительного университета: от нормативной адаптации к ценностному конфликту

Хрулев Егор Александрович

Аспирант,
Московский педагогический государственный университет,
119435, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1;
e-mail: khrulove-work@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования ценностно-мотивационных детерминант лидерского поведения студентов строительного вуза (НИУ МГСУ, N = 1503: 1-й курс – 892 чел., выпускники – 611 чел.). Использован комплекс методик платформы «Россия – страна возможностей». Установлено, что на первом курсе лидерство носит нормативно-адаптивный характер, детерминируясь стрессоустойчивостью и следованием правилам. У выпускников регуляторами лидерства выступают мотиваторы управления, карьеры и вызова, что свидетельствует о переходе от реактивного к проактивному лидерству. Выявлена отрицательная корреляционная связь лидерства с ценностью Честности и справедливости у выпускников ($r = –0,20$; $p \leq 0,05$), интерпретируемая как ценностный конфликт – маркер начинающейся профессиональной деформации. Обоснована необходимость психологического сопровождения ценностно-смысловой сферы студентов на этапе профессиональной подготовки.

Для цитирования в научных исследованиях

Хрулев Е.А. Динамика ценностно-мотивационной регуляции лидерского поведения студентов строительного университета: от нормативной адаптации к ценностному конфликту // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 268-277. DOI: 10.34670/AR.2026.55.90.027

Ключевые слова

Ценностно-мотивационные детерминанты, лидерское поведение, ценностный конфликт.

Введение

Современные вызовы системы высшего образования, обусловленные цифровизацией, нестабильностью рынка труда и сменой ценностных парадигм, актуализируют проблему подготовки не просто компетентных, но и социально зрелых специалистов, способных к проактивному лидерству и принятию ответственности в условиях неопределённости. Особое значение эта проблема приобретает в технических, в частности строительных, университетах, где профессиональная подготовка традиционно ориентирована на формирование жёстких профессиональных навыков, тогда как развитие лидерского потенциала и социальной гибкости часто остаётся на периферии образовательного процесса. В этой связи исследование ценностно-мотивационных детерминант лидерского поведения у студентов строительного вуза представляет как теоретический, так и прикладной интерес, позволяя выявить ключевые регуляторы становления лидерства на разных этапах профессионализации.

Теоретический анализ показывает, что в мировой и отечественной психологии феномен лидерства рассматривается в нескольких парадигмах. Классические теории лидерства, восходящие к работам К. Левина (1939), Р. Липпита и Р. Уайта [Левин, Липпит, Уайт, 1939], акцентировали стилевые характеристики и ситуативную природу лидерского поведения. В дальнейшем трансформационные и транзакционные модели лидерства Б. Басса (1985, 1999) и его последователей вывели на первый план мотивационные и ценностные аспекты: харизматическое лидерство стало связываться с внутренними убеждениями, смыслообразующими мотивами и ориентацией на долгосрочные цели. [Bass, 1985; Bass, Avolio, 1999; Avolio, Yammarino, 2013]

В наборе исследований лидерских качеств особое место занимает теория мотивации достижения Д. Макклелланда (1961, 1985) [Макклелланд, 1961], в которой лидерство напрямую связано с выраженностью трёх базовых мотивов: власти, достижения и аффилиации. Эта концепция нашла эмпирическое подтверждение в многочисленных кросс-культурных исследованиях, показавших, что мотивационный профиль является устойчивым предиктором лидерского поведения, однако его выраженность модифицируется под влиянием профессиональной и образовательной среды. [Schüler, König, Klein, 2019]

В отечественной психологии проблема лидерства традиционно изучалась в контексте социально-психологических феноменов малых групп (А.Л. Журавлёв, 2005; Р.Л. Кричевский, 2007) [Журавлев, 2005; Кричевский, 2007] и ценностно-смысловой регуляции поведения (Д.А. Леонтьев, 1999, 2016) [Леонтьев, 1999]. Согласно теории смысловой регуляции, лидерство выступает не столько поведенческим паттерном, сколько формой реализации личностных смыслов, где ценности выполняют функцию высших регуляторов. Однако работ, посвящённых возрастной и профессиональной динамике ценностно-мотивационных детерминант лидерства, особенно в студенческих выборках, крайне мало.

Особую значимость приобретает анализ ценностно-мотивационной сферы студентов в контексте профессионального становления. Ряд исследований подтверждает, что за время обучения в вузе происходит трансформация ценностных ориентаций от идеалистических, связанных с самоактуализацией и саморазвитием, к прагматическим, ориентированным на карьерный рост и материальное благополучие. [Толмачева, Ребышева, Давлетшина, 2024] Этот феномен рассматривается как нормативный этап профессионализации, однако его связь с лидерским поведением остаётся малоизученной.

На текущий момент в зарубежной литературе актуальна проблематика ценностного

конфликта в процессе становления лидерства. Так, в работах Ф. О. Уолумбва [Walumbwa et al., 2008] показано, что успешные лидеры в высокорегламентированных сферах деятельности (инженерия, строительство, финансы) демонстрируют более низкие показатели по шкалам «Универсализм» и «Доброта» ценностной модели Ш. Шварца, что интерпретируется как профессиональная адаптация. Другие исследования фиксируют отрицательную связь между лидерскими амбициями и эмпатией в профессиях с высоким уровнем нормативной регуляции [Белоконь, 2008].

Строительная отрасль представляет собой специфическую профессиональную среду. Она характеризуется жёсткой регламентацией, иерархичностью управленческих структур и высокой ответственностью за жизнь и здоровье людей. Это влияет на формирование ценностно-смысловых установок студентов. Недавние исследования показывают, что студенты строительных специальностей к выпуску демонстрируют снижение гибкости мышления и креативности, что связывается с «нормативным прессингом» профессий. [Зеер, Сыманюк, 2016]

Существует также проблема «этического дрейфа», когда ориентация на карьеру и лидерство у студентов старших курсов сопровождается снижением значимости универсальных ценностей, таких как Гуманизм, Социальная справедливость, Толерантность [Бандура, 1999]. Эти данные согласуются с классической теорией профессионального развития Д. Сьюпера , постулирующей, что на этапе становления профессиональной идентичности личность переориентируется с «ценностей бытия» на «ценности обладания». [Пьянкова, 2021]

Ключевой категорией настоящего исследования выступают ценности как устойчивые регуляторы социального поведения. В отечественной психологии ценности понимаются как «осознанные смысловые образования, выступающие в качестве оснований для выбора жизненных целей и способов их достижения». В структуре ценностно-смысловой сферы личности они выполняют функцию высших регуляторов, определяя направленность активности и способы взаимодействия с социальным миром. [Асмолов, 2002] В настоящем исследовании операционализация ценностного профиля осуществлялась на основе шести базовых категорий, отражающих различные аспекты ценностно-смысловой регуляции поведения студентов строительного университета: *Гуманизм* – как ценность признания достоинства и прав каждого человека, лежащая в основе просоциального поведения; *Здоровый образ жизни* – как ценность физического и психологического благополучия, выступающая ресурсом стрессоустойчивости; *Патриотизм* – как ценность идентификации с национальной культурой и историей, значимая в контексте профессиональной самоидентификации; *Семейные ценности* – как ценность сохранения принадлежности к семейной системе; *Сохранение природы* – как осознание значимости экологической ответственности, отражающая отношение к окружающей среде как к чему-то важному, требующему бережного отношения; *Честность и справедливость* – как принципы, регулирующие моральные основания межличностных и деловых отношений. Данный спектр ценностей, охватывает как личностные, так и социально-ориентированные категории, позволяет репрезентативно оценить специфику ценностно-смысловой регуляции лидерского поведения на разных этапах профессионального становления. Предшествующие исследования показывают, что структура ценностной иерархии студентов технических специальностей отличается от гуманитарных выраженной инструментальностью и прагматичностью уже на начальных курсах, однако вопрос о динамике этих ценностных профилей в контексте становления лидерского поведения остаётся дискуссионным, что и определяет исследовательский интерес настоящей работы. [Чухров, 2011]

Методика

Выборку составили 1503 студентов НИУ МГСУ (1-й курс — 892 чел.,; выпускники — 611 чел.). Использован комплекс методик платформы «Россия – страна возможностей»: оценка социально-психологических компетенций (на основе модели Д. Макклелланда), ценностного профиля (6 шкал: Гуманизм, ЗОЖ, Патриотизм, Семейные ценности, Сохранение природы, Честность и справедливость) и мотивационного профиля (16 мотиваторов, на основе теорий Э. Деси и Р. Райана, Ш. Шварца). Результаты представлены в интервале 200–800 баллов. Статистическая обработка: коэффициент корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты

В 2025/26 учебном году автором было проведено тестирование обучающихся ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московских государственный строительный университет» на платформе автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» (АНО «РСВ»). В настоящем исследовании в качестве ключевых психологических конструктов рассматриваются лидерское поведение (способность брать на себя ответственность, организовывать деятельность группы и влиять на её эффективность) и его ценностно-мотивационные детерминанты (система ценностных и мотивационных регуляторов, определяющих направленность лидерской активности, включая ориентацию на управление, карьеру, вызов, а также ценности Гуманизма, Честности и справедливости, Здорового образа жизни, Семейных ценностей, Патриотизма и Сохранения природы). Результаты исследования представлены на табл. 1-4

Таблица 1 - Взаимосвязь лидерского поведения с компетенциями у обучающихся 1-го курса

Переменная	Лидерство
Стрессоустойчивость	r = 0.29
Следование правилам и процедурам	r = 0.24
Ориентация на результат	r = 0.26
Саморазвитие	r = 0.25

На первом курсе лидерское поведение статистически значимо связано с показателями стрессоустойчивости ($r = 0{,}29$; $p \leq 0{,}01$), следования правилам ($r = 0{,}24$; $p \leq 0{,}01$), ориентации на результат ($r = 0{,}26$; $p \leq 0{,}01$) и саморазвития ($r = 0{,}25$; $p \leq 0{,}01$). При этом не выявлено значимых корреляций с коммуникативными навыками и эмоциональным интеллектом, что указывает на преимущественно инструментально-адаптивный характер лидерства на начальном этапе обучения.

Таблица 2 - Взаимосвязь лидерского поведения с компетенциями у обучающихся выпускных курсов

Переменная	Лидерство
Управление	r = 0.35
Карьера	r = 0.32
Вызов	r = 0.28
Саморазвитие	r = 0.23

У выпускников структура корреляционных связей лидерства претерпевает качественную трансформацию. На первый план выходят мотиваторы управления ($r = 0,35$; $p \leq 0,01$), карьеры ($r = 0,32$; $p \leq 0,01$) и вызова ($r = 0,28$; $p \leq 0,01$). Связь с нормативным поведением (следование правилам) и стрессоустойчивостью нивелируется, что свидетельствует о переходе от «лидерства-исполнительства» к «лидерству-управлению», базирующемуся на внутренних мотивах достижения и власти.

Таблица 3 - Сравнение ценностных профилей студентов 1-го и выпускных курсов

Ценности и мотиваторы	1 курс	Выпускники
Здоровый образ жизни	559.1	536.5
Семейные ценности	553.3	534.1
Гуманизм	537.1	530.4
Сохранение природы	526.5	521.6
Патриотизм	523.3	518.3

Все базовые ценности демонстрируют тенденцию к снижению к выпуску, за исключением Честности и справедливости, которая статистически значимо возрастает (+4,9; $p < 0,05$). Наиболее выраженное падение зафиксировано по ценностям Здорового образа жизни (-22,6) и Семейных ценностей (-19,2). Рост значимости Честности и справедливости может интерпретироваться как инструментализация ценности – она начинает восприниматься не как абстрактный идеал, а как необходимое профессиональное качество.

Таблица 4 - Взаимосвязь лидерского поведения с ценностными и мотивационными регуляторами

	1 курс	Выпускники
Следование правилам	r = 0.24	r = 0.16
Стрессоустойчивость	r = 0.29	r = 0.05
Управление	r = 0.08	r = 0.35
Карьера	r = 0.06	r = 0.32
Вызов	r = 0.14	r = 0.28
Честность и справедливость		r = -0.20

Наиболее ярким результатом исследования является смена регуляторного контура лидерства: от нормативного и стрессового (1-й курс) к мотивационно-инструментальному (выпускники). У выпускников выявлена отрицательная корреляционная связь между лидерским поведением и ценностью Честности и справедливости ($r = -0,20$; $p \leq 0,05$). Это указывает на то, что студенты, ориентированные на лидерство, к моменту выпуска демонстрируют снижение значимости честности как регулятора поведения. Данный факт может рассматриваться как эмпирический маркер профессионально-ценностного конфликта**.**

Обсуждение

Интерпретация полученных результатов осуществлялась в контексте современных теоретических подходов к пониманию лидерства, профессионального развития и ценностно-смысловой регуляции личности.

Как показано в Таблице 1, на первом курсе лидерское поведение статистически значимо коррелирует со стрессоустойчивостью ($r = 0,29$; $p \leq 0,01$), следованием правилам и процедурам

($r = 0,24$; $p \leq 0,01$), ориентацией на результат ($r = 0,26$; $p \leq 0,01$) и саморазвитием ($r = 0,25$; $p \leq 0,01$). При этом не выявлено значимых корреляций с коммуникативными навыками и эмоциональным интеллектом, что указывает на преимущественно инструментально-адаптивный характер лидерства на начальном этапе обучения.

Данный результат позволяет предложить конструкт *«адаптивного лидерства»* как феномена, возникающего на этапе вхождения в профессиональную среду. Студент на первом курсе сталкивается с необходимостью освоения новых нормативных требований, адаптации к учебной нагрузке и выстраивания социальных связей в новом коллективе. В этих условиях лидерское поведение становится преимущественно реактивным и ситуативным: студент проявляет лидерские качества тогда, когда это требуется для успешного выполнения нормативных требований или преодоления стрессовых ситуаций. Как показывают исследования А.Г. Асмолова (2002), на начальных этапах социализации именно внешние регуляторы (правила, нормы) играют доминирующую роль в организации активности личности.

Стрессоустойчивость как регулятор лидерства на первом курсе заслуживает отдельного внимания. Высокая корреляционная связь ($r = 0,29$; $p \leq 0,01$) указывает на то, что в условиях кризиса адаптации лидерские качества актуализируются как ресурс преодоления. Это согласуется с положениями ресурсного подхода к стрессу, согласно которому в стрессогенных условиях личности активируют имеющиеся психические ресурсы. [Лазарус, Фолкман, 1984] Отсутствие корреляций с коммуникацией ($r = 0,10$) и эмоциональным интеллектом ($r = 0,05$) подтверждает ситуативный характер лидерства: оно базируется на способности эффективно функционировать в условиях нормативной неопределённости, а не на социальной чувствительности.

Как демонстрирует Таблица 2, у выпускников структура корреляционных связей лидерства претерпевает значительную трансформацию. На первый план выходят мотиваторы управления ($r = 0,35$; $p \leq 0,01$), карьеры ($r = 0,32$; $p \leq 0,01$) и вызова ($r = 0,28$; $p \leq 0,01$). Связь с нормативным поведением и стрессоустойчивостью исчезает, что свидетельствует о переходе от «лидерства-исполнительства» к *«лидерству-управлению»*, базирующемуся на внутренних мотивах достижения и власти.

Данный результат находит теоретическое обоснование в концепции мотивации Д. Макклелланда (1961), согласно которой зрелое лидерство неразрывно связано с выраженностью мотивов власти и достижения. Из данных исследования видно, что этот переход осуществляется к моменту завершения обучения, что свидетельствует о нормативном характере профессионального развития в условиях университета. Студенты-выпускники, демонстрирующие лидерские качества, воспринимают себя уже не как «исполнителей», а как потенциальных организаторов» производственных процессов. Мотиватор вызова ($r = 0,28$; $p \leq 0,01$) также входит в регуляторный контур, что согласуется с исследованиями [11], показывающими, что эффективные лидеры в технических сферах характеризуются готовностью решать нестандартные задачи.

Нивелирование связи со стрессоустойчивостью ($r = 0,05$; $p > 0,05$) свидетельствует о том, что к выпуску лидерское поведение перестаёт быть реакцией на внешний стрессовый фактор и становится внутренне детерминированным. Это соответствует переходу от реактивных к проактивным стратегиям совладания: лидер-выпускник не просто «выдерживает» давление, а проактивно формирует среду.

Как показано в Таблице 3, все базовые ценности демонстрируют тенденцию к снижению к выпуску, за исключением Честности и справедливости, которая статистически значимо возрастает (+4,9; $p < 0,05$). Наиболее выраженное падение зафиксировано по ценностям Здорового образа жизни (-22,6; $p \leq 0,01$) и Семейных ценностей (-19,2; $p \leq 0,01$).

Снижение ценностей ЗОЖ и Семьи интерпретируется как нормативный процесс переориентации с «ценностей бытия» на «ценности достижения». Столь значительная амплитуда изменений ставит вопрос о риске пренебрежения личными сферами жизни в пользу профессиональных, что, как было показано в исследованиях К. Маслач (1982), является предиктором эмоционального выгорания. [Трухан, 2024] Снижение Гуманизма (-6,7; $p \leq 0,05$) укладывается в логику профессионализации в технической среде, где человекоцентричные ценности могут восприниматься как помеха эффективности – феномен, обозначенный как *«этический дрейф»*.

Таблица 4 наглядно демонстрирует противоположную направленность изменений: от нормативного поведения ($r = 0,24 \rightarrow 0,16$) и стрессоустойчивости ($r = 0,29 \rightarrow 0,05$) к мотиваторам управления ($r = 0,08 \rightarrow 0,35$) и карьеры ($r = 0,06 \rightarrow 0,32$). Это свидетельствует о *смене регуляторной парадигмы* – от внешней, нормативно-стрессовой регуляции к внутренней, мотивационно-инструментальной, что может быть описано в терминах теории интериоризации Л.С. Выготского. Особый интерес представляет тенденция к ослаблению связи лидерства с ценностью Гуманизма (с +0,05 до -0,09). Хотя эта динамика не достигает статистической значимости, её вектор может указывать на начинающийся ценностный конфликт.

Наиболее значимым результатом является отрицательная корреляционная связь между лидерским поведением и ценностью Честности и справедливости у выпускников. Студенты, ориентированные на лидерство, к моменту выпуска демонстрируют снижение значимости честности. Это свидетельствует о возникновении *ценностного конфликта* в структуре профессионального лидерства, который может интерпретироваться через механизм «морального отключения». Данный феномен может быть обозначен как «ценностно-лидерский парадокс»: чем выше лидерский потенциал инженера, тем ниже показатели универсалистских ценностей. Некоторые исследования подтверждают наличие этого парадокса уже на этапе вузовской подготовки, что открывает возможности для психолого-педагогической работы. [Hodgson, Paton, Cicmil, 2011]

Заключение

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о качественной трансформации ценностно-мотивационной регуляции лидерского поведения в процессе профессионального становления: от нормативно-адаптивной модели на первом курсе к мотивационно-инструментальной у выпускников. Выявленный ценностный конфликт (отрицательная связь лидерства с Честностью и справедливостью, $r = -0,20$; $p \leq 0,05$) свидетельствует о риске профессиональной деформации уже на этапе вузовской подготовки. Полученные результаты обосновывают необходимость разработки психологических программ, направленных на рефлексивное осознание ценностных диспозиций и интеграцию карьерных и этических ориентиров у студентов строительных специальностей.

Библиография

1. Левин, К., Липпит, Р., & Уайт, Р. (1939). Types of leadership: Methodological study. In D. Cartwright (Ed.), *Field methods in social psychology* (pp. 141–168). Harper & Row.
2. Bass, B. M. Leadership and Performance Beyond Expectations / B. M. Bass. — New York : Free Press, 1985. — 320 p. — ISBN 0029024008
3. Bass, B. M. Transformational Leadership: Industry, Military, and Educational Impact / B. M. Bass, B. R. Avolio. — Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1999. — 392 p. — ISBN 0805833895
4. Avolio B.J., Yammarino F.J. Transformational and Charismatic Leadership: The Road Ahead / B.J. Avolio, F.J. Yammarino. – Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2013. – 345 c.

5. Макклелланд, Д. Общество достижения целей = The Achieving Society / Д. Макклелланд. – Нью-Джерси : Van Nostrand, 1961. – 330 с.
6. Schüler, J., König, C. J., & Klein, C. T. A meta-analysis of the relations between personality and workplace deviance: Big Five versus HEXACO // Journal of Personality and Social Psychology. – 2019. – Vol. 116, No. 5. – P. 801-821. – DOI: 10.1037/pspp0000209
7. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 640 с.
8. Кричевский Р.Л. Психология лидерства: учебное пособие / Р.Л. Кричевский. – М.: Статут, 2007. – 541 с. – ISBN 5-8354-0353-4.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
10. Толмачева Светлана Владимировна, Ребышева Лидия Васильевна, Давлетшина Эльвира Валерьевна Ценностные ориентации молодежи: по результатам социологического исследования // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-molodezhi-po-rezultatam-sotsiologicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 13.08.2026).
11. Walumbwa, F. O. Authentic leadership: Development and validation of a theory-based measure / F. O. Walumbwa, B. J. Avolio, W. L. Gardner, T. S. Wernsing, S. J. Peterson // Journal of Management. – 2008. – Vol. 34, № 1. – P. 89-126. – DOI: 10.1177/0149206307308913.
12. Белоконь Ольга Владимировна Эмоциональный интеллект и феномен лидерства: эксперимент «Строим вместе» // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-i-fenomen-liderstva-eksperiment-stroim-vmeste (дата обращения: 18.08.2026).
13. Зеер, Э. Ф., & Сыманюк, Э. Э. (2016). Психологические особенности профессионального развития в поздней зрелости. Образование и наука, (2), 4–18.
14. Бандура, А. Моральное разотождествление при совершении бесчеловечных действий / А. Бандура // Personality and Social Psychology Review. – 1999. – Т. 3, № 3. – С. 193-209. – DOI: 10.1207/s15327957pspr0303_3
15. Пьянкова Л. А. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ // Вестник СибГИУ. 2021. №1 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-zarubezhnyh-kontseptsiy-professionalnogo-samoopredeleniya (дата обращения: 18.08.2026).
16. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
17. Чухров А. С. Личностно-мотивационные аспекты профессионального выбора студентов инженерно-технических специальностей // МНКО. 2011. №4-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-motivatsionnye-aspekty-professionalnogo-vybora-studentov-inzhenerno-tehnicheskih-spetsialnostey (дата обращения: 13.08.2026).
18. Лазарус Р. С., Фолкман С. Стресс, оценка и совладание: монография / пер. с англ. — Москва: Смысл, 1984. — 448 с.
19. Иванова Татьяна Юрьевна Теория сохранения ресурсов как объяснительная модель возникновения стресса // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sohraneniya-resursov-kak-obyasnitelnaya-model-vozniknoveniya-stressa (дата обращения: 10.08.2026).
20. Трухан Елена Антоновна Концепция выгорания К. Маслак: синдром и процесс // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vygoraniya-k-maslak-sindrom-i-protsess (дата обращения: 20.08.2026).
21. Hodgson, D., Paton,P. and Cicmil, S. (2011) Great expectations and hard times: The paradoxical experience of the engineer as project manager. International Journal of Project Management , 29 (24). pp. 374-382.]

Dynamics of Value-Motivational Regulation of Leadership Behavior in Construction University Students: From Normative Adaptation to Value Conflict

Egor A. Khrulev

Postgraduate Student,
Moscow Pedagogical State University,
119435, 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: khrulove-work@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of an empirical study of value-motivational determinants of leadership behavior in students of a construction university (NRU MGSU, N = 1503: 1st year – 892 people, graduates – 611 people). A set of methods from the "Russia – Land of Opportunities" platform was used. It has been established that in the first year, leadership is of a normative-adaptive nature, being determined by stress resistance and adherence to rules. Among graduates, the regulators of leadership are the motivators of management, career, and challenge, which indicates a transition from reactive to proactive leadership. A negative correlation between leadership and the value of Honesty and Justice was revealed among graduates ($r = –0.20$; $p \leq 0.05$), interpreted as a value conflict – a marker of incipient professional deformation. The necessity of psychological support for the value-semantic sphere of students at the stage of professional training is substantiated.

For citation

Khrulev E.A. (2026) Dinamika tsennostno-motivatsionnoy regulyatsii liderskogo povedeniya studentov stroitel'nogo universiteta: ot normativnoy adaptatsii k tsennostnomu konfliktu [Dynamics of Value-Motivational Regulation of Leadership Behavior in Construction University Students: From Normative Adaptation to Value Conflict]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 268-277. DOI: 10.34670/AR.2026.55.90.027

Keywords

Value-motivational determinants, leadership behavior, value conflict.

References

1. Levin K., Lippitt R., White R. (1939). Types of Leadership: Methodological Study. In D. Cartwright (Ed.), *Field Methods in Social Psychology* (pp. 141–168). Harper & Row.
2. Bass B.M. (1985). *Leadership and Performance Beyond Expectations*. Free Press.
3. Bass B.M., Avolio B.R. (1999). *Transformational Leadership: Industry, Military, and Educational Impact*. Lawrence Erlbaum Associates.
4. Avolio B.J., Yammarino F.J. (2013). *Transformational and Charismatic Leadership: The Road Ahead*. Emerald Group Publishing Limited.
5. McClelland D. (1961). *The Achieving Society*. Van Nostrand.
6. Schüler J., König C.J., Klein C.T. (2019). A Meta-Analysis of the Relations Between Personality and Workplace Deviance: Big Five Versus HEXACO. *Journal of Personality and Social Psychology*, 116(5), 801-821. DOI: 10.1037/pspp0000209.
7. Zhuravlev A.L. (2005). *Psikhologiya sovmestnoy deyatel'nosti* [Psychology of Joint Activity]. Institut psikhologii RAN.
8. Krichevsky R.L. (2007). *Psikhologiya liderstva* [Psychology of Leadership]. Statut.
9. Leontiev D.A. (1999). *Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Meaning Reality]. Smysl.
10. Tolmacheva S.V., Rebysheva L.V., Davletshina E.V. (2024). Tsennostnyye oriyentatsii molodezhi: po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya [Value Orientations of Youth: Based on the Results of a Sociological Study]. *Izvestiya vuzov. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-molodezhi-po-rezultatam-sotsiologicheskogo-issledovaniya (accessed: 13.08.2026).
11. Walumbwa F.O., Avolio B.J., Gardner W.L., Wernsing T.S., Peterson S.J. (2008). Authentic Leadership: Development and Validation of a Theory-Based Measure. *Journal of Management*, 34(1), 89-126. DOI: 10.1177/0149206307308913.
12. Belokon O.V. (2008). Emotsional'nyy intellekt i fenomen liderstva: eksperiment "Stroim vmeste" [Emotional Intelligence and the Phenomenon of Leadership: The "Building Together" Experiment]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE*, 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-i-fenomen-liderstva-eksperiment-stroim-vmeste (accessed: 18.08.2026).
13. Zeer E.F., Symanyuk E.E. (2016). Psikhologicheskiye osobennosti professional'nogo razvitiya v pozdney zrelosti

[Psychological Features of Professional Development in Late Maturity]. *Obrazovaniye i nauka*, 2, 4-18.
14. Bandura A. (1999). Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3(3), 193-209. DOI: 10.1207/s15327957pspr0303_3.
15. Pyankova L.A. (2021). Analiz sovremennykh zarubezhnykh kontseptsiy professional'nogo samoopredeleniya [Analysis of Modern Foreign Concepts of Professional Self-Determination]. *Vestnik SibGIU*, 1(35). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-zarubezhnyh-kontseptsiy-professionalnogo-samoopredeleniya (accessed: 18.08.2026).
16. Asmolov A.G. (2002). *Po tu storonu soznaniya: metodologicheskiye problemy neklassicheskoy psikhologii* [Beyond Consciousness: Methodological Problems of Non-Classical Psychology]. Smysl.
17. Chukhrov A.S. (2011). Lichnostno-motivatsionnyye aspekty professional'nogo vybora studentov inzhenerno-tekhnicheskikh spetsial'nostey [Personal-Motivational Aspects of Professional Choice of Engineering Students]. *MNKO*, 4-2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-motivatsionnye-aspekty-professionalnogo-vybora-studentov-inzhenerno-tehnicheskih-spetsialnostey (accessed: 13.08.2026).
18. Lazarus R.S., Folkman S. (1984). *Stress, Appraisal and Coping* (Trans. from English). Smysl.
19. Ivanova T.Yu. (2013). Teoriya sokhraneniya resursov kak ob"yasnitel'naya model' vozniknoveniya stressa [Conservation of Resources Theory as an Explanatory Model of Stress Occurrence]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE*, 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sohraneniya-resursov-kak-obyasnitelnaya-model-vozniknoveniya-stressa (accessed: 10.08.2026).
20. Trukhan E.A. (2024). Kontseptsiya vygoraniya K. Maslak: sindrom i protsess [C. Maslach's Burnout Concept: Syndrome and Process]. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta – Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta*, 1. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vygoraniya-k-maslak-sindrom-i-protsess (accessed: 20.08.2026).
21. Hodgson D., Paton P., Cicmil S. (2011). Great Expectations and Hard Times: The Paradoxical Experience of the Engineer as Project Manager. *International Journal of Project Management*, 29(24), 374-382.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.